

BRAINIAC

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
В МИРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИГР

КЕН ДЖЕННИНГС

Замечательная история от человека, сумевшего применить мозг по назначению. Нашим любителям умных игр эта книга откроет новый мир!

— Илья Бер, главный редактор телепередачи «Кто хочет стать миллионером?», чемпион России по спортивному «Что? Где? Когда?», первый чемпион мира по «Брэйн-рингу»

Ken Jennings

Brainiac

Adventures in the Curious, Competitive,
Compulsive World of Trivia Buffs

Кен Дженнингс

Brainiac

Удивительные приключения в мире
интеллектуальных игр

Издательство «Манн, Иванов и Фербер»

Информация от издательства

*Благодарим за рекомендацию книги Илью Бера
Издано с разрешения Ken Jennings c/o The Jud Laghi Agency и Andrew Nurnberg
Literary Agency*

Дженнингс, К.

Brainiac. Удивительные приключения в мире интеллектуальных игр / Кен Дженнингс; пер. с англ. Ильи Бера. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.

ISBN 978-5-00057-119-4

Эта книга Кена Дженнингса, американского программиста и 74-кратного победителя популярной телевизионной викторины Jeopardy!, автобиографична. На примере собственной жизни автор раскрывает закулисы американских телеигр и исследует историю и современность интеллектуальных игр в Америке. Но в первую очередь книга не о нем самом, а о великом феномене тривии. В русском языке нет аналога этого слова, зато сам феномен давно и хорошо знаком.

Тривия — это любой интересный, нетривиальный факт, и вопрос, написанный по этому факту, и игра в вопросы и ответы, построенная на интересных фактах. Все вместе.

Поэтому книга — для людей любопытных. А раз любопытство лежит в основе почти всех представлений человека о мире, то она еще и для людей, стремящихся к знаниям. То есть не только для тех, кто ценит знания как результат, но и для тех, кому нравится сам процесс их приобретения.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

© Ken Jennings, 2006

© Перевод. И. Бер, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014

Предисловие Максима Поташева

Переводчику этой книги не позавидуешь, поскольку речь в ней идет о вещах, не имеющих русского названия. Нет, например, точного перевода на русский язык слова *quiz*. Ближайшим аналогом оказалась «викторина». Получилось забавно: в книге рассказывается о том, как в США было придумано слово «викторина», хотя хорошо известно, что его придумал знаменитый советский журналист Михаил Кольцов. А слово *trivia*, без которого интеллектуальные игры в США просто немыслимы, вообще осталось без перевода. Это говорит о многом. В нашей стране интеллектуальные игры росли из другого корня. Американцы традиционно соревнуются в знании этой самой «тривии» — интересных фактов из разных областей знаний. Для нас же первой и до сих пор главной интеллектуальной игрой остается «Что? Где? Когда» — игра, не имеющая почти никакого отношения к знанию фактов. Игра *Jeopardy!*, в которой и прославился автор книги Кен Дженнингс, при переносе на российскую почву сменила не только название. В нашей «Своей игре» знания, конечно, нужны, но логика, сообразительность, интуиция — гораздо важнее. Зрителю может казаться, что игроки моментально вспоминают ответы на заковыристые вопросы. На самом деле они их обычно придумывают, опираясь на тонкие подсказки, искусно вплетаемые в текст вопроса. По сути, любители интеллектуальных игр в русскоязычном пространстве изначально соревновались и до сих пор продолжают соревноваться в искусстве поиска ассоциаций, образном мышлении и логических рассуждениях. Казалось бы, что общего между их и нашими играми?

Книга Кена Дженнингса поразила меня не детальным описанием телевизионной кухни игровых шоу, хотя для неискушенного читателя это наверняка будет интересно. Я же слишком хорошо знаю, как это делается у нас, и принципиальных отличий в американском телепроизводстве не обнаружил. Впечатлило другое — описание американских интеллектуальных игр, которые не показывают по телевизору. Мне трудно было себе представить, что прагматичные американцы готовы тратить время и деньги, чтобы, съехавшись в

какой-нибудь маленький городок, по гамбургскому счету, без телекамер и радиомикрофонов, выяснить, кто из них лучше умеет отвечать на вопросы... Ну прямо как мы. И это главное открытие, за которое я искренне признателен Кену Дженнингсу. Эффект узнавания потрясающий. Все описанные им типажи игроков мне знакомы до боли. Типажи, кстати, далеко не всегда симпатичные. Но что поделать, неча на зеркало пенять.

Американские любители интеллектуальных игр действительно ничем не отличаются от наших, хотя игры у них совсем другие. Впрочем, а так ли сильно отличаются игры, если внимательно присмотреться? Повторюсь, корни у них разные. Но они на протяжении десятилетий развивались и видоизменялись. И теперь американские игры — отнюдь не только «тривия». Лучшие игроки научились не только вспоминать ответ, но и вычислять его. Дженнингс подробно описывает свои рассуждения при поиске ответа на сложный вопрос. И это одно из самых интересных мест в книге. Ход его мысли понятен любому игроку в «Что? Где? Когда?», практически так же рассуждаем и мы. С другой стороны, в русскоязычных играх все чаще появляются вопросы, на которые без «тривии» не ответишь. Это естественный процесс. Чем больше мы играем, тем лучше это делаем, поэтому для выявления сильнейшего требуются все более сложные вопросы. Так что мы с американцами движемся друг другу навстречу. К сожалению, мы вряд ли когда-нибудь сойдемся и узнаем, кто из нас лучше отвечает на вопросы. Слишком сильно наши игры привязаны к языку и национальным культурным кодам. Но очень радостно сознавать, что мы в этом мире не одиноки. А ведь есть еще Англия с ее традицией радиовикторин и викторин в пабах. Наверняка и во многих других странах можно найти что-то похожее. Узнать бы об этом побольше.

А еще в этой книге есть загадка. Эта загадка — сам Кен Дженнингс и его легендарная серия из 74 побед в Jeopardy! подряд. Уверен, что в нашей «Своей игре» такая победная серия невозможна. Среди сотен игроков, появлявшихся на телеэкране за годы существования игры, есть 10–20 человек, которых можно без преувеличения назвать звездами. Если их не сводить друг с другом, любой из них может выиграть много игр подряд. Десяток, возможно даже, два десятка. Но

не больше. Побеждать без риска нельзя, да и стальных канатов вместо нервов нет ни у кого, поэтому в каждой игре даже у самой яркой звезды случаются ошибки. Большинство ошибок удается компенсировать за счет игрового преимущества над соперниками, но рано или поздно случится ошибка, которая окажется роковой. А у Дженнинга она случилась в 75-й игре... По сути, это означает, что его преимущество над соперниками было огромным. Значит ли это, что он на голову выше всех других американских игроков? Дженнингс довольно подробно описывает свою игровую биографию. Из того, что рассказано в книге, следует, что он, конечно, очень сильный игрок. Но отнюдь не уникальный. Достойных соперников у него хватает. Каким же образом стала возможна поражающая воображение и противоречащая теории вероятности серия побед? Мне не удалось разгадать эту загадку. Может быть, удастся вам?

*Максим Поташев,
управляющий партнер компании R&P consulting,
магистр телеигры «Что? Где? Когда?»*

Предисловие Анатолия Вассермана

Автор этой книги, как и я, много лет работал программистом и, как и я, убедился, что присущая нам обоим страсть к запоминанию несметного множества разрозненных фактов никоим образом не помогает содержательному мышлению в целом и написанию программ в частности. Правда, моя лучшая беспроигрышная серия несравненно меньше, чем у него: всего 22 игры, в том числе 15 подряд (первые 7 побед серии одержаны в чередовании с играми, где я не участвовал, чего формат Jeopardy!, описанный автором, не допускает). Да и в целом наш игровой (и жизненный) путь пролегал по разным маршрутам.

Хотя, конечно, игровой мир по обе стороны океана имеет немало общего. Автор описывает множество соревнований, организуемых и проходящих на чистом энтузиазме, без малейшего участия радио и телевидения. То же самое происходит и в «Большой тройке» интеллектуальных игр (ИИ): «Что? Где? Когда?» (ЧГК), «Брэйн-ринг» (БР), «Своя игра» (СИ). Например, в каждом ежеквартальном выпуске всемирного рейтинга Международной ассоциации клубов «Что? Где? Когда?» (МАК ЧГК, обычно именуемой просто МАК) учтено примерно 8 тысяч команд. Это лишь те, кто за год, предшествовавший выпуску, участвовал хотя бы в одном турнире, достаточно большом, чтобы отчет о нем направили в МАК. Если же учесть внутришкольные, внутривузовские и прочие малые турниры, то можно насчитать — по разным оценкам — 15–20 тысяч команд. БР давно сошел с экрана, но на спортивных турнирах по другим ИИ в него играют в кулуарах, для отдыха, да и чемпионаты по БР по сей день проводятся на разных уровнях — от города до республики. От СИ даже отпочковалась командная версия — «Эрудит-квартет» (ЭК), пока не дошедшая до экрана.

С описаниями игр, где участвовал автор, я знакомился с постоянным интересом. С одной стороны, видно несметное множество общих реалий. Например, во внетелевизионных — спортивных — турнирах по СИ и ЭК нажимать на кнопку можно по ходу чтения вопроса, не дожидаясь его окончания, и ведущий просто прерывает чтение, так что отвечать можно, опираясь только на уже услышанную

часть. С другой стороны, все эти реалии не отменяют главного различия — в культуре вопросов.

Все игры, описанные автором, опираются только на знание фактов. Иногда для ответа на вопрос требуется знать нечто экзотическое. Иногда каждый факт довольно расхожий, но надо определить объект, к которому относятся все эти факты без исключения. В любом случае не требуется логических рассуждений, не сводимых к самим фактам.

В нашей же стране — прежде всего усилиями Владимира Яковлевича Ворошилова и его слаженной команды, а затем и усилиями десятков тысяч игроков, участвующих в спортивных соревнованиях и на сплошном энтузиазме готовящих эти соревнования, — годами формировалась совершенно иная концепция игрового вопроса. Он строится по возможности на общеизвестных фактах (в идеале — упомянутых в школьной программе или хотя бы нарисованных на рекламных плакатах, бросающихся в глаза каждому), зато для выхода на правильный ответ нужны далеко не тривиальные — в отличие от вопросов, описываемых автором, — рассуждения. Поэтому, собственно, наши развлечения именуются не викторинами, а интеллектуальными играми.

Человек — а еще лучше команда — с немалым игровым опытом может проделать значительную часть этих рассуждений прямо по ходу чтения вопроса, и если вопрос полностью укладывается в одну из типовых схем, то ответить можно сразу по окончании чтения. При этом у человека со стороны складывается впечатление: игрок просто знал конкретный факт. На самом же деле не знал, а — как принято говорить в игровой тусовке — вычислил. Так что все отечественные (и играющие в «Большую тройку» зарубежные) участники ИИ знают куда меньше, зато думают куда больше, чем кажется зрителям.

Кстати, сам Владимир Яковлевич, пустив в массовый оборот слово «знатоки» для участников ИИ, потом не раз публично жалел об этом: термин прямо противоположен отечественному стилю игры.

Подготовка, описанная автором, — заучивание многих тысяч фактов, могущих представлять интерес для авторов вопросов и потому с хорошей вероятностью возможных в игре, — в наших играх невозможна: активный автор и хороший редактор могут сделать

вопрос «на раскрутку» из любого факта. Расхожая поговорка игроков: перед смертью не надышишься, перед игрой не начитаешься.

Упомянутая мной «Своя игра» отпочковалась от Jeopardy! в 1994-м. Продюсерская компания 2В, купив у американцев лицензию, заблаговременно выговорила себе право отступать от исходного формата. За это американцы потребовали не показывать нашу версию игры там, где смотрят исходную. Поэтому до недавнего времени игра входила в сетку вещания НТВ, но не НТВ-Мир (бывая в родной Одессе, я вынужден смотреть именно эту версию: обычный НТВ не транслируется за пределы Российской Федерации), где ее заменяли другими передачами. Недавно она появилась и на НТВ-Мир. Очевидно, американцы сочли ее столь ушедшей от первоисточника, что у зрителей уже не возникают ненужные ассоциации. Многие отличия от формата, описанного в книге, легко назовет любой зритель СИ (хотя, например, такие нюансы, как отсутствие в русской версии перерыва съемок для расчета ставок, принятого в американской, со стороны незаметны — тем более что сейчас в этом месте и при показе СИ врезают рекламу). Меня, в частности, поразило, что Jeopardy! с чисто американской — по крайней мере часто и с удовольствием изображаемой в американских фильмах — суровостью дает каждому участнику единственный шанс, так что бесценный опыт реальной игры, описанный автором, накапливается только у победителя и — как справедливо отмечает автор — помогает ему побеждать дальше. В СИ даже участник, проигравший в первом же бою, может вернуться. И не обязательно после отбора в телегруппе, а, например, на основании успехов в спортивных турнирах. Кстати, у нас — в отличие от Jeopardy! — не добиваются, чтобы участники одной игры не были друг с другом знакомы, не только потому, что режиссерских подтасовок, подобных описанным в книге, у нас (вследствие учета печального американского опыта телевикторин первого поколения) не было, но и потому, что практически все участники телеигр не только то и дело встречаются на съемках, а еще и постоянно соревнуются в спортивных турнирах.

Но главное отличие — именно стиль самих вопросов. В СИ (как и в остальных играх «Большой тройки») практически каждый из них — даже самый простенький и вроде бы требующий только знания фактов

— содержит заметные опытному игроку зацепки, позволяющие «раскрутить» его, отталкиваясь от фактов совсем общеизвестных. В Jeopardy! такие вопросы (по классификации автора — головоломки) встречаются крайне редко (по словам автора, почти исключительно в финале, хотя и описанный им вопрос о средневековых любовниках относится — вопреки его мнению — к этой категории, так что сам он вполне логично описывает ход «раскрутки» этого вопроса в ходе игры), а основная масса вопросов опирается исключительно на экзотические знания — ту самую *trivia*.

Отсюда и различия судеб игроков. Автор описывает немало случаев, когда накопление фактов заставило кого-то из участников викторин всерьез увлечься какой-то предметной областью — от творчества известного писателя до классической оперы. Участники же отечественных ИИ, как правило, используют обретенные в игре навыки размышления для решения сложных задач, встречающихся в повседневной практике.

Например, я был неплохим программистом и задолго до того, как в 1983-м начал регулярно участвовать в ИИ (тогда — в разработанной Борисом Оскаровичем Бурдой на базе сразу нескольких конкурсов и салонных игр и с тех пор изрядно усовершенствованной всем одесским литературно-игровым клубом «Эрудит» игре «А если подумать?»). Но с тех пор, как я всерьез занялся ИИ, мой программистский уровень резко и заметно вырос. А уж публицистом и политическим консультантом я и вовсе вряд ли мог бы стать без выработанных ИИ навыков быстрого проникновения в суть сложных задач.

Конечно, я далеко не самый успешный в карьерном смысле участник ИИ. Например, вот послеигровые достижения нескольких ветеранов телевизионного ЧГК: председатель Госкомимущества, лидер фракции «Наш дом — Россия» Государственной думы РФ Сергей Георгиевич Беляев; журналист и продюсер Андрей Андреевич Каморин; политический консультант, автор и ведущий нескольких телепрограмм Нурали Нурисламович Латыпов; создатель и бессменный руководитель фонда «Политика», нынешний председатель Комитета по образованию Государственной думы РФ Вячеслав Алексеевич Никонов; мэр подмосковного наукограда Троицка Виктор

Владимирович Сиднев; главный архитектор реконструкции Большого театра Никита Геневич Шангин. К сожалению, я плохо запоминаю имена, поэтому могу отследить карьеру далеко не всех звезд ИИ — но знаю, что мой перечень охватывает лишь ничтожно малую долю тех, для кого эти игры стали опорой для продвижения во внеигровой жизни.

Понятно, в наших играх подбираются люди, знающие больше среднего уровня. Но в основном потому, что — как справедливо отмечает автор — факты из уже знакомой предметной области запоминаются легче, а умение быстро размышлять позволяет легко знакомиться с ключевыми закономерностями многих предметных областей. Кроме того, у нас часто говорят: игрок ИИ черпает знания из отыгранных вопросов. Действительно, сами авторы и редакторы включают в свои вопросы — и комментарии к ответам, порой куда объемнее самого вопроса — немало экзотических сведений. Но при этом они всегда заботятся о том, чтобы ответ поддавался вычислению. В интернет-турнирах, где вопросы формулируются так, чтобы ответ нельзя было найти с помощью поисковых сайтов (чью работу автор считает подорвавшей смысл фестиваля тривии, где на ответ отводится 7 минут), к ответу зачастую прилагается подготовленная редактором схема выхода на ответ. Да и при разборе других турниров на слова «Как это брать?» следует, по правилам хорошего тона нашего спорта, ответить общепонятным разъяснением.

Написание вопросов — отдельное искусство. Автор уделяет ему немало внимания. Но, естественно, вопросы американского и отечественного стиля требуют совершенно разных навыков. Кстати, переводчик книги — один из известнейших в ИИ авторов и редакторов вопросов, много лет участвовавший в подготовке пакетов вопросов для СИ (а заодно — игрок одной из сильнейших в мире команд ЧГК; игровой опыт переводчика виден и по употреблению терминов, популярных в отечественных ИИ).

Полагаю, отличие стилей игр, популярных в Соединенных Государствах Америки (и странах, подражающих американской культуре) и Союзе Советских Социалистических Республик (и странах, унаследовавших советскую культуру), отражает глубокое различие в массовом представлении об уме. У нас это прежде всего

способность быстро ориентироваться в незнакомых обстоятельствах, а у них — насколько я могу судить по фильмам и книгам, поскольку сам в США отродясь не бывал и с их уроженцами живьем не знакомился, — прежде всего умение быстро справляться с задачами, возникшими в привычной повседневной (и поэтому хорошо знакомой) деятельности. То же, что мы называем умом, у них чаще всего именуется хитростью или сообразительностью.

Само это различие, скорее всего, порождено громадной разницей плотности населения в России (на протяжении всей ее истории, включая времена, когда она именовалась Союзом Советских Социалистических Республик) и Западной Европе (чью культуру США в основном унаследовали и развили до логического предела). В западноевропейской скученности можно довольно быстро найти специалиста по любой задаче, решенной уже хотя бы единожды. На наших же просторах зачастую проще разобраться в задаче самому, чем искать даже готовое решение.

Разница между Jeopardy! и «Своей игрой» отражает и фундаментальное различие методов обучения, принятых в наших странах (по крайней мере в то время, когда я сам еще учился). Наша система образования выкристаллизовалась в нескольких государствах Германии в середине XIX века, а до совершенства доведена в СССР к середине XX века. Она законоцентрична: рассматривает весь мир как порождение немногих фундаментальных закономерностей, а многообразие мира — как результат взаимодействия этих закономерностей. Соответственно, и задача образования — изучение закономерностей, умение понимать их, навык выведения следствий из закономерностей и их взаимодействий. Американское же образование — в тех пределах, в каких описано доступными мне источниками, — фактоцентрично: воспринимает мир как совокупность разрозненных фактов (или в лучшем случае простейших правил) без попыток уловить взаимосвязи между ними. Задача такого образования — заучивание максимального числа фактов. Порой учителя пресекают на корню даже саму мысль о существовании закономерностей.

Это различие отражается, в частности, на взаимоотношениях самих школьников. Насколько я могу судить и по воспоминаниям автора, и по американским фильмам, к тамошним хорошим ученикам

одноклассники относятся куда хуже, нежели в отечественной школе (по крайней мере тех лет, когда там учились и я, и мои вдвое-втрое менее древние знакомые). Возможно, как раз потому, что там лучше учатся не столько умницы, сколько зубрилы — а к приверженцам однообразного бездумного труда всегда и везде относятся в лучшем случае снисходительно.

Автор и многие люди, встреченные им в мире викторин, пытаются уловить закономерности (или хотя бы совпадения), вытекающие из встреченных ими фактов или позволяющие легче запоминать эти факты. Но все же их мир в целом фактоцентричен — похоже, в связи с выросившей их системой образования.

Отсюда же и отмеченное автором непонимание: чем занимаются в других профессиях. Наличие общего представления о закономерностях позволяет в самых общих чертах разбираться в любых занятиях (хотя этим зачастую злоупотребляют: как говорится, все знают, как играть в футбол и управлять государством). Фактоцентризм же принципиально ограничивает поле зрения только уже выученными фактами.

Законоцентризм глубоко впитан во всю нашу культуру. Недаром игра Trivial Pursuit, в целом сочувственно описанная автором, не стала популярна в нашей стране, даже невзирая на мощную раскрутку (через телевизионную версию) в начале 1990-х.

К сожалению, уже добрую четверть века мы тянем к себе из-за рубежа все худшее, что можем там найти. Вот и среднее образование у нас пытаются подогнать под американский формат (а высшее — под западноевропейский, тоже стремительно деградирующий в сторону фактоцентризма). Надеюсь, эта книга покажет лицам, принимающим решения, сколь далеко зазубривание разрозненных фактов от жизни и задач, в ней возникающих. А опыт отечественных интеллектуальных игр подскажет, как сделать законоцентричное образование не просто полезным, но еще и увлекательным.

*Анатолий Вассерман,
публицист, политический консультант,
гроссмейстер телепередачи «Своя игра»*

Предисловие автора

Книга про тривию, возможно, грешит тем же недостатком, что и музыкальная рецензия или практическое руководство по сексу: она никогда не доставит читателю столько же удовольствия, сколько предмет, который описывает.

Понимая это, я постарался рассыпать вопросы по страницам этой книги так, чтобы в меру продвинутый читатель мог играть сам с собою по ходу чтения. Сноска, скажем, вот такая⁵ в тексте будет обозначать не примечание, а номер вопроса. Каждая глава включает в себя десять вопросов (кроме главы 7, посвященной искусству написания тривии, — вопросов в ней больше — и последней главы-эпилога, которая вовсе не содержит вопросов). Ответы помещены в конец каждой главы.

Я постарался сделать так, чтобы вопросы обслуживали книгу, а не наоборот. Каждый из 170 вопросов, которые вы здесь найдете, занимает определенную нишу в повествовании. Такие вопросы, как «Что общего в браках Эйнштейна, Дарвина, Эдгара По, Герберта Уэллса и королевы Виктории?»¹, или «Какая компания в феврале 2004 года обратилась к пользователям с опровержением текста хита группы OutKast под названием *Neu Ya'?*»², или «Какие части нашего тела соединяет желобок, носящий латинское название *philtrum?*»³, являют собой великолепный образец викторинного творчества, но будут явно лишними в рассматриваемом нами контексте.

Поскольку бóльшая часть книги крутится вокруг моего появления в 2004 году в телевизионной викторине *Jeopardy!*, считаю целесообразным кратко объяснить (или напомнить) читателям правила этой игры.

Jeopardy! — игра в вопросы и ответы, в которой трое игроков состязаются за звание эрудита с легким оттенком академичности. «Фишка» игры состоит в том, что вопросы и ответы синтаксически перевернуты. Вместо вопроса «Кто из американских президентов вступил в брак не до, а после избрания?» и ожидаемого ответа «Гровер Кливленд» ведущий Алекс Требек подает информацию в таком ключе: «Это единственный американский президент, который вступил в брак

не до, а после избрания», и ожидает ответ в вопросительной форме: «Кто такой Гровер Кливленд?» Игроки, забывшие неудобную приставку «Кто такой...?», рискуют тем, что их ответы будут признаны неверными.

Игра состоит из двух раундов по 30 вопросов каждый. Игровое поле — экран — представляет собой сетку из 30 телевизионных мониторов. Шесть колонок игрового поля тематически делят вопросы на шесть категорий — «география», «телеклассика», «11-буквенные слова» и т. д. Пять вопросов в каждой колонке расположены снизу вверх в порядке нарастания сложности. В первом раунде вопросы стоят от \$200 до \$1000. Во втором, «двойном» раунде, стоимость вопросов удваивается и варьируется от \$400 до \$2000 за правильный ответ. Игрок, который дает неверный ответ, лишается суммы, равной цене вопроса. Тот, кто первым успевает нажать на кнопку и дать правильный ответ, увеличивает свой счет и выбирает следующий вопрос, называя его тему и стоимость.

Три вопроса в каждой игре — один в первом раунде, два во втором — помечаются редакторами как «Аукционы». Ни игроки, ни зрители не знают заранее, в каком именно месте игрового поля эти вопросы окажутся. Участник, которому достался вопрос-аукцион, играет его один и может поставить на кон всю или часть суммы, которая на тот момент находится у него на счету.

В конце игры происходит финальный раунд. В нем принимают участие игроки, завершившие второй раунд с положительной суммой на счете. После объявления темы вопроса они делают свои ставки втемную, исходя из имеющейся в наличии суммы, так же как и в «Аукционах». После оглашения текста финального вопроса у игроков есть 30 секунд на запись ответов. Владелец наибольшего числа очков, подсчитанных по окончании финального раунда, объявляется победителем и продолжает игру в следующем шоу. Остальные отправляются по домам с заработанными деньгами.

До недавнего времени игроку разрешалось выиграть не более пяти игр подряд.

ОТВЕТЫ

- 1 Эйнштейн, Дарвин, Эдгар По и Герберт Уэллс **были женаты на двоюродных сестрах**. Королева Виктория, соответственно, **была замужем за двоюродным братом**.
- 2 **Polaroid**, обеспокоенный строчкой: «Shake it like a Polaroid Picture» («Тряси ее, как фотографию Полароида»), выпустил в феврале 2004 года обращение к покупателям с предупреждением: «Если тряхи слишком сильно, изображение может исказиться».
- 3 **Philtrum** («губной», или «подносовой желобок») — это углубление, соединяющее **нос и рот человека**.

Глава I

Что такое стремление?

Вот вам пример тривии. Знаете, почему у красных скал южной Юты такой цвет? По той же самой причине, по которой планета Марс в ночном небе имеет для нас розоватый оттенок. Дело в оксиде железа, известном также как обычная домашняя ржавчина. Тени красных оголенных вершин тянутся к нашему автомобилю, въезжающему на пыльную заправку у границ Юты и Аризоны. Открыв дверцу, я вдыхаю воздух, наполненный дизельными испарениями и ароматом полыни. Мой друг Эрл Кахил с облегчением отрывается от водительского кресла. Нам выпал последний шанс — бензина в баке оставалось миль на 50, не больше.

Эрл — мой бывший сосед по университетскому кампусу. При своем немалом росте шесть футов девять дюймов^[1] он умудряется держать голову и плечи под таким удручающим углом, что убавляет себе минимум четыре-пять дюймов. Он моргает, глядя на заходящее солнце сквозь растрепанные пряди каштановых волос, свисающие ему прямо на лицо. Лицо это всегда несет на себе печать такого разочарования, будто принадлежит болельщику команды «Чикаго Кабз».

Пока заливается горючее, мы с Эрлом воспроизводим дорожный ритуал путешественников со времен Джека Керуака^[2] — планируем, как будем делить дорожные расходы. В отличие от наших предшественников-битников, героев автострад, мы с Эрлом едем в Лос-Анджелес не для того, чтобы слушать джаз, участвовать в сезонном сборе урожая или любоваться закатом на берегу Тихого океана. Мы намерены — ни больше ни меньше! — оставить свой след в истории Jeopardy! — самой популярной и самой сложной американской викторины. А пока мы пререкаемся в попытках выработать наиболее изящный алгоритм подсчета и деления наших трат.

«Нас двое, и это значительно повышает шансы на то, что один из нас попадет на шоу, так? — рассуждаю я. — Этот один гарантирует себе по меньшей мере 1000 долларов, даже если займет всего лишь

третье место. Давай поступим так: по возвращении поделим все расходы поровну. Если же один из нас все-таки попадет в телевизор, он оплатит полностью бензин и остальные расходы на поездку».

Эрл подозрительно морщит брови, пытаясь понять, где его кидают.

«Это беспроегрешный вариант, — настаиваю я. — Если тебя берут в игру, ты оплачиваешь все расходы, но в итоге все равно остаешься в плюсе благодаря выигранным деньгам. Тот, кого не берут, ничего не теряет».

«Идет», — в конце концов соглашается он. Ударив по рукам, мы меняемся местами и залезаем обратно в машину. Честно говоря, я предполагаю, что в итоге беспроегрешный сценарий окажется выгоден именно мне. В моем представлении Эрл как раз тот тип, который нужен игре. Он невероятно умен и ростом с пожарную каланчу, но это еще не все — он обладает рокочущим баритоном, неиссякаемым запасом шуток из арсенала компьютерного хакера и сериала «Симпсоны» и крылатых фраз из фильмов компании Merchant Ivory^[3]. Он спит и видит себя участником Jeopardy! и уверен, что выбор падет на него. Я чувствую, что выторговал себе бесплатную поездку в Лос-Анджелес...

Вслед за этим я со вздохом признаюсь себе, что роль попутчика Эрла — отнюдь не предел моих мечтаний. Сколько я себя помню, всегда мечтал попасть в Jeopardy!, и Эрл это прекрасно знает! «Я утешаю себя тем, что, даже провалив отбор, смогу сказать людям: “Я тот самый парень, который привел в Jeopardy! Кена Дженнингса!”» — вдруг изрекает он, когда мы съезжаем с шоссе I-15 и устремляемся вдогонку закату.

Мысль попробовать свои силы в Jeopardy! преследовала меня последние 20 лет, но тривию я люблю еще дольше. Мое поколение склонно думать, что страсть к тривии — это болезнь 1980-х, схожая с ностальгией по курткам от Members Only и актеру Ральфу Мачио. Поворотным годом для тривии моей юности стал, конечно, 1984-й, когда в эфир вышла обновленная версия Jeopardy! с Алексом Требеком, а Trivial Pursuit разошлась 20 млн копий, отвоевав титул главной игры столетия у культового компьютерного «Пакмэна». Однако спросите кого-нибудь на десять лет моложе: на какой год приходится пик

популярности тривии? Он, возможно, назовет 1999-й или около того, когда на весь мир прогремела новинка «Кто хочет стать миллионером?». Для поколения моих родителей слово «тривия» должно ассоциироваться с соревнованиями в университетских кампусах поздних 1960-х. А мои дедушка с бабушкой будут вспоминать, как вся Америка, затаив дыхание, следила за конкурсантами, потевшими в звукоизолированных кабинах во время рейтинговых (и целиком постановочных) телевикторин 1950-х. Знатоки истории вопроса могут отослать вас еще дальше, в 1927 год, когда бестселлер «Спросите что-нибудь полегче» стал причиной самого первого в стране «вопросно-ответного» помешательства. Да-да, тривия — это форменное помешательство. Даже не пытайтесь от него отделаться! Как Терминатор, комета Галлея и генитальный герпес, тривия всегда возвращается.

И она все еще здесь. Тривия не обязательно громко заявляет о себе, но в каком-либо виде присутствует повсеместно. Сотни тысяч вариантов тривии играют в Америке каждый день — в городских барах, на загородных пикниках, за журнальными столиками, по FM-радио, мобильным телефонам... Тривия является нам на подставках для пива, крышках из-под кофе, призовых фигурках из пакетов с крекерами. Она попадает в нашу электронную почту, на поля журнальных статей и страницы телефонных книг. Она успокаивает нас в кино во время рекламы Coca-Cola. Она буфер между телевизионной рекламой и развлекательными шоу. Это настолько привычная часть американской жизни, что порой мы ее не замечаем, но, хотели бы мы того или нет, наша жизнь окружена тривией.

В современном значении слово «тривия» вошло в употребление в 1984 году вместе с игрой Trivial Pursuit. На самом деле его корни уходят в глубь веков на тысячелетия. Изначально оно было римским именем богини Гекаты — хранительницы перекрестков. «Тривия» происходит от латинского *trivium* — перекресток, место пересечения «трех дорог». В 1718 году английский поэт Джон Гей назвал в честь той самой богини свою знаменитую поэму «Тривия», описывающую пешие прогулки по улицам Лондона. (Гей больше известен как автор сатирической «Оперы нищих», которая легла в основу «Трехгрошовой

оперы» Брехта, что в свою очередь связывает его с песней, которая в 1959 году попала на первое место в хит-параде журнала Billboard¹.)

От латинского слова *trivium* происходит также и прилагательное «тривиальный», то есть невыдающийся, обыкновенный. Большинство считает, что «тривиальным» стали называть «общее место», потому что перекресток дорог и был, строго говоря, этим самым общим местом. Другие заявляют, что прилагательное «тривиальный» происходит от второго значения понятия *trivium*. В средневековых университетах полный курс был разделен на тривиум, включавший три предмета, и квадравиум, включавший четыре. В тривиум всегда входили грамматика, риторика и логика, в то время как квадравиум состоял из арифметики, геометрии, астрономии и музыки. Тривиум, включавший в себя самые простые, элементарные предметы, считался менее важным, чем продвинутый квадравиум, а следовательно, «тривиальным».

В XX веке существительное «тривия» сначала стало использоваться как производное от «тривиальный» применительно к пустякам или вещам второстепенным. Не далее как в 1902 году популярный эссеист Логан Персалл Смит (между прочим, шурин философа Бертрана Рассела) опубликовал подборку коротких философских размышлений под заглавием «Тривия». Но в своем нынешнем значении — «интересные вопросы и ответы обо всем на свете» — слово не употреблялось до середины 1960-х.

Я всегда ощущал некоторый стыд за то, что «тривиальный» ярлык приклеился к тривии так прочно. Мне кажется, называть свое хобби словом, буквально означающим «мелочь» или «ерунда», — не лучший способ придать ему популярности. Вошел бы в моду американский футбол, если бы футбольные фаны упорно отзывались о нем: «Этот тупой вид спорта с дурацким мячом?» Или филателисты — разве они говорят о собирании марок: «Маленькие клеящиеся квадратики, которые мы изучаем и коллекционируем, вместо того чтобы ходить на свидания с девушками?» И все же пленники тривии удачно приспособились к языку притеснителей, с улыбкой соглашаясь с тем, что их склонность к узнаванию и запоминанию множества всякой странной чепухи совершенно бесполезна. Полностью «тривиальна».

Впервые слова «тривиальный» и «нетривиальный» в их научном применении я услышал на уроках математики и информатики в колледже. Для математических и компьютерных «ботаников» тривиальной является задача, которая имеет до смешного простое решение. Учитель, скорее всего, даже не удосужится записать его на доске. Наука же, как известно, гонится за решениями необычными, элегантными, «нетривиальными». Например, я помню, как мы проходили однажды суммарно-производные числа (sum-product numbers), то есть числа, у которых сумма составляющих их цифр, помноженная на их же произведение, дает исходное число. Существует бесконечное множество чисел, сказал преподаватель, однако только три из них суммарно-производные. Число 1 — это тривиальное решение, скучное: $1 \times 1 = 1$. Остаются два интересных, нетривиальных решения — 135 и еще одно²:

$$((1 + 3 + 5) \times (1 \times 3 \times 5)) = 135.$$

Сколько себя помню, я всегда был убежден, что тривия, несмотря на свое название, это элегантное, сложное, захватывающее, стоящее занятие. Что тривия на самом деле не тривиальна.

По словам моей мамы, первый раз в моей жизни я сыграл в тривию... в четыре года. Произошло это в Университете штата Вашингтон. Совместно с общеобразовательными школами Сиэтла университет отбирал детей для обучения в начальной школе по программе «Одаренные и талантливые». Мне пришлось провести целый день, переставляя кубики и собирая пазлы в темном маленьком классе, увешанном зеркалами. Зайдя через несколько часов в класс, чтобы подбодрить меня, мама обнаружила там веселую компанию аспирантов, которая развлекается тестами на общую эрудицию.

Когда она вошла, звучал вопрос: «Где братья Райт совершили свой первый полет?»³

Я сидел на маленьком стульчике, поглощенный игрушечным поездом, и, казалось, совершенно не интересовался происходящим вокруг, поэтому мама никак не ожидала услышать от меня ответ, притом правильный!

Оглядываясь назад, я не могу себе представить, откуда четырехлетний малыш мог знать *хоть что-то* про братьев Райт. Очевидно, у некоторых людей мозг похож на губку, которая впитывает информацию и подробности почти с рождения за счет удачного смещения любопытства, упорства и врожденных способностей. Эти люди — своего рода гурманы, подверженные необъяснимому стремлению фиксировать каждый бит информации, который судьба мелом заносит на доску их мозга. Мы не выбираем тривию. Тривию выбирает нас.

Теперь я понимаю, что привычки, которые наблюдались у меня с детства, были скорее похожи на симптомы навязчивого невроза, чем на проявления одаренности прелестного, развитого не по годам ребенка. Я надолго задерживался в кинотеатре после окончания фильма, чтобы выучить имена, упомянутые в титрах. Я запомнил все пары соответствий в настольной карточной игре «Улица Сезам», чтобы всякий раз обыгрывать в нее родителей. Однажды я провел 11 часов на борту самолета, соревнуясь с самим собой во времени, за которое я смогу назвать все страны мира в алфавитном порядке — от Афганистана до... хм, скажем, до самой последней⁴. Помню, как я расстроился в четыре года, когда по случаю окончания моим отцом юридического факультета взрослые подарили мне поездку в Диснейленд. Диснейленд — вместо настольной игры Voggle, о которой я мечтал уже несколько месяцев!

Хотя я не нуждался в особом поощрении, родители поддерживали меня, обеспечивая полным джентльменским набором начинающего любителя тривии: Книга рекордов Гиннеса, комиксы «Хотите верить, хотите нет!» Роберта Рипли, издания серии «Лексикон популярных заблуждений» с песиком Снупи на обложке. Родители очень терпимо относились к потоку сведений, полившемуся из их подарков на их же головы во время долгих поездок на машине. «Эй, мам! Ты знаешь, какого цвета шкура у белого медведя?» Не-а. Черная! «Эй, мам! Представляешь, три четверти пыли в нашем доме — это отмершие частички человеческой кожи!» М-м-м... «Эй, мам! Знаешь, сколько весил самый большой в мире тыквенный пирог? Не попала! 418 фунтов^[4]».

На удивление эти поездки обошлись без рукоприкладства. Когда же мне не хватало ответов, папа, помешанный на науке, включал своего мистера-я-знаю-все, который мог ответить на самые каверзные детские вопросы. Почему небо голубое? — Закон рассеяния Рэлея. Почему при подаче с вращением бейсбольный мяч вращается? — Эффект Магнуса. Откуда берутся дети? — Пойди спроси у мамы.

Частично благодаря братьям Райт я пошел в детский сад при спецшколе недалеко от нашего дома на северо-западе Сиэтла. Начало школьной жизни далось мне нелегко. Не потому, что я скучал по мамочке или не мог найти свою куртку в раздевалке, а потому, что приходилось пропускать любимые игровые шоу по утрам. В начальной школе я вечно изнывал в ожидании летних каникул, а когда они наконец наступали, наверстывал пропущенные выпуски «Колеса Фортуны», «Пирамиды из \$20 000» и «Ста к одному». Я преисполнился радости, когда в 1979 году на свет появилась моя сестра Гуин: теперь нас пятеро — как раз то, что нужно, чтобы стать командой в «Сто к одному»! Мы когда-нибудь сможем оказаться там, обласканные Ричардом Доусоном, одетым в ужасный светло-серый костюм-«тройку». Дедушка с бабушкой до сих пор любят напоминать мне, как я ежедневно звонил им с дайджестом всех утренних телеигр. Я бежал на кухню, забирался на табуретку, чтобы дотянуться до телефона, и с упоением пересказывал детали особенно интересных цепочек игры «Пойми меня» или бонусного раунда «Пирамиды».

Два года спустя отец получил предложение по работе от юридической фирмы из-за океана, и мы отправились в Азию, так что я жил в Сеуле, когда в 1984 году Jeopardy! вернулась в эфир. В Южной Корее был тогда один-единственный англоязычный телеканал AFKN — Телесеть Вооруженных Сил Кореи, поэтому каждый ученик в моей американской школе смотрел одни и те же шоу в одно и то же время дня. AFKN транслировал Jeopardy! в полдень, то есть примерно тогда, когда мы все приходили из школы, поэтому, как бы нелепо это ни звучало, вчерашняя Jeopardy! была главной темой разговоров пятиклассников на спортивной площадке.

В шестом классе нам поручили сделать проект по организации игр на тему охраны животных, находящихся под угрозой вымирания. Мой назывался Seal of Fortune, и мне оставалось только завидовать другу

Тому, которому достался другой зверь и который назвал свою игру Jeopardy!, не забыв оставить оказавшийся очень к месту восклицательный знак. В том же году одна моя знакомая девочка произвела настоящий фурор, принеся в класс экземпляр новой, свежеотпечатанной в Штатах книги Jeopardy!. Многие из нас поочередно проходили отборочные тесты на обороте книги, чтобы проверить, годимся ли мы в участники этой несравненной игры. И это в шестом классе! Вот так несчастный случай с программой передач армейского телевидения и типичная для младшеклассников «идейная зараза» превратили нас в сеульскую школу для иностранцев — фанатов викторин предпубертатного возраста.

Строго говоря, меня можно было назвать ботаником. И мой случай вовсе не уникален — бесчисленное множество любителей тривии рассказывали мне похожие истории из своего детства — часы добровольного заточения наедине с атласами мира, «Бейсбольной энциклопедией», киногидом Леонарда Мэлтина. Коробки из-под обуви, доверху забитые исписанными карточками, служили живым свидетельством одержимости тривией. Теперь я вспоминаю об этом со странной смесью смущения и ностальгии — неужели это правда был я и мне это нравилось? Когда я вступил в пору юности, а затем окончательно во взрослую жизнь, тривия стала казаться чем-то детским, неуместным, от чего нужно отказаться, как от субботних мультфильмов или любимых мягких игрушек. Я выбросил свои коробки с карточками, над заполнением которых трудился в детстве: полные имена знаменитых людей, олимпийские чемпионы по стрельбе из лука, архив вопросов «Сто к одному», птицы — символы американских штатов. Я перестал покупать ежегодный «Альманах мира», выходящий в ноябре, не стал продлевать подписку на журнал Games. В конце концов, за первый год учебы в университете я даже утратил привычку смотреть Jeopardy!.

Дело было не в том, что я вдруг стал слишком крут для тривии или вообще слишком крут. Конечно, я перестал набивать полки забавными сериями «Квантового скачка» и другими подобными вещами, однако у меня все еще оставалось немало «ботанистых» увлечений: громадная коллекция комиксов про «Тора» и «Фантастическую четверку», бейсбольные карточки, решение на скорость кроссвордов «Нью-Йорк

Таймс», которые каждый будний день появлялись в студенческой газете. Но я стал смотреть на знатоков глазами обывателей: яйцеголовые чудачки, фрики, убийцы нормальной беседы. Ведь мало кому понравится человек, у которого заготовлен немедленный ответ на любой вопрос, да еще и с добавлением факта из серии «Знаете ли вы, что...?». Поэтому я стал прятать свои тесты, которые были оценены максимальными баллами, по возможности ненавязчиво поправлял коллег, бормоча им что-то вроде: «Мне кажется, что кролики на самом деле не относятся к грызунам»⁵, и позволял партнерам по Trivial Pursuit сообщать мне ответы на вопросы, которые я и сам прекрасно знал. Однажды в колледже я случайно подслушал через открытую дверь, как Эрл в разговоре с одной девушкой о его работе на получение степени магистра математики упомянул о моей уже почти готовой работе на получение аналогичной степени по компьютерам. Мы оба знали эту девушку многие годы.

«Погоди, разве Кен тоже умный?» — спросила она изумленно.

Я воспринял ее сомнение как комплимент.

Да, это был мой секрет, я стал глубоко законспирированным любителем тривии. Но при этом меня никогда не оставляла детская мечта — появиться однажды в Jeopardy!. Для ребенка это, конечно, несбыточная фантазия: мне не хватало пары десятков лет, чтоб хотя бы попытаться счастья на отборе в шоу. Но когда я достиг тинейджерского возраста, Jeopardy! стала проводить ежегодные юношеские турниры. Поступив в Университет Бригама Янга^[5], я познакомился с Джеффом Стюартом, который, будучи студентом выпускного курса, выиграл университетский чемпионат Jeopardy! в 1994 году. Попадание в телешоу стало казаться мне вполне достижимой целью.

Jeopardy! никогда не устраивала выездных отборочных туров в Солт-Лейк-Сити, где я сейчас живу, поэтому я решил попытаться счастья в Лос-Анджелесе. Согласно книге про закулисы Jeopardy!, которую я как-то обнаружил на книжном развале, открытые отборочные мероприятия в Лос-Анджелесе проводятся раз в месяц. Тонкая книжка в мягкой обложке за авторством юриста из Флориды Майкла Дюпи, который выиграл Кубок чемпионов Jeopardy! в 1996 году, называлась «Как попасть в Jeopardy! ...и победить!». Тщательно запомнив

изложенные в ней полезные сведения и советы, я твердо решил: в следующий раз, попав в Южную Калифорнию, обязательно попробую свои силы! Однако дать обещание оказалось проще, чем его исполнить.

«Как на работе?» — спрашивает моя жена Минди, когда я, хлопнув дверью, захожу в дом. Стоит прохладный апрельский вечер, и Минди готовит ужин, одним глазом поглядывая за новорожденным Диланом, который гукает о чем-то своем в колыбели в углу.

«Вроде нормально». Последние несколько лет я работаю программистом в местной медицинской рекрутинговой компании. Мой предыдущий наниматель пал жертвой знаменитого краха доткомов, когда лопнули неимоверно раздутые интернет-пузыри, и перестал делать одну маленькую, но почему-то так ценимую работниками вещь — платить зарплату. Теперь я провожу дни за написанием софта, который помогает докторам и медсестрам устраиваться на новую работу. У нас хорошая команда и стабильная компания. Она ежемесячно выплачивает проценты по ипотеке, в которую я вступил незадолго до рождения Дилана, купив маленький домик из желтого кирпича — наше первое собственное жилище. И хотя я стараюсь не особенно задумываться об этом, работа у меня невероятно скучная. Скука усугубляется тем совершенно очевидным фактом, что программист я довольно посредственный. Рассеянное внимание и энциклопедическая память, хорошо подходившие для тривии, накачали во мне не те «ментальные мускулы», которые необходимы для писания компьютерных программ по восемь часов в день. Это беспокоит меня с тех пор, как я стал подозревать, что умение написать хороший компьютерный код — куда более точный показатель интеллекта, чем знание, кто первым сумел выбить бейсбольный мяч за пределы поля в истории игр «Всех звезд»⁶ или кого из телегероев 1960-х звали Рой Хинкли⁷.

«Я сегодня звонил в Jeopardy!, — добавил я, стараясь сохранить бодрость в голосе. — Они не проводят тестирование в те дни, когда мы будем в Лос-Анджелесе. Майский отбор начнется неделей позже».

Мне не удастся скрыть от Минди свое расстройство. Она вытирает руки и идет ко мне. «О, мне жаль. Тебе действительно так важно

попасть на этот отбор?»

«Ничего страшного. Что там за круглые штуковины ты нарезаешь?»

«Ты никогда не видел фенхель? Он по виду похож на сельдерей, а по вкусу — на солодку. Если его обжарить в оливковом масле, получается вкусно». Я ловлю себя на том, что фенхель автоматически занял свою нишу в моем мозгу. Вы можете вытравить человека из тривии, но вы никогда не сможете вытравить тривию из человека.

«Думаю, мы могли бы задержаться в Калифорнии еще на неделю, но я не хотела бы оставлять Дилана с мамой на целых полмесяца».

Я беру Дилана на руки. Он, конечно же, похож на своего отца: кажется, что около трех четвертей его веса составляет голова, а три четверти головы — уши. Невозможно обижаться на эту преграду к осуществлению мечты сыграть в Jeopardy!, когда она сидит у тебя на руках, улыбается во весь рот и пускает пузыри.

«Скажи, если думаешь, что это дурацкая идея, — прошу я Минди. — Я боюсь свихнуться, если разминусь с отбором всего на несколько дней. Что если, как только мы вернемся из Калифорнии, я поеду обратно, чтобы попытаться счастья?»

К чести Минди, она не напоминает мне, что дорога занимает 12 часов в один конец или что Jeopardy! специально предупреждает не приезжать только ради отбора, ведь шансы его успешного прохождения астрономически малы. Ежегодно около 30 тысяч желающих играть соревнуются всего за четыре сотни мест. Чтобы не утруждать читателя точными расчетами вероятностей, скажу только, что поступить в Гарвард проще примерно в восемь раз.

«Полагаешь, тебя отпустят с работы на вторую поездку?» — спрашивает она.

«Если я попрошу отпустить меня на отбор в телевикторину, конечно, нет. Я скажу им, что еду на свадьбу или что-нибудь в этом роде».

«Тогда, думаю, тебе стоит поехать», — говорит она, задвигая сковородку с фенхелем в духовку. Я очень тронут, и мне хочется ее поцеловать, что я и делаю. «Ты можешь найти себе попутчика, чтобы по очереди вести машину?»

Я уже направляюсь к телефону. «Я позвоню Эрлу».

Убедить Минди оказалось делом несложным, но вот будет ли Эрл таким же сговорчивым? Эрл (читатели должны это понимать) лучше всех подходит под стандартное описание гения. Он концертирующий пианист, талантливый фотограф, математик и лучший программист из всех, кого я знаю. Он неизменно выигрывает в наш тотализатор на будущих лауреатов «Оскара» одну весну за другой. Если вы проведете исследование на 20 людях, знакомых с Эрлом, спрашивая у каждого из них имя самого умного человека, которого они знают лично, 19 ответят: «Эрл». Последний, 20-й, скажет примерно следующее: «Знаете, это такой высоченный парень, который живет за дверью напротив. Однажды он починил мой модем. Берл или Мерл, как-то так».

Но Эрл отличается от большинства известных мне игроков в тривию одним важным обстоятельством. Его детство и юность, проведенные в городе Шайенн, отнюдь не отличала ненасытная тяга к знаниям. Только позже он осознал, как много людей ошибочно принимают способность к запоминанию тривии за интеллект. С тех пор он стал играть, пытаясь наверстать упущенное, полный решимости «накачать мозги», даже если это пагубно скажется на его состоянии. Первой компьютерной программой, которую Эрл написал еще в университете, был образовательный софт, помогающий выучить все столицы европейских стран. Ему не нравилось, что он может спутать Бухарест с Будапештом, поэтому, создав программу с нуля, он целыми днями тренировался по своей собственной системе, пока не вызубрил все ответы. Каждый день мы оба разгадывали кроссворды в «Таймс», но только он упрямо выискивал каждое незнакомое доселе слово. Эрл не был прирожденным игроком в тривию и не страдал манией величия. Эрл достиг успеха благодаря собственному упорству; в тривии он редкий пример, как принято говорить, селфмейдмена.

В результате он всегда тяжело переживал поражения в интеллектуальных схватках от соперников, которые не затратили на это дело столько усилий, сколько он. И хотя и Эрл, и я в душе довольно азартные люди, я бы отлично понял, если бы он отказался ехать. Мне было бы очень неловко, если бы я прошел тест, а он — нет. «Ну, спасибо, что подвез меня, Эрл! Хреново, конечно, что ты провалил

свой отбор». Н-да, остается теперь подумать, что же будет, если он пройдет, а я нет...

Когда он поднял трубку, я решил не тратить время зря. «В общем, тебе это может показаться безумием, и ты, если хочешь, можешь сказать “нет”, но я думаю, что мы должны в мае ехать в Лос-Анджелес на отбор в Jeopardy!».

Пауза была практически незаметна. «Конечно. Когда точно едем?»
Лед тронулся.

Позже тем же вечером я потащился в подвал, где хранились картонные коробки с книгами, до сих пор не разобранными с момента нашего переезда. Потребовалось немало времени, чтобы отыскать «Как попасть в Jeopardy! ...и победить!». На тот момент меня больше интересовала та часть заглавия, которая располагалась до многоточия. Читая ночью в постели рядом со спящей Минди, я обнаружил, что большая часть книги состоит из, собственно вопросов. Большинство — на самые трудные темы, непропорционально любимые авторами Jeopardy!: «Опера», «Балет», «Напитки» и «Кушать подано». В какой стране родилась оперная дива, сопрано Кири те Канава?⁸ Какой овощ часто называют «синеньким»?⁹ Какой алкогольный напиток обязательно присутствует в коктейле «Белая леди»?¹⁰

Я чувствую, что становлюсь похожим на Эрла, запихивая в себя информацию, которую я ни за что бы не запомнил просто так. Возникает вопрос о разумности предстоящей одиссеи Jeopardy!. Неужели вся эта головная боль стоит мизерного шанса на попадание в шоу, не говоря уже о невероятной победе? Наконец я проваливаюсь в сон с книгой на груди в безуспешных попытках удержать в памяти, чем Нуреев отличается от Барышникова.

Ответы

- 1 Песня Бобби Даррина «**Мэкки-нож**» из «Трехгрошовой оперы». Прототипом Мэкки служит образ Макхита — героя «Оперы нищих» Джона Гея, 1728 год.
- 2 **144**. Кроме 135, это единственное нетривиальное суммарно-производное число. $((1 + 4 + 4) \times (1 \times 4 \times 4)) = 144$.

- 3 Первый полет братьев Райт состоялся в городке **Китти-Хок** в Северной Каролине.
- 4 **Зимбабве** — последняя страна в мире по алфавиту. (*Речь идет об английском алфавите A–Z. Прим. пер.*)
- 5 Кролики относятся к отряду **зайцеобразных**, а не грызунов.
- 6 **Бэйб Рут** первым выбил бейсбольный мяч за пределы поля в играх «Всех звезд».
- 7 Рой Хинкли — редко использовавшееся настоящее имя **Профессора, героя ситкома «Остров Гиллигана»**.
- 8 Кири те Канава родом из **Новой Зеландии**.
- 9 **Баклажаны** часто называют «синенькими».
- 10 В коктейль «Белая леди» входит **джин**.

Глава II

Что такое отбор?

Я слишком молод, чтобы помнить оригинальную версию Jeopardy!, которую на канале NBC вел Арт Флеминг с 1964 по самый конец 1974 года — года моего рождения. Как гласит легенда, в 1963-м Мерв Гриффин со своей тогдашней женой Джуланн летели домой из Нью-Йорка, когда Джуланн предложила перевернуть с ног на голову привычный концепт квиз-шоу: ведущий будет давать ответы, а игрокам придется придумывать к этим ответам подходящие вопросы.

«Пять тысяч двести восемьдесят», — объявила Джуланн мужу.

«Сколько футов в одной миле?» — ответил Мерв, которой уже тогда был неплохо подкован в тривии.

Так родилось шоу.

Следующие несколько месяцев Гриффины провели в своем особняке в Верхнем Вестсайте, играя с друзьями за обеденным столом в игру «Каков вопрос?» — так они первоначально назвали новую забаву.

Когда Мерв в конце концов устроил презентацию для NBC в зале Рокфеллер-центра, редакторы посчитали, что вопросы и ответы слишком сложны, но продюсер по имени Грант Тинкер (в будущем президент NBC и супруг Мэри Тайлер Мур) заявил, что шоу станет настоящим хитом.

До этого момента на протяжении почти десятка лет игровые шоу никак не могли оправиться от знаменитых мошеннических скандалов 1950-х годов, связанных с подтасовкой результатов таких «телемонстров», как «Двадцать одно» и «Вопрос на \$64 тысячи». Но многолетний успех Jeopardy! помог реабилитировать подмоченный ранее жанр, и когда шоу в 1984-м возродилось в прежнем формате, но с новым ведущим, неподражаемым уроженцем Онтарио Алексом Требеком, оно вновь моментально стало хитом.

С тех пор прошло еще два десятка лет. Jeopardy! — все еще самая рейтинговая в США телевизионная викторина. Она стала частью популярной культуры, и даже больше — современного американского

духа. «Чувак, ты такой умный, иди играть в Jeopardy!» — такое не услышишь в адрес никакого другого интеллектуального шоу. В год возвращения Jeopardy! в эфир «Странный Эл» Янкович выпустил пародийную песню I lost on Jeopardy! о своем позорном проигрыше, во время которого диктор Дон Пардо своим знаменитым закадровым голосом назвал его «законченным неудачником». В фильме 1992 года «Белые люди не умеют прыгать» Роза Перес исполняет заветную мечту всей жизни, попав в Jeopardy! и оставив с носом соперников на теме «Еда на букву Q», в которой она взяла все пять вопросов — от «пирога из заварного крема с беконом и сыром»¹ до «большого съедобного моллюска, обитающего на Атлантическом побережье»². Дастин Хоффман в роли главного героя «Человека дождя» *определенно* отказывается пропустить свою 35-минутную дозу Jeopardy!. А в «Дне сурка» Билл Мюррей, сходя с ума от скуки бесконечно повторяющегося дня, снова и снова смотрит один и тот же выпуск Jeopardy!, пока не выучивает наизусть все вопросы и ответы, шокируя тетушек в гостинице.

Успех Jeopardy! нашел отражение в самых разных телешоу. Клифф Клейвин, всезнающий почтальон из сериала Cheers, должен был сорвать в Jeopardy! большой куш, когда темы на его игре оказались будто специально под него написаны: «Госслужащие», «Марки со всего света», «Пиво», «Матери и сыновья», «Тривия в пабах» и «Безбрачие». Однако он проиграл, сделав слишком большую ставку в финальном раунде. В ответ на вопрос: «Именно по этой причине мы знаем Арчибалда Лича, Бернарда Шварца и Люсиль Фэй Лесюр»³ он предположил: «Какие три человека никогда не были у меня на кухне?» На некоторое время эпизод «На Jeopardy!» стал таким же обязательным ситкомовским штампом, как, например, «Застрявшие в лифте» или «Два свидания с разными девушками за один вечер». В те благословенные дни в гостях у Jeopardy! побывала и Мардж Симпсон, и главная героиня «Моей прекрасной няни» Роза, и Дороти из The Golden Girls, и Тельма из Mama's Family. Упомянутую серию ситкома Mama's Family я ради такого случая даже посмотрел. До этого я, как и любой другой нормальный человек в Америке, не видел целиком ни одной.

Во всех упоминаниях и обращениях к Jeopardy! в поп-культуре есть одна общая деталь — они относятся к одному и тому же периоду длиной примерно в 15 лет. (По трагическому совпадению, даже Mama's Family прекратила выходить в 1990-м.) И этого следовало ожидать: в поздние 1980-е и ранние 1990-е Jeopardy! находилась на пике своей славы. Дело не в том, что с тех пор шоу стало ухудшаться. Как раз наоборот: оно застыло в совершенной неизменности, в то время как сотни других программ приходили и уходили, а весь актерский состав сериала «Закон и порядок» сменился дважды. Люди стали считать свою жизнь по годам Jeopardy!. Это уже больше, чем просто программа. Это общественный институт.

Десять с лишним миллионов преданных зрителей привыкли смотреть шоу вечер за вечером, ни одного не пропуская. Со своим устоявшимся, повторяющимся форматом Jeopardy!, возможно, наименее яркое шоу на телевидении, и зрители не ожидают от него особой феерии или сюрпризов. И уж, конечно, смотрят программу не из-за игроков или ведущего, который — при всей моей любви — кажется, ведет отчаянную борьбу за звание самого «нехаризматичного» телешоумена.

Нет, постоянные зрители смотрят программу ради тривии. Они — точнее, мы, чего уж там, ведь я большую часть жизни сам был ее фанатом — уверенно отвечают на вопросы, сидя перед телевизором. После каждого вопроса, взятого на уютном диване, мы чувствуем себя умнее, при этом щадим свое самолюбие, не обращая внимания на свои неправильные ответы. Недолгое, но законное ощущение гордости за правильный ответ на вопрос объясняет всю любовь человека к тривии. Мы обожаем выброс эндорфина, ощущение «Какой же я умный!», которое появляется после непонятно откуда неожиданно пришедшего в голову ответа на вопрос.

Среди этих вечерних зрителей есть дети, студенты вузов, смысленные молодые профессионалы, а также граждане почтенного возраста — я бы даже сказал, особенно граждане почтенного возраста. Jeopardy!, невозмутимо и регулярно включающая в игру темы сугубо для знатоков-эрудитов, как, к примеру, «Балет», «Ядерная физика» или «История искусств», — это последний рудимент иной Америки, очага светлого разума, где наука могла решить все проблемы и помочь нам

оставить позади Russkies, где высокая культура свободно проникала в сознание обывателя. Для дедушек, ностальгирующих по времени, когда все слушали по радио Тосканини, и обреченных сегодня смотреть по ящику на людей, выигрывающих деньги за прыжки с тарзанкой или поедание козлиных кишок, Jeopardy! — это машина времени, ненадолго переносящая их в эру Эйзенхауэра, сладкая пилуля из прошлого века, когда Америка еще не окончательно отупела.

«Ты выглядишь несколько нервно», — говорю я Эрлу. Прошел месяц с того момента, как я затащил его на отбор в шоу, и мы, медленно продираясь сквозь вялую пробку, держим путь к отелю «Калвер-Сити», где сегодня и будут определены соискатели. Мы прибыли в Лос-Анджелес поздно вечером накануне и провели несколько часов без отдыха в гостиной квартиры старого школьного приятеля Эрла в районе Студио-сити. Приятель одновременно оказался и его партнером по команде дебатов. За последние 12 часов я узнал о хитросплетениях студенческих университетских дебатов больше, чем когда-либо хотел знать. Вывод: ребята, вы могли бы найти еще хоть какую-нибудь тему для разговора за ужином!

«Да, я нервничаю», — подтверждает Эрл.

«Боишься, что не пройдешь?»

«Ага, — говорит Эрл. — Задай мне, пожалуйста, оставшиеся естественно-научные вопросы».

Я открываю «Как попасть в Jeopardy! ...и победить!» — теперь уже измятую и потрепанную тень себя прежней. На пути в Калифорнию мы по очереди с головой погружались в ее страницы, дабы спастись от укачивания. В последние пять минут поездки мы успели выучить самую длинную мышцу человеческого тела⁴, музыкальный термин, по-итальянски означающий «отрывисто»⁵, и самое глубокое озеро в Соединенных Штатах⁶.

«Открыл пенициллин».

«Мимо. Погоди. Александр Флеминг».

«Верно! Открыл нейтрон».

«Джеймс Чедвик».

«Да. Открыл Уран».

«Ой... Ты сказал: “Уран”».

«Верно. Также мы бы приняли у вас ответ: “Кто такой Уильям Гершель?”»

«Эй, смотри, здесь можно припарковаться. Нам не придется платить десять баксов за подземную стоянку в отеле».

«Отлично. Прижимайся к тротуару и прогони-ка меня еще разок по оперным вопросам».

Телефонный звонок в Jeopardy! три недели назад определил нас в список на десятичасовое тестирование. Мы приехали на полчаса раньше одними из первых и теперь были вынуждены слоняться между пальмами и фортепианной музыкой Эндрю Ллойда Уэббера в холле «Калвер-Сити Рэдиссон». Не желая выглядеть дураками, я заставил Эрла спрятать заветную книгу, однако беспокойство мое оказалось напрасным: вскоре в холл ровным потоком потянулись люди — все они сжимали в руках издания, подобные нашему.

В назначенное время нас, всего около 75 человек, запускают в конференц-зал, где вот-вот начнется тестирование.

Пол в зале покрыт пышным бордовым ковром, на котором десятками рядов расставлены складные стулья. Эрл и я садимся через несколько рядов друг от друга на два оставшихся свободных места. Любопытство заставляет меня вытянуть шею, чтобы лучше рассмотреть присутствующих. Здесь много белых мужчин среднего возраста, составляющих ядро игроков в Jeopardy!, но в целом помещение демографически отражает Америку. Я сижу справа и чуть спереди от чернокожей женщины, которая читала книгу Jeopardy! в холле. Она олицетворяет собой одновременно гендерное и национальное меньшинство среди собравшихся. У всех умные лица: очки для чтения, козлиные бородки, экземпляры журнала The Economist и твидовые пиджаки с модными заплатами на локтях. Я чувствую легкое волнение, как актер перед выходом на сцену. Смогу ли я что-либо противопоставить твидовым пиджакам с заплатами?

Из нашей книжки мы с Эрлом узнали, что сегодняшней письменный тест — лишь первое наше испытание. Все получают на руки материалы заданий вместе с фирменной ручкой Jeopardy!, которая для многих из нас станет единственной наградой за предпринятую попытку. Очень немногие пройдут тест, составленный

из 50 специально отобранных сложных вопросов из числа ранее отыгранных в телепередаче. Координаторы конкурса приветствуют нас и спрашивают, участвовал ли кто-либо в игровых передачах раньше (обозначилось несколько ветеранов «Миллионера» и один парень, который играл однажды в The Match Game) или пробовал ли ранее свои силы в Jeopardy!. Таких много. «Девять раз, и я всегда проходил», — заявляет один парень. Девять раз? Я стреляю глазами в Эрла. Я знаю, что даже при успешном прохождении теста вероятность итогового попадания на съемки ничтожно мала, но *девять раз*? Без паники. Просто, может, тому парню не повезло, он решительно не тот, кто им нужен?

Вопросы проецируются на экран в передней части зала. Они набраны белым шрифтом на голубом фоне, как и в самом шоу (знатокам полиграфии сообщу, что гарнитура называется «Коринна»). Сладкозвучным голосом (записанным заранее) их читает диктор шоу Джонни Гилберт. У потенциальных участников есть всего восемь секунд на размышление, прежде чем голос Джонни начинает задавать следующий вопрос. Вы записываете ответы на розданных листах и... нет-нет, администратор объясняет, что не нужно давать ответ в вопросительной форме.

В начале теста я немного волнуюсь — не могу вспомнить, кто сменил Сэнди Бергера на посту советника президента США по национальной безопасности, и оставляю строку для ответа на самый первый вопрос пустой. Но затем идет порядка десятка вопросов, ответы на которые я выдам, хоть разбуди посреди ночи: Сальвадор Дали! Индуизм! Джон Уилкс Бут! «Венецианский купец»! Я начал расслабляться, и тут первый ответ неожиданно сам собой пришел мне в голову. Элементарно, Ватсон! Я бью себя по лбу и быстро вписываю в пропущенную мной пустую строчку: «Кондолиза Райс».

Я всегда получал какое-то извращенное удовольствие от тестов. Запах стружки хорошо отточенного карандаша, возможность написать свое имя с помощью заштрихованных квадратиков, которые впоследствии будут автоматически обработаны компьютером, набор хитро сформулированных задачек, ждущих моего решения... В школе за подобные признания рискуешь быть битым, однако в глубине души я всегда получал некий кайф от аттестационных тестов. Тест Jeopardy!

вернул мне былые ощущения, больше того, усилил их, ведь все вопросы здесь были из разряда трюизма. Какой человеческий орган состоит из нефронов?⁷ Как зовут мать Исаака — женщину, наиболее часто упоминаемую в Библии?⁸ Как зовут испанца, супруга Мелани Гриффит?⁹

Испытание подходит к концу, я понимаю, что ответил не на все вопросы. Осталась незаполненной строка с именем молодой певицы стиля кантри, еще одна, с самой быстрой птицей из семейства соколиных; и я почти уверен, что перепутал Мишель Кван с Кристи Ямагучи. Однако я знаю, что проходной балл дает обычно право на несколько ошибок. Хотя каков в точности этот балл, где проходит «линия отреза», Jeopardy! никогда не сообщает. Координаторы конкурса просто объявляют всем, кто не прошел, что они могут возвращаться домой и сообщить друзьям, что упустили свой шанс.

После сдачи листов со всех сторон доносится жужжание с правильными ответами, которые я не дал (Лиэнн Раймс! Сапсан! Кристи, чтоб ее... Ямагучи). Моя уверенность немного поколеблена. У Эрла те же проблемы. Он сидит рядом с каким-то парнем, по виду студентом, судя по всему, самоуверенным и несносным типом. Он из тех, кто говорит без умолку с любым человеком, которого постигло несчастье оказаться на соседних с ним креслах в самолете, даже если этот несчастный пытается читать.

«Я совершенно уверен, я сделал это, — бубнит он. — После того как я взял тот вопрос про Оливера Твиста...»

«Ты имеешь в виду “Большие надежды”?» — переспрашивает Эрл.
«Что?»

«Ну, там же шла речь про Пипа и Мэгвича. Я совершенно уверен, что это “Большие надежды”».

«Ох. Да, правильно. Конечно, “Большие надежды”». — На время он затихает.

Пока сотрудники Jeopardy! проверяют тесты, двое координаторов конкурса развлекают возбужденную аудиторию ответами на вопросы. Мы с Эрлом понимаем, что если ты не смотрел каждую передачу со времен первого ведущего Арта Флеминга до вчерашнего вечера, то ты лишний на этом празднике жизни. Народ обменивается намеками и

шутками о подробностях, связанных с Jeopardy!, о которых я в жизни не слышал, не говоря о каких-то незнакомых мне новшествах в шоу. Алекс сбрил усы? Появился какой-то Brain Bus и Clue Crew? Это что — Jeopardy! или «Санта-Барбара»? Мы с Эрлом нервно посмеиваемся, видя, как остальные хохочут, перекидываясь многозначительными взглядами, а внутренне готовы разорвать себя за все то время, которое, как дураки, потратили на учебу в университете, вместо того чтобы смотреть Jeopardy!.

Проверяющие возвращаются в конференц-зал, и все мгновенно замолкают. Они передают результаты координаторам конкурса, напряжение нарастает. Все пытаются изобразить беспечность, но колени нервно трясутся, а ноги ходят ходуном. В 12-й раз нам напоминают, что мы большие молодцы уже потому, что решились приехать, мы доказали себе все, что нужно, ничего страшного, если мы не прошли, через год у нас будет возможность повторить попытку. Да-да-да, читайте же уже список!

Вся моя уверенность внезапно улетучилась: теперь я убежден, что провалил тестирование. О чем я думал, когда решался на эту безумную 12-часовую поездку?

Но вот оно: «Кен Дженнингс». Мое имя прочитали вторым. Сладостное облегчение. Конечно, я прошел. Я ни на секунду в этом не сомневался.

Я ожидал, что будет названо еще пять, в лучшем случае шесть имен, ведь проходной балл, похоже, не очень высок. Но пять, затем шесть имен прозвучали, а Эрла среди них не было. Вот уже девятеро прошедших. Теперь десять. Эрл пытается сохранять спокойствие, но вытягивается вперед всем телом, как игрок, пытающийся перехватить мяч на линии схватки в регби. Его обыкновенно виноватое лицо выглядит теперь как искаженный снимок всех пяти номинантов на «Оскар» в момент вскрытия конверта. Мог ли он не пройти? В таком случае дорога домой превратится в ад.

«Эрл Кахил!» — звучит одиннадцатое имя, а вслед за ним двенадцатое, последнее. Я так яростно зааплодировал, что люди обернулись и уставились на меня.

«Поздравляю, Эрл!» — шепнула мне женщина, сидевшая наискосок от меня.

Двенадцать счастливых выходят в переднюю часть зала, остальные скорбно топчутся позади. Оливер Твист, парень, который был «совершенно уверен, что сделал это», среди них, и я чувствую нечто большее, чем приступ жалости, когда вижу его лицо. Он выглядит, как ребенок, который упустил свой только что подаренный воздушный шарик.

Теперь мы должны заполнить нашими новыми блестящими ручками с логотипом Jeopardy! пространную анкету участника. В большинстве пунктов нужно отвечать «нет». Нет, я никак не связан с сотрудниками Sony Entertainment или с Алексом Требеком. Нет, я никогда не принимал участие в Jeopardy!. Нет, я никогда не избирался на государственные посты. Перед тем как заполнить графу «Род занятий», я на секунду замялся. Это мог бы быть хороший шанс отличиться. Неужели Jeopardy! станет нанимать команду частных сыщиков, чтобы вывести меня на чистую воду, если я напишу «ветеринар-психотерапевт» или «ученик чародея»? Честность возобладала, и я небрежным почерком вывожу «программист», с тоской представив себе на миг десятки тысяч подающих надежды молодых программистов, которые, возможно, пробовали свои силы в Jeopardy! за последнюю неделю.

Самым трудным оказывается вопрос, по какому каналу мы смотрим Jeopardy! у себя дома. Мы с Эрлом обмениваемся гримасами смущения, понимая, что Jeopardy! в конце концов поставила нас в тупик. Я пишу: «Ваш партнерский кабельный канал в Солт-Лейк-Сити», но не думаю, что мне удастся кого-то обмануть. Эрл не пишет ничего.

Еще в одном пункте требуется написать пять забавных фактов о себе. Если отборочный тест из 50 вопросов был похож на школьные аттестационные работы, то это уже университетское эссе. Наши пять фактов станут основой для маленького интервью, которое традиционно берет у участников Алекс перед началом игры. Если вы когда-либо видели эти натужные попытки «очеловечить» участников шоу, то знаете, насколько несмешными чаще всего бывают такие «забавные» факты. Хотя некоторым все же удается рассказать неплохой анекдот или забавную историю. Согласитесь, это непросто сделать в первые десять минут на национальном телевидении.

Благодаря нашей маленькой книжице мы с Эрлом знали об этом пункте, за время поездки пытались составить несколько анекдотов и... Даже имея 12 часов в запасе, мы были вынуждены немало помучиться. Представляю, насколько подобное требование может ошеломить человека, не предупрежденного заранее. «Запишите пять хорошо продуманных, наиболее удивительных вещей о себе! В одном предложении! Используйте чувство юмора! И уложите, пожалуйста, в несколько минут, пока мы не вернемся, чтобы вас сфотографировать!»

Координаторов программы зовут Мэгги Спик и Тони Пандольфо. Оба — совершенно невероятные типы, которые, по задумке Jeopardy!, должны впрыскивать адреналин в общество унылых, нервных ботаников, как те клоуны с воздушными шарами, которые пытаются оживить безнадежно испорченную вечеринку в честь десятилетия ребенка. Тони — бородатый лысеющий мужчина со сдержанным юмором, узнаваемым скрипучим голосом, как у актера Харви Фирштейна, и легким нью-йоркским акцентом. Он обожает игровые шоу и всю жизнь в них проработал. Кроме того, он и сам регулярно играет в покер с Бетти Уайт, вдовой Билла Калена — Энн, создателем телеигры Password Бобом Стюартом и другими корифеями телевизионных игр прошлых лет.

Мэгги Спик — это средних размеров сгусток энергии с голосом, похожим на сирену скорой помощи, и громким, нет, оглушительным смехом. Для Мэгги мы все — «милашки» и «красавчики». Она — постоянный источник полезных советов, тренерских указаний, смешных и несмешных шуток и смеха над своими собственными шутками обоих типов. Короче говоря, она идеально умеет подстраиваться под личностные особенности скованных и нервных кандидатов в Jeopardy!.

Следующий тест — это тренировочная игра. Способность пройти очень сложный тест на тривию еще не говорит о телегеничности и общительности человека, которые от него требуются. Кто бы мог подумать! Итак, Тони и Мэгги делят нас на тройки, чтобы мы могли попрактиковаться с кнопками, выбирая и отвечая на настоящие вопросы из шоу.

Их не волнует, правильно мы отвечаем на вопросы или нет. (Если бы и в реальном шоу все было бы так же благобно!) Они лишь хотят проверить, способны ли мы улыбаться, громко говорить, быстро отвечать и вовремя нажимать на кнопку. В Jeopardy! все должно идти как по маслу, поэтому им нужны люди, которые будут играть как следует, чтобы уложиться в отведенные 22 минуты за вычетом рекламы. Tempo, tempo!

Кроме того, координаторы исполняют роль Алекса, проводя мини-интервью с каждым участником. В моем воображении нам с Эрлом предстояло конкурировать с кучкой эмоциональных калек, бледных книжных червей, которые и полфразы не могут сказать, не упомянув «клирика девятого уровня» или капитана Пикара. Я далек от телегеничности, но на фоне подобных персонажей выглядел бы как Кэри Грант!^[6] Поэтому я был весьма обескуражен, обнаружив, что большинство из 12 финалистов — обаятельные, общительные люди с интересными историями. Один был вертолетчиком во Вьетнаме. Другой только что вернулся из Африки, где полгода копал колодцы. Единственным, кто не справился с заданием, был какой-то несчастный зануда.

«Тут написано, что вы любите читать!»

«Да».

«Ну, а другие интересы у вас есть?»

«Э-э... Я... только читаю. В основном читаю».

Я не особенно рассчитываю увидеть этого парня в шоу.

Мое интервью вышло довольно неубедительным, какая-то история про нашего малыша, которая вытянула из Мэгги долгое «А-аа-ааа-гаааа». Все-таки Америка любит младенцев! У Эрла, как мне кажется, вышло гораздо смешнее, и я думаю, даже в какой-то мере надеюсь, что он получит заветный Звонок с приглашением на съемки раньше меня. Но он зачем-то чуть не выпрыгивает из штанов после неправильного ответа на киношный вопрос во время тренировочной игры. «Как можно не знать, кто сыграл питчера в “Дархэмских быках”!¹⁰ Я же смотрел этот фильм 12 раз!» — шепчет он мне в отчаянии.

«Да все у тебя нормально. Интервью было смешное. А это главное».

Тони спрашивает, есть ли у кого-то вопросы. «Сколько можно ждать приглашения на съемки, находясь в обойме?» До года. «Что будет, если нас нет дома, когда вы позвонили, или когда за нами приехала машина, или еще что-то случилось?» Если мы захотим вас позвать, мы вас найдем, не беспокойтесь. «Могут ли дисквалифицировать игрока, скажем, из-за слишком высокого роста?» Этот вопрос задает Эрл. Его успокаивают, что они просто ставят более низких участников на специальные подставки, если один из тройки очень высок. Кажется, раньше пробовали ставить «великанов» в углубления, но они спотыкались и падали. Ответ весьма радует Эрла.

На этом все. Не звоните нам, мы сами вам позвоним. Мы покинули отель достаточно воодушевленные, но это совсем не то состояние восторга, когда хочется звонить всем подряд.

«Эй, можешь себе представить, я только что прошел отбор в Jeopardy!».

«Круто! И когда тебя можно будет увидеть на экране?»

«Ну, может, и никогда. Если меня возьмут, то через год или около того».

«Э-э... Да, круто».

Уже из машины я позвонил Минди, которая, услышав хорошие новости, аж взвизгнула от радости за нас обоих.

Эрл и я, измученные бессонной ночью за рулем, но слишком возбужденные, чтобы спать, проводим остаток дня, катаясь по Лос-Анджелесу. Нормальные люди в таком случае посетили бы какие-нибудь достопримечательности, но вместо этого мы стараемся в точности восстановить в головах вопросы теста и посчитать наш результат. В итоге решаем, что каждый набрал что-то между 40 и 45 из 50, что вроде бы довольно неплохо. Решив все же отдать дань городу, мы отправляемся в парк Гриффит, чтобы Эрл мог сделать несколько фотографий, но дорога наверх к обсерватории оказывается перекрыта.

На следующий день мы снова едем через суровую пустыню Мохаве. Наше бурное путешествие подходит к концу, но теперь мы уже гордые патроны в обойме Jeopardy! и сидим с высоко поднятой головой.

«Ну как, теперь ты спокоен насчет своего результата?» — спрашиваю я Эрла.

«Конечно. Только дебил мог не пройти тест. Твой пес Банджо не прошел бы. Он бы долго мял бумагу, но определенно бы провалился».

Я понимаю, о чем он. Я полностью готов к тому, что не дожусь звонка из Jeopardy!, и, конечно, не буду повторять попытку каждый год, чтобы с горечью заявить, как тот парень: «Девять раз!» Но все-таки круто один раз пройти этот тест!

Дома я постарался рассказать о своей поездке как можно меньшему числу знакомых. И все же пришлось не меньше 20 раз отвечать на один и тот же раздражающий вопрос: «Ну и когда же мы увидим тебя по телевизору?» Следующие несколько месяцев всякий раз, когда определитель высвечивал на телефоне междугородний номер, я надеялся, что это может быть Jeopardy!. Но так и не дождался. Минул почти год, и наш сын Дилан сначала сел, потом пополз, потом заговорил и, наконец, пошел. Вскоре я и думать забыл про Jeopardy!.

ОТВЕТЫ

- 1 Quiche** (Киш) — французский пирог из заварного крема с беконом и сыром.
- 2 Quahog** (Океанический венус, или *Arctica islandica*) — большой съедобный моллюск, обитающий на Атлантическом побережье.
- 3** Арчибальд Лич, Бернард Шварц и Люсиль Фэй Лесюр — это настоящие **имена Керри Гранта, Тони Кертиса и Джоан Кроуфорд** соответственно.
- 4 Портняжная мышца**, расположенная на бедре, — самая длинная мышца человеческого тела.
- 5 Стаккато** (Staccato) — музыкальный термин, по-итальянски означающий «отрывисто».
- 6** Орегонское **озеро Кратер** — самое глубокое озеро в Соединенных Штатах.
- 7** Из нефронов состоят **почки**.
- 8** Чаше других женщин в Библии упоминается мать Исаака, **Сара**.
- 9** Актер **Антонио Бандерас** — муж актрисы Мелани Гриффит.
- 10** **Тим Роббинс** сыграл питчера в «Дархэмских быках».

Глава III

Что такое эрудиция?

Мы с Эрлом познакомились в 1996 году, во время отбора в команду Университета Бригама Янга по викторинам. Нас обоих взяли, и следующие три года мы катались по всей стране от побережья до побережья, разыгрывая по выходным Кубок по викторинам в колледжах и университетах. Кубок по викторинам — это командная игра в вопросы и ответы, в которой принимают участие команды из сотен университетов и тысяч школ повсеместно. Вопросы могут затрагивать любую область знаний, которую только можно себе представить, — от Васко да Гамы до греческой трагедии, от Билля о правах до трилобитов.

Спустя годы после того, как я отказался от тривии и всего, что с ней связано, Кубок по викторинам стал мостиком обратно в наполненный погоней за интересными фактами мир моей юности. Скрытые где-то в глубинах моего мозга запасы тривии наконец получили шанс выйти на поверхность. Мы с Эрлом и еще двое наших друзей составили неплохую викторинную команду от нашего университета, с которой традиционно входили в десятку во всех национальных первенствах. Но с момента выпуска прошло уже много времени. Собственно, последний раз я держал в руках игровую кнопку пять лет назад. И мозги мои заржавели. И вот я приехал в тихий юный городок Нортфилд, расположенный к югу от городов-«близнецов» (Миннеаполиса и Сент-Пола) на берегах реки Кэннон, чтобы выяснить, насколько сильно они заржавели.

Библиотека Лоуренса Мак-Кинли Гулда — это академический центр Университета Карлтон, одного из двух крошечных университетских городков в Нортфилде. (Местная легенда гласит, что «Нортфилд в штате Миннесота» был однажды правильным ответом на вопрос из игры Trivial Pursuit: «Назовите единственный американский город, в котором два университета и только один бар». Правда, тут целых пять баров.) Лоуренс Мак-Кинли Гулд, чье гордое имя носит библиотека, в свое время был президентом Карлтона. Кроме того, он

известен тем, что служил заместителем командующего адмирала Берда в его исторической экспедиции на Южный полюс в 1928 году. Сведения эти я почерпнул с большого выставочного стенда в холле библиотеки. На стенде были представлены предметы из антарктической коллекции Гулда, включая чучело императорского пингвина по имени Оскар.

В небольшой классной комнате в углу библиотеки восемь студентов сгруппировались вокруг двух столов. У каждого в руках сигнальное устройство, которое, похоже, собрано из перепаянных педалей для электрогитары. Педали соединены проводами со светящимся механизмом, встроенным в раскрытый кейс, который расположен посередине стола. Волна адреналина накрывает меня, едва моя правая рука касается кнопки. Так должен чувствовать себя давно вышедший на пенсию профессиональный бейсболист, вновь ступая по траве игрового поля. Возвращаться — круто!

Устройство в кейсе — вовсе не бомба. Это кнопочная система для Кубка по викторинам, которая, правда, нередко становилась предметом спора между мной и аэропортовыми секьюрити. Сегодня понедельник, день регулярных тренировок команды Карлтона. Они собираются поупражняться в ответах на некоторое количество вопросов, или «отыграть несколько пакетов», как это звучит на игровом жаргоне.

«Разогреться будем на обычном школьном пакете», — обращается к команде мужчина с седеющей белой бородой. Я узнаю Эрика Хиллеманна, тренера Карлтона, в бытность мою игроком одного из сильнейших викторинистов в стране. Он имеет в виду, что это будут вопросы, написанные для школьников, поэтому студенты должны их щелкать, как орешки. «Обычный» означает не сгруппированные по темам вопросы, обращенные сразу к обеим командам.

«Вопрос первый. Анна Клевская и Екатерина Парр...» Его прерывает громкий звуковой сигнал, идущий из кейса. Игрок нажал на свою педаль еще до того, как я осознал, о чем идет речь.

«Генрих VIII».

«Верно».

Ладно, это было не трудно. Жены Генриха VIII. Но когда пойдут вопросы сложнее, скорость не должна снизиться.

«Число e получило свое название в честь...» Бип. Леонард Эйлер.

«Под пересечением зрительных нервов находится...» Бип. Гипофиз.

«Когда ему было 13, умер его брат Алли...» Бип. Холден Колфилд.

«Его создал программист компании Namco Тору Иватани...» Бип. Пакмэн.

В кубке по викторинам вы можете нажать на кнопку и прервать ведущего в тот момент, когда придумали ответ, — не обязательно ждать конца чтения вопроса. Команда Карлтона отжигает: они даже не дают Эрику дочитать до сказуемого в первом предложении вопроса. Это одна из великих загадок игры в викторину — молниеносные вспышки интуиции, скоростью появлений которых необходимо управлять, как персонажем видеоигры. Называйте это как хотите — нервные рефлексы, предчувствие, предвидение, быстрочувствование, но лучшие игроки жмут на кнопку еще до того, как их мозг смог обработать полученную информацию. Просто знать правильный ответ может оказаться недостаточно, так же как футболисту недостаточно держать в голове заранее расписанные игровые схемы. Вы должны войти в зону и реализовать момент.

Конечно, экзотические знания тоже не мешают. Это уже не тривия ваших родителей. Каждый вопрос Кубка по викторинам длинный, состоит из серии подсказок, иногда в нем бывает до пяти, даже шести предложений. Эти предложения выстроены по принципу пирамиды, то есть в начале идут подсказки максимально расплывчатые, запутанные («В 1770 году мать этой женщины была экономкой у швейцарского доктора Филиппа Курциус, который обучал ее живописи и анатомии»), а по мере приближения к концу вопроса они становятся все яснее и проще. («За десять очков назовите женщину, которая в 1835 году открыла и назвала своим именем музей восковых фигур в Лондоне¹».) Таким образом, зачастую все решает скорость — нужно жать на кнопку, как только у вас мелькнул хоть проблеск правильной идеи. Это тривия на стероидах.

Эрик повышает уровень вопросов, переключаясь на пакеты вопросов студенческого уровня, но скорость игры остается прежней.

«Его имя восходит к названию жука...» Бип. Чака Зулу, африканский вождь XVIII века, который оказался крайне невезучим

парнем.

«Ее седьмая статья, “Севооборот”...» Снова моментальное нажатие. Книга «Или-или» датского экзистенциалиста Серена Кьеркегора. Верно.

Уровень игры для меня просто ошеломляющий. Даже самые простые их вопросы за десять очков про Чака Зулу или Кьеркегора стоили бы в Jeopardy! \$2000 и считались бы мегакрутыми. Но эти гении не знают, кто написал «Или-или». Они знают только заглавия каждой отдельной главы книги. И они не знают, кто такой был этот самый Чака Зулу. Они только знают о хитросплетении энтомологии и этимологии, благодаря которому он получил свое имя.

Несмотря на более чем скромные размеры, за последнее десятилетие Карлтон сумел вырастить одну из лучших в стране университетских команд по викторинам, которая за указанный промежуток времени одержала победы в 31 турнире. Достижение покажется вам тем более замечательным, когда вы узнаете, что по правилам Кубка состав команды, в отличие от президента США, не должен меняться каждые четыре года. Многие из лучших команд страны укомплектованы «вечными» аспирантами, которые, кажется, участвуют в розыгрыше Кубка по викторинам со времен администрации Форда. Напротив, Университет Карлтон — четырехлетняя школа, не имеющая каких-либо программ продолжения образования. Его студенты кажутся младенцами по сравнению с динозаврами из других команд. И все же они побеждают. На вечерней тренировке Патрик Хоуп, лучший игрок команды, качает мышцы огромным призом за второе место, которое команда недавно завоевала в Новом Орлеане на самом престижном национальном соревновании по викторинам — Межуниверситетском турнире NAQT.

Главная причина впечатляющих успехов команды — тренер Эрик Хиллеманн. На уровне школьных команд «тренеры» по викторинам чаще всего исполняют роль почетных сопровождающих команды и, когда необходимо, ставят свои подписи на бланке регистрации. У большинства университетских команд тренера нет вовсе. Казалось бы, ну чем может быть полезен тренер при игре в викторину? В школьных кубках по викторинам я один раз видел «тренера», который ближе к концу игры взял тайм-аут, склонился над своей командой и сказал:

«Ребята, давайте отвечать на большее количество вопросов. О'кей, поехали». Полезный совет.

Но Эрик — тренер гениальный. Он очень серьезно работает с командой. Перед тем как принять участие в турнире, игрокам приходится дважды в неделю тренироваться, письменно каждый месяц отвечать на определенное число вопросов, запоминать списки фактов и подтверждать свои знания в тестах на получение знаков отличия. Эрик лично составил больше 80 таких опросников на 40 вопросов каждый, суммируя базовые области викторинных знаний: один по битвам Гражданской войны в США, другой по химикам — лауреатам Нобелевской премии, третий — по богам скандинавской мифологии и т. д. Все это в свободное от занятия архивным хозяйством университета время; стенд с чучелом пингвина, который я видел при входе в библиотеку, — тоже его рук дело.

На вечерней тренировке он постоянно предлагает собранную по крупицам интересную информацию для расширения кругозора игроков за счет «канонических» знаний игрока в викторины с двадцатилетним стажем. «Постарайтесь запомнить разницу между Аякучо и Чакабуко, — советует он команде в определенный момент. — Это две битвы за независимость Южной Америки, которые вам необходимо знать». Через несколько минут он уже спорит с Кортни Колби, единственной девушкой в комнате, о том, какой именно этический принцип привнес в конфуцианство философ Менций.

В конце тренировки он даже выуживает из кармана пятидолларовую банкноту и кладет ее перед собой на кнопочную систему. «Следующий вопрос я могу даже не задавать, вы его все равно не возьмете». Само собой, никто не знает имя потерпевшего кораблекрушение, который рекордные 133 дня плавал по Южной Атлантике во время Второй мировой войны. В глубине души я чувствую некоторое облегчение от того, что даже этих супергероев тривии можно поставить в тупик, правда, я бы чувствовал себя еще лучше, если бы сам знал ответ на заданный вопрос — и, уверенно нажав на кнопку, ответил бы: «Китайский моряк Пун Лим».

«Это странная субкультура, — признаётся Эрик своим монотонным библиотечарским голосом. — Реальный мир может быть шокирован никому не известными фактами, услышав которые викторинные

команды будут ныть, что это “старая свечка”». Мы непринужденно болтаем за пиццей с соусом песто в единственном открытом ресторанчике, который смогли отыскать в Нортфилде в девять часов вечера буднего дня.

Эрик играет в кубках по викторинам с 1983 года, когда он, будучи студентом выпускного курса, попал в команду Университета штата Висконсин. Сама игра родилась еще тридцатью годами раньше, в 1953 году, когда шоу College Bowl дебютировало на волнах радио NBC. С 1959 года при поддержке титульного спонсора компании General Electric с будущим лицом программы Password Алленом Ладденом в качестве ведущего шоу вышло на телеэкран под названием G. E. College Bowl, став первой телеигрой, удостоенной премии Пибоди. Формат передачи был прост: четверо лопоухих жестоко набриолиненных белых парней, присланных из какого-нибудь университетского кампуса — скажем, Университета Северной Дакоты, — должны были составить конкуренцию в скорости нажатия на кнопку таким же парням из Политехнического института Ренсселера или любого другого подобного заведения. Любой из восьмерых участников мог нажать на кнопку, чтобы ответить на десятичковый академически ориентированный вопрос, требующий «быстрого вспоминания специфического факта», как гласил один из слоганов шоу. Верным ответом команда зарабатывала себе право на бонусный вопрос, как правило, состоявший из нескольких частей и дававший возможность получить от 20 до 40 очков. Победителям доставались гранты на оплату дальнейшего обучения и право появиться в следующей программе.

College Bowl покинул эфир в 1970 году, и, хотя Кубок по викторинам продержался после этого уже 35 лет в качестве студенческого развлечения для фанатов тривии, ему пришлось проделать долгий и нелегкий путь от сверкающего яркими красками телевизионного расцвета. Сегодня по национальному телевидению игры не транслируют. Их нет даже на местных кабельных каналах. На первом турнире, в котором я принимал участие в составе команды моего университета (BYU), мы заблудились и потеряли час, плутая по кампусу в штате Айова — ни один встреченный нами прохожий не знал, где идет мероприятие. Турниры по викторинам слабо

финансируются, организованы спустя рукава, проводятся в обшарпанных темных помещениях гуманитарных факультетов часто поздним вечером. В отличие от гостей Алена Ладдена, я никогда не получал стипендию размером \$3000 за победу в Кубке. Самым ценным призом, когда-либо мной заработанным, был тонкий сборник популярной поэзии Уолта Уитмена. Возможно, он стоил около \$1,5 в университетской лавке.

Кроме того, среди организаторов соревнований произошел раскол. Конечно, не такой, как в профессиональном боксе, с его алфавитным компотом конкурирующих организаций и чемпионских поясов, но все же мир игроков в викторины поделен сегодня на сторонников CBCI, ACF и NAQT. CBCI (College Bowl Company) — это корпоративный наследник ТВ-шоу 1960-х, его до сих пор возглавляет Ричард Рид, сын создателя College Bowl Дона Рида. Тридцать лет College Bowl был единственным шоу в городе, но в 1980-х игроки с юго-востока страны начали организовывать местную ассоциацию, отдельно от CBCI, рассчитывая привлечь команды которые хотят играть чаще, чем предлагаемые CBCI два турнира в год.

Так же, как и рьяные спортивные фанаты, викторинисты любят бесконечно «искать блох» и спорить о тонкостях Их Игры, и, когда CBCI не стала ничего менять и поддерживать товарищеские турниры, в народе началось брожение. Говорили, что регистрационный взнос, установленный компанией College Bowl, слишком велик, что ее турниры часто проводят неопытные волонтеры, которые не справляются с правильным прочтением длинных слов и разрешением судейских споров между командами. Игроков очень обидели заявление компании College Bowl о своем исключительном праве на легальное проведение любых игр в викторины в формате базовый вопрос + бонус-вопрос и требование к студентам, устраивающим подобные игры, платить лицензионные отчисления. Хотя большинству просто перестали нравиться вопросы.

На турнирах и в интернете игроки жаловались друг другу, что в вопросах College Bowl мало наводящей информации (наводок), что они плохо ранжированы по сложности и перестали быть в должной мере академичными. Один особо издевательский бонус-вопрос позволил команде получить 25 очков за угаданный после

внутреннего списка бесполезной информации «изогнутый желтый фрукт» (вы удивитесь, но это был банан). Случайно в игру попадали вопросы, уже заданные прежде. Хуже всего то, что иногда в вопросах содержалась самая настоящая ловушка, в которую попадались сильнейшие игроки, нажимающие на кнопку раньше других. «Игроки этих команд настолько сильны, что в 90 % случаев могут прервать вопрос до его окончания и дать правильный ответ, если в вопрос не заложен подобный трюк, — объяснил корреспонденту газеты Ричард Рид в 1987 году. — Если так продолжать, то смотреть на все это будет неинтересно, потому время от времени, наметив такого торопыгу, я говорю про себя: “На, получай!” — и жду, как он отреагирует в камеру. В последний раз я поймал на себе немало ненавидящих взглядов».

«Представьте себе футбольный матч на поле, которое все сплошь в выбоинах и битом стекле, а судьи то и дело выдумывают фолы против сильнейшей команды — и все ради того, чтобы сделать зрелище интереснее», — возмущается адвокат Дэвид Фрази из Бэй Ареа, в свое время капитан мичиганской команды в кубке по викторинам. После каждого турнира он писал в College Bowl 30-страничные письма, перечисляя в них все замеченные им проблемы, связанные с вопросами. В конце концов, его бесконечные сетования стали настолько знамениты, что некорректные вопросы College Bowl начали называть Frazee Unfair Questions («Нечестные вопросы Фрази»), или сокращенно FUQs.

В 1996 году, когда очередная команда Фрази выиграла Кубок Пенна, крупнейшее на тот момент викторинное состязание, проходящее независимо от CVC, они вместе со многими другими лучшими игроками собрались в комнате 1006 отеля «Филадельфия Шератон» и составили что-то вроде манифеста Кубка по викторинам. Они решили основать собственную компанию и использовать свои игровые материалы, не предоставленные CVC. Знание должно быть вознаграждено. Вопросы должны стать прямолинейными и содержать настолько много интересных фактов, насколько это возможно — больше никаких «изогнутых желтых фруктов».

Конечно, впереди ждали еще месяцы битв за формат, правила и распределение вопросов (сколько процентов вопросов должны покрывать каждую из предметных областей), но встреча стала днем

рождения National Academic Quiz Tournament (Национального академического чемпионата по викторинам), сокращенно NAQT. «Это было почти как подписание Конституции, — заявляет Фрази без тени иронии. — Чистота и страстность дискуссии достигли наивысшей точки».

Сильнейшие команды, включая действующего чемпиона College Bowl, команду из Вирджинии, скоро начали покидать CSCI, заявляя, что будут теперь участвовать только в национальных чемпионатах, проходящих под эгидой NAQT или ACF — Academic Competition Federation (Академической Федерации чемпионатов) — еще одной антиколледжбоуловской организации. Кубок по викторинам стал новым, специально придуманным названием для игры, которую участники раньше называли College Bowl, аналогично тому как стали говорить «фотокопия» вместо «ксерокса» или «клеякая лента» вместо «скотча».

Сегодня все три формата игры — CSCI, NAQT и ACF — сосуществуют, можно даже сказать, гармонично, после того, правда, как суд признал претензии College Bowl к подражателям безосновательными. Хотя заядлые спорщики все еще доказывают друг другу в интернете превосходство выбранного ими формата, большинству это неинтересно. Каждая группа занимает свою отдельную нишу. CSCI продолжает проводить ежегодные чемпионаты для любителей с кучей неакадемических вопросов по поп-культуре, актуальным событиям и общим знаниям, рассчитанным на игроков, которые берут в руки кнопки раз в год. ACF проповедует формат без временных ограничений, где команды сами пишут вопросы для своих соперников на каждый турнир. Причем их «гонка вооружений» за увеличение длины и сложности вопросов привела к такой замысловатости заданий, что в последнем чемпионате, организованном ACF, участвовали всего 17 учебных заведений. NAQT пытается найти золотую середину — более доступный и понятный материал, чем в ACF, игра на скорость, но все же с опорой на фундаментальность, поощряющую глубокие знания. Стоит сказать пару слов и о четвертом акрониме: TRASH, или Total Recall About Strange Happenings (это можно перевести как «Яркие воспоминания о необычных случаях»). Эта группа проводит чемпионаты, по стилю

похожие на Кубок по викторинам, но все вопросы у них посвящены кино, телевидению, поп-музыке и спорту. Школьной программе там нет места. Аббревиатура намекает на вечные обвинения ортодоксов из АСФ в том, что вопросы с поп-культурной тематикой — это трэш.

Лучший способ почувствовать разницу между всеми этими направлениями — это сравнить вопросы, которые задаются на играх. Давайте для примера возьмем 21-го президента США Честера Алана Артура. Даже если вы сугубый сторонник республиканцев, всю жизнь с похвальным упорством голосующий за их партию, вам вряд ли известно многое о жизни и деятельности Честера Артура. Нигде, в том числе в рафинированно-интеллектуальном эфире Jeopardy!, от вас не будут ожидать особенно глубоких знаний о старине Честере, кроме того, что он, возможно, стал президентом после убийства своего соратника и исторического предшественника Джеймса Гарфилда. Кубок по викторинам будет, конечно, копать поглубже. Вот как выглядит вопрос College Bowl о президенте Честере Артуре с очного турнира 2002 года:

«Теперь уже мало кто вспомнит наиболее прочно утвердившееся наследие его президентства — созыв международной конференции, которая установила нулевой меридиан, Всемирное время и поделила Землю на 24 часовых пояса. За десять очков ответьте, кто созвал эту Вашингтонскую конференцию в 1884 году?»

Это задание на самом деле немного сложнее, чем большинство вопросов в системе СВСИ, но сохраняет их главную отличительную черту — в нем содержится один-единственный факт (ну, и дата в конце). Если вы не знаете, какой президент был помешан на часовых поясах, то думать тут не о чем. Этот вопрос можно с легкостью превратить в стандартный вопрос игры Trivial Pursuit («Какой американский президент созвал конференцию, установившую мировые часовые пояса в 1884 году?»), но фанаты Кубка по викторинам непременно назовут такой вопрос очень плохим. Поскольку у всех игроков в викторины даты правления президентов отскакивают от зубов, все восемь человек в зале, скорее всего, будут

жать на кнопку в ту же секунду, когда ведущий произнесет: «1884». Такой вопрос будет поощрять голую скорость, а не мастерство.

А вот так выглядит вопрос про Честера Артура с Открытого чемпионата NAQT того же 2002 года. Назовем его *Артур-2: теперь на 30 % больше!*

Несмотря на то что он страдал от нефрита, это обстоятельство не помешало ему бороться за выдвижение кандидатом от своей партии, но он проиграл Джеймсу Г.(*) Блейну. Поначалу примкнув к линии «упрямых», впоследствии он объявил о независимом положении в партии и подписал знаменитый Закон Пендлтона. За 10 очков — назовите этого политика из Нью-Йорка, который занял пост президента после убийства в 1881 году Джеймса Гарфилда.

Это несколько длиннее, чем вопрос СВСИ, но я насчитал целых семь разных фактов, которые в нем содержатся, так что он значительно более информативен, чем «пара фактов в облаке пыли», по версии College Bowl. Маленькая звездочка в вопросах — изобретение NAQT — называется «отметкой сложности». Тот игрок, который нажимает и дает правильный ответ до звездочки (в данном случае перед словом «Блейн»), получает за риск дополнительные пять очков.

В турнирах под эгидой АСФ непросто, честно говоря, найти вопрос о персоне столь простой и банальной, как Честер Артур. Перелистывая одну за другой страницы материалов с последнего чемпионата АСФ, я нахожу идущие косяком вопросы о событиях и явлениях, о которых я никогда раньше не слышал: цикл предварительного охлаждения Линде-Хемпсона, экс-президенты Замбии, побочные сочинения философа Дэвида Юма. В конце концов, мне удалось найти вопрос про Честера Артура в материалах регионального чемпионата АСФ.

Вместе со своим министром Военно-морского флота Уильямом Чандлером он предложил выделить средства на развитие флота США, кроме того, в его президентство был приобретен угольный порт в Перл-Харборе. В качестве адвоката он выиграл процесс по делу Лиззи Дженнингс, в результате чего в Нью-Йорке была запрещена расовая сегрегация на общественном

транспорте. Занимая должность директора нью-йоркской городской таможни, он наложил вето на билль об «исключении» китайцев, предусматривавший ограничение их въезда в США сроком на 20 лет. Однако подписал похожий закон, запрещающий китайцам въезд на десятилетний срок. Ожидали, что он станет защищать позиции «упрямых». За 10 очков назовите имя этого президента, который расстроил планы сенатора Конклинга, подписав закон Педлтона о гражданской службе, после убийства своего предшественника, Джеймса Гарфилда.

Этот интеллектуальный марафон длиной в 109 слов^[7], очевидно, не предназначен для произнесения ведущим на одном дыхании. Будь это Алекс Требек, он бы, возможно, сделал перерывчик на чай с печеньем или короткий сон где-то посредине. Фактически это больше похоже не выдержку из энциклопедической статьи, чем на вопрос тривии. И это еще сравнительно короткое, по меркам АСФ, задание.

Наконец, TRASH никогда не включили бы в розыгрыш вопрос про Честера Артура. Вместо него фигурантом стала бы, например, Беатрис «Беа» Артур.

Здесь кроется фундаментальная проблема Кубка по викторинам. Вы задаете вопросы только по тем фактам, с которыми можно столкнуться в обычной жизни? Если так, вы рискуете надоесть опытным игрокам, для которых рамки обычной жизни уже давно слишком тесны. Они будут возмущенно закатывать глаза, в сотый раз слыша один и тот же старый добрый вопрос про Честера Артура, и требовать все более и более экзотического знания и информационных деликатесов. Но если вы уступите и начнете задавать вопросы про легендарного первого человека в мифологии Мадагаскара (Адриамбахоманана, как выяснили участники последнего национального первенства АСФ), то приведете в первобытный ужас новичков.

Кроме того, вы превратите Кубок по викторинам в странное, герметичное состязание, где игроки достаточно компетентно отвечают на вопросы про книги, которых они никогда не читали, про картины,

которых не видели, и науки, которых не изучали, только потому, что они уже раньше слышали похожие вопросы. «Речь идет о “Славянских танцах”? О, это всегда Дворжак. Отвечайте: “Дворжак”». При этом самого Дворжака, несмотря на то что он изумительный композитор, за пределами игрового зала могло бы с тем же успехом вообще не существовать. Он лишь элемент, кластер знания, который необходимо иметь в голове для успешной игры; примерно как шахматные дебюты для шахматистов или слова, начинающиеся на «ш» или «щ», для игроков в скребл.

«Ты читал “*Последние капли вина*”?» — спросил меня Роб Хентцель за день до моей поездки в Карлтон. Роб — президент NAQT. Он проводит свыше 2,5 тысячи часов в год, сочиняя вопросы и организуя чемпионаты по викторинам за символическое вознаграждение. Мы сидим в гостиной его дома в Миннеаполисе, где он живет со своей женой Эмили, в прошлом звезды команды Карлтона по викторинам. На самом деле, «духовным отцом», обвенчавшим их год назад, был Эрик Хиллеманн, купивший мандат на проведение таинства за \$5 в интернете. Между нами над камином висела заключенная в рамку пергаментная карта, контуры которой показались мне незнакомыми. Роб объяснил, что это карта мира, по которой он водит свой модуль в игре *Dungeons & Dragons*.

Я признался, что не читал «*Последние капли вина*», хотя и знаю — из какого-то вопроса, само собой, — что это исторический роман времен Древней Греции, написанный южноафриканкой Мэри Рено.

«Там есть момент, когда герои посещают Олимпийские игры или, может быть, Истмийские игры. Не помню точно. Но они обсуждают то, как люди, побеждающие в беговых дисциплинах, становятся одними большими ногами. Выше ног у них нет никакой силы. Они не солдаты. Все, что у них есть, — эти огромные ноги, благодаря которым они способны бежать так быстро. И они все одинаковые».

«Но ведь это издевательство над самой идеей Олимпизма! Ее смысл заключался совсем в другом! Игры задумывались для хорошо сложенных, гармонично развитых граждан-солдат, которые, ко всему прочему, могли быстро бегать».

«Похожие мысли возникают у меня в отношении Кубка по викторинам. Он задумывался для хорошо сложенных, гармонично

развитых граждан, которые, ко всему прочему, обладают большим багажом знаний. А в результате превратился в забаву для тех, кто посвящает себя изучению обязательного списка реалий, которые могут встретиться только в играх и никогда не пригодятся в обычной беседе».

Конечно, в этом есть доля преувеличения. Практически любой ветеран викторин с радостью расскажет вам, как сильно изменил его жизнь кругозор, сформированный благодаря участию в игре. Именно постоянные требования знания творчества Джейн Остин впервые побудили моего друга Роба прочитать ее произведения — теперь она его любимая писательница. Сабаш Маддипоти, уникум из Университета Чикаго, чьи 11 вопросов, взятых за игру в чемпионате NAQT 2003 года, можно сравнить со 100-очковым рекордом Уилта Чемберлена в НБА, поделился со мной, что благодаря викторинам открыл в себе страсть к искусству Ренессанса. Крейг Баркер, бывший игрок команды по викторинам Мичиганского университета и чемпион студенческой Jeopardy!, использует исторические анекдоты, почерпнутые из вопросов, чтобы освежить атмосферу уроков истории, которые он ведет в родной Ливонии.

Эрик, фанат рок-н-ролла, благодаря вопросам Кубка по классической музыке изменил старому увлечению с сонатами Бетховена. «Моя коллекция музыки теперь наполовину состоит из классики», — признаётся он. Но главное, ему доставляет удовольствие иметь хотя бы примерное представление обо всем на свете. «Мне не нравится слышать что-то и понятия не иметь о том, что бы это значило, — говорит он. — Я хочу понимать все шутки в сериале “Девочки Гилмор”».

По словам Эрика, костяк знаний, почерпнутых из викторин, помогает ему гораздо легче усваивать любого рода новую информацию. «Как будто твой мозг — это сеть, в которую ты пытаешься поймать всю проносящуюся мимо тебя информацию. Чем больше фактов ты знаешь, тем уже становятся ячейки сети и тем проще удерживать новые сведения, которые ты хочешь запомнить». Пожалуй, я с ним согласен. Из собственного опыта с книгой «Как попасть в Jeopardy! ...и победить!» я знаю, насколько тяжело специально сидеть и запоминать список фактов, скажем, про оперу,

если вы, как и я, абсолютно ничего до этого про оперу не знали. Зато если вы уже знаете несколько небольших фактоидов из оперной тривии (Паваротти, увертюра к «Вильгельму Теллю», мультик «Убей кроликов», в котором Багз Банни бежит под «Полет валькирий»), новая информация пристанет к нейронам вашего мозга, как банный лист.

Знания, полученные в Кубке по викторинам, могут, кроме того, оказаться полезными их носителям и на другой арене — в игровых телевизионных шоу. Редко можно слышать подобные признания в Jeopardy! или «Кто хочет стать миллионером», но многие из самых ярких их победителей имели за плечами немалый опыт тривии в школьных и университетских соревнованиях по викторинам. Одним из обстоятельств, возродивших мою детскую мечту попасть в Jeopardy!, было почти еженедельное мелькание в телевизионных играх лиц, знакомых мне по викторинным кубковым играм. Одни давали ответы в форме вопросов, другие хотели стать миллионерами, третьи пытались выиграть деньги Бена Штайна^[8].

Звонок другу Эрику Хиллеманну в «Миллионере» делали пятеро игроков из Кубка по викторинам, включая Кевина Олмстеда, тренера команды викторинистов из Мичиганского университета, который выиграл рекордные для игры «Кто хочет стать миллионером» \$2,18 млн в апреле 2001 года. Если бы не Эрик, Кевин, скорее всего, слетел бы на вопросе ценой \$250 000 о том, кто был соавтором книги «Теперь восхвалим славных мужей и отцов нашего рода» вместе с Уокером Эвансом². Я помню внезапное осознание того, что все 15 вопросов, которые Кевин одолел на пути к своему триумфу и которые должны были казаться обычным телезрителям верхом эрудиции, требовали канонического викторинного знания. Столица Новой Шотландии³, длина окружности земного шара⁴, изобретатель вертолета⁵ — все эти вещи Кевин наверняка слышал много раз во время соревнований по викторинам. Уверен, что я был далеко не единственным игроком в викторины, который начал дозваниваться в «Кто хочет стать миллионером» и искать расписание отборов Jeopardy! после того дня, когда Кевин Олмстед превратился в мультимиллионера.

Такое совпадение в знаниях объясняет, почему Кубок по викторинам стал де-факто фарм-клубом для больших телевизионных

игровых шоу. После ответов на вопросы по квантовой механике и малагасийским космологическим мифам самая зубодробительная тривия Jeopardy! и «Миллионера» выглядит просто. Помню, как во время прохождения письменного отбора в Jeopardy! поймал себя на мысли, что в Кубке по викторинам вопрос по любому из 50 представленных здесь фактов был бы сконструирован гораздо более заумно и запутанно. Я чувствовал себя, как бегун, который тренировался в высокогорном Мехико и привел свои легкие в такую великолепную форму, что забеги на обычной высоте кажутся ему просто семечками.

С того момента, как формат Кубка по викторинам дал своим участникам возможность продемонстрировать свои интеллект и эрудицию, он неизбежно привлек определенную долю странных и тщеславных людей. Некоторые просто помешаны на соревнованиях. Во время подготовки к национальному чемпионату по викторинам в 2003 году Сабаш Маддипоти сел и написал 8,5 тысячи «вступлений», то есть гипотетических начал викторинных вопросов, чтобы опознать их, если они прозвучат в реальной игровой ситуации. Работа заняла месяцы. «Это почти мазохистский вид соревнования, — признался он, — который доводит до потери чувств».

Многие таким образом просто борются со своими психологическими комплексами. Назовем это синдромом отличника. Сабаш рассказывает о своем чикагском товарище по команде, Эндрю Яфе: «Это самый умный человек, которого я когда-либо встречал. И самый самовлюбленный». Эндрю по праву считается самым талантливым игроком, когда-либо принимавшим участие в кубках по викторинам. Он выиграл последние четыре чемпионата по версии АСФ, в которых играл с 1997 по 2000 год. Сам он называет себя отшельником, дни напролет читающим книги и составляющим викторинные вопросы. В тот день, когда я с ним общался, он остановился где-то между классической японской книгой XI века «Записки у изголовья» и «Историей завоевания Мексики» Прескотта. Вы понимаете — легкое, развлекательное чтение.

В ответ на мой вопрос, помог ли ему Кубок по викторинам в какой-либо другой сфере деятельности, он удивляется тому, что, на чей-то взгляд, в его жизни могут быть еще какие-то сферы деятельности. «Я

не знаю, как это влияет на мою “жизнь”. У меня не так много других дел, чтобы это могло оказывать на них влияние». Он соглашается с оценкой Сабашем своего эго: «Я признаю такую точку зрения. Да, я горжусь вопросами, которые пишу. Я горжусь своим превосходством над соперниками по игре. Но я точно знаю, что мои слова не расходятся с делом».

Эндрю такой не один. Многие, а возможно, и большинство игроков Кубка по викторинам самоутверждаются за счет своего превосходства в игровом мастерстве. Голливуд мог убедить вас, что ботаники — эдакие кроткие, забитые, погруженные в себя Пьеро, но такое представление зачастую далеко от действительности. По моему опыту, в фанатах тривии всех мастей скрыт экстраверт, использующий всякую возможность, чтобы поразить собеседника своей осведомленностью. Один будет поджидать вас в магазине комиксов, чтобы поразглагольствовать о химическом составе криптонита^[9] разных цветов; другой дозвонится на радио, чтобы изложить теорию, объясняющую поражения бейсболистов «Падрес» в этом сезоне; третий, фанат кино, детально объяснит, почему именно эту «великолепную пятерку» фильмов Тарантино он считает лучшей. Участники Кубка по викторинам не исключение — они просто хотят, чтобы вы знали, как много они знают. Мягкую самоиронию здесь встретишь не чаще, чем постоянную девушку, тогда как громогласные обсуждения чьих-то давнишних подвигов и удивительных свершений чуть ли не положены по этикету. Если игрок в викторины захочет описать вам самый волнующий момент в его жизни, то в рассказе не найдется места для пары бутылок «Смирновской» и группы, под которую он «нереально зажег». Это будет история о том, как его команда перед последним вопросом проигрывала 30 очков, а он «выжал» и ответил: «Митохондрия», услышав всего пару слов вопроса, то есть в одиночку сорвал весь бонус и принес победу в игре.

«Представьте себе две сотни человек, набившихся в одну комнату, причем все до единого привыкли всегда и во всем быть правыми», — так Крейг Баркер описывает сложившуюся в тусовке игроков в викторины субкультуру бахвальства и интеллектуального превосходства. Но есть во всем этом и положительный аспект — в

первую очередь возможность создать список личных достижений для человека, который не мог попасть в школьные спортивные команды, а теперь чувствует себя закаленным и сильным бойцом. И некоторые из историй блестящих нажатий действительно впечатляют. Однажды на турнире в Стэнфорде я ответил на вопрос, услышав всего два слова: Twisted Kites... (назвать нужно было рок-группу, которая впервые выступила под таким названием в 1980 году⁶). Но по сравнению с последующими эпизодами этот недостоин даже упоминания. Роб Хентцель знаменит тем, что умудрился угадать Крымскую войну, услышав всего три первых слова вопроса: «Ее предпосылками стали...» на тренировочной игре в Университете Айовы. Его товарищ по команде Тим Картер однажды дал правильный ответ, услышав только одно слово «Гидрология». (В ответе фигурировали озера Мичиган и Гурон, которые наука гидрология считает одним озером.)

Известнее всех случай с легендарным игроком Университета Эмори Томом Уотерсом, который считался сильнейшим на континенте два десятка лет — с середины 1970-х до середины 1990-х. Перед началом матча College Bowl 1979 года Том сказал тренеру, что единственный шанс обыграть быструю команду Университета Райса — это рискованно и агрессивно жать на кнопку на каждый вопрос раньше соперников. В первом же вопросе раунда его слова не разошлись с делом. Не успел удивленный ведущий произнести слово «экстремизм», как Том нажал на кнопку и дал верный ответ: «Барри Голдуотер — автор знаменитой фразы “Экстремизм во имя свободы не грех”». Команда Эмори разбила в пух и прах шокированную команду Райса с перевесом в более чем сто очков.

Кубок по викторинам обладает своей неповторимой индивидуальностью, и, возможно, экстремизм во имя триумфа в тривии также не считается грехом.

Спустя месяц после поездки в Нортфилд я вновь возвращаюсь на Средний Запад. В этом году школьный чемпионат NAQT состоится в отеле аэропорта недалеко от Чикаго, и я буду помогать его проводить. Это всего-навсего второй турнир по викторинам, который я посетил с момента окончания университета пять лет назад. Уже на подъезде к отелю я понимаю, что не ошибся адресом. В автобусе с логотипом

аэропорта О'Хара сидят четверо неуклюжих подростков. У троих из них над верхней губой топорчатся тонкие гусеницы пуха. «Мне кажется, все хорошие авторы фэнтези сегодня — это австралийцы», — заявляет товарищам один из них. Ну, так и есть, команда Кубка по викторинам.

На подъезде к отелю я замечаю еще один абсолютно идентичный квартет, играющий в летающую тарелку напротив входа. У одного на голове гигантские наушники 1980-х годов, подключенные к CD-плееру. Он делает неловкий бросок за тарелкой, но та пролетает у него над головой и приземляется ровнехонько под колеса нашего автобуса въезжающего на стоянку. «Ух ты! А я думал, что это мы — гики», — радостно замечает фанат австралийского фэнтези.

Внутри холл гостиницы до отказа набит игроками в викторины. В чемпионате участвуют 96 команд — это самое масштабное мероприятие за всю историю NAQT. В первый день соревнований придется задействовать одновременно сорок восемь игровых площадок, поэтому NAQT арендовала почти все конференц-залы отеля и превратила целый этаж в игровую площадку, вынеся из номеров все кровати. Как выясняется, остальную часть гостиницы в этот уик-энд арендует национальная церковная конференция. Можете представить себе население отеля в эти дни — либо странноватые юные очкарики с надписью «Гриффиндор» на футболках, либо благообразные афроамериканские старушки в аккуратных шляпках.

В течение двух дней я провожу 19 раундов жарких викторинных баталий. И пребываю, пожалуй, даже в большем шоке, чем после Карлтона. Это гораздо более пугающее ощущение, когда школьники старших классов, еще не студенты вузов, знают все о вещах, о которых ты и слыхом не слыхал. Они могут как ни в чем не бывало выпаливать ломающимся голосом ответы типа: «Нагорный Карабах», «Василий Болгаробойца» и «гиббереллиновая кислота».

Все знают, какую команду хотят обыграть — это великая и ужасная четверка из физматшколы имени Томаса Джефферсона, в пригороде Вашингтона. На самом деле, возникает ощущение, что для победы над «ТиДжей», как их называют, хотя бы в одном раунде необходимо прибегнуть к махинациям в стиле Тони Хардинг^[10]. Они выигрывали

школьные чемпионаты NAQT последние два года и имеют на счету беспроигрышную серию из 37 игр подряд.

Год назад они единственные из школьных команд подписались участвовать в Баззерфесте, ежегодном студенческом фестивале по викторинам в Принстоне. «В основном это было сделано для того, чтобы пресечь в команде шапкозакидательские настроения, — говорит помощник капитана «ТиДжей» Сэм Ледерер. — Большая опасность кроется в том, чтобы идти без поражений весь год и привыкнуть к мысли, что ты непобедим. Мы хотели избежать этой ловушки». Но все произошло вопреки ожиданиям. Даже играя неосновным составом, «ТиДжей» заняли второе место на турнире, проиграв оба раза лишь сильнейшей студенческой команде страны из Университета штата Мэриленд. Представьте себе, что школьная баскетбольная команда, каким-то образом получившая разрешение играть в NCAA, доходит до финала! ««ТиДжей» играли нереально круто», — написал в интернет-отчете на следующий день один из изумленных организаторов.

В каждом матче с их участием, которые я проводил в тот уик-энд, питомцы Томаса Джефферсона меня не разочаровывали. Эти старшеклассники постоянно обнаруживали знание таких фактов, с которыми я, кажется, не сталкивался даже в университете. Джозеф Бэнкс дольше всех занимал пост президента Лондонского королевского общества. Пипин Короткий в 754 году направил армию в Италию воевать с лангобардами. Йод при комнатной температуре представляет собой фиолетовый кристалл. В то время как другие команды побеждали с результатом в лучшем случае близким к 280 очкам, «ТиДжей» побеждали с отрывом в 280 очков. В одном из раундов плей-офф они разгромили команду школы имени Джорджа Уолтона из Джорджии со счетом — только представьте — 885:95!

Результат тем более замечательный, что члены команды предыдущую ночь почти не спали. «ТиДжей» летели ночным рейсом и прибыли в Чикаго лишь на рассвете. Накануне состоялся выпускной вечер, и даже команда Кубка по викторинам — «первостепенные ботаники, самые ботанистые из ботаников», по словам самого Сэма Ледерера, — не могла пропустить такое событие. Они выглядят нормальными скромными ребятами, правда, с катастрофически неудовлетворенным самолюбием. Многие игроки в викторины

буквально помешаны на личной статистике, но члены команды «ТиДжей» взяли себе клички пилотов из фильма «Лучший стрелок», вышедшего на экраны еще до рождения некоторых из них, — Гусь (Goose), Бродяга (Maverick) и Альпинист (Ice man) — и перед каждой игрой ими меняются. Таким образом, индивидуальная статистика выравнивается и перестает иметь значение. Отличный ход!

В финальном бою турнира «ТиДжей» предстоит встретиться с командой Лейксайда, небольшой частной школы из Сиэтла. Букмекеры и их клиенты обескуражены. В этом году команда из Лейксайда впервые принимает участие в турнирах NAQT, при этом к финишу соревнования им удалось прийти без поражений, за исключением двух, от все той же команды Томаса Джефферсона. Но команды разделяла та же пропасть, какая была, скажем, между самим Томасом Джефферсоном и другим кандидатом в президенты США Чарльзом Пинкни, которого он победил в начале XIX века. Хотя и в истории Лейксайда не было недостатка в ботаниках. Его выпускники Билл Гейтс и Пол Аллен создали свою первую компьютерную программу именно в Лейксайде в конце 1970-х годов — это была написанная для школьного мини-компьютера игра в крестики-нолики. «И «священная икона» тривии — Бэтмен (актер Адам Вест) тоже окончил Лейксайд.

Финальный матч проходит на специальном подиуме в самом большом банкетном зале отеля при четырех сотнях зрителей — игроков и судей, завершивших свое участие в соревновании. Похожая на пещеру комната высоко под потолком освещена единственным белым овалом. Он излучает резкий свет и отбрасывает трагические тени на лица восьми гладиаторов. Все вместе создает эффект, напоминающий командный пункт из фильма «Доктор Стрейнджлав», придавая конкурсу странную, гнетущую атмосферу геополитической напряженности.

Все ждут, что матч станет повторением Англо-Занзибарской войны 1896 года, самого короткого военного конфликта в истории. (45 минут. Результат — капитуляция Занзибара.) Интриги добавляло и то, что в первой встрече обеих команд на этапе плей-офф «ТиДжей» победили с разгромным счетом 730:30, позволив Лейксайду ответить всего на один вопрос. Но матч-реванш начинается неожиданно. «ТиДжей» принимаются нажимать на кнопку слишком рано, необъяснимо рано.

Они выглядят излишне самонадеянными, возбужденными и допускают детские ошибки. Неправильный ответ в Кубке по викторинам — непозволительная роскошь. Ты не просто теряешь пять очков, ты упускаешь шанс заработать на 40 очков больше — десять за правильный ответ на базовый вопрос и, возможно, еще 30 очков за бонус. Поэтому «ТиДжей» приходят в понятное волнение, услышав «Нет, ответ неверен» на три из первых шести вопросов. Болото, название которого с языка семинолов переводится как «дрожащая земля», — это вовсе не Эверглейдс⁷. Член Демократической партии, участвовавший в прошлом веке в президентской гонке и победивший только в штате Массачусетс, — не Майкл Дукакис⁸.

«Тайм-аут!» — объявил после шести вопросов исполнявший в тот момент обязанности капитана Сэм Ледерер. Его теоретически непобедимая команда проигрывает со счетом 145:0, и зал гудит. «Прекратите ошибаться! — шепчет он своей команде. — Это все, что от вас требуется».

Но игроки «ТиДжей» допускают еще четыре неправильных ответа до перерыва. Уверенность в себе была волосами этого богатыря Самсона, а теперь ее потрясли до основания. В вопросе, требующем от команд перевести римские цифры в двоичный код, команда забывает про двоичную часть вычислений и дает ответ в десятичной системе. Затем деморализованный Якоб Оппенгейм отвечает на оперный вопрос «Тоска», слишком поздно понимая, что нажал слишком рано и правильным будет ответ «Богема». Каждый неправильный ответ — это перевязанный ленточкой подарок для Лейксайда, который имеет право дослушать вопрос до конца и трижды попытаться на него ответить. Это практически викторинный аналог пенальти. Правда, соперники не всегда используют полученное преимущество, не попадают в «Богему» и не могут назвать автора скульптур на горе Рашмор⁹. При этом к середине боя счет выглядит так — 225:65.

На протяжении всей второй половины Томас Джефферсон сокращает расстояние от лидера. На последних минутах они берут три вопроса подряд (про квакеров, 14-ю поправку и злодея Хенка Скорпио из «Симпсонов»), блестяще добивают еще три бонус-вопроса и впервые за матч выходят вперед — 275:300. Лейксайд использует

последний тайм-аут для перегруппировки сил и вырывает у «ТиДжей» следующие два вопроса про электромагнитную индукцию и Джона Дина. За два вопроса до конца игра, можно сказать, начинается сначала. 330:325. В зале стоит мертвая тишина.

Томас Джефферсон обгоняет Лейксайд на предпоследнем вопросе о Лиге Наций, и последний вопрос об измерении рН-фактора тоже остается за ними. Еще важнее то, что они берут оба бонуса, каждый по классической западной культуре: шекспировская «Зимняя сказка» и трилогия про Рокки (хотя здесь они чуть было не оступились, назвав Клаббера Лэнга, героя «Рокки-3» в исполнении Мистера Ти, Бастером Ленгом). После невпечатляющего начала они отыграли последние 11 вопросов игры без единого промаха и собрали поразительные 90 % возможных бонусов. Эта победа стала тридцать восьмой в серии на турнирах NAQT и принесла им третий чемпионский титул кряду. Толпа встретила победителей бурной овацией, и они обменялись рукопожатием с ребятами из Лейксайда.

Возможно, Кубку по викторинам не суждено снова стать популярным у зрителей спортивным зрелищем, как это было в 60-е годы, золотой век G. E. College Bowl. Конечно, очень сложно играть в одиночку у себя дома в игру, где вопрос может быть прерван после всего нескольких слогов произнесенных ведущим, или где необходимо понимать значение слов, вроде «эвтрофикация» или «адиабатический» только для того, чтобы осознать, о чем в вопросе идет речь. Это же, между прочим, касается и Jeopardy! — хочет ли вообще Америка видеть на экране умных людей? Мы лучше покуражимся над пустоголовым прохожим, который скажет Джею Лено^[11], что, по его мнению, гимном США является песня American Woman. Наблюдая же за каким-нибудь записным интеллектуалом, с умным видом извлекающим из глубин своего мозга лучшие образцы рыцарской поэзии или матричной алгебры в прайм-тайм, мы почувствуем себя безнадежно тупыми, если, конечно, раньше не отойдем ко сну.

И все же я был очень взволнован, наблюдая со своего места за чемпионским рывком команды Томаса Джефферсона. Даже когда игроки отвечали до того, как я понимал вопрос, я был полностью вовлечен в их гонку. «Люди без проблем смотрят за игрой

профессиональных футболистов, зная, что никогда в жизни сами не смогут заработать тачдаун, — утверждает Дэвид Фрази, который все еще продолжает одиночную войну за возрождение былой телевизионной славы Кубка по викторинам. — Неужели зрителям будет не интересно смотреть на людей, отвечающих на вопросы, из-за того только, что сами они на эти вопросы ответить не могут?»

Но даже если Кубок по викторинам никогда не получит снова зрительскую аудиторию, он всегда будет заполнять вакуум в жизни этого тесно сплоченного сообщества. Для многих викторина — это безопасный островок в мире, который вечно оставляет их позади в софтболе и не понимает их умных шуток о Лайнусе Полинге и Пите Мондриане^[12]. Здесь их странная, мутировавшая для запоминания тривиальной энергия не только востребована, но и ценится. «Чудесно было сознавать, особенно раньше, что существует место, куда можно пойти и показать, что я умный, и вокруг не будет людей, которые посмотрят на меня за это сверху вниз, которых я этим буду раздражать», — признаётся Крейг Баркер. Звучит сентиментально, но в прошлом я нередко слышал такие слова от многих сильных игроков в викторины. Я и сам часто ощущал нечто подобное.

На следующий день я снова в аэропорту О'Хара, чтобы лететь домой. Я прохожу мимо памятной доски, посвященной Эдварду «Бутчу» О'Хара, пилоту военно-морских сил США, в честь которого был в 1949 году переименован аэропорт Орчард Филд (отсюда криптографический трехбуквенный код аэропорта — ORD). Из надписи на доске я также узнаю, что О'Хара был сбит над Тихим океаном в 1943 году.

Внезапно я ловлю себя на том, что думаю, как игрок в викторины. Аэропорт назван в честь летчика, погибшего при крушении самолета? Из этого можно сделать отличный викторинный вопрос. Такое со мной случается как минимум раз в день даже сейчас. Вы видите или слышите что-то новое и отмечаете у себя в голове под литерой «В» — *ведь из этого может получиться отличный вопрос!* «Абсолютно любое знание может когда-нибудь принести вам десять очков», — говорит Эрик Хиллеман своей команде.

Иногда вы видите два связанных между собой факта и начинаете искать третий, поскольку бонусный вопрос в кубке по викторинам чаще всего состоит из трех частей. Интересно, есть ли еще пара аэропортов, названных в честь жертв авиакатастроф? Один приходит на ум сразу — аэропорт города Лиона во Франции, недавно переименованный в честь Антуана де Сент-Экзюпери, автора «Маленького принца». Третья часть для моего воображаемого бонуса ищется с трудом. Международный аэропорт Джона Денвера? Аэропорт Амелии Эрхарт? Аэродром Рокки Марчиано? Уже объявили посадку на мой рейс, когда я наконец вспомнил человека, имя которого носит аэропорт в Оклахома-Сити¹⁰. Мое викторинное любопытство моментально удовлетворено, и я радостно поднимаюсь по трапу.

ОТВЕТЫ

- 1** **Мадам Тюссо** основала и дала свое имя Музею восковых фигур в Лондоне в 1835 году.
- 2** **Джеймс Аджи** был соавтором книги «Теперь восхвалим славных мужей и отцов нашего рода» вместе с Уокером Эвансом.
- 3** **Галифакс** — столица канадской провинции Новая Шотландия.
- 4** Длина окружности Земли составляет **24 900 миль** по экватору.
- 5** **Игорь Сикорский** — изобретатель вертолета.
- 6** Группа **Р.Е.М.** впервые выступила под названием Twisted Kites... в 1980 году.
- 7** **Окефеноки** — болото, название которого с языка семинолов переводится как «дрожащая земля».
- 8** **Джордж Макговерн** на проигранных им президентских выборах победил только в штате Массачусетс.
- 9** **Джон Гутзон Борглум** — скульптор памятника на горе Рашмор.
- 10** Аэропорт в Оклахома-Сити носит имя **Уилла Роджерса**.

Глава IV

Что такое подготовка?

Телефон, зазвонивший на моем рабочем месте, оборвал стройную цепь размышлений. Я, между прочим, высокооплачиваемый программист! Как я могу спокойно серфить весь день по Сети и переписываться с друзьями, если меня будут отвлекать звонками? Последнее, что я ожидал услышать в трубке, было: «Кен? Это Боб из Jeopardy!. Я хотел убедиться, что ваши анкетные данные еще актуальны». В продолжении разговора Боб просит сообщить, что изменилось в моей жизни за последние восемь месяцев с момента отбора. Не участвовал ли я в каком-либо другом игровом шоу, не поступал ли на госслужбу, не покупал ли профессиональную спортивную команду, не свергал ли правительство где-нибудь в Центральной Америке, не примкнул ли к Церкви сатаны и т. д.? На каждый вопрос я послушно отвечал «нет».

«В таком случае мы предлагаем вам стать участником нашей программы. Ближайшие съемки состоятся 24 и 25 февраля». Мои глаза метнулись на календарь. Это же меньше чем через месяц! Зачем же я трачу драгоценное время на работу и блоги, в то время как должен сидеть дома и штудировать «Британнику»?

Боб в это время быстро проговаривает основную информацию для участников: где остановиться, во сколько прибыть, что не надевать. Все это я, не приходя в сознание, пытаюсь быстро нацарапать. «Да, и вы ведь знаете о наших новых правилах?»

Какие новые правила? Черт с ней, с «Британникой», почему же я в последние восемь месяцев не записал ни одного выпуска Jeopardy!?

«Мы отменили лимит в пять игр подряд, которые игрок может выиграть. Теперь вы можете играть сколько угодно, пока не проиграете».

Ну конечно, это именно мой случай...

В книге «Как попасть в Jeopardy! ...и победить!» Майкл Дюпи описывает свой жесткий график подготовки к Jeopardy!. Он провел много часов за чтением газет и конспектированием книг. Вместо того чтобы каждый вечер, удобно усевшись в кресло, смотреть передачу, он

брал пульт от магнитофона и в полной боевой готовности садился перед телевизором. После каждого вопроса он жал на «паузу», давал свой ответ, после чего продолжал просмотр. Он даже вел подсчет правильных и неправильных ответов на специальных карточках, чтобы анализировать свои слабые места. Это напоминало тренировки Рокки^[13], только вместо боксерских перчаток здесь фигурировали справочники. Возможно, у него даже был свой сварливый ирландец — секундант в углу ринга, который держал плевательницу, растирал плечи и замазывал ссадины между раундами.

До сего дня мне казалось, что Майкл в своих приготовлениях, мягко говоря, переусердствовал, иными словами, просто с дуба рухнул. Карточки со счетом и просмотр через «паузу»? Вы смеетесь надо мной? Но полученный Звонок превратил меня в сгусток трясущегося ботанского желе. Всего 27 дней до того, как я должен буду блеснуть на всю страну своими знаниями тривии! В полном отчаянии я пытаюсь что-то предпринять.

«Ты не знаешь, где игрушечная пирамидка Дилана?» — спрашиваю я Минди вечером после ужина.

«Что?» — Она кормит Дилана детским яблочным пюре, точнее, пытается это делать. Каким-то образом большая часть пюре оказывается у него в волосах.

«Ну, ты помнишь ту пирамидку? Она сама желтая, а на ней разноцветные пластиковые колечки?»

«Я в курсе, как выглядит пирамидка Дилана. Я не понимаю, зачем она тебе так срочно понадобилась?»

«Ну, я собираюсь записать теперь столько выпусков Jeopardy!, сколько получится. — На самом деле, я обнаружил, что теоретически могу записывать по 12 передач в неделю: пять новых программ, пять повторов из недавних игр по другим каналам и еще две совсем старые игры по кабельному каналу Game Show Network. Но об этом я пока решил умолчать. — И, думаю, что начну смотреть эти игры стоя».

«Стоя?»

«За спинкой мягкого кресла. Кажется, оно примерно той же высоты, что и подиумы участников. Буду готовиться к игре».

«А игрушка?»

«Похоже, она такого же размера, что и кнопка в руках игроков. Хочу понять, каким способом ее удобнее держать, и привыкнуть вовремя нажимать на кнопку».

Минди выскребает остатки пюре из банки. «Большинство его старых игрушек в старой спальне». Я все жду, когда она посмотрит на меня тем взглядом, которого я заслуживаю. Хмурым или, по меньшей мере, с проблесками осуждающего «ага, значит, вот оно как...». Но она только спрашивает: «Ты собираешься начать просмотр Jeopardy! прямо сейчас?»

На последнем слове у нее получилась странная повышенная интонация, и я понял, что скрытый смысл вопроса приблизительно таков: «Ты действительно собираешься устроить тут сумасшедший дом на ближайшие четыре недели?»

Она бросает пустую банку в мусор. «Ладно. Хочешь, я пойду с тобой и помогу тебе вести счет?»

Ее руки по локоть в яблочной жиже, зато у меня теперь есть секундант.

Уже почти неделю я ощущаю себя будущим участником Jeopardy!, как вдруг мне приходит письмо, которое чуть было все не испортило. Автор — Мэтт Брюс, старый знакомый с Кубка по викторинам, который теперь работает в Бэй Ареа на интернет-компанию из сферы развлечений. Его главное достижение в тривиум — победа в национальном чемпионате по викторинам во время учебы в Гарварде. В еще более недавнем прошлом мы оба редактировали вопросы для NAQT. В письме он делится радостью и просит пожелать ему удачи на съемках Jeopardy!, куда его позвали играть в следующем месяце. Наши съемки назначены на один и тот же день.

Я уже знал, что Кубок по викторинам всегда был плодородной почвой для игроков в телевизионные игры, но такого не ожидал. Мэтт выигрывал национальный чемпионат в составе одной из лучших команд по викторинам в стране. Выбирая себе соперника из числа ветеранов Кубка по викторинам, как он, и любым другим игроком неизвестной силы, я бы, без сомнения, скорее выбрал дьявола. После того как я написал, что сниматься нам предстоит в один день, он прислал нервный ответ, свидетельствующий о его аналогичных чувствах по поводу этого совпадения.

Но теперь у меня появился выход. Из-за скандалов 1950-х годов игровые шоу теперь так сильно перестраховываются относительно тайного сговора или любого рода мошенничества, что применяют к игрокам поистине драконовские меры. К таковым относится и пункт контракта, присланного мне Бобом по e-mail, требующий сообщить организаторам шоу о том, что я знаком с кем-то из будущих соперников.

Боб, кажется, совсем не удивлен произошедшим совпадением и обещает сообщить о сложившейся ситуации руководству передачи. Интересно, действительно ли мир Кубка по викторинам и Jeopardy! настолько тесен, что подобные совпадения случались и раньше? В следующие 24 часа Мэтт получил звонок, отодвинувший его появление в Jeopardy! на неделю. Теперь нам не придется играть друг с другом, и мы вздыхаем с облегчением.

Минди оказалась прирожденным тренером, в особенности в том, что касается карточек для запоминания. По часу в день я провожу, стоя за спинкой кресла и судорожно долбя по логотипу компании Fisher-Price на игрушке Дилана. За всю жизнь, не считая четырех лет в старших классах школы, я не чувствовал себя большим идиотом. Зато я получил ценный урок: вопросы в Jeopardy!, так же как шутки в ситкомах «Я люблю Люси» или «Очарованные», повторяются.

«Абсолютно в каждой игре есть вопросы про мировые столицы, американских президентов или Шекспира, — говорю я Минди вечером после очередной Jeopardy!, пока она подсчитывает мой результат. — Я должен выучить эти темы от и до».

«Сегодня ты взял 52 вопроса, включая финальный», — говорит Минди.

«Правда? 52? Довольно неплохо».

«Правда, я зачла тебе правильный ответ, когда ты назвал Джеймса Эрла Джонса вместо Джеймса Эрла Рэя»^[14].

«Ах, вот как! В игре бы мне такой ответ тоже, без сомнения, засчитали... Слушай, я достаточно уверенно чувствую себя в отношении Шекспира, но для запоминания президентов и мировых столиц придется делать карточки».

Единственный блок стикеров, который я нахожу на своем столе, светло-розового цвета, поэтому каждый сантиметр дома вскоре оказывается обклеенным плотным слоем розовых квадратиков. Дом похож на вашингтонский Молл на следующий день после отъезда толпы туристов, слетевшихся на цветение сакуры. На каждый листок аккуратными печатными буквами нанесен факт из числа тех, что могут встретиться в Jeopardy!. К концу недели у меня уже десятки таких наборов. Главы государств в паре со своими странами. Университеты вместе с талисманами и городами, в которых они расположены. Поправки к конституции, собранные по номерам. Да, и конечно, коктейли! В Jeopardy! обожают тему «Крепкие напитки», где наконец получают шанс блеснуть игроки-алкоголики. Но я мормон и потому не пью ничего крепче чая. Самое крепкое, что я пробовал в жизни, был глоток горького безалкогольного пива, которым отец угостил меня в воспитательных целях, когда мне было шесть лет. Но что-то я не припомню в Jeopardy! вопросов про безалкогольное пиво.

Каждую свободную минуту на протяжении всего следующего месяца — в машине, за обеденным столом, в кровати — Минди гоняет меня по этим карточкам.

«Гимлет», — произносит она.

«Джин с соком лайма».

«Бенджамин Гаррисон».

«С 1889-го по 1893-й».

Разговоры в доме в эти дни крайне коротки. Ситуация напоминает «ловлю на живца», как будто мы, два полицейских, внедрились в банду фруктовых коктейлей, возглавляемую президентом Джеймсом Полком.

«Первая леди Бенджамина Гаррисона?»

«Каролина».

«Его вице-президент?»

Я достаю бумажку. «Уильям Уиллер?»

«Нет, Леви Мортон. Миллард Филлмор?»

«С 1850 по 1853-й».

«Харви Уоллбенгер?»

«С 1833 по 1836-й».

«Очень мило. Вообще-то это коктейль, а не президент».

«Тогда водка с апельсиновым соком. Нет, погоди. Это получается отвертка. Гальяно! В него еще входит гальяно».

Так же как у игроков в викторины, не читающих и половины книг, на вопросы по которым они могут ответить, у меня нет ни малейшего представления о том, кто или что такое это самое гальяно. Для меня это всего лишь ответ на карточке. Фактически я даже не знаю, каковы на вкус эти многочисленные ингредиенты, за исключением фруктовых соков и сахарного сиропа. Но я уже неплохо разбираюсь в том, как их между собою смешивать. Если вся эта авантюра с Jeopardy! пойдет лесом, я смогу работать в каком-нибудь баре.

В глубине души я понимаю, что, скорее всего, напрасно трачу время. Большинству участников Jeopardy! не суждено продержаться больше одной игры. Это означает, что и для меня дело, возможно, ограничится максимум 61 вопросом. Какова вероятность, что из вселенной миллионов фактов в моей игре окажутся именно те розовые фактоиды, которые выписаны нами на карточки, — название спортивной команды Технологического института штата Джорджия¹, действующая королева Нидерландов², учебное заведение из Лиги плюща, находящееся в Род-Айленде³? Близка к нулю. Зато у меня есть комфортное ощущение — я сделал для подготовки все, что мог. Я не думаю, что выдержал бы просто сидеть и ничего не делать. Так что мы с Минди решили барахтаться и тренируемся неделями напролет. Вскоре я уже готов вешаться от всего этого — я, которому Jeopardy! нужна кровь из носу и который сам себе устроил такую жизнь. Воображаю, каково бедняжке Минди! Может быть, она прямо сейчас не отказалась бы от доброй порции «Харви Уоллбенгера»?

Кажется очевидным, что стараться узнавать и запоминать факты, чтобы расширять свой кругозор, интересно. Нетрудно предположить, что тривиальность существовала с незапамятных времен. Возможно, пещерный человек и не проводил дождливые ночи, развлекаясь игрой в тривию («Ог идет за розовым клином. Задай Огу вопрос из категории “Культура и искусство”!»), но что если взять чуть более поздний период? Вы бы, конечно, не удивились, узнав, что живший в эпоху Возрождения Леонардо да Винчи или, скажем, Бенджамин Франклин увлекались игрой в вопросы и ответы на общую эрудицию, сидя с

друзьями в гостиной, или в кабинете, или, в случае Франклина, у названного его именем камина, верно?

Но нет! Тривия, какой мы ее знаем сегодня, — дитя XX века, как самолет или пневмопарикмахер Flawbee, хотя корни ее уходят несколько глубже. Периодическая печать, начиная с 1700-х годов, убедительно демонстрирует, что наши облаченные в парики предки знали множество дурацких способов убить время. Они играли в словесные игры — ребусы, шарады, анаграммы; и математические головоломки, которые сейчас больше напоминают задачи из учебника для средней школы с традиционно унылым началом: «У фермера Брауна есть треугольное поле, чья гипотенуза...» Но тривии среди этих забав не было. Мысль о том, что есть еще много интересного, о чем можно друг друга спрашивать, помимо алгебраических задач («Имя какого римского императора означает “сапожок”»⁴? или «Какая звезда на ночном небе самая яркая?»⁵), не пришла им на ум.

Самые ранние корни тривии в смысле собрания разнообразных и не вполне полезных фактов восходят к «книге общих мест» старой доброй Англии. В шекспировские времена «книга общих мест» считалась довольно скучной вещью. Это был дневник, куда книголюб записывал максимы и разные понравившиеся ему цитаты, в основном моралистического характера. Но на исходе викторианской эпохи «общие места» в этих книгах все больше превращались в мешанину из случайных фактов, которые автору дневника почему-либо показались интересными. Книга, изданная сэром Ричардом Филипсом в 1830 году, — «Миллион фактов» — представляет собой наполовину справочник (перечень затмений, мер, весов и т. д.), но другой половиной уже похожа на сборник тривии. Книготорговцы и фермеры той поры не имели никакой практической надобности знать, что «самая старая из дошедших до нас английских картин датируется примерно 1390 годом и представляет собой портрет Чосера, написанный на деревянной доске» или что «человек вечером почти на полдюйма ниже, чем утром, благодаря расслаблению хрящевой ткани позвоночника. Но подобные вещи изумляли сэра Ричарда, заполняющего колонки своего дневника (приблизительно с той же целью, с какой в газетах того времени стали

появляться небольшие забавные факты и исторические анекдоты), и, таким образом, тоже просачивались на книжные и газетные страницы.

Но настоящим адептом тривии в XIX веке оказался все-таки не сэр Ричард Филипс, а его копиист и протеже Джон Тимбс. Тимбс родился в Лондоне в рабочей семье. Его родители были «итальянскими кладовщиками», как тогда назывались торговцы импортными бакалейными товарами. Оканчивая школу в возрасте 12 лет, он уже знал, что его призвание — журналистика: он выпускал собственную школьную газету и продавал ее одноклассникам за цветные стеклянные шарики. Позже покровительство Филипса дало ему возможность редактировать несколько самых популярных ежедневных изданий того времени, включая *Mirror* и *Illustrated London News*, но настоящей любовью Тимбса была тривия. По выражению тех дней, золотоискательская страсть к поиску фактов сделала его «архивариусом», но, кажется, это был лишь искусный викторианский эвфемизм для обозначения «неразборчивого всезнайки».

Тимбс написал невероятное число книг — 150, в большинстве своем смесь разрозненных фактов и анекдотов о любого рода предметах, попавших в поле его зрения. Названия говорят о гигантском охвате его «тривиальных» интересов: «Углы и закоулки английской жизни», «Чудеса животного мира», «Удивительные открытия», «Исторический калейдоскоп», «Энциклопедия популярных заблуждений». Пожалуй, самая известная работа Тимбса вышла в свет в 1856 году и называлась «Неизвестное об известном. Настольная книга фактов, которых вы не найдете в обычных книгах по литературе, истории и естественным наукам». Это название — наверное, лучшее определение слова «тривия», которое я когда-либо слышал. Исполненные тайного знания главы книги «Неизвестное об известном» открывают целые массивы накопленной человечеством информации. «Когда зонтик впервые появился в Англии?», «Искусство борьбы с огнем в древности», «Архитектура у бобров», «Сколько стоили великие египетские пирамиды». В последней главе Тимбс цитирует некоего архитектора, мистера Тайта, который врал, что «сегодня пирамиды нельзя было бы построить менее чем за £30 млн!».

Книга снискала феноменальную популярность, многочисленные переиздания разошлись тиражом 40 тысяч экземпляров. Сегодня такая

цифра мало кого удивляет — только одна сеть британских супермаркетов продала больше экземпляров последнего «Гарри Поттера» за первые четыре часа продаж. Но имейте в виду, что количество всех читателей безумно популярных серий романов Чарлза Диккенса — Джона Гришема^[15] своего времени — составляло в среднем 50 тысяч человек. Кстати, приятель Диккенса, Уилки Коллинз, автор первого детективного романа на английском языке, сочинил среди прочего рассказ, в котором описал использование некоторых фактов из «Неизвестного об известном» Тимбса во время обеденного застолья. Его приятели-гости были совершенно сбиты с толку соображениями о возможности существования русалок в процессе подачи рыбных блюд и сведениями о длине световых волн различной окраски, когда Коллинз восторгался цветами в руках одной юной леди.

Несмотря на то что его публикации были мегахитом, несмотря на вразумление десятков тысяч британцев в отношении «Древнейшей истории мыла», «Пчел Наполеона» и «Температуры поверхности Луны», несмотря на непрерывные эклектичные альманахи, Тимбс окончил свои дни в нищете. В 1860 году издатель Illustrated London News погиб при странных обстоятельствах во время кораблекрушения на озере Мичиган. Уволенный в результате смены менеджмента издания Тимбс отказался от ежегодной пенсии в размере £40, посчитав сумму унижительной для себя. Один знакомый язвительно заметил, что Тимбс, несмотря на пристрастие к зеленому змию на закате жизни, превратился в «невероятно угрюмого и неуживчивого индивида». В свои 70 лет он был одним из тех одетых в обноски стариков, которые обретались в лондонском Доме престарелых — старом монастыре, перестроенном в больницу для бедноты. Когда он скончался в 1875 году в возрасте 74 лет, «Таймс» написала, что плодовитый автор умер, работая над очередной книгой, «практически с пером в руке».

Как выглядело это самое перо в длинных, тонких пальцах Тимбса, можно узнать, посмотрев на портрет в Лондонской национальной картинной галерее, который в 1855 году написал его друг Т. Дж. Гуллик. На портрете Тимбс предстает перед нами коренастым лысеющим мужчиной с безвольным подбородком и печальными глазами, как будто в самую счастливую пору своей жизни уже знал об

участи, которая ждет человека тривии, всецело отдавшегося во власть любимого занятия. Его скорбный взор неприятно напоминает мне о моих собственных юношеских успехах в тривии и их несоответствии позднейшей посредственной квалификации программиста.

Возможно, в тривии есть что-то, что привлекает дилетантов, вечных студентов, поскольку предлагает им «квазизаменитель» настоящего интеллектуального совершенства. Президент NAQT называет это «синдромом игрока в викторины». «Типичный игрок в викторины — это студент-старшекурсник, который никак не может окончить университет. Он хорошо сдает тесты, запоминает факты, решает небольшие задачки. Но успех в Кубке по викторинам совершенно не гарантирует ему какие-то более серьезные достижения. Такой человек вряд ли будет заниматься важными исследованиями, напишет роман или создаст свой бизнес». Эта идея лишает меня иллюзий. В детстве я всегда считал, что всезнайки из Jeopardy! — это умнейшие люди Америки. Как иначе показать, что ты умный? Знать все цветы — символы штатов США и королей Саксонии. Но что если Роб прав и это другая, более поверхностная грань интеллекта? Неужели горы карточек для запоминания исписаны зря?

Другой пример печальной судьбы энтузиаста тривии викторианской поры являет собой педагог из Массачусетса Альберт Плимптон Саутвик. Саутвик был одним из горстки фанатов тривии, составлявших собственные компиляции, основанные на «книгах общих мест» Тимбса и других авторов. Но он произвел революцию в тривии одним гениальным ходом — облек ее в формат вопросов и ответов.

Саутвик уже был плодовитым автором нескольких информационных сборников, когда в 1884 году вышла наиболее удачная его работа под запоминающимся названием: «Викторинизм и его составляющие: каламбуры и игра слов». Он рассматривал свои 600 пронумерованных вопросов как справочник для любопытных, а вовсе не как основу для устной игры, но сходство его детища с книгами-викторинами XX века поразительно. Не только потому, что он, насколько мне известно, первым использовал в заглавии слово «викторина». Но и потому, что эти вопросы требовали короткого однозначного ответа, а не развернутого и вариативного типа: «Как

дышат кузнечики?» Многие из них выглядели как современные вопросы тривии:

«Какой водоем имеет в девять раз более высокую соленость, чем океан?»⁶

«Что называют золотом дураков?»⁷

«Кто родился в Европе, умер в Азии, а похоронен в Африке?»⁸

Лучшие факты отсюда, как и из книги Тимбса, вы никогда не найдете в наборе для игры в Trivial Pursuit. Саутвик сообщает нам, что полковник Таунсенд из Дублина мог по желанию останавливать биение собственного сердца и, «в конце концов, расстался с жизнью во время очередной демонстрации»; во время грозы сворачивается молоко; и что Адам, муж Евы, родился 28 октября 4004 года до нашей эры. Адам — Скорпион!

Видимо, «Викторинизм» продавался достаточно успешно, поскольку в 1892 году вышло в свет продолжение под названием «Обрывки ума и остроумия, или Все знания в двух словах». Но Альберту Саутвику, так же как и Джону Тимбсу, тривия не смогла обеспечить долгосрочного финансового успеха. Саутвик умер от сердечного приступа в январе 1929 года в госпитале на острове Рузвельта в Нью-Йорке — на острове Богаделен, убогой глухомани, на территории которой расположены тюрьмы и психушки. Несмотря на то что Саутвик был отпрыском благородного рода, к тому времени, когда дальние родственники решили забрать тело, госпиталь благополучно сплавил его вместе с другими 167 никому не нужными трупами на остров Харт, где находилось кладбище для бедняков.

Хотя длинные подзаголовки и исполненные важности введения к книгам Тимбса и Саутвика трубили миру о своей научной ценности, по содержанию книг становилось ясно, что это только камуфляж. Эти книги — просто интересное чтение. Кто из вас когда-либо открывал энциклопедию для того, чтобы узнать «Могут ли жабы выжить, если их заточить в камень или в дерево?» или «Есть ли хотя бы в одном языке мира слово, в котором буква “игрек” (Y) встречается два раза подряд»? (Между прочим, два раза нет.) Тогда, как и сейчас, стандартные справочники представляли знание как горькую микстуру, нечто противное, но «пользительное» для ваших мозгов. Эти же

пионеры тривии видели знание как нечто светлое, воздушный десерт — бесполезный, но приносящий радость.

Роберт Л. Рипли, продолжатель их дела в XX веке, стал первой в мире настоящей звездой тривии. Рипли был никому не известным рисовальщиком комиксов и игроком в бейсбол, когда в 1918 году в *New York Globe* появилась его первая страница комиксов про необыкновенные спортивные достижения «Дураки и дурки». Быстро переименованная в «Хотите верить, хотите нет!» рубрика стала сумасшедшим хитом, выросшим впоследствии в популярные книги, короткометражные фильмы, радио- и ТВ-шоу. Не успевая переводить дух от описания абсурдных эпитафий, тридцатитысячеглазых стрекоз и огромных мотков бечевки, Рипли (вместе со своим неутомимым компаньоном Норбертом Перлротом, который провел 52 года в Нью-Йоркской публичной библиотеке, собирая для Рипли экзотические, невероятные факты) популяризовал идею о том, что экзотическое знание может приносить удовольствие. На пике славы страницу Рипли читали 8 млн человек, а за первые три недели мая 1932 года он получил около 2 млн писем с забавными сведениями.

В американских газетах появился и другой источник (ныне практически исчезнувший), так сказать, предтеча будущей тривии — колонки вопросов и ответов. Возможно, хоть и с трудом, но вы еще можете припомнить догугловскую эру — грустные, отсталые времена, когда, если название песни или имя актера не запомнились сразу, приходилось неделями расспрашивать друзей и коллег, вместо того чтобы за 20 секунд удовлетворить свое любопытство с помощью интернета. Еще хуже бывало какому-нибудь фермеру из Небраски в 1908 году, чью домашнюю библиотеку составляли «Альманах фермера» и большая семейная Библия. Что ему было делать, если хотелось вспомнить дату наводнения в Джонстауне, или отыскать давно потерянную кухню в Бангоре, или размагнитить карманные часы, или заставить замолчать детей, которым необходимо знать, сколько листьев на яблоне? Кому звонить?

В большинстве случаев в местную газету. Почти с момента своего появления газеты публиковали ответы на вопросы по самым разным общим темам. Так, «Афинский Меркурий» в Лондоне стал выпускать в приложении отдельный листок с вопросами и ответами еще в далеком

1691 году. Следующие семь лет его составители, включая автора «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта, отвечали на «Хорошие и забавные вопросы» своих читателей из английских кофеен самым авторитетным образом. Большинство вопросов представляли собой просьбы дать совет в делах романтического свойства или помочь разобраться с темными местами в Писании. Энн Ландерс встречается с Недом Фландерсом. «Может ли нежная дружба между двумя персонами противоположного пола быть вполне невинной?» «Откуда Адам и Ева взяли иголки и нитки, чтобы сшить повязки из фиговых листков?» «Можно ли верить женщине, когда она заявляет, что никогда не выйдет замуж?» «Как мы можем убедить язычников, что наш Бог настоящий, а их нет?»

Но около пяти или шести тысяч вопросов, проясненных «Меркурием», касались «натурфилософии», включая элементы естественных наук, природоведения, математики и географии. Эти вопросы на общую эрудицию зачастую затрагивали те же не поддающиеся точному определению факты, которые содержатся в популярных сегодня сборниках тривиум. «Почему, когда смотришь на солнце, хочется чихнуть?» «Откуда на Луне пятна?» «Какое существо самое сильное во Вселенной?» «Почему мы часто пускаем газы во время мочеиспускания?»

Но даже всезнающее Афинское сообщество ответило на меньшее число вопросов, чем Фредерик Дж. Хаскин, чья колонка «Ответы на вопросы» появилась в американских газетах в 1911 году. За несколько лет «информационное бюро» Haskin's D. C. ежедневно получало и давало ответы более чем на тысячу вопросов. Одни были абсолютно практического свойства: «У меня слиплась купальная шапочка. Как мне ее разлепить так, чтобы не порвать? — Е. В.» Другие демонстрируют специфические интересы американцев тех дней. Три самых популярных вопроса к бюро Хаскина касались золотодобычи, патентных заявок, приносящих немедленное обогащение, и еврейского происхождения тогдашних знаменитостей. Но большинство представляло собой тривиум в чистом виде — не более чем удовлетворение праздного любопытства или разрешение спора, возникшего в застольной беседе. Откуда берутся дырки в швейцарском сыре? (Пузырьки углекислого газа.) Сколько ступеней внутри статуи

Свободы? (Пятьсот сорок шесть.) Кто нарисован на рекламе знаменитого томатного супа «Кэмпбелл»? (Карикатуристка Грейс Дрэйтон в качестве модели использовала свое собственное лицо.) Между прочим, дети, на среднего размера яблоне уместается около 50 тысяч листьев.

К середине 1920-х годов все условия для рождения тривии уже были созданы. Читатели газет с головой ушли в описанные бойким пером Рипли фактоиды из серии «Знаете ли вы, что...?» и кажущиеся бездонными резервуары знаний от Haskin's. Кроссвордное помешательство захлестнуло страну, заставив заточить все имеющиеся в наличии карандаши и обострив аппетит публики ко все новым и новым видам игр-головоломок. Возможно, решающую роль сыграл тест на проверку интеллекта «Альфа», введенный в американской армии во время Первой мировой войны, когда нация увлеклась новой идеей меряться мозгами посредством ответов на длинные списки вопросов.

Уилл Шорц, редактор кроссвордов из «Нью-Йорк таймс», вспоминает, что самую раннюю книжную викторину-тривию он встретил в издании 1925 года — «Книга для сообразительных» Ральфа Альбертсона. Альбертсон был старый чудак, глава крупной конгрегации, оставивший кафедру священнослужителя в 1895 году ради создания христианских общин социалистов-утопистов в Джорджии и Массачусетсе, которые, впрочем, вскоре развалились. В 1920-х годах он пришел к убеждению, что головоломки и словесные игры могут быть крайне полезны американской системе образования, и опубликовал книгу, целиком состоящую из них. В качестве приложения в конце книги он привел «Викторину на общую эрудицию» из 602 вопросов. Как и в прочих ранних тестах, состоящих из тривии, формулировки вопросов были удивительно расплывчаты. Почему день сменяет ночь? Кто такой Евклид? Как формируется правительство в Бразилии? Они скорее звучат как ответы в Jeopardy!, чем как нормальные вопросы тривии. Как минимум среди моих знакомых они наверняка привели бы к острым спорам о правильности ответа за игровым столом в Trivial Pursuit. Но все же по предметным областям и по форме эти вопросы неотличимы от сегодняшней тривии.

Первый звездный час тривии наступил чуть меньше года спустя. Джастин Спэффорд и Люсьен Эсти были безработными выпускниками Университета Амхерста в Манхэттене. Подобно многим другим фанатам тривии до и после, они были обескуражены, обнаружив, что, несмотря на престижные дипломы и широкое гуманитарное образование, мир больших денег и работы не спешил проторить дорожку к их дому. В свободное время, которого было более чем достаточно, они тестировали друг друга на знание литературы и удивлялись, сколько всего забыли со времени окончания университета. Игра в вопросы и ответы доставляла им такое удовольствие, что они сами начали составлять задания, стремясь разделить свою радость с окружающими. В конце концов издательство Viking Press посчитало возможным повторение кроссвордного помешательства 1924 года и согласилось опубликовать законченную коллекцию из 2000 вопросов под заголовком: «Спросите что-нибудь полегче! Книга вопросов».

Сегодня, 80 лет спустя, «Спросите что-нибудь полегче!» все еще представляет собой занимательное чтение, в основном благодаря таланту авторов вопросов. Они опробовали свои задания на энциклопедически образованных современниках и зафиксировали все результаты знаменитостей. Таким образом, читатель может сравнить свои знания тривии с показателями президента Йельского университета или редактора журнала Life. Некоторые из этих «подопытных кроликов» сами нередко являлись фигурантами ответов на вопросы тривии в наши дни: великий теннисист Билл Тилден, завсегдатаи круглого стола отеля «Алгонкин» Дороти Паркер и Роберт Бенчли (кстати, признавшийся в пристрастии к тривии в предисловии книги), психолог-бихевиорист Джон Уотсон (показавший наихудший результат — всего 61 % отвеченных вопросов) и интеллектуальное светило, теоретик негритянского ренессанса Джеймс Уэлдон Джонсон (80 % — учитесь, Уотсон!). Лучшие результаты демонстрировали знаменитости, которые проходили тесты, заточенные под их профессиональные области знаний. Спортивный обозреватель Грэнтланд Райс показал превосходный результат в спортивной викторине (пример вопроса, который сейчас рассмешит и ребенка: «Сколько шаров понадобится игроку в боулинг, чтобы достичь

максимального результата в 300 очков?»⁹), а профессор теологии Гарри Эмерсон Фосдик сделал то же самое в викторине по Библии (пример вопроса, который сейчас также рассмешит и ребенка: «Что необычного сделала Валаамова ослица?»¹⁰).

Книга была опубликована в феврале 1927 года и немедленно побила все рекорды продаж — 100 тысяч экземпляров были распроданы за один месяц. К концу весны Viking продали четверть миллиона копий «Спросите что-нибудь полегче!» и ее наскоро написанного продолжения. К концу года фраза «Спросите что-нибудь полегче» стала слоганом, Спаффорд и Эсти продали почти столько же экземпляров книги, сколько герой 1927 года Чарльз Линдберг, опубликовавший свои трансатлантические мемуары «Мы». Почти каждая газета и журнал в Америке запустили у себя регулярные колонки викторин. Это было веяние времени — танцевальные марафоны чарльстона, енотовые шубы у студентов, сидение на телеграфных столбах — но веяние недолгое. В этом ряду тривия стала королевой.

Я занимаюсь зубрежкой всего три недели, но уже чувствую, будто инопланетяне вынули часть моего мозга, а потом вставили обратно. Инопланетяне в виде розовеньких бумажных квадратиков. Всякий раз, когда я слышу в новостях об очередном политическом назначении или о смерти какой-нибудь знаменитости, сердце замирает у меня в груди, и я чувствую странное приближение паники. *Об этом могут спросить — я должен это запомнить!* Другая паническая волна накрывает меня, когда я понимаю, что забыл последние три факта, которые мой организм сопровождал такой же реакцией. Такие приступы немного напоминают мне лето, когда я по шесть часов в день играл в тетрис и начинал видеть падающие кубики, лишь только закрывал глаза. Только сейчас мой мозг забит еще сильнее, и это именно теперь, когда я сошел с локомотива тривии!

Скорее всего, я пытаюсь прошибить лбом стену. Факты больше не хотят аккуратно гнездиться в клеточках моего мозга. Я «перегрузил сеть», и теперь приходится выдумывать всякие мнемонические штуки, дабы закрепить их там. Чтобы запомнить, что в коктейль «сайдкар»^[16] входит выжимка из лимона, я рисую в воображении гигантский лимон,

сидящий в мотоциклетной коляске. Чтобы запомнить, что Джон Куинси Адамс был избран президентом в 1824 году, выдумываю изощренную историю о том, как следователь Куинси в старом телевизионном шоу Джека Клюгмена вынужден отрабатывать 24-часовую смену. Каждая следующая мнемоника изнуряет больше, чем сам факт, для усвоения которого она выдумывается. Я похож на рассеянного человека, постоянно теряющего кошелек, поэтому привязывающего его к себе якорной цепью. Я уверен, что в экстремальных условиях телевизионной съемки ни одна из этих мнемоник не всплывет в моей голове в нужный момент. Я вообще сомневаюсь, что, стоя под софитами, буду способен выговорить само это слово «мнемоника».

Однажды вечером, за неделю до съемок, Минди застала меня сгорбившимся в полутемной гостиной. Я вглядывался в мерцающий монитор.

«Эй, послушай, — я отвлекаюсь от экрана. — Где Дилан?»

«Я его уложила час назад. Уже двенадцатый час. Ты вообще спать собираешься?»

«Секунду».

Она положила локти мне на плечи. «Что ты читаешь?»

«Я наткнулся на веб-сайт какой-то женщины, которая играла в Jeopardy! несколько лет назад. Честно говоря, она описывает все так, будто не она, а ее домашний попугай принимал участие в шоу. Так же обыденно, как Эббот и Костелло^[17] рассказывали о своих встречах с призраками».

«И как она выступила?»

«Выйграла одну игру».

«Недурно для попугая».

«Но еще она собрала архив всех вопросов и ответов из игр Jeopardy! того сезона».

«Так ты с их помощью готовишься?»

«Даже лучше. Я считаю процент своих правильных ответов на сотни аукционов и финальных вопросов. Мой результат на аукционах — около 80%. Надеюсь, это поможет мне правильно делать ставки, когда я окажусь на шоу».

Она бросает взгляд под мою левую руку на листы, испещренные пометами, и карточки для запоминания, разбросанные на полу под ногами. «Дорогой, ты помнишь сцену из “Игр разума”, когда жена Рассела Кроу заходит в его кабинет и обнаруживает, что все стены оклеены всеми этими безумными вырезками и материалами из газет — ведь именно тогда она понимает, что он сошел с ума?»

Тонко подмечено. «Хорошо, я закончу с этим завтра же».

У меня устают глаза. Когда я выключаю монитор, перевернутый призрак игровой сетки с темами Jeopardy! застревает на сетчатке глаз, только вместо темно-синего она почему-то оранжево-розового цвета. Мы медленно поднимаемся вверх по лестнице.

«Я просто не хочу, оглядываясь назад, говорить, что если бы немного больше готовился, то мог бы победить, — пытаюсь объяснить я Минди. — У меня не настолько устойчивая психика, чтобы всю оставшуюся жизнь себя за это не корить».

Это правда. Jeopardy!, согласно установленным правилам конкурса, дает вам один-единственный шанс в жизни. Если вам свело судорогой ногу на последней миле марафонской дистанции или вы чуть-чуть не добрались до вершины Эвереста, у вас всегда может быть еще один шанс. Но в Jeopardy! существует только одна попытка, и высока вероятность, что вы проиграете в своей самой первой игре. Jeopardy! — это акула с огромными блестящими зубами, плывущая среди самопровозглашенных интеллектуалов Америки, неумолимо и размеренно отбирающая себе по две жертвы за вечер (строго в соответствии с программой телепередач). Нужно быть в очень хорошей форме, чтобы избегать ее зубов в течение одного или двух вечеров, но в конце концов она закусит каждым.

Через несколько минут я лежу в кровати, уставившись в потолок. Я обессилен, но на тумбочке еще возвышаются две стопки карточек. Члены кабинета министров и поправки к конституции, если не ошибаюсь. Я высовываюсь из-под теплого одеяла и смешиваю их в одну стопку. Энн М. Венеман. Избирательный налог. Сухой закон. Подходный налог. Кто сейчас министр образования? Я должен это знать, но факты расплываются и ускользают. Образование. Книги. Страницы. Род Пейдж!

Часть радости, которую доставляет тривия, возникает от эффекта неожиданности. Вы забрасываете невод своего любопытства в трясины — и вдруг в него, как в сказке, попадаетесь удивительный факт, о существовании которого вы и не подозревали! Джимми Свагерт и Джерри Ли Льюис^[18] — двоюродные братья! Отпечатки пальцев коалы идентичны человеческим! На Венере есть кратер, названный в честь Лоры Инглз Уайлдер!^[19] Целенаправленная зубрежка такой тривии каждый час бодрствования каждого дня, напротив, убивает напрочь все удовольствие.

Прислушиваясь к слабому звуку льющейся в ванной воды — Минди чистит зубы перед сном, — я чувствую необоримую усталость, как когда-то перед экзаменами в университете. Сдам или провалюсь, выиграю или проиграю — по крайней мере, через неделю все закончится.

ОТВЕТЫ

- 1 Спортивная команда технологического института штата Джорджия называется **Yellow Jackets**.
- 2 **Королева Беатрикс** правит Нидерландами.
- 3 **Брауновский университет** — учебное заведение из Лиги плюща, находящееся в Род-Айленде.
- 4 **Калигула** в переводе с латыни означает «сапожок».
- 5 Самая яркая звезда на ночном небе — **Сириус**.
- 6 **Мертвое море** имеет в девять раз более высокую соленость, чем океан.
- 7 «Золотом дураков» называют **железный колчедан**, он же **пирит**.
- 8 **Александр Македонский** (как и еще немало людей, полагаю) родился в Европе, умер в Азии, а похоронен в Африке.
- 9 Чтобы заработать 300 очков, игроку в боулинг нужно бросить **12 шаров**.
- 10 Согласно библейской книге «Числа», глава 22, Валаамова ослица **заговорила**.

Глава V

Что такое соревнование?

Мы с Минди едем в солнечную Калифорнию в сопровождении моего брата Натана и его жены Фэйт. День перед моей съемкой в Jeopardy! решено провести в волшебном королевстве Диснейленда в городе Анахайм. У Фэйт есть знакомый, у которого есть знакомый, он знает кого-то из «пиратов Карибского моря», работающих в парке, так что мы можем попасть туда бесплатно. На нас с Минди эта поездка навевает самые ностальгические воспоминания. В Диснейленде мы были вместе лишь однажды, когда только начали встречаться, и удостоились сердитого взгляда от одного прыщавого администратора за поцелуй на аттракционе «Дикие гонки Мистера Тоада».

Поскольку наши пропуска дают нам доступ куда угодно, мы решили впервые заехать в калифорнийский Парк приключений. В конце 1990-х годов компания Disney перепахала внушительную парковку Диснейленда (место бесчисленных ссор замученных, вспотевших родителей, выяснявших, в каком секторе — «Гуффи» или «Глупыш» — они с утра оставили машину) и построила на ее месте Калифорнийский парк развлечений с аттракционами. Эти аттракционы ориентированы на взрослую аудиторию в большей степени, чем соседний Диснейленд, а в ресторанах подается спиртное (самое «взрослое», что вы можете получить в волшебном королевстве, — это тошнотворный «ананасовый» десерт).

Вполне соответствуя нашим ожиданиям и многочисленным шуткам из «Симпсонов», Парк приключений оказался местом скучным и бессмысленным. Но в дальнем его углу мы обнаруживаем павильон, где целый день проходят получасовые игры «Кто хочет стать миллионером — сыграй с нами».

Конечно, название, отсылающее к популярной в недавнем прошлом телевизионной игре, бессовестно врет. Если вы уже не являетесь миллионером хоть в чем-нибудь (долларах, лирах, карточках МТГ, популяции вшей на собственной голове), то и после игры таковым не станете независимо от количества правильных ответов. Люди, которые

соглашаются посидеть на электрическом стуле под высоким напряжением, могут зарабатывать только очки, но не доллары. И, к сожалению, эти очки не удастся конвертировать в американскую валюту ни в одном из 50 штатов. Единственное исключение — площадка за сценой самого «Миллионера — сыграй с нами», где их можно обменять на «коллекционные» значки, ремешки с карабинами для бейджей, кепки и майки, в зависимости от того, насколько далеко вам удалось продвинуться. Игроки, прошедшие всю игру и ответившие на вопрос за миллион очков, получают трехдневный Диснеевский круиз.

Мы решаем принять участие в ближайшей игре. Меня воодушевляет идея бесплатной тренировки в ответах на вопросы перед завтрашним боевым крещением в Jeopardy!. Любой на моем месте захотел бы попрактиковаться, поскольку все остальные аттракционы Калифорнийского парка мы обошли чуть больше, чем за час. Так что «Миллионер» — как раз то, что нужно. Как и другие диснеевские аттракционы, этот предоставляет бесплатное развлечение, которое призвано вытеснить из вашей памяти нудное 90-минутное ожидание своей очереди под палящим солнцем. Но в отличие от других увеселений, его организатором выступает не Парк.

Над альпийской горкой нависает тщедушный парень в очках, обращающий свою речь к группе туристов. Они слушают его с восторженным вниманием. Непринужденные и при этом властные манеры парня напоминают мне граффити на стене воскресной школы, где Иисус проповедует ученикам, правда, там Иисус без клетчатой кепки разносчика газет, баков и ветровки.

«Настоящий ска-фэн», — шепчет мне на ухо Натан.

Но, подойдя поближе, я понимаю, что парень — не проповедник и не фанат ска. Он из еще более редкого, еще более коварного племени — фанатов телеигр. И он дает ценные указания:

«Во время отборочного конкурса “Быстрые пальчики” положите два пальца на клавиатуру и набивайте ответ так быстро, как только сможете. Если вы замешкаетесь и потом попытаете все-таки дать ответ, вас обгонит одиннадцатилетний пацан, который спит с “Нинтендо”. Кроме того, возможных комбинаций клавиш всего 24».

Собравшиеся апостолы, готовые бороться за право попасть на электрический стул, понимающе кивают в ответ на эту мудрость.

Я потрясен, что кто-то может любить бесплатного «Миллионера» настолько, чтобы приходить каждый день в Диснейленд тренировать новичков. Я тоже фанат телеигр, но это уже какой-то качественно иной уровень!

Мы неплохо поприкалывались над разносчиком газет, но, едва зайдя в залитую фиолетовым светом студию, я быстренько сел в тот же ряд, который выбрал он. Мало ли — вдруг он знает что-то, чего мы не знаем? Не хочу упустить свой шанс! Сцена выглядит великолепно, точно так же, как в телевизионной версии, которую я смотрел во время короткого прайм-таймового романа Америки с ведущим программы Реджисом Филбином. Непременные стремительно ниспадающие сверху вниз огни рампы и тревожная музыка электронного оркестра Casio.

Как нам объяснили, первый же вопрос конкурса «Быстрые пальчики» определит, кто из присутствующих в студии займет место в игровом кресле. В дальнейшем все получают в руки пульта, чтобы играть самостоятельно. Большие экраны будут все время отображать меняющиеся результаты. Владелец лучшего из них займет кресло следующим. Вопрос в «Быстрых пальчиках» выглядит так же, как по телевизору: дается список из четырех элементов, которые нужно расставить в правильном порядке. Первый вопрос (удачно!) кажется очень легким.

Расставьте, пожалуйста, в правильном порядке действия из популярной считалочки.

А. Буду резать, буду бить. **С.** Вышел месяц из тумана.

В. Вынул ножик из кармана. **Д.** Все равно тебе водить.

Не нужно быть Матушкой Гусыней или держать в кармане словарь считалок, чтобы выбрать верный порядок. Я нажимаю на специальном устройстве ввода кнопки С — В — А — Д так быстро, как только могу, но вокруг толпа народу, поэтому я не рассчитываю на свое первенство.

Так и есть. Но когда на экране высвечиваются результаты, я приятно удивлен: мой результат второй! Натан пихает меня локтем,

видимо, хочет показать, что он — девятый.

Но вместо этого он говорит: «Они называют твой номер!»

Я снова смотрю в таблицу. Парень, чей номер находится над моим, оказывается тем самым нашим знакомым в клетчатой кепке. Сейчас он встал со своего кресла и зачем-то воинственно скрестил руки в форме римской десятки. Позже я узнал, что этот таинственный протест не был акцией в поддержку Темных сил — он был вынужден отказаться от игры, поскольку, по правилам, сесть в кресло игрока можно только один раз за 30 дней. Ведущий и все остальные в этот момент нетерпеливо уставились на меня — участника игры. Спотыкаясь, я встаю со своего ряда и спускаюсь в проход к манящим софитам.

«Отличная работа!» — кивает мне разносчик газет, когда я прохожу мимо него.

Как я узнал позднее, персонажи, как этот парень, — правило, а вот я, случайный посетитель, был для калифорнийского «Миллионера» исключением. Вплоть до закрытия аттракциона в том же 2004 году кресло игрока чаще всего занимали местные ребята, которые просиживали там дни напролет. Некоторые приносили ноутбуки, чтобы записывать вопросы, поскольку материал, особенно начальных «простых» уровней, иногда повторялся. Они приходили не для того, чтобы выиграть Диснеевский круиз. Они просто любили игровые шоу.

Объектом их помешательства стал сравнительно молодой вид искусства. Американским игровым шоу от роду всего около 70 лет, другими словами, они 50 годами моложе телешоу «Цена удачи» с ведущим Бобом Баркером. Коммерческие трансляции начались около 1920 года, а «Спросите что-нибудь полегче» вышла в свет в 1927-м, но траектории их популярности не пересекались еще десяток лет. В 1936 году в Вашингтоне впервые вышла в эфир и через год заняла свое место в сетке программ CBS радиовикторина Professor Quiz. Профессор, веселый водевильный персонаж, награждал серебряными долларами радиослушателей, которым удавалось ответить на вопросы тривии. Его исторический первый вопрос звучал так: «Чем в английском языке отличается lama с одной буквой L от llama с двумя буквами L?»¹ Тогдашняя радиоиндустрия, переживавшая период младенчества, была охоча до всевозможных новинок, особенно тех,

что, подобно игровым шоу, не требовали серьезных финансовых вложений. В следующие два года эфир заполнили около двухсот похожих программ — бум, подобный буму реалити-шоу нашего времени.

Эти примитивные викторины с незабываемыми названиями, такими как «Верись-не-верись», Ask-it Basket и «Вопросный аукцион», шли на удивление успешно. Фактически своим повторяющимся вопрос-ответ-вопрос-ответ форматом они существенно не отличались от современных шоу тривии. Очень редко в квиз-шоу встречается сверхидея, да и вообще, признаться, хоть какая-то дополнительная идея. Тривия есть тривия, и она не нуждается в дополнительной косметике или причудливых формах, чтобы завоевать популярность.

Показательный пример — Information Please, первая сенсационная радиотривия, прогремевшая в 1938 году. Это был стандартный вопросно-ответный формат с одним лишь оригинальным ходом — «участниками» и главными действующими лицами программы были радиослушатели. Они присылали заковыристые вопросы, которые должны были поставить в тупик группу интеллектуалов из разряда членов Алгонкинского круглого стола^[20] и зарабатывали призы (сберегательные облигации и энциклопедии) в случае победы над экспертами. Успех «Спросите что-нибудь полегче!» почти наверняка повлиял на судьбу программы, поскольку и программа, и книга в качестве «подопытных кроликов» использовали одних и тех же литераторов. При пятнадцатимиллионной аудитории шоу на пике славы за неделю получало 10 тысяч писем от радиослушателей и повысило на 20 % продажи своего спонсора, компании Canada dry.

Еще более впечатляющим выглядел калибр гостей, приглашаемых в группу экспертов помимо ее постоянных членов. Завсегдатаями были пианист, композитор и актер Оскар Левант и колумнист газеты «Вашингтон Пост» Франклин П. Адамс. Звезды же появлялись самые разнообразные: Борис Карлофф, Грейси Аллен, Орсон Уэллс, Синклер Льюис и многие другие^[21]. В 1943 году своим присутствием шоу почтил даже действующий вице-президент Генри Уоллес, якобы проторив дорожку для исторического участия вице-президента

Уолтера Мондейла в программе Match Game'78 (кстати, этого на самом деле не было). Участники передачи веселились вовсю, тем не менее неизменно отвечали на разнообразные вопросы, требовавшие знаний в области медицины, географии Индонезии, пьес Шекспира и всего того, о чем их спрашивали. Литературный редактор и ведущий программы Information Please Клифтон Фэйдимен уверен, что еще шестьдесят с лишним лет назад его программа помогла предотвратить скатывание Америки в пропасть отупения. «Неожиданно нашлись умные мужчины и женщины, которые были готовы к соперничеству». Довольно немало для тех, кто относит закат западной цивилизации к судьбоносному вечеру 1977 года, когда на телеэкраны вышел ситком «Трое сверху».

За 14 лет в эфире Information Please выдержала около 500 выпусков и выдала в качестве призов 1366 полных комплектов «Британники». Ее популярность помогла раскрутиться и другим игровым шоу: к моменту вступления США во Вторую мировую войну к таковым относилась четверть всех радиопередач. Их слоганы разошлись на цитаты: «Где-то в тихом уголке нашей необъятной родины сейчас зазвонит телефон», «Доктор, у меня на балконе женщина!», «Проснись, Америка! Время обыгрывать наших экспертов!», «Вы пожале-е-ете!» Игровые шоу даже откликались на военные перипетии. Чтобы поддержать англо-американское сотрудничество, литератор с Манхэттена Кристофер Морли и историк из Кембриджа Денис Бруган тратили субботние утра, перебрасываясь тривией через океан на коротких волнах в эфире программы «Трансатлантический квиз». Итоговый счет 1944 года составил 354 на 341 очко в пользу Морли. Штаты! Штаты!

Господство достойных, умных радиовикторин в 1950-е годы представляет собой самый длительный период непрерывной популярности тривии в американской истории. Взамен вспыхнувшей и погасшей в считанные месяцы славы «Спросите что-нибудь полегче!» радиотривия горела ровным светом на протяжении почти двух десятков лет. Увеличивающиеся в размерах выигрыши помогали поддерживать интерес публики: 30 августа 1946 года командир военного корабля Джек Вайс сорвал на передаче Break The Bank рекордный джекпот размером \$5200 за ответ на вопрос: «Где находится озеро Маракайбо?»² (имейте в виду, что это деньги 1946

года; добавьте нолик, чтобы получить примерный эквивалент в сегодняшних ценах). В том же году Бруклинская система публичных библиотек объявила, что больше не будет помогать своим пользователям отвечать на вопросы радиовикторин, поскольку их поток выходит за пределы ее возможностей. «В некоторых случаях [вопросы викторин] вели к настоящему моральному разложению, — жаловался главный библиотекарь. — Установление личности Лимонадной Люси³ или архитектора Белого дома⁴... не кажется нам слишком важной информацией». После этого он вернулся к своим действительно важным обязанностям по переключиванию каталожных карточек.

Даже упадок популярности радио не мог уничтожить викторины, так же как успешную пьесу не убивает перенос с подмостков провинциального театра в Коннектикуте под сияющие ярким светом огни Бродвея. Медленное угасание радио всего лишь вывело тривию на большую сцену.

Итак, вскоре радио затмило новое чудо техники, большой громоздкий ящик под названием «телевизор». Телевизор был во многом похож на радио, за исключением того, что теперь позволял увидеть, как выглядит Милтон Берл^[22], многие годы так страшно пугавший американских детей. Игровые шоу (возможно, наименее зрелищный телевизионный жанр в истории) оказались неразрывно связаны с рождением телевидения. 1 июля 1941 года, в тот день, когда FCC (Federal Communications Commission) подписала лицензию на вещание первого коммерческого национального телеканала, NBC выпустила в эфир специальные телеверсии своих радиохитов: «Каверзные вопросы дядюшки Джима» и «Правда и ее последствия». Уже на следующий вечер CBS запустил свою телевизионную викторину с «оригинальным» названием «Телевизионная викторина CBS». Сколько существует коммерческое телевидение, столько оно демонстрирует игровые шоу. Этот тренд сохраняется и в наши дни благодаря «Миллионеру» и Jeopardy! (или, как я их иногда называю, «Каверзные вопросы дядюшки Реджиса» и «Каверзные вопросы дядюшки Алекса»).

В следующие десять лет старомодные, по общему мнению, викторины отошли на второй план, пропустив на передний менее затратные в производстве телевизионные игры в слова. Именно тогда легенды телевидения Майк Уоллес и Джонни Карсон проявили себя гениальными конференсье телевизионных игровых программ. Среди авторов, поднявшихся благодаря придумыванию легкомысленных заданий в программе «Быстрее секундной стрелки», был будущий драматург Нейл Симонс. Исследователь массмедиа Томас Де Лонг связывает возродившийся интерес к старым добрым программам тривии с послевоенным Законом о ветеранах. Целое поколение людей, чьи родители никогда не учились в университетах, стремительно погрузилось в пучины академического образования, что дало возможность литературной и культурной тематике законно прописаться на телевидении. Даже высокообразованные интеллектуалы из Лиги плюща стали заполнять викторинный вакуум («Ответь-ка мне на это» в Йельском университете и «Что есть в мире?» — в Пенсильванском).

Но что действительно подбросило вверх рейтинги игровых шоу, так это приток наличности, кэша. В апреле 1954 года, за месяц до отмены сегрегации в американских школах, после решения суда по делу «Браун против Министерства просвещения», в Верховный суд поступил запрос о соответствии конституции всех аспектов, связанных с проведением телевизионных игр. Судьи восемью голосами против нуля постановили, что правила, установленные FCC и много лет не дававшие возможности разыгрывать крупные денежные призы в викторинах, были незаконными. Меньше чем через восемь месяцев после отмены денежных ограничений продюсер CBS Луис Кован придумал идею высокодоходной телевикторины, которая вышла в эфир под названием «Вопрос на \$64 тысячи». Его умственные усилия привели к появлению самого крупного медиафеномена 1950-х, а затем к не менее крупному скандалу, поставившему крест на американской телевизионной тривии на следующие десять лет.

«Вопрос на \$64 тысячи» был прямым наследником радиовикторины «Третьего не дано», в которой участникам предлагалось ответить на ряд вопросов, каждый из последующих стоил вдвое дороже предыдущего. При этом после любого

правильного ответа можно было выйти из игры, предпочтя уже имеющуюся в руках синицу рискованному журавлю. (Через несколько десятков лет ту же систему позаимствовал «Миллионер».) В радиоверсии максимальный выигрыш мог составить умопомрачительную сумму в \$64 тысячи. «Только не тратьте их все сразу!» — призывали экономных домохозяек 1940-х!

Кован усилил игровое напряжение, заставив участников игры отвечать на вопросы в особых звуконепроницаемых кабинках и давая им неделю (вместо прежних нескольких секунд) на раздумья, рисковать выигрышем, пытаясь ответить на вопрос следующего уровня и прибавить к итоговой сумме три нуля, или нет. Выход в эфир «Вопроса на \$64 тысячи» ознаменовал начало новой эры — тривии-на-большие-деньги. Зрителям по-прежнему было интересно играть у себя дома перед экраном, проверяя свои знания о Чосере или Гражданской войне, но в меньшей степени им было интересно посмотреть на счастливого, выигравшего сумму, которая навсегда изменит его жизнь. Участниками становились Мистер Простой Американец и Мисс Простая Американка, и они сами выбирали себе удобную категорию вопросов. В игровой кабинке могли оказаться именно вы, чтобы проверить знание тривии в той области, которую сами считаете для себя коронной.

До определенной степени, на самом деле. «Вопрос на \$64 тысячи» революционизировал и подход к поиску участников для квиз-шоу. Впервые вместо того, чтобы просто выдергивать случайных людей из аудитории, как принято, скажем, в «Цене удачи», их стали специально заранее искать и отбирать. Другими словами, так появился изнурительный тест Jeopardy!, который проходили мы с Эрлом. Шоу 1950-х понадобились отборочные туры, чтобы выявить игроков, способных успешно отвечать на сложные вопросы, но в результате стало ясно, что этот отбор дает возможность коварным продюсерам с почти 100-процентной уверенностью предвидеть, какой ответ их звезда сможет дать, а какой — нет.

Конечно, увеличение денежных выигрышей в тысячу раз не привело к такому же росту аудитории, но все равно рост этот был впечатляющим. «Вопрос на \$64 тысячи» был самой рейтинговой американской телепередачей в сезоне 1955–1956 годов. С тех пор

подобной чести достаивался только «Миллионер» дядюшки Реджиса. Уровень преступности в Америке, нагрузка на телефонные линии, посещаемость театров и ресторанов — все падало, когда во вторник вечером поразительное число — 82 % — возбужденных телезрителей включали канал CBS. Они с напряжением ожидали решения участника, оставшегося с прошлой недели, — будет он рисковать своим выигрышем или же остановится на достигнутом. Revlon, спонсор программы, утроил свои продажи. Наивысшая точка популярности передачи пришлась на 13 сентября 1955 года, когда капитан корабля Ричард Маккатчен (по специальности повар-кулинар) не побоялся рискнуть и без того большим выигрышем, чтобы попытаться получить совсем уж невероятную сумму в \$64 тысячи. 55 млн телезрителей стали свидетелями стоячей овации, когда Капитан Маккатчен уверенно расправился со своим финальным вопросом про парадный ужин 1939 года в Букингемском дворце.

Феномен американских игровых шоу впервые вывел тривию на международную орбиту, хотя джекпот там был значительно скромнее. Когда Виктор Бернардо, знавший, что ниша, в которую древние римляне помещали своих домашних богов, называется ларарий, выиграл \$700 в популярной аргентинской передаче «Сегодня у нас экзамен» (боги, что может быть смешнее этого названия!), он воспользовался минутой славы, чтобы объявить в микрофон, что жертвует всю сумму своей любимой Социалистической партии. В ответ недовольное правительство Перона прервало на 24 часа вещание всей радиостанции. В британских викторинах рекордный выигрыш достался человеку с невероятным именем Плантагенет Сомерсет Фрай. Он заработал £512 в своей любимой категории — ну кто бы мог подумать! — «История Европы». Мексиканец, ответивший на финальный вопрос игры «Вопрос на 64 тысячи песо», унес домой сумму, эквивалентную \$5000, развеяв подозрения в том, что шоу задает запредельные вопросы, поскольку закладывает в бюджет низкие расходы. В итальянском клоне той же программы — «Удвой или уходи» шире всего удача улыбнулась королеве красоты Марии Зоччи, действующей Мисс Тосканы, которая вынуждена была уйти с 2,5 млн лир перед вопросом из своей любимой темы «Велоспорт». Она не имела права рисковать выигрышем при ответе на финальный вопрос,

потому что нуждалась в средствах для ухода за больной матерью. На следующий день Зоччи получила телеграмму от бывшего короля Египта Фарука. Он слушал трансляцию и был так тронут, что послал к Марии курьера с чеком на сумму, покрывающую разницу между уже полученными деньгами и максимальным выигрышем.

У себя дома производители телевизионных программ продемонстрировали подлинную изобретательность и любовь к инновациям, развернув «гонку вооружений» по созданию копий успешного шоу с еще большими выигрышами. «Вопрос на \$64 тысячи» вызвал к жизни «Челлендж размером в \$64 тысячи», а тот, в свою очередь, «Большой сюрприз в \$100 тысяч», а тот — «Сорви банк — \$250 тысяч». Но сегодня при обсуждении викторинной истерии 1950-х мало кто вспоминает самый рейтинговый тогда Question. Вместо него в памяти тогдашних телезрителей возникают белый англосаксонский протестант-патриций и испуганный еврей из Бруклина, столкнувшиеся лицом к лицу в изолированных кабинах на игре канала NBC «Двадцать одно». Фильм 1995 года^[23] «Викторина» (снятый Робертом Редфордом, который сам поддался веянию времени в 1958 году, приняв участие в шоу «Интуиция») ловко использовал мошеннические телевизионные викторины как метафору постепенного крушения американских иллюзий и узнавания правды: про убийство Кеннеди, Вьетнам, Уотергейт. Если бы не фильм Редфорда, вряд ли кто-то бы сейчас вспоминал тот скандал в телевизионных играх. Но, разгоревшись, он стал главной новостью в стране.

Программа «Двадцать одно» скатилась к низким рейтингам к осени 1956 года, но спустя всего несколько месяцев стала самым популярным телевизионным зрелищем. Случилось это, когда общительный и обаятельный Чарльз Ван Дорен, профессор английской словесности из Колумбийского университета, начал свою 14-недельную беспроигрышную серию. Все его родственники были выпускниками Лиги плюща, а двое — еще и лауреатами Пулитцеровской премии. К марту следующего года Ван Дорена все-таки выбили, но его чисто выбритая умная физиономия оказалась среди самых знаменитых лиц Америки. Он выиграл рекордную для тех лет сумму в \$129 тысяч (около миллиона в пересчете на сегодняшние

доллары), появился на обложке журнала «Тайм», получал от поклонников тысячи писем в неделю, включая предложения сняться в кино и предложения руки и сердца. В итоге он получил должность консультанта за \$50 тысяч в год, в десять раз больше того, что зарабатывал бы, разбирая роман «Мидлмарч»^[24] с первокурсниками.

Но затем в фундаменте игровых шоу появилась трещина. В 1958 году за кулисами передачи CBS под названием Dotto участник по имени Эдвард Хильгемейер стащил небольшой блокнот. Внимательно изучив его, действовавший на тот момент чемпион нескольких игр обнаружил, что в нем записаны все ответы, которые тот выдавал на сцене. Преподобный «Стоуни» Джексон заявил, что вопрос, который принес ему победу в игре «Вопрос на \$64 тысячи», ему уже задавали на предыгровом интервью. Дабы разоблачить надувательство, художник по имени Джеймс Снодграсс даже догадался послать самому себе письмо с ответами, которые создатели «Двадцати одного» дали ему заранее. Письмо было зарегистрировано на почте и содержало ответы на вопросы типа «Перечислите имена всех семи гномов»⁵.

Самым убийственным и, к счастью для Роберта Редфорда, самым кинематографичным эпизодом стали свидетельские показания Герберта Стемпела, ветерана войны, который по государственной программе переподготовки учился в Сити-колледже в Нью-Йорке. Выиграв на «Двадцати одном» \$49 500, он в конце концов проиграл Ван Дорену. Участие Стемпела повысило рейтинги программы по своеобразной причине — самодовольное поведение этого всезнайки раздражало зрителей, и они включали телевизор в надежде увидеть его проигрыш. По удивительному (и, естественно, далеко не случайному) совпадению, хорошо воспитанный аристократичный Чарльз Ван Дорен с небольшим преимуществом выиграл у Стемпела после четырех статистически маловероятных ничьих, которые повысили игровые ставки до \$2500 за очко. В 1957 году, убедившись, что продюсеры «Двадцати одного» не сдержали своего обещания найти ему работу на телевидении, Стемпел раскрыл газетчикам «всю подноготную» шоу. Начавшееся в результате расследование Большого жюри^[25] и Конгресса привело к краху всей отрасли. Конечно, рейтинги викторин уже давно падали — как это происходит с любой модной

теленвинкой, они стали жертвой растущих, как грибы после дождя, многочисленных клонов. Но эти скандалы стали последней каплей. Викторины были на долгие годы вытеснены неприметными играми в слова и соревнованиями, в которых группа экспертов отвечает на вопросы аудитории.

В результате этой шумихи ведущие и продюсеры викторин были с позором изгнаны из телевизионного бизнеса на целые десятилетия. Больше всех не повезло Ван Дорену, который в течение года заявлял о своей невинности и уклонялся от получения повесток, но в итоге признал перед Конгрессом свою вину. Он потерял работу и на NBC, и в Колумбийском университете. «Я был причастен, и очень серьезно причастен к обману, — признался он в своих свидетельских показаниях 2 ноября 1959 года. — Я обманул своих друзей, а у меня их были миллионы».

Среди производителей викторин есть мнение, что обвинения против таких людей, как продюсер «Двадцати одного» Дэн Энрайт и продюсер «Вопроса на \$64 тысячи» Луи Коуэн, были беспочвенны. «Им казалось, что они производят развлекательную программу, — слышал я от телевизионщиков. — Они не считали это обманом». Может быть, Дон Энрайт, фальсифицирующий результаты викторины на Манхэттене, — это менее важно, чем пожизненный диктатор, фальсифицирующий результаты выборов, скажем, в Зимбабве, но он все же понимал, что поступает неправильно. Продюсеры прекрасно осознавали: притягательность их шоу основана на том, что аудитория на самом деле верит наморщенным лбам, каплям пота и озадаченному выражению лиц. Главным на шоу было умение отвечать на вопросы. Зрители играли вместе с игроками, и их не устроила бы симуляция интеллекта и умственного напряжения на экране.

А это и вправду была симуляция. В своих свидетельских показаниях Стемпел рассказывал, что продюсеры репетировали с ключевыми участниками шоу каждую паузу, каждый неправильный ответ, каждую запинку. Не то чтобы эти участники не были по-настоящему умными. Собственный IQ Стемпела составлял 170, и он громко возмущался, когда продюсеры заставляли его заваливать ответы, которые он на самом деле знал: например, где расположен

Тадж-Махал⁶ или (в знаменитом выпуске, в котором он проиграл Ван Дорену) название картины, получившей «Оскар» в 1955 году⁷. А у Ван Дорена, кроме докторской степени по английскому, была магистерская степень по астрофизике. Проходя отбор на шоу, он действительно думал, что сможет отлично сыграть. По его словам, он согласился на махинацию только потому, что продюсеры заверили его: это — единственный способ избавиться от Стемпела и донести до аудитории мысль о важности получения образования.

Должны ли были *настоящие* любители тривии немедленно разглядеть надувательство? Естественно, продюсеры не смогли бы правильно оценить сложность всех вопросов, и игроки направо и налево прогорали бы на слишком простых вопросах и с легкостью отвечали бы на слишком сложные. Однако по большей части схема была довольно хорошо проработана. Например, шоу «Вопрос на \$64 тысячи» добивалось крупных выигрышей, тщательно изучая сильные и слабые стороны участников, чтобы вопросы с крупными ставками «легли в лузу». Капитан Маккатчен хорошо разбирался во французской кухне, и продюсеры шоу об этом знали. Часто пишут, что, отвечая на последний вопрос, он должен был целиком перечислить состоящее из семи блюд меню государственного обеда, прошедшего много лет назад, из-за чего его достижение кажется еще более невероятным, чем оно на самом деле было. В действительности случилось другое: ведущий Хэл Марч зачитал меню, а Маккатчену нужно было просто *описать* блюда и вина. Это, конечно, могло впечатлить телезрителей, но, по сути, все, что он сделал, — это дал определения гастрономических терминов вроде «консоме» и «мальтийский соус». Для него это было несложно.

Я смотрю старую видеопленку с записью игры Стемпела против Ван Дорена. Мне интересно, смогу ли я обнаружить «подставу». Что здесь наименее правдоподобно, так это сфабрикованные сюжеты шоу, достойные промоутера любого профессионального рестлера. Ван Дорен выигрывает у Стемпела после четырех напряженных ничьих? Да ладно вам! Ван Дорен в конце концов проигрывает (заметьте, после трех ничьих) жене предыдущего участника, которая надеется отомстить за поражение своего мужа? Да ладно вам! Но на сами

вопросы вполне можно ответить. Состоящие из нескольких частей списки, которые игроки щелкают, как орехи, со стороны кажутся длинными и запутанными, но они хорошо знакомы любому фанату тривии: например, про семь гномов или жен Генриха VIII. Из всех вопросов в финальной игре Стемпела подозрения вызывает лишь один. Стемпел безошибочно последовательно перечислил, какие именно острова были открыты во время какого по счету путешествия Колумба. Даже самый прожженный участник университетских соревнований по тривии недоверчиво фыркнул бы, услышав этот вопрос.

Любопытно наблюдать за двумя заикающимися в раздумье мужчинами, когда мы знаем, что каждая секунда игры была хорошо отрепетирована. Стемпел настолько отчужден, что похож на робота. Интересно, его пустой взгляд а-ля китайский болванчик — это то, с чем его «кукловоды» из NBC пытались бороться, или же, наоборот, они сами «запрограммировали» Стемпела? Напротив, Ван Дорен, безусловно, обладает прекрасным чувством сцены. Как он хорош, когда пытается найти ответ! Он раздумывает, бормочет, отбрасывает возможные, но неверные решения, вставляет реплики о том, должен или не должен он знать правильные ответы. Честное слово, его игра достойна «Оскара»!

Самой главной «уликой» для меня стало то, что оба участника дают невероятно полные ответы на каждый вопрос, включая инициалы и тому подобные вещи, чего никогда не сделаешь в ситуации со случайно приобретенными знаниями. Из книги «Как попасть в Jeopardy! ...победить!» я узнал, что при ответе всегда нужно ограничиваться фамилией знаменитого человека, чтобы случайно не ошибиться в имени. Стемпел и Ван Дорен явно не получали подобной директивы. На вопрос о Гражданской войне, вместо того чтобы ответить просто «Халлек», Ван Дорен изрекает: «Это был генерал Генри У. Халлек». Когда его спрашивают, что случилось с Джейн Сеймур, он говорит: «Умерла во время родов, произведя на свет будущего короля Эдуарда IV» вместо простого: «Умерла при родах» или «Умерла». Задним числом эти слишком подробные ответы кажутся явной уликой. С опозданием всего лишь в 50 лет я вывел этих мошенников на чистую воду!

Сегодня викторины не цветут пышным цветом, как когда-то, и, конечно же, не вернулись на пик популярности, на котором находились до скандалов, но их страстные поклонники все еще не перевелись в мире. На фанатских интернет-форумах можно обнаружить длящиеся многие недели дискуссии, посвященные самым мельчайшим деталям викторин. Было ли ошибкой со стороны NBC перестроить павильон шоу «Распродажа века» старика Джо Гаражиолы? Помните тот выпуск Password Plus, в котором судьи ошиблись, приняв ключ «Франция» к паролю «французский»? Почему новая версия Supermarket Sweep не использует старую музыкальную тему? Что бы вы предложили, чтобы улучшить бонусный раунд «Блокбастеров»?

«Их не перестаешь читать, потому что это похоже на крушение поезда: невозможно оторвать глаз», — говорит Кори Анотадо. Кори еще почти ребенок, он учится на первом курсе в Университете ЛаСалль в Филадельфии, но ему нравятся шоу-викторины — как старые, так и новые. Более того, он автор [Buzzer](#), одного из самых больших интернет-блогов, посвященных викторинам. «Но потом у тебя появляется свое мнение, ты пишешь о нем, и это еще больше подогревает твой интерес».

«Один пример. Народ всерьез поспорил о стиле графики чисел на шоу Family Feud. Знаете, числа вверху табло, которые показывают, сколько денег в банке?»

Я киваю. Количество часов моего детства, проведенных за просмотром этой передачи, делают меня одним из этих спорщиков. В данном случае — никакой иронической дистанции.

«В общем, они использовали два разных стиля. В стиле 1988 года ноль на один ряд лампочек уже, а перекладина у шестерки прямая. А в стиле 1992 года ширина ноля правильная, а шестерка изгибается вниз».

«Тебе что, правда, не все равно?»

«Естественно, второй стиль лучше. Не могу поверить, что я это сказал!»

Фанаты типа Кори любят спорить в интернете («Могу представить, что некоторые из нас читают университетские курсы о плохой игре в Rугамид», — говорит он), но они встречаются и в офлайне. Это не те

гламурные Комик-коны ^[26], на которых они наряжаются Монти Холлом или Уэмми из Press Your Luck. Обычно это неформальные собрания в чьем-нибудь подвале, где друзья играют в настольные или компьютерные версии своих любимых игр. Это, без сомнения, тот же самый импульс, который заставляет других фанатов снова и снова возвращаться в Парк развлечений, чтобы сыграть в «Кто хочет стать миллионером?». Не нужно, чтобы на кону были деньги или призы, все дело в игре. Эти фанаты более привязаны к игре, чем к шоу.

Притягательная сила игры очевидна. В отличие от реальной жизни, викторина — это строго организованная вселенная с четкими, заранее объясненными игрокам правилами. Каждый звуковой эффект, каждый музыкальный фрагмент, каждое изменение на игровом табло безукоризненно отрежиссированы и происходят синхронно во всех выпусках передачи, а власть ведущего над всеми элементами игры абсолютна. Игрок либо прав, либо неправ, как обязательно докажет скрытый на табло ответ. За каждым ходом игрока следует либо легкомысленное «тынц», либо раскатистое «бз-зз». У вопросов всегда есть ответы. У загадок всегда есть решения.

Мне кажется, что, по большому счету, секрет популярности тривии состоит именно в этом. В отличие от запутанных вопросов и взаимосвязанных решений, с которыми мы имеем дело в жизни, ответы в тривии всегда ясны и понятны: да — нет — как электрический выключатель. Правильно или неправильно. Один или ноль. Ты не можешь быть уверен, что не зря согласился на эту работу во Фресно, но ты можешь быть на 100 % уверен, что Манстеры жили по адресу Мокингберд Лейн, 1313. Ты, возможно, никогда не узнаешь, правильно ли повел себя с той девушкой, в которую был по уши влюблен в студенческие годы, но ты точно знаешь, что слово «Пенсильвания» написано на Колоколе Свободы с ошибкой. В конце концов, чтобы узнать ответ, достаточно перевернуть карточку.

Телевикторины выгодно отличаются от реальной жизни еще и тем, что в них вознаграждаются лишь умение и талант. В мире, где «не те» люди добиваются успеха, идя по трупам, или по праву рождения, или благодаря счастливому совпадению обстоятельств, викторины являются заманчивой альтернативой повседневности, где всем плевать

на то, учился ли ты в Эксетере, или на то, кто женат на племяннице начальника. Все, что имеет значение, — можешь ли ты решить ребус, разбираешься ли в астрономии или знаешь ли текущую розничную цену на мастику для полов. И ничего больше. Может быть, тривия — это последний сохранившийся в Америке оплот меритократии?

Неудивительно, что упрощенная модель реальной жизни, каковой является викторина, так заманчива для фанатов. Но, вероятно, никто из них не был столь успешен на ниве своего увлечения, как Боб Боден, гуру викторин, который прислал мне видеозаписи решающей игры Стемпела и Ван Дорена. Боб вырос в Нью-Йорке и был завсегдатаем съемок таких популярнейших шоу, как Password. «В середине 1970-х, — говорит он, — викторины переехали в Лос-Анджелес, и я переехал вместе с ними». Учась в Университете Калифорнии, он начал свою сногшибательную карьеру от фаната до «большой шишки» — ассистента, демонстрирующего суфлерские карточки, стажера на The Price is Right, ассистента режиссера Queen for a Day... В конце концов он оказался в кресле руководителя программ дневного вещания и за последние 20 лет поработал над бесчисленным множеством викторин для ABC, Марка Гудсона, реабилитированного Дэна Энрайта, Дика Кларка и Game Show Network. Сейчас он руководит новым каналом реалити-телевидения Fox.

Несмотря на карьерный успех, в душе Боб все еще обычный фанат викторин. Впрочем, не совсем обычный. Он фанат, обладающий замечательной коллекцией реликвий. Зная о моей старой страсти к викторинам, которая недавно вспыхнула с новой силой, Боб пригласил меня взглянуть на его музей во время моего следующего визита в Лос-Анджелес.

Он и его вторая жена Марла приглашают меня в гостиную своего дома в долине Сан-Фернандо. Боб — чрезвычайно дружелюбный малый с вечно улыбающимся ртом и темными нависшими бровями. Он пышет здоровьем человека, который недавно сбросил в спортзале не один килограмм. Мы болтаем о пустяках, но Бобу, очевидно, не терпится позвать меня в свой кабинет в задней части дома.

«Вы должны быть польщены, — говорит Марла. — До этого он убирался там только раз, и то тогда в гости приходил сам Дик Кларк!

[27]»

Через затемненный дворик Боб ведет меня в кабинет. Я понятия не имею, что меня ожидает. Но когда он щелкает выключателем, я застываю на месте как громом пораженный. Передо мной — сверкающая полиэстрово-пастельная пиратская сокровищница для фаната викторин, от пола до потолка заполненная ярко раскрашенными деталями декораций, безделушками и сувенирами. Почти на каждой стене есть что-то, что вызывает у меня неподдельное волнение: настоящий подиум из Family Feud времен Ричарда Доусона, гигантская J из старых декораций Jeopardy!, колода огромных карт из Card Sharks, поблескивающий серебристый сектор «\$5000» с «Колеса фортуны». Все эти единственные и неповторимые экземпляры были выклянчены у продюсеров, спасены из мусорных баков или, в паре случаев, таинственным образом исчезли со склада декораций. Это фанатская нирвана.

Для гиков весь этот мусор — священные реликвии, которые впору выставлять в Смитсоновском музее прямо между стулом Арчи Банкера и рубиновыми туфельками Дороти. Карточки «таинственного гостя» из What's My Line? Фишка Плинко. Один из тонких до странности микрофонов Джина Рейберна с Match Game. Рамки с глянцевыми фотографиями Уинка Мартиндейла с Элвисом Пресли и Боба Юбэнкса с Beatles. Пюпитры с восстановленной версии To Tell the Truth и более современного Friend or Foe. Бумажный плакат с вопросом из старой Jeopardy! с Артом Флемингом, реликвия тех времен, когда телемониторы еще не существовали (надпись на нем гласит: «Это единственное, что осталось в ящике Пандоры после того, как она его открыла»)⁸.

Что дальше? Гонг из Gong Show? Усы Алекса Требека? Заспиртованный Пол Линд?

Боб радуется моему восторгу, который похож на восторг изумленного малыша рождественским утром. «В гараже тоже кое-что есть!»

Перед тем как мы покидаем сокровищницу, Боб вручает мне несколько милых сувениров на память. Кукла, изображающая Чака Вулери, надувной Уэмми, большая сумка с эмблемой Greed и огромная

папка весом примерно с Пэта Сэджека. «Это расписание всех дневных передач начиная с октября 1958 года и их рейтинги по Нильсену», — объясняет Боб. По-видимому, это проект всей его жизни, и он, возможно, считает, что я один из немногих людей на земле, которые способны его понять. Листая страницы, я обнаруживаю, что это действительно так. Глянь-ка, вот лето, когда мы вернулись из Кореи, а скребл показывали на полчаса раньше. А вот осень, когда снова стали показывать Password Plus, переименованный в Super Password!

«В чем, по-твоему, дело? — спрашиваю я Боба на прощание. — Почему викторины так глубоко трогают людей?»

«Работая в этой сфере, я иногда забываю, что мы — это фабрика по производству счастья. Мы превращаем желания в реальность. — Он мечтательно улыбается. — Вот что заставляет меня год за годом возвращаться на съемки “Цены удачи”. Атмосфера в студии наэлектризована: все жаждут знать, чье имя сейчас прозвучит. У меня мурашки бегут по коже. Это уникальное ощущение».

В Диснейленде я понимаю: когда выкликают твое имя, это на самом деле очень волнительно. Правда, трепет тут же сменяется паникой и тошнотой. Я неуверенно выхожу к месту игрока и сообщаю служащему свое имя и прочую необходимую информацию. Под потолком гремят вагнеровские аккорды музыкальной темы «Миллионера».

Со мной знакомится поддельный Реджис. В роли ведущих здесь — дружелюбные работники Диснейленда, которые, быть может, между сеансами своих «Миллионеров» слоняются по парку в костюме Тигры. Его тоже зовут Кен, и мы оба над этим подшучиваем.

Первые вопросы очень просты, и это очень хорошо: на диснеевском «Миллионере» у игрока есть всего несколько секунд, чтобы дать «окончательный ответ», в отличие от телешоу, где можно мямлить и бормотать, пока Уолт Дисней не начнет переворачиваться в своем холодильнике. Предполагается, что игрок с легкостью ответит на несколько первых вопросов — и мне это удастся. Туфельки Золушки были сделаны из (Б) хрусталя. Повторение — мать (Д) учения. Дамские пальчики — это (В) виноград.

Как ни странно, спринтерский характер игры не сбивает меня с толку, а напротив, помогает расслабиться. Но затем мы добираемся до

вопросов, которые помогают Майклу Айснеру не проиграть круизов больше, чем заложено в бюджете. Каково настоящее имя леди Берд Джонсон?⁹ Этот ответ я узнал во время своих недавних «президентских» штудий. Затем — на южной оконечности какого района Нью-Йорка расположен Кони-Айленд?¹⁰ Не считая пути в аэропорт, я никогда не был в нецентральных районах и трачу на этот вопрос сразу две подсказки: «Вопрос к залу» и «50 на 50». Теперь у меня остался только «Звонок другу», который в парках развлечений трансформировался в «Звонок незнакомцу». Единственное, что тебе светит, — это совет от случайного посетителя Парка приключений в шапке с ушами Микки-Мауса, который был настолько глуп, что умудрился застрять рядом со специальным внутренним телефоном. Раз «Звонок другу» бесполезен, значит, я здесь в полном одиночестве.

И вот тогда-то я, как и мои предшественники в нелегкой роли игрока, получаю вопрос ценой в \$64 тысячи. В смысле, в 64 тысячи очков. «В какой стране родился знаменитый укротитель львов Гюнтер Гейбл-Уильямс?» Вдвойне сложно для несчастного лузера, который и слыхом не слыхивал о выдающемся господине Гейбле-Уильямсе. Такого несчастного лузера, как я. Три из вариантов ответа — это взаимозаменяемые европейские страны: Германия, Австрия, Швейцария. Мой мозг в ступоре, время истекает, и по какой-то причине я выбираю четвертый ответ: (В) Соединенные Штаты. Может быть, типично немецкое имя Гюнтер — это ложный след? Может быть, это вопрос с подвохом?

«В. Окончательный ответ».

Паранойя не окупается. Гюнтер родился в Германии.

«А я знала, — любезно щебечет моя невестка, когда я осторожно возвращаюсь на свое место. — Я видела о нем передачу на канале А&Е».

Возможно, викторины — это не совсем меритократия в чистом виде. Можно быть каким угодно умником и проиграть кому-то, кто вчера вечером посмотрел по А&Е нужную передачу. И все же теперь я являюсь счастливым обладателем значков, шнурка для мобильного, бейсболки и новой рубашки поло. Неплохой улов — даже если завтра на Jeopardy! я облажаюсь.

Теперь место игрока занимает сияющая от счастья десятилетняя девочка с брекетами на зубах. Ее отец жестикулирует, словно тренер на третьей базе. Зрители подбадривают девочку и сами играют вместе с ней. Удовольствие от тривии соединилось с чем-то еще более естественным — бескорыстным желанием увидеть, как удача улыбнется кому-то другому. Викторина объединяется с шоу. Боб Боден был прав — это действительно ни на что не похоже!

«Молодец», — снова шепчет мне на ухо разносчик газет, ведь теперь мы оба — закаленные в бою воины.

Я чувствую, что между нами появилась незримая связь.

ОТВЕТЫ

- 1** Лама с одной L — это **тибетский монах**, а Лама с двумя L — это **вьючное животное, обитающее в Андах**.
- 2** Озеро Маракайбо находится в **Венесуэле**.
- 3** «Лимонадная Люси» было прозвищем **Люси Хейс, Первой леди президента США Ратерфорда Б. Хейса**. Дано за полный отказ от алкогольных напитков (и запрет употребления алкоголя при ней в Белом доме).
- 4** Белый дом спроектировал ирландский архитектор **Джеймс Хобан**.
- 5** Семь гномов в инструкции, полученной Джеймсом Снодграссом от продюсеров, были названы так: **«Засоня, Чихун, Простак, Весельчак. (Пауза.) Вечно недовольный Ворчун. (Пауза.) Профессор. (Пауза.) Скромник»**.
- 6** Тадж-Махал находится в индийском городе **Агра**.
- 7** Оскар за лучший фильм 1955 году получила лента **«Марти»**.
- 8** Единственной вещью, которая, согласно мифу, осталась в ящике, после того, как его открыла Пандора, была **надежда**.
- 9** Настоящее имя леди Берд Джонсон — **Клаудиа**.
- 10** Кони-Айленд располагается на южной оконечности **Бруклина**.

Глава VI

Что такое воспламенение?

Первый семестр в университете — это такое бессмысленное время, когда большинство новоявленных студентов записываются на кучу утренних занятий, которые потом никогда не посещают. Я решил внести в этот жизненный этап немного смысла, прыгнув с парашютом.

В значительной степени это была вина моего соседа по комнате. Он где-то достал флаер в клуб воздухоплавания студенческого городка и обязательно хотел присутствовать на первом собрании. Я пошел с ним в порядке оказания моральной поддержки. Не помню, о чем на собрании шла речь, но это определенно была проповедь на уровне Иоанна Златоуста, поскольку заставила моего соседа вписать свое имя в список желающих выпрыгнуть из самолета. Правда, это все еще не объясняет, почему я записался тоже. По-видимому, ключевое слово здесь тестостерон. Никто не согласится, чтобы тощий диабетик из провинциального городка Якима чувствовал себя альфа-самцом в вашей общей спальне.

Но в последнюю минуту мой сосед изменил своим намерениям, внезапно решив, что прыжок будет слишком дорогим удовольствием. Я подозреваю, что под слишком дорогим он подразумевал слишком страшным. Таким образом, я остался с носом, точнее, с ранцевым парашютом за спиной в кабине аэроплана. Моим первым прыжком стал прыжок в тандеме, во время которого вы летите в связке с инструктором в довольно гомоэротической позиции «снизу». При этом всю трудную работу по своевременному дерганью вытяжного троса, приземлению и тому подобному выполняет инструктор. И слава богу, потому что весь полет с момента раскрытия парашюта до аварийной посадки я провел в полубессознательном состоянии жуткой сенсорной перегрузки.

Это неопишуемое ощущение. Мозг переполняется быстро сменяющимися образами, главный из которых «земля». Он задает сам себе вопрос: «Неужели это вправду происходит со мной?» И вынужден ответить себе утвердительно. У многих людей это ощущение длится

несколько мгновений, после чего им удастся от него отделаться. Но в моем случае помрачение сознания продолжалось весь прыжок — около десяти секунд. Моментами сознание возвращало себе ясность, фиксируя бешеные порывы ветра, восхищение пейзажем, встряску от раскрывающегося парашюта. В те мгновения, когда мой мозг приходил в себя, он сообщал: «Ага, ты все еще падаешь с самолета!» — после чего так же внезапно снова погружался в оцепенение.

Рассказываю об этом я столь подробно не для того, чтобы показать, как суровы бывают любители тривии. Дело в том, что тот случай — единственное в моей жизни событие, которое хоть как-то могло подготовить меня к ощущениям от записи моей первой игры в Jeopardy!.

Минди подвозит меня к западным воротам студии Sony в Калвер-Сити. Когда-то, в золотой век Голливуда, здесь располагались студии MGM. Ряд стандартных домов типовой колониальной застройки, протянувшийся вдоль улицы, — это все, что осталось от старой природы, на которой Джин Келли пел под дождем.

Пока охранник сверяет данные моего ID со списком, я открываю заднюю дверцу машины, чтобы забрать два комплекта одежды, которые всегда просят иметь на съемке Jeopardy!.

Но одежды нет.

«Минди, куда мы дели мои костюмы?» — спрашиваю я, чувствуя, что темп моей речи возрастает с той же скоростью, с которой нарастает паника в моей душе. Обратите внимание на грамматическую точность использованного в этом случае беспомощно-мужского местоимения «мы».

«Какие костюмы?»

«Не могу в это поверить. Должно быть, я все оставил у Теда!»

Существовала только одна вещь, которую я не должен был забыть, и именно она в настоящий момент висит в гардеробе гостинной моего друга! Я был так поглощен мыслями о предстоящей игре, что всю ночь проворочался без сна, перебирая в памяти свои карточки для запоминания всего на свете. Неудивительно, что измученный бессонницей мозг забыл про две рубашки, два свитера и две пары штанов.

В надежде доставить одежду вовремя Минди срывается с места и несется пешком (дело происходит в час пик) вниз по 405-й улице, бормоча сквозь сбивающееся дыхание страшные проклятия в мой адрес, редко употребляющиеся в среде мормонов. Полусонный, я захожу в автобус, который везет меня вместе с другими двенадцатью игроками к десятому павильону, где установлены декорации для съемок Jeopardy!. История совершается вот здесь на пыльной, холодной, пахнувшей чем-то затхлым сцене. Той самой сцене, где Спенсер Трейси играл в «Городе мальчиков», Джуди Гарленд — в «Словах и музыке», а Эрик Эстрада — в сериале SNiPs. Когда мы все собираемся в артистическом фойе, я подозрительно оказываюсь единственным участником, который не нашел, куда повесить громоздкий саквояж. День еще даже толком не начался, а я уже чувствую себя первоклассником, который первого сентября забыл дома коробочку с ланчем.

На первый взгляд, мои будущие соперники выглядят нервной группой людей, вцепившихся в свои книжки. Сплошь хихиканье по углам и косые взгляды. Но вот в помещение врывается Мэгги Спик. Словно ударная волна отраженного звука от электрогитары, она облегчает всем жизнь, заполнив собою весь предоставленный объем. Точно как тогда, на отборе. Съемочный процесс в Jeopardy! — это игра с нулевой суммой. Логичным образом, чем лучше кому-то удастся игра, тем хуже она получается у вас. Цель координатора по работе с игроками в данном случае — сделать так, чтобы заставить умнейших людей Америки забыть об этом очевидном факте. Она не хочет никаких стычек даже в тех вариантах, какие возможны в среде ботаников. Поэтому она старается культивировать отношения товарищества и солидарности, напоминая: «Эй, мы все здесь в одной лодке!» И это работает. Требуется всего несколько минут, чтобы люди начали приветливо общаться между собой.

«Сколько художников-сюрреалистов нужно, чтобы заменить электрическую лампочку?» — спрашивает одна дама у всех сразу.

Желающих ответить нет.

«Трое! Один держит жирафа, другой наполняет ванну часами!»
Раздается несколько вежливых смешков. «Ох, вы не представляете

себе, как здорово находиться в одном помещении с умными людьми, которые понимают твои шутки!»

Думаю, пройдет еще максимум десять минут, и все начнут наперебой цитировать фразы из скетчей Монти-Пайтон.

Мы садимся за длинный овальный стол и начинаем подписывать необходимые бумаги. Мэгги тем временем долго и с воодушевлением разъясняет нам, зачем эти бумаги нужны. Мы соглашаемся с тем, что отныне Jeopardy! принадлежит все, что связано с нашим появлением в ее эфире, и что мы не расскажем никому о результатах игр до того момента, пока их не покажут по телевизору (это ориентировочно через три месяца). Я как раз добираюсь до слов «особо тяжкое преступление» и «в соответствии со статьями», когда Мэгги начинает свою лекцию о том, что согласно федеральному уголовному законодательству мошенничество в игровых шоу является преступлением. (Вот это да! Спасибо тебе, «Вопрос на \$64 тысячи»!) Благодаря затянувшимся последствиям скандалов в игровой индустрии 1950-х годов мы целый день будем находиться под охраной, иными словами, под наблюдением. Слежка распространится даже на походы в туалет, время и частота которых также станут фиксироваться. По всей видимости, участие в телеигре — серьезнейший вопрос национальной безопасности.

Все утро я наблюдаю за женщиной, сидящей в низком кресле на противоположной стороне комнаты отдельно от остальных конкурсантов. Она мало говорит, сидит со слегка надменным выражением лица и кивает со всезнающим видом в ключевых местах ликбеза от Мэгги. «Это Анна Бойд, — наконец представляет ее Мэгги. — Она победила в последних четырех играх, и на данный момент сумма ее выигрыша составляет... Анна, сколько там?»

«Ох, 84 с чем-то тысячи. Точно не помню», — отвечает она с наигранной скромностью, улыбаясь, как кошка, которая только что разорвала в клочья канарейку. Все свои четыре первые игры Анна выиграла досрочно, или «в основное время», как говорят в Jeopardy!. Это означает, что к финальному раунду она набирала столько очков, что догнать ее можно было только в случае какой-нибудь безумной ставки с ее стороны. В этом, собственно, состоит цель любого игрока в Jeopardy!. Однако я не слышал, чтобы кому-то удавалось ее достичь в

первых же четырех играх. Неожиданно Анна обходит любительницу искрометных анекдотов про лампочки в гонке за звание Самого непопулярного человека в комнате.

Итак, сегодня на съемках присутствуют 13 игроков, что человеку, не очень близко знакомому с форматом Jeopardy!, может показаться на десять больше, чем нужно. Но на самом деле Jeopardy! записывает сразу пять игр (то есть одну неделю телепоказа) за один съемочный день. Отсюда требование иметь с собой полную смену одежды. Если ты выигрываешь игру, у тебя нет времени упиваться победой, позвонить мамочке или совершить ритуальный танец в манере Террелла Оуенса. Ты вместе с Алексом торопишься за сцену в костюмерную, само собой, каждый в свою, чтобы переодеться. Застегнув все пуговицы на рубашке и повязав галстук, ты тащишься обратно в декорации, чтобы начать все сначала. В неизменно оригинальном и остроумном приветствии Алекс делает вид для телезрителей, что прошло 24 часа. («На вчерашнем шоу, друзья, — это ведь должно было быть вчера, не правда ли, не десять минут назад, потому что, как видите, на мне синий галстук, а вчера, как свидетельствуют эти фотографии, я был в темно-бордовом...») Пять съемок подряд измотают любого. Поразительно, но, если верить Бобу Бодену, во времена расцвета «Пирамиды» Дик Кларк умудрялся записывать аж по *десять* шоу в день.

Сюзанна Тербер, главный координатор Jeopardy!, напоминает правила игры, после чего нас всем скопом в первый раз выводят из фойе и вверяют администратору Джону Лодердейлу, который показывает нам студию. Вживую студия выглядит немного меньше, чем на экране. Наверное, это происходит за счет фанеры и голубого пластика в декорациях, которые визуально добавляют футов десять. Я засматриваюсь с открытым ртом на сложный комплекс соединений световых приборов и камер и впервые ловлю себя на мысли, что от значительного шанса выставить себя идиотом по национальному телевидению меня отделяют всего несколько часов. Тут меня начинает охватывать паника, как во время прыжка с парашютом. Я делаю глубокий вдох и стараюсь выглядеть спокойным.

Джон загоняет нас за подиумы и демонстрирует, как пользоваться ручкой-сенсором, которой нам предстоит записывать свои имена, а

также ответы в финальном раунде. Затем мы по очереди играем тренировочную игру. Она служит техническим трафом для телегруппы, а также для того, чтобы мы научились обращаться с хитрым устройством кнопок — возможно, решающим элементом для итоговой победы в игре. Видя по телевизору, как стол раз за разом зажигается у одного и того же игрока, зачастую думаешь: «Эй, а что тут делают оставшиеся двое?» Или того хуже, видишь игрока, который ожесточенно, аж подпрыгивая, но совершенно бесплодно лупит по кнопке, и думаешь: «Расслабься, умник, здесь тебе не танцпол». Но впечатление, что только один из игроков знает точный ответ на каждый вопрос, — иллюзия. Каждый человек, попадающий на Jeopardy!, проходит горнило труднейших испытаний. В результате почти все игроки знают ответы почти на все вопросы. Происходящее на экранах — зачастую результат того, что игрок с хорошей реакцией и координацией раз за разом опережает других игроков на миллисекунды. Мастерство игрока в Jeopardy! — это во многом правильная техника и быстрота при нажатии на кнопку, а кнопка — это жестокая и непостоянная любовница.

Вот как она работает. По правилам вы не можете нажимать на кнопку в тот момент, когда поняли, что знаете ответ на вопрос. Когда Алекс Требек заканчивает зачитывать формулировку, один из членов съемочной группы включает специальный тумблер, который зажигает ряды лампочек по обеим сторонам игрового табло и под ним. Только в этот момент можно и нужно нажимать на кнопку. Если вы делаете это до светового сигнала, ваша кнопка блокируется примерно на пятую долю секунды. Казалось бы, мелочь, но этого времени достаточно, чтобы кто-то из ваших соперников вас опередил. Таким образом, слишком раннее нажатие оказывается столь же фатальным, сколь и слишком позднее. Здесь есть одна тонкость — так же, как при правильном замахе бейсбольной битой или теннисной ракеткой. Этой хитрости меня научила книга «Как попасть в Jeopardy! ...и победить!», а также многочисленные просмотры игры дома. Состоит она в том, что на лампочки можно вообще не обращать внимания. Просто дождитесь последнего слова вопроса, озвученного Алексом, затем выждите определенную паузу длиной, скажем, в один слог, достаточную для

того, чтобы оператор переключил свой тумблер, а уж затем молотите по кнопке, как сумасшедший.

В своей короткой тренировочной игре я чувствую себя на удивление уверенно. По высоте игровые подиумы точь-в-точь соответствуют спинке мягкого кресла, за которым я практиковался дома. Ощущение от кнопки в руке также похоже на то, что я ощущал, сжимая игрушечную пирамидку Дилана. Меня много раз «обжимают» на вопросах, где ответы знают все трое игроков, однако и мне периодически удается опередить моих соперников. Это, собственно, все, чего только можно пожелать. Я начинаю осознавать, что, учитывая кнопку, случайный набор тем и спрятанные неизвестно где аукционы, в Jeopardy! есть немалый набор элементов, никак не относящийся непосредственно к знанию ответов на вопросы. Кроме прочего, огромную роль в игре играет удача.

Хорошо, что я как минимум чувствую себя комфортно и неплохо размялся, поскольку моя нервная система по-прежнему то включается, то отключается. Но можно ли выиграть в Jeopardy! на автопилоте — еще вопрос.

После тренировки — назад в артистическое фойе. Я украдкой хватаю со стола в углу пончик и кусок ананаса. На мое счастье, администратор привозит на тележке забытую одежду. Минди успела смотаться туда-обратно и приехала в последнюю минуту. Тем временем Мэгги пытается добиться от нас энергичного выступления, устраивая какое-то подобие чирлидинга.

«Круче всех на Jeopardy!, тра-ла-ла-ла-ла-ла-ла, — отрабатывает она свою хорошо знакомую роль. — Многие говорили, что старая Jeopardy! похожа на библиотеку. Но посмотрите на новые декорации! Теперь они напоминают порно 1980-х! Почему? — читает она несуществующий вопрос у нас в глазах. — Так мне только что сказал Джерри». Жертва ее шутки — Джерри Харви, бойкий старичок из Лос-Анджелеса, который выглядит скорее как человек, который остался жить в 1980-х, чем как знаток порнухи своего времени. Бодрячок Джерри довольно усмехается.

Мы учимся держать высокий темп шоу. От нас требуется быстро называть темы и стоимость вопросов, не дожидаясь подсказки Алекса. Кроме того, в случае, если название у темы длинное, нас просят его

сокращать. Ну, и необходимо аплодировать в начале передачи и улыбаться в конце, особенно если вы победили.

Мэгги объявляет «барабанную дробь». Она готова назвать первую пару дня — сейчас мы узнаем, кто те два потенциальных жертвенных ягненка, которые отправятся на алтарь Анны Бойд. Пожалуйста, только не я. Пожалуйста, только не я.

«Джерри Харви и Пэтти Грегг», — объявляет она. Я с облегчением опускаюсь обратно на стул.

Оставшиеся десять человек, получив временную передышку, рассаживаются в студии на первый зрительный ряд в ожидании своей очереди, чтобы потом, один за другим, направиться на бойню.

Я замечаю Минди, Натана и Фэйт, сидящих на несколько рядов позади, но нам запретили переглядываться даже со своими любимыми. Этот запрет принят в свете недавнего скандала в английском шоу «Кто хочет стать миллионером?». Участвовавший в нем майор выиграл миллион фунтов стерлингов благодаря своим болельщикам среди зрителей, которые обозначали номер правильного ответа, кашляя нужное число раз.

Игра начинается. Будущие игроки — мои соседи по первому ряду — то и дело дергают большими пальцами в попытке нажать виртуальную кнопку и шепотом транслируют друг другу ответы. Однако в большей степени меня интересует то, что происходит на сцене. Анна начинает медленно, и это настораживает. Похоже, перерыв в несколько недель слегка снижает навык нажатия на кнопку. Джерри срывает овацию зала, когда дает правильный ответ на вопрос о том, кто был признан самым ценным игроком в баскетбольной команде Калифорнийского университета в 1973 году¹. Алекс поинтересовался у игрока, почему его ответ вызвал такой восторг в одном из секторов болельщиков. Джерри объяснил, что он каждое утро совершает оздоровительные пробежки по лестницам университетского стадиона в Лос-Анджелесе. Узнав о том, что Джерри будет выступать в Jeopardy!, тренер легкоатлетической команды «Брюинз» дал своим подопечным выходной, чтобы игроки могли прийти на съемки и поддержать его. Рассказ сопровождался радостными возгласами долговязых

подростков, сидящих по правую руку от Минди, уместными скорее на каком-нибудь шоу вроде «Цены удачи», чем в Jeopardy!.

Ко второму раунду игра Анны вошла в привычную для нее колею, и она уже лидирует с внушительным отрывом — \$17 400 против \$8600 у Джерри, когда ей наконец достается аукцион. Это концовка игры. На теме «Президенты» она делает минимальную ставку — \$200, чтобы в случае неудачи не потерять двукратное превосходство перед финальным раундом и не упустить досрочную победу.

«Во время его второй инаугурации, впервые в истории проходившей в январе, тепло ему помогла сохранить замаскированная грелка»², — прочитал Алекс.

После длительной паузы и подсказки со стороны ведущего Анна выдает правильный ответ и, без сомнения, жалеет, что поставила так мало. Остается всего пять неразыгранных вопросов, и учитывая уже более чем двукратный перевес Анны, игра кажется сделанной.

Дальше происходит нечто странное. На следующем вопросе: «В каком месте в Вашингтоне произошло убийство президента Гарфилда?» Джерри обыгрывает Анну на кнопке и отвечает: «На железнодорожном вокзале». Возможно, старик еще помнит заголовки газет, вышедших в тот день. После чего он выбирает последний вопрос стоимостью \$2000 в надежде подобраться к сопернице. Это вопрос из темы «Гимнастика».

«И снова аукцион, — объявляет Алекс. — У нас почти не осталось времени, Джерри. Анна опережает вас на \$7000. Ваша ставка?»

Джерри бросает взгляд на счет и улыбается. «Давайте сыграем на \$10 тысяч!» — произносит он. Это смелый шаг. Правильный ответ принесет ему незначительное лидерство, зато неправильный оставит ему лишь \$600 и гарантирует Анне победу. От этого вопроса зависит результат всей игры, при этом первоначальная стоимость \$2000 говорит о том, что предстоит вопрос наивысшей категории сложности. Никто из претендентов в первом ряду не хочет играть с Анной, выигравшей уже в четырех подряд программах, так что мы с нетерпением подаемся вперед. Я молча молюсь, чтобы Джерри разобрался в гимнастике так же хорошо, как в легкой атлетике.

«Движения спортсменки во время этих упражнений на ковре без использования специального инвентаря должны попадать в темп и настроение музыки, под которую они исполняются».

Я не успеваю даже еще толком задуматься над заданием, как Джерри уже отвечает: «Свободные упражнения».

Алекс вопросительно смотрит куда-то вбок за сцену. Администратор Джон Лодердейл по сигналу продюсеров шоу останавливает запись.

Похоже, возникла какая-то неясность в том, правильно Джерри ответил на вопрос или нет. В этот момент я понимаю, что, скорее всего, в карточке у Алекса написан ответ «Вольные упражнения», и судьи должны удостовериться, можно ли засчитывать вариант игрока или нет. Обычно в таких случаях они ждут перерыва на рекламу, однако сейчас хотят незамедлительно разобраться в ситуации.

Проходит десять минут. Анну, Джерри и Патти попросили отвернуться так, чтобы не видеть табло и/ или то, как совещаются судьи. Ряд претендентов старается занять их внимание до момента оглашения вердикта. Похоже на настоящие судебные слушания. Все понимают, насколько важно решение арбитров, от него зависит, гарантирует себе Анна победу в этой игре или нет.

Алекс заканчивает совещаться с редакторами и продюсерами и возвращается на свой подиум. Как ни в чем не бывало он продолжает с того момента, на котором остановился: «Верно, Джерри, хотя сейчас их чаще называют вольными упражнениями. Вы зарабатываете \$10 тысяч и выходите в лидеры». Шквал аплодисментов в поддержку Джерри, и теперь я сам хлопаю не слабее его команды поддержки. Время истекает, и раунд завершен. В последний миг вскочив на подножку уходящего поезда, Джерри ненамного, но вырывается вперед.

Все десять человек в ряду претендентов держат в голове одну и ту же мысль: все, что нам нужно, — это легкий финальный вопрос. В такой ситуации легкий вопрос в большинстве случаев обеспечивает победу лидирующему игроку. Сложный же вопрос, напротив, повышает шансы тактически грамотного человека, идущего вторым. Он должен сделать маленькую ставку и надеяться, что лидер ошибется.

Сегодня оба игрока играют грамотно. Джерри делает большую ставку в расчете на легкий вопрос, а Анна ставит очень мало, почти ничего, надеясь на «гроб». Вопрос, который читает Алекс, я уже слышал. От игроков требуется написать названия трех соседних штатов США, начинающиеся на одну букву³. Совсем уж детским этот вопрос делает тема «Средний Запад». Как сказали бы игроки Кубка по викторинам, она максимально сужает поле поиска.

Ухмылка Джерри растягивается от уха до уха, Алекс зачитывает его правильный ответ и объявляет итоговый выигрыш \$35 201. На лицах десяти претендентов тоже заметна плохо скрываемая радость. Анна отправляется домой, а у нас, возможно, появляется шанс! Она философски воспринимает свое поражение, но неожиданно во мне просыпается жалость. Она играла достойно и легко и все же проиграла благодаря трагической случайности, произошедшей в последний момент. На ее месте мог бы оказаться любой из нас. Бог игры дал, бог игры взял.

Спустя еще полчаса Джерри становится уже двукратным победителем благодаря выпавшей в финале теме «Американская литература». Он знал, какой заглавный объект на груди героини романа 1850 года был окружен «искусной вышивкой и затейливым золототканым узором»⁴, и в сумме сорвал неплохой куш в \$70 тысяч, зарабатывая в среднем за игру значительно больше, чем Анна. Может быть, став свидетелями падения с пьедестала Тайсона, мы получили нового Холифилда?

«В следующей программе в игру вступят Джулия Лазарус и Кен Дженнингс», — объявляет Мэгги, когда оставшихся восемь претендентов, будто скованных одной цепью, приводят обратно в фойе на санитарный перерыв. Мы тянем жребий, кто за каким подиумом будет играть. Я вытягиваю номер два — это значит, что я буду стоять за центральным подиумом. Стараясь успокоить свои разыгравшиеся нервы, я убеждаю себя, что центральный подиум самый лучший. Все действие будет словно вертеться вокруг меня. Кроме того, может быть, мне удастся подсмотреть, какие ответы пишут мои соперники в финальном раунде, как сделал Клифф, герой ситкома *Cheers*.

Я воспринимаю все происходящее, как в замедленном повторе — наверное, сказывается комбинация нервов и бессонницы. Но, когда я встаю к подиуму, сознание реально начинает отключаться. Сквозь пелену я замечаю гримера, который припудривает мне лицо, и члена технической бригады, который ставит Джулию на черный деревянный ящик, чтобы сделать ее на несколько дюймов выше.

Джулия, миловидная блондинка, занимается привлечением средств для Бродвейской театральной компании, и ее широкая застывшая улыбка говорит о том, что она так же напряжена, как и я. Джерри справа от меня выглядит совершенно расслабленным и, возможно, даже несколько обескураженным собственным успехом. «Если кто-то из вас победит, — говорит он хриплым и мягким голосом, — я абсолютно не расстроюсь. Я счастлив уже тем, чего добился».

Мы с Джулией записываем наши приветствия, которые повесят на интернет-сайт незадолго до игры и которые могут быть использованы в анонсе нашего эфира. Дома я посмотрел некоторые из них по интернету на официальном сайте Jeopardy!. Они чаще всего похожи одно на другое. Вы называете свое имя, родной город и затем как-нибудь шутливо и обычно довольно тупо обыгрываете либо имя, либо название города, либо домашний адрес. Мое выглядит прилично на бумаге, но когда я произношу его на камеру, оно кажется более убогим, чем крошка Тим Крэтчит^[28], и в два раза более раздражающим.

«Привет, Юта! Я Кен Дженнингс из Солт-Лейк-Сити, и я надеюсь, что весь штат-улей будет жужжать про мою игру в Jeopardy!». Такая вот, понимаете, игра слов: официальное прозвище Юты — «улей», поэтому и «жужжать». Я морщусь прямо в камеру от собственного бахвальства, но никакого второго дубля сделать мне не дают. Из-за заминки с «вольными упражнениями» съемки уже выбились из графика, а у Алекса билеты на вечерний матч «Лейкерс».

Сцену освобождают, Джон Лодердейл начинает посекундный обратный отсчет. Хотел бы я знать какие-нибудь секретные техники дзен, чтобы унять участвовавшее сердцебиение! Почему, нет, ну, почему я не провел молодость в Тибете, изучая боевые искусства, как какой-нибудь Брюс Уэйн из комиксов про Бэтмена?! Я заставляю себя

вспомнить, что попасть в Jeopardy! — это мечта всей моей жизни. Теперь надо просто расслабиться и получить удовольствие.

Когда начинается запись, я осознаю, насколько сильно Jeopardy! напоминает прыжки с парашютом. Даже для телезрителя это стремительное шоу, на котором в полчаса времени заган шестьдесят один вопрос и ответ, то есть в три или четыре раза больше, чем в «Миллионере» или других игровых программах. И даже этот привычно высокий темп оказывается просто головокружительным, когда ты играешь сам, а не сидишь расслабленно у телевизора на мягком диване. Здесь недостаточно в перерывах между порциями чипсов выдавать вслух ответы, когда они приходят вам в голову. Вам приходится прочитывать текст каждого вопроса глазами очень быстро, как только он появляется на мониторе, и к концу его озвучивания ведущим решить для себя, пытаться на него отвечать или нет. Если вы на это решаетесь, вам нужно приготовить большой палец, чтобы нажать на кнопку в оптимальное время. Когда вам удалось все это сделать и к тому же дать правильный ответ, тут же нужно выбрать следующий вопрос — то есть это решение уже должно созреть где-то на уровне подкорки. А еще необходимо все время следить за счетом и быстро принимать верные тактические решения. Как и при прыжке с парашютом, на вас моментально наваливается множество привходящих обстоятельств, которые вызывают стресс. Когда съемка заканчивается, большинство новичков Jeopardy! не могут поверить, что игра пролетела так быстро.

Алекс заходит в студию, и мы встречаем его аплодисментами. Первый раз я вижу его так близко. В глубине души у меня была надежда, что Алекс покажет нам закулисы шоу, даст последние напутствия и, хлопнув по спине, сердечно скажет: «Такие дела, чуваки!» Но в реальности игроков близко не подпускают ни к кому, кто может заранее знать вопросы, включая ведущего.

Внезапно оказывается, что процесс уже пошел. Джерри выбирает буквенную тему «Эпи... зоды», то есть слова, начинающиеся с греческой приставки «эпи-». Я по-прежнему чувствую себя так, как будто играю на автопилоте. Такое ощущение, что мой головной мозг работает наполовину, а основная нагрузка ложится на спинной мозг и мозжечок. Но я все же обыгрываю Джерри и Джулию на первых трех

дешевых вопросах в теме, и это придает мне уверенности. Ответами там были «эпидемия», «эпилог» и «эпиграмма».

На последнем вопросе темы я первый раз испытываю хорошо знакомое еще со времен Кубка по викторине ощущение, когда ты нажимаешь на кнопку, еще не зная ответа, но зная, что ты должен знать правильный ответ. Это странное чувство. На кончике языка ответа еще нет, но на задворках сознания уже зажглась лампочка. Замкнулся нужный контакт — и ты рефлекторно жмешь на кнопку, пока мозг пытается вербализировать найденную связь. Это происходит на вопросе за \$1000, который звучит так: «Этим термином называют изложение пространного труда или сочинения древнего автора»⁵. Я еще не могу вспомнить слово, но оно кажется знакомым. Алекс называет мое имя, я глупо улыбаюсь, запнувшись на секунду, после чего выдаю правильный ответ.

Но чаще бывает иначе — мой замечательный мозг зависает на вопросах, с которыми я без труда справился бы дома. Я играл в скребл тысячу раз, но почему-то не могу точно вспомнить, какой символ нарисован на центральной клетке поля⁶. Я не могу вспомнить, в каком фильме прозвучала фраза: «У моей комнаты чудовище. Ты нальешь мне водички?»⁷ — хотя и смотрел его дважды. Как тут не процитировать бессмертный афоризм Джеффа Бриджеса из фильма «Трон»: «С другой стороны экрана это кажется так просто...»

По определенным причинам для меня важно, чтобы короткое интервью с Алексом после первого рекламного перерыва выглядело забавным. Джулия рассказывает убийственную историю про то, как на какой-то вечеринке пыталась выдать себя за палеонтолога, специалиста по беспозвоночным. Приходится с болью констатировать, что столь изысканного и тщательно завуалированного остроумия в моем арсенале забавных случаев не наблюдается. Предоставленное мне эфирное время я использую, чтобы поблагодарить добрых парней, которые поделились со мной горячим, когда я однажды в университетские годы застрял с пустым баком посреди пустыни Невада. Это были два пьяных подростка и дальнобойщик по кличке Мутный. К счастью, в ответ Алекс проявляет больше остроумия, чем обычно. Когда я высказываю сомнение в том, что эти три добрых

самаритянина могут быть постоянными зрителями Jeopardy!, Алекс взрывается в притворном возмущении: «Вы что, хотите сказать, что двое пьяных тинейджеров и водитель грузовика не смотрят Jeopardy!?!»

«Почти столь же остроумный, как Алекс Требек», — будет выбито на моем могильном камне. Кстати, слово «эпитафия» тоже начинается с приставки «эпи»...

За счет нескольких удачных нажатий и проигрыша Джерри на аукционе про Джона Уолтона к концу первого раунда я оказываюсь лидером с результатом \$ 3000. Не так уж плохо. К моменту выпадения у Джулии аукциона во втором раунде я уже лидирую — \$ 14 тысяч к \$ 5200 у нее. Увидев тему, в которой он выпал, я вздрагиваю. «Актрисы и сценаристы». Напомню, что Джулия работает на Бродвее. Ожидаемо она идет почти ва-банк, делая ставку \$ 5000 и, конечно же, берет вопрос о том, какая актриса впервые встретилась с Нилом Саймоном, когда он играл роль в собственной пьесе 1973 года «Добрый доктор»⁸. Так, Jeopardy!, теперь по справедливости мне положен вопрос про компьютерную индустрию штата Юта. Ну, и где он?

Становится жарко во всех смыслах. Но я собираюсь «отъесть» всю тему про людей, чьи фамилии начинаются на букву Н («Эйч»). В вопросе за \$1600 речь идет об американском президенте, который вступил в должность в 1877 году. Не может быть! Горы карточек для запоминания были исписаны не зря. Правильный ответ — Ратерфорд Хейс. Мой ответ звучит подчеркнуто уверенно. Еще месяц назад я бы обязательно ляпнул про Бенджамина Гаррисона (Harrison) или Уорена Хардинга. Теперь я впереди со счетом \$22 800 — \$11 900. Досрочная победа пленительно близка.

И тут Джулия Лазарус, как библейский Лазарь, фигурально выражаясь, восстает из пепла. Она определенно много знает. В первом раунде ей покорились три из шести самых дорогих вопросов за \$1000. Единственное, что ей не давало пока меня обойти, — это техника нажатия на кнопку. В конце концов, она поняла свою ошибку и стала жать с полусекундным опережением. Теперь она отбирает у меня почти все вопросы. Я уже вымотан, и это становится последней каплей. Я в панике. Три последние попытки ответить на вопрос заканчиваются для меня провалом, а Джулия остается непреклонной.

В дополнение к ее удаче с Нилом Саймоном два из пяти вопросов в теме «Преемники сенаторов» посвящены сенаторам из ее родного штата. Она без проблем называет преемников сенаторов Дэниела Мойнихана и Альфонсе Д'Амато⁹. Не исключено, что она даже за них голосовала.

«Сегодня темой нашего финального раунда будет “Олимпиада-2000”, — объявляет Алекс со своей фирменной канадской значительностью. Не могу поверить своему счастью. Я люблю Олимпиады! Во время последних Игр в Атланте я столько времени потратил на просмотр телетрансляций, что почти провалил летнюю сессию.

Только одна проблема. Олимпиада в Атланте была в 1996 году. 2000-й — это Сидней. Ужас! Именно тогда у нас с Минди был медовый месяц в Лондоне. Я ни разу не включал телевизор.

Джулия не похожа на заядлого спортивного болельщика, но если она сделает правильную ставку, при обоюдном неответе в такой ситуации побеждает игрок со второго места. И все же, несмотря на сильные сомнения в своем правильном ответе, я делаю правильную большую ставку. По негласному закону Jeopardy! в финальном раунде ставка игрока-лидера должна быть такой, чтобы в случае успеха перекрыть ва-банк второго места. Всегда лучше проиграть из-за того, что не знаешь правильный ответ, чем из-за того, что ты знал ответ, но поставил слишком мало. Если бы я сделал такую ошибку даже в надежде, что никто из моих друзей не станет свидетелем этого самоубийства, я бы ненавидел себя потом всю оставшуюся жизнь.

Запись останавливают, как всегда во время перерыва на рекламу перед финалом. Вам дают сколько угодно времени, чтобы проделать необходимые арифметические вычисления. Я ставлю громадную сумму \$17 201. Этого достаточно, чтобы победить, даже если Джулия безрассудно поставит все, что у нее есть. Я в третий и в четвертый раз перепроверяю свои расчеты, наученный горьким опытом Брайана Вейкла, рекордсмена Jeopardy!, который проиграл в последнем турнире чемпионов, просчитавшись на \$200. Вейкл знал правильный ответ, но ошибся, перепутав шестерку с восьмеркой в черновике с расчетами. Эта оплошность стоила ему \$200 тысяч. Возможно, это

самая дорогостоящая опечатка в истории человечества со времен так называемой Библии нечестивых 1632 года. В ней из седьмой заповеди «Не прелюбодействуй» при наборе выпала частица «не», и весь тираж тогда пошел под нож.

Теперь, когда гонка основной игры закончилась, я ощущаю скорее веселость, нежели потрясение. Несмотря на всю панику, я играл гораздо лучше, чем ожидал, не сделав ничего особенно унижительного в эфире национального телевидения. Я подозреваю, что не смогу ответить на предстоящий вопрос и проиграю Джулии, но у меня есть на то уважительная причина. Я бы ни на что не променял свой медовый месяц, даже на \$37 тысяч и симпатичные дополнительные призы. Все будет хорошо.

На мониторе появляется финальный вопрос, сопровождаемый характерным гудком.

«В легкой атлетике она стала первой женщиной, которой удалось заработать медали в пяти разных дисциплинах на одной Олимпиаде. У вас 30 секунд. Удачи!»

Знакомый перезвон электронных колокольчиков в «Музыке раздумий» Jeopardy! заполняет студию. Смешанное чувство. С одной стороны, она — единственный способ дать понять игрокам, когда отведенные на размышления 30 секунд подходят к концу. С другой, когда на кону стоят тысячи долларов и ты пытаешься сконцентрироваться, эта мелодия невероятно бесит. Мне кажется, что банда гномов *в моей голове* молотит своими топориками по металлофону. Эта мелодия публично исполнялась тысячи раз в течение десятков лет — на съемках Jeopardy!, в рекламе и ситкоммах как иллюстрация глубоких раздумий в непростых обстоятельствах, во время смены питчеров на матчах Главной лиги бейсбола. Эта маленькая музыкальная зарисовочка принесла своему знаменитому создателю¹⁰ \$80 млн авторских отчислений. Но сейчас она мне категорически мешает.

Финальный вопрос Jeopardy! почти всегда содержит в себе какой-то подвох, уловку, возможность взять его с помощью внезапного озарения, логики или ассоциаций. Но этот кажется абсолютно прямолинейным. Все, что здесь требуется, — это преходящие знания

главных столпов современной женской легкой атлетики, которых совсем немного. Несмотря на то что я не смотрел Олимпиаду 2000 года в Сиднее, я почти уверен, что больше всего медалей там взяла Мэрион Джонс. Новости тех двух недель пестрели ее фамилией. Но время на раздумья заканчивается, звон литавр раздается все ближе.

Алекс всегда начинает с игрока, идущего на третьем месте. «Джерри Харви, что вы написали? Как вы думаете, кто эта спортсменка?»

Я уверен, что для Джерри, живого талисмана легкоатлетической команды Калифорнийского университета, это вообще не вопрос. Поэтому я ликую, когда вижу на его мониторе ответ: «Мэрион Джонс».

«Вы правы, и вы прибавляете к своему выигрышу один доллар. Ваш результат \$7401. Давайте теперь посмотрим, какой ответ дала Джулия Лазарус? Знает ли она, что речь шла про Мэрион Джонс?»

Ответ Джулии начинается именем «Гейл», но дальше не дописан. Ну, логично же, Гейл Диверс, собственно, выпускница Калифорнийского университета. Хорошо, что эта идея не пришла мне в голову тридцать секунд назад, а то я мог бы перемудрить и написать неправильный ответ. Иногда счастье в неведении.

Как впоследствии выяснилось, по невероятному совпадению Джулия с мужем праздновала медовый месяц в то же самое время, что и я, так что она тоже полностью пропустила сиднейскую Олимпиаду. Сделав правильную небольшую ставку, она остается на втором месте с результатом \$14 800.

«Теперь давайте перейдем к Кену Дженнингсу. Ему было бы достаточно для победы 20 тысяч, которые уже у него есть. Его ответ... «Джонс»». Алекс бросает беглый, неуверенный взгляд на судей. Возникает неприятная пауза, во время которой я смотрю на экран. В отличие от Чарльза Ван Дорена и Герберта Стемпела, я аккуратно следовал выработанной еще во времена Кубка по викторине привычке и написал только фамилию. Но тут я с ужасом понимаю, что в данном случае немного перестарался. «Джонс» — настолько распространенная фамилия, что можно подумать, будто я написал ее просто наугад. Мало ли в Америке спортсменок с фамилией Джонс? Наверное, немногим меньше, чем с фамилией Смит. Я что, сейчас

проиграю из-за идиотской технической ошибки, как когда-то Брайан Вейкл?

И все же пуля проходит в сантиметре от моего виска. Одним коротким кивком судья засчитывает мне победу. «Мы принимаем такой ответ», — объявляет Алекс, — поясняя, что (к счастью для меня) не существует других достаточно выдающихся легкоатлетов по фамилии Джонс. «Вы зарабатываете еще \$17 тысяч, ваш итоговый выигрыш равен \$37 201, и вы становитесь чемпионом в сегодняшней игре!»

Адреналин, который копился с начала финального раунда, фонтаном выплескивается в кровь, и я впадаю в состояние эйфории. Когда публика начинает аплодировать, ты таешь от восторга, как под воздействием любимых гитарных риффов или как будто видишь, как игрок твоей любимой команды по американскому футболу делает тачдаун, с той только разницей, что в этом случае Эрик Клэптон или Рэнди Мосс — это ты сам. Начинает играть заключительная музыка программы, и я пожимаю руки Джулии и Джерри, пока Алекс подходит к моему подиуму.

«Вы что, не знали, как ее зовут?» — рокочет он.

Все три участника игры спускаются со сцены к Алексу, чтобы создать видимость непринужденной беседы в то время, пока по экрану идут титры. Это самый неловкий момент каждой программы. Все четверо делают вид, что присутствуют на веселой светской вечеринке, в то время как на самом деле двое готовы бить себя по голове за то, что упустили свой шанс в Jeopardy! и жаловаться окружающим, на свою горькую долю. До третьего счастливого тем временем доходит, что через десять минут ему придется еще раз пройти через суровые испытания, а четвертый задается вопросом, сколько еще игр «Лейкерсов» он будет вынужден пропустить.

Громче всех в студии аплодирует Минди, а мой брат поднимает вверх большие пальцы обеих рук. Я на седьмом небе. Это никак не связано с выигранными деньгами, тем более что они еще не упали на счет. Это никак не связано с самолюбием, удовлетворенным тем, что по центральному телевидению я буду выглядеть умником, особенно учитывая вопросы, на которых я сел в лужу. Это связано с тем, что сбылась моя мечта, которой я грезил с десяти лет. Я был так одержим тривией, что люди, которые оказывались на подиуме Jeopardy!,

казались мне супергероями. Теперь, смотря передачу, я вижу простых смертных: мамаш начинающих футболистов, балующих своих деток университетских профессоров, которые надеются наскрести немного денег в дополнение к скромному доходу, временно безработных фрилансеров или тех, кому запойное чтение и энциклопедические познания никогда не помогли подолгу задерживаться на хорошей работе. Но когда я был юнцом, эти люди казались мне настоящими гладиаторами, блестящими и бесстрашными, чья несомненная слава послужила для меня главным подтверждением того факта, что никакие знания, сколь экзотическими они бы ни казались, не могут быть лишними.

Я никогда не знал, что отвечать треплющим тебя по затылку тетушкам и похлопывающим по спине дядюшкам на вопрос, кем я хочу стать, когда вырасту. Но в глубине души чувствовал, что честно надо было бы отвечать именно это. Только это.

Теперь я понимаю Джерри Харви. Мне не важно, что я могу проиграть следующую игру. «Я счастлив уже тем, чего добился».

ОТВЕТЫ

- 1 **Билл Уолтон** получил звание MVP в баскетбольной команде Калифорнийского университета в 1973 году.
- 2 **Франклин Рузвельт** во время своей второй инаугурации в январе 1937 года воспользовался грелкой, чтобы согреться. До этого инаугурация всегда приходилась на март.
- 3 **Индиана, Иллинойс и Айова** — в английском языке названия этих трех соседних штатов США начинаются на одну букву.
- 4 В романе 1850 года на груди героини Готторна «искусной вышивкой и затейливым золототканым узором» была выполнена «**Алая буква**».
- 5 Изложение пространного труда или сочинения древнего автора греки называют термином «**эпитома**».
- 6 На классическом поле для игры в скребл в центре нарисована **звездочка**.

- 7 Фраза: «У моей комнаты чудовище. Ты нальешь мне водички?» прозвучала в фильме «**Знаки**».
- 8 **Марша Мейсон** встретила будущего мужа Нила Саймона, когда он играл роль в собственной пьесе 1973 года «Добрый доктор».
- 9 **Хиллари Родэм Клинтон** и **Чарльз Шумер** соответственно были преемниками сенаторов Дэниела Мойнихана и Альфонсе Д'Амато на посту сенаторов штата Нью-Йорк.
- 10 Музыкальные темы в Jeopardy! написал сам **Мерв Гриффин**.

Глава VII

Что такое сочинение?

Тривию всегда кто-то пишет. Она не появляется просто так из ничего, распечатав саму себя на печатном станке братьев Паркер, либо слетев с губ Алекса Требека, либо выведя себя на экран суперкомпьютера того типа, который Капитан Кирк^[29] умело перегружал с помощью логических парадоксов. Кому-то приходится сидеть и физически писать вопросы.

Это может казаться слишком очевидным, но это одна из тех вещей, которые мы редко принимаем во внимание. Перефразируя комика Джейкоба Коэна (уже в возрасте за сорок случайно начавшего использовать сценическое имя Родни Дэнджерфилд), авторам тривии никто — никто не отдает должное! Trivial Pursuit и другие настольные игры никогда не указывают имен анонимных фрилансеров, которые трудились над тысячами вопросов. Премия «Эмми» за достижения в области телевидения вручается в отдельных категориях сценаристам мыльных опер, программ для детей и семейных шоу, но не авторам викторин. Часто номинируемые авторы вопросов *Jeopardy!* вынуждены соревноваться во всеохватной категории «Особые сценарии» с литературными светилами, которые творят для «Шоу Эллен ДеДженерес» и The View.

Я ничего не имею против тех храбрецов, которым приходится вставать ни свет ни заря, чтобы писать реплики для раздражительной Джой Бехар или Стар Джонс, но сочинение тривии, по большому счету — это задача принципиально иного уровня сложности^[30]. Критики заслуженно превозносят «сценаристские» телешоу, например «Западное крыло» или «Девушки из Гилмора», за их насыщенные, многословные диалоги, но моя головокружительная первая игра в Jeopardy! напомнила мне, что никто не вкладывает в единицу времени больше материала, чем сценаристы Jeopardy!. По сравнению с бесконечной пулеметной очередью вопросов и ответов Jeopardy! «Девушки из Гилмора» — это наполненная паузами пьеса Пинтера, а «Западное крыло» — созерцательный фильм Бергмана.

Но, скажете вы, писать тривию наверняка легко. Жизнь, как мы убедились из школьного курса, изобилует различными фактами. Берешь какой-нибудь факт, ставишь в конце знак вопроса — и вуаля! Получите тривию! Все равно что ловить китовую акулу (кстати, самую большую рыбу в мире) в бочке с водой. Результат предрешен. Успех гарантирован.

Но это все иллюзия. Библиотеки могут быть переполнены фактами, однако искать тривию на их сухих, пыльных полках — это все равно, что намывать золото. Сверкающих зерен мало, и встречаются они редко. Как говорится во вступлении к одной ранней книге тривии, «между цветком тривии и сорной травой деталей» лежит пропасть. Иными словами, вся тривия — это факты, но не все факты — это Тривия с большой буквы «Т». Я не могу точно объяснить разницу, но знаю, что она есть. «Комедийный актер Альберт Брукс учился в Технологическом институте Карнеги в Питтсбурге» — это факт. Так же как и то, что рост Альберта Брукса — 5 футов 10 дюймов^[31]. Но это не интересует никого, кроме его портного. А знали ли вы, что комедийный актер Альберт Брукс был вынужден взять псевдоним, потому что его настоящее имя Альберт Эйнштейн? То-то. Вот это — Тривия.

Кто они, эти непризнанные гении, алхимики, превращающие факты в золото тривии? В Jeopardy! работают девять или десять редакторов и столько же авторов, но на съемках мне удастся краем глаза увидеть только некоторых из них. С резко очерченными лицами, в очках, они стараются держаться поближе к сцене и всегда готовы вмешаться, если участник ответит: «Иоганн Штраус» вместо «Рихард Штраус»^[32]. Но я не имею права с ними разговаривать. Если я приближусь к ним хотя бы на 30 футов, на меня спикирует крепкий охранник компании Sony. Чтобы найти людей, которые зарабатывают на жизнь написанием тривии и которым при этом не запрещено со мной общаться, мне придется отправиться куда-нибудь еще.

Я отыскиваю Мартина Брауна из Саусалито (кстати, в переводе с испанского это значит «маленькое ивовое дерево»), который находится всего лишь по ту сторону моста Золотые Ворота от Сан-Франциско. Мартин живет здесь почти 15 лет, с тех пор как ушел из основанного

им же рекламного агентства в Атланте и переехал сюда, чтобы работать в качестве фрилансера писателем и журналистом. Его карьера сделала крутой поворот, когда он выполнял работу для семейного психолога Джона Грея. В 1993 году этот человек шокировал одновременно астрономов и антропологов, обнаружив, что мужчины и женщины родом не с Земли, как все долгое время полагали, а с Марса и Венеры соответственно. Книга Грея^[33] разошлась многомиллионным тиражом и породила целую империю сопутствующих товаров, в числе которых в конце концов появилась и популярная настольная игра. Так вот, Мартин занимался созданием «кардвера» (то есть вопросов, на сленге любителей настольных игр-викторин), после чего начал новую для себя карьеру, став автором тривии для популярных настольных викторин: Top-10 Game, Who Said That, *mental_floss game*, Snapple Real Facts game и многих других.

«Можно ли дать простое определение тривии? — размышляет Мартин, накалывая на вилку кусочек крабовой котлеты. — Я люблю приводить такой пример. Если бы мы жили на Луне, все земные проблемы были бы тривией». Мы сидим в залитой солнцем прибрежной закуской в Саусалито, или «Мейберри у залива», как называет город Мартин. Он указывает мне каждого посетителя, которого знает. Сам Мартин — мужчина средних лет с худощавым лицом и пронзительными, прозрачно-голубыми глазами. Он обожает тривию. Мы познакомились всего несколько минут назад, а он уже рассказал мне, что «щупальца лобстера вибрируют из-за ионов кальция». Я обычно приберегаю такие вещи для второй или третьей встречи.

Превратить информацию, даже интересную информацию, в занимательный и «играбельный» вопрос тривии — это умение, в чем-то даже искусство, говорит Мартин. Он только что вернулся из поездки с сыном по Большому Каньону, во время которой предлагал отпрыску небольшое упражнение. «Вот тебе бейсбольный факт. Удар, о котором узнал весь мир, совершил Бобби Томпсон, выступая за “Нью-Йорк Джайентс” в 1951 году против “Бруклин Доджерс” в последней игре плей-офф. Этот удар решал, какая из команд будет принимать участие

в Мировой серии. Итак, здесь много фактов. Что ты будешь с ними делать? Какой ты напишешь вопрос?»

«Какой бейсболист совершил Удар, о котором узнал весь мир?» — предложил сын.

Мартин указал ему, что данный вопрос можно было бы «облегчить» или, напротив, усложнить. «Какая команда первенствовала в Национальной лиге, когда Бобби Томпсон совершил свой удар, о котором узнал весь мир?» Так проще. Или еще: «Назовите общее прозвище, которое получили оружейный салют 1775 года в Конкорде и хоум-ран, исполненный на стадионе “Поло Граундс”». Можно и наоборот, «утяжелить» вопрос: «Кто играл на позиции питчера, когда Бобби Томпсон...?» (Ральф Бранка.) «Какой был счет, когда...?» (422.)

«Есть сотня различных способов отрегулировать сложность этого вопроса. Как будто бы я взял твой палец и... — он изображает, что зажимает тиски. — Больно? А теперь? Ты можешь варьировать причиняемую боль».

Один удар биты, блеск солнца на стальной окантовке верхнего яруса, одно событие, один удачный фастбол порождает сотни возможных вопросов. Какое знаменитое восклицание комментатора Русса Ходжеса последовало за этим ударом и сохранилось для истории только потому, что один-единственный человек, болельщик «Доджерсов», записывал трансляцию игры?¹ Какой легендарный бейсболист единственный из своей команды остался на поле, чтобы убедиться, что Томпсон коснулся каждой базы?² Какого комедийного актера стошнило на трибунах на ботинки Фрэнка Синатры как раз в тот момент, когда Томпсон совершил свой хоум-ран?³ Какой будущий игрок «Янкиз», представленный в Зале Славы, родился в тот великий день?⁴ Какого киноперсонажа убивают, когда он слушает в своей машине трансляцию этой игры?⁵

Фактов более чем достаточно, но автор тривии должен приготовить из них самые лучшие из возможных вопросы. Простой, состоящий из одной строки вопрос может быть результатом тысячи маленьких решений: это короткая, но очень требовательная форма. Это немного похоже на сочинение стихотворения в тугой смирительной рубашке

стихотворной формы, такой как вилланель или хайку. Все должно быть точно. Важен каждый слог. И за всю эту работу автор тривии, быть может, получит жалкий доллар или два за вопрос.

«Из всей моей фрилансерской работы меньше всего мне платят за работу над играми. Я получаю пять баксов за карточку и мог бы за ту же зарплату подавать кофе в “Старбаксе”, — с сожалением говорит Мартин. — С другой стороны, это зачастую самое интересное, что мне приходится делать в жизни».

После ланча Мартин устраивает для меня автомобильную экскурсию по округу Марин, во время которой мы, конечно же, говорим о тривии. Похоже, вид секвой или моста Золотые Ворота с крутых берегов над Тибуроном пробуждает в Мартине философа. Так же, как и я, он не в восторге от слова «тривия».

«То, что тривиально для одного, может быть полным смыслом для другого», — отмечает он. Называя информацию тривией, мы обесцениваем ее. Такой подход дает многим людям повод считать, что они не обязаны этого знать.

«К примеру, зачем нам нужно знать — сейчас, дай я тебе нарисую... — он выуживает из кармана ручку и ставит на обрывке бумаги семь точек. — Что это?»

«Большая Медведица».

«А какой смысл знать, что, скажем, еще через миллион лет Большая Медведица будет выглядеть *так*?»

Он показывает мне то, что нарисовал на обратной стороне клочка бумаги. Тысячелетия «истинного движения», открытого в 1710 году Эдмундом Галлеем, до неузнаваемости изменили Медведицу. Теперь она похожа на кривую букву «М», растянутую, как ириска.

Он сам отвечает на свой вопрос. «Для меня смысл в том, чтобы знать, что небо и звезды, которые я вижу над собой, — это не те небо и звезды, которые видели динозавры. И звезды, что увидят жители этой планеты через три миллиона лет, не будут теми звездами, которые видел я. Множество людей, например старшеклассников, скажут: “Ну и какое мне до этого дело?” А до этого должно быть дело, потому что ты понимаешь: Вселенная непостоянна. Она только кажется постоянной, мой друг, потому что твоя жизнь — это... — он щелкает пальцами, — в масштабах вечности. Осознав это, ты обретаешь связь с

чем-то большим. Это то же самое, что дает людям вера. Она связывает их с чем-то большим».

Духовная сила тривии. В тишине, под нестареющими прибрежными секвойями это рассуждение выглядит почти бесспорным.

Если кто-то и мог зарабатывать деньги написанием тривии, то это Рей Хэмел. Сейчас утро пятницы, и Рей только что проводил своего девятилетнего сына в школу. Я паркуюсь перед его домом в сельском стиле с тыквенного цвета обшивкой в пригороде Мэдисона. На дорожке возле дома стоит светло-голубой седан с номерным знаком, на котором написано «ТРИВЕЯ».

«Тривия через “и” была уже занята, — объясняет Рей спокойным, добродушным голосом, в котором слышен среднезападный акцент. Он общительный человек с песочного цвета волосами и кривой, как у бурундука, улыбкой. — Наша подъездная дорожка тоже оплачена тривией. После подписания контракта на книгу мы смогли покрыть ее цементом, а не просто заасфальтировать».

В течение шести лет Рей писал викторины Noodle Nudgers для сайта «Нью-Йорк Таймс», которые в конце концов издал в виде книги. Он писал тривию для радио, для журналов и для интернета. Но, несмотря на этот успех, Рей не бросает свою дневную работу. Он и его жена — библиотекари-консультанты в Университете Висконсина. Рей работает также в университетском исследовательском центре.

Исследование макак-резусов в 1940 году в Университете Висконсина в Мэдисоне привело к открытию резус-фактора в группах крови человека, что кажется мне довольно интересным фактом. Теперь, когда я постоянно настроен на волну тривии, я полностью опровергаю Отчеты доктора Кинси. В отличие от среднего американца, я теперь каждые семь секунд думаю не о сексе, а о тривии.

Как и я, Рей не может вспомнить то время, когда он еще не впитывал тривию, как губка. «Мама говорила, что нам не нужно было покупать телегид, потому что я знал наизусть всю программу передач». В колледже он начал писать викторинные вопросы для бара La Crosse в Висконсине и собрал в своей комнате в общежитии столько призов победителя радиовикторин, что станция попросила его вести

свое собственное шоу тривии. Он выпускал бюллетень тривии и проводил университетские турниры. Вдоль стен в подвале у него стоят в буквальном смысле тысячи книг с тривией и играми, на ней основанных. В 2000 году он даже читал лекцию о тривии в Смитсоновском институте.

Я спрашиваю, каким, по его мнению, должен быть великий вопрос тривии. Как и Мартин, он в ответ рассуждает о проблеме оценки сложности, о том, чтобы сделать вопрос достаточно легким, чтобы на него ответили, но при этом достаточно сложным, чтобы слушателям все же пришлось почесать в затылке. Тривия неинтересна, если она не находится непосредственно в этой сумеречной зоне, между простым и никому не известным.

Но более всего, по его словам, он ждет от вопроса чего-то, что не слышал раньше. Новизны.

Мне знакомо это чувство. Чем больше играешь в тривию, тем более пресыщенным становишься. Конечно, когда-то было захватывающе интересно узнать, что Джон Адамс и Томас Джефферсон умерли в один и тот же день, 4 июля, или что Тому Селлеку пришлось отказаться от роли Индианы Джонса, чтобы сыграть частного детектива Магнума. Но после того как ты услышал эти вопросы несколько раз, они воспринимаются как позавчерашние новости. Тебе необходимо больше свежей тривии, чем производит Вселенная.

«Где же ты находишь материал для новых вопросов?»

«Берешь два элемента, между которыми раньше не видел никакой связи, и соединяешь их, а потом говоришь себе: “Да, это круто, здесь есть связь, которую никто не замечал”».

Рей прав. В областях, где вся хорошая тривия уже использована, единственным вариантом зачастую остается создание новых связей между старыми фактами. Конечно, энциклопедия может рассказать вам, что драматург Джордж Бернард Шоу в 1925 году получил Нобелевскую премию по литературе. Киносправочники поведают вам, что Шоу получил «Оскара» в 1938 году за участие в адаптации собственной пьесы «Пигмалион» для киноэкрана. Но только маньяк тривии станет изучать страницы списков людей, получивших «Оскар», и нобелевских лауреатов, чтобы подтвердить: да, Шоу действительно

является единственным человеком за всю историю, который получил и Нобелевскую премию, и «Оскар». Так рождается факт для тривии.

Когда Рей в одном из вопросов для «Нью-Йорк Таймс» перепутал «Гордость и предубеждение» Джейн Остин с ее же «Нортенгерским аббатством», он получил несколько писем от разгневанных читателей. Я тоже написал свою долю вопросов для турниров по викторине и знаю: если я допущу ошибку, самое плохое, что может произойти, — какой-нибудь раздражительный старшекурсник-гуманитарий в футболке с репродукцией Эшера достанет меня после игры. Но когда пишешь для высокорейтинговой шоу-викторины, ставки чуть-чуть выше. От написанного тобой вопроса могут зависеть огромные суммы денег.

«Это и правда были нелегкие времена», — говорит Бобби Пэттон о годах, когда он работал автором и редактором в «Кто хочет стать миллионером?». Я нашел его в Нью-Йорке, в офисном здании на Шестой авеню, где он пишет сейчас сценарий для нового реалити-шоу. Не могу сказать точно, каким я себе представлял автора вопросов для телевикторины, но Бобби совсем не похож, скажем, на пузатого владельца магазина комиксов. Скорее он мог бы быть солистом эмо-группы: рваная битловская прическа, большие уши, чувственное красивое лицо. Красные носки — это единственное яркое пятно в его совершенно черном наряде.

Бобби писал для «Миллионера», когда шоу было на пике своей популярности. Оно занимало верхнюю строчку в рейтинге Нильсена^[34], и канал ABC показывал его — я даже не представляю, как это возможно — 137 раз в неделю! На столь элитном уровне тривиия становится серьезным делом, особенно если это единственная дойная корова находящейся в кризисе телевизионной сети. «Во-первых, они были настоящие фанатики по части безопасности, — говорит Бобби. — Они так волновались по поводу скандалов, связанных с викторинами, что единственными, кому разрешалось заходить в редакторскую комнату, были авторы и редакторы. Нам всем пришлось подписать соглашения о конфиденциальности. Нам запрещалось разговаривать с кем-либо на съемочной площадке». Директор программ ABC даже приходила по пятницам, чтобы

прочитать редакторам напутственную лекцию перед тем, как они уйдут на выходные. «Она говорила: вы не имеете права никому рассказывать, где работаете. Она была на этом реально сдвинутая. Для любопытных мы просто работали на ABC в отделе производства программ». Иными словами, если кого-либо из редакторов похитят или убьют, компания будет отрицать любой факт осведомленности об их действиях...

Не менее серьезно телеканал относился и к контенту, то есть к самой тривии. Вопросы нельзя было просто отбрасывать. Чтобы ни один факт или определенная тема не использовались дважды, пришлось создать сложную базу данных. Вначале это не казалось проблемой. «Но настало время, когда там уже имелось все, что бы ты ни искал», — говорит Бобби. Редакторы должны были выдавать на-гора по 25 вопросов в день. Когда все темы исчерпались, это стало почти невозможно.

Но ничто не волновало руководителей шоу больше, чем корректность вопросов. К каждому вопросу команда проверки должна была найти три источника. Требовалось исключить малейший намек на двусмысленность. Главный редактор был юристом, выпускником юридического факультета Йельского университета, вздыхал Боб, поэтому каждый вопрос следовало формулировать так же четко и неоспоримо, как юридический документ. «Все вопросы должны были быть “заточены” на один ответ».

«Заточены?»

Это сленг из «Миллионера», который обозначает, что вопрос должен быть достаточно определенным, чтобы исключить двойственные ответы. «Кто впервые предложил переход на летнее время?», хотя это и достаточно распространенный вопрос тривии, не «заточен». Ответом могут служить множество немецких, американских или британских мыслителей, в зависимости от того, какими данными пользоваться. Для «заточки» вопроса нужно переписать его так, чтобы он содержал более определенные факты: «Кто впервые предложил переход на летнее время в своем эссе 1784 года “Экономический проект”?»⁶

Крошечная ошибка в формулировке вопроса могла привести к многомиллионному иску, о чем продюсеры «Миллионера» были прекрасно осведомлены. Во время первого сезона у шоу уже случилась пара неприятностей в виде жалоб участников. Ответ на вопрос, какое из озер больше — Мичиган или Гурон, зависит от того, измеряется площадь или объем. Ответ на вопрос, раньше или позже Водолея идет Скорпион, зависит от того, говорите ли вы о календарном годе или зодиакальном круге.

27 июля 2000 года в кресло игрока попал Рик Роснер. Роснер был парнем со странностями: вышибала, натурщик в стиле ню и космолог в одном флаконе. Большую часть жизни, с 20 до 40 лет, он провел в попытках снова и снова вернуться в школу в разных париках и гриме, одержимый идеей в этот раз «все сделать правильно». В общем, когда речь пошла о «Миллионере», Роснер тоже захотел получить второй шанс. Его вопрос за \$16 тысяч звучал так:

Какая столица расположена в самой высокой точке над уровнем моря?²

А. Мехико. **С.** Кито.

В. Богота. **Д.** Катманду.

Прослав парнем, мягко говоря, необычным, Роснер, бесспорно, был необычайно умен. На самом деле, он бывший редактор Noesis, новостного листка общества «Мега» — общества, сосредоточившего в своих рядах людей с высоким IQ, которое уносится в стратосферу от самодовольного 98-процентного идеала Менсы^[35]. Для вступления в общество «Мега» нужно состоять в 99,9999-процентной доле интеллектуалов, или, буквально, быть одним из миллиона. Я не знаю, кто числится у них в членах, но учитывая, что даже математически на это имеют право менее 300 американцев, им, возможно, не нужно такое уж большое клубное помещение.

Но в тот день разум Роснера, один на миллион, подвел его. Его окончательным ответом был Катманду, столица Непала, которая в действительности расположена *ниже*, чем все остальные варианты ответа. Роснер отправился домой всего лишь с \$1000.

К несчастью для редактора «Миллионера» Джона Селлерса, который написал этот вопрос, оказалось, что Ла-Пас, одна из столиц Боливии, находится даже выше, чем все перечисленные города. Если бы вопрос звучал: «Какая из этих столиц...» — то никакой проблемы бы не возникло, но озвученная в эфире формулировка стала судьбоносной ошибкой. Роснер утверждал, что его обманули, так как в списке не было единственно правильного ответа на вопрос. Он писал руководству «Миллионера» и ABC письма, в которых требовал переигровки. Он просмотрел десятки игр «Миллионера», чтобы определить, что этот 16-тысячный вопрос был необычайно сложным. Он провел исследование, в котором доказывалось, что кривизна Земли не позволяет точно измерить высоту городов над уровнем моря. Он назначил всем городам мира — и я не шучу — «индекс общей неизвестности», чтобы показать, что Катманду, самый неправильный ответ из всех, на самом деле был «необычайно привлекательным ответом».

«Миллионер» обычно возвращал игроков в игру, когда продюсеры признавали двусмысленность вопроса, но в этом случае они, должно быть, посчитали, что разница между «какая» и «какая из этих» слишком тонка, чтобы основывать на ней жалобу. Роснер подал иск в Лос-Анджелесский окружной суд, но его туманные представления о честной игре и о том, чтобы «все сделать правильно», разбились о железобетонный контракт участника «Миллионера», который давал ABC последнее и окончательное слово в деле определения корректности вопросов и ответов. Судья удовлетворил ходатайство шоу о решении в порядке упрощенного судопроизводства, которое было оставлено в силе после апелляции. Дело закрыто.

Весь этот четырехлетний спор был результатом разницы в один предлог и одно местоимение. Написание тривии — дело серьезное, если ты взобрался на вершину.

Платили хорошо. Фрилансеры, такие как Мартин Браун, иногда берутся работать за почти минимальную плату, но редакторы «Миллионера» — в то время смесь из почти равного числа сценаристов телевизионных комедий и «людей тривии» из мира турниров по скреблу и кроссвордингу — не могли зарабатывать меньше минимума, установленного Гильдией телесценаристов.

Другими словами, их зарплата за неделю примерно равнялась тому, что я могу заработать за год писания и редактирования вопросов для NAQT.

Говоря о больших деньгах, Бобби вспоминает, что именно он написал вопрос стоимостью в \$1 млн, который сделал Нэнси Кристи первой женщиной-миллионером на телешоу. «Кто позировал художнику Гранту Вуду в образе фермера для его классической картины “Американская готика”?»⁸

«И каково это, когда чье-то финансовое благополучие зависит от твоего вопроса?»

«Каждый раз, когда задается дорогой вопрос моего авторства, мне очень грустно, если на него не отвечают правильно. Когда пишешь вопросы, когда придумываешь три неправильных ответа, чувствуешь, что пытаешься обмануть их, понимаешь?»

«Ничего подобного! — произносит голос позади нас. — Я чувствовал, что победил их! Я чувствовал себя превосходно!»

Это в комнату вошел Бен Грубер. Похожий на большого медведя человек с бритым а-ля Майкл Чиклис черепом и робкой улыбкой, Бен тоже писал вопросы для «Миллионера». Сейчас он работает по соседству над пилотным выпуском другой викторины. «Миллионер» не был первым опытом Бена по части телевикторин: он начинал ассистентом на географической программе для детей *Where In The World Is Carmen Sandiego?*, так что вы, возможно, узнаете его: он появлялся в кадре в образе пришельца из космоса, цыпленка, акулы (многократно) и огромного куска торта.

Боб и Бен вспоминают некоторые из дорогих «вопросов на засыпку», которые они написали и которые определили судьбу потенциальных миллионеров. Часть из них числятся среди их любимых вопросов всех времен. «Страшное лицо какой знаменитости изображала разрисованная резиновая маска, которую носил Майкл Майерс в фильме “Хэллоуин”?»⁹ Какую клюшку для гольфа Алан Шепард использовал для своего знаменитого удара на Луне?¹⁰ Как звали черепах Роки Бальбоа?¹¹

Я задаю Бену и Бобу свой главный вопрос. Что необходимо для хорошего вопроса тривии? К чему они стремились в своих самых

лучших вопросах, написанных для «Миллионера»?

«Если у тебя есть интересная информация, ты хочешь вытянуть из нее самые лучшие вопрос и ответ из возможных, — рассуждает Бобби. — На “Миллионере” мне иногда возвращали вопрос с припиской: “Это хороший материал, но вопрос из разряда «Всем пофиг»”. Я пробовал переформулировать вопрос, и, как правило, он становился гораздо лучше».

«Можно задавать вопросы о чем угодно, — говорит Бен, — но некоторые из них кажутся просто случайными фактами. Как говорится, нет повода для вопроса».

То есть вопрос должен касаться чего-то важного для отвечающего и не являться просто случайным фактом? Интересная мысль, как мне кажется. Тривия плоха, если она тривиальна.

Чем больше фактов и вопросов тривии я исследую, тем больше убеждаюсь, что они имеют тенденцию укладываться в четкие категории. Я имею в виду не тематические категории: синий сектор «География» против оранжевого сектора «Спорт и досуг», а совершенно новую классификацию, основанную на *типах* самих вопросов, на том, что делает их интересными, достойными того, чтобы их задали. В каждом из этих типов можно написать вопросы на любую тему — от творчества группы Pet Shop Boys до цикла солнечных пятен и гаитянских ритуалов вуду. Девять наиболее распространенных типов, на мой взгляд, таковы.

Табуретка. Это основа тривии, обычные заурядные вопросы в лоб. В вашем банке памяти либо есть на них ответ, либо его нет. Точка. «Что означает буква “М” в имени Ричарда М. Никсона?»¹², «Как называлось китобойное судно капитана Ахава?»¹³, «Кто из великих игроков в американский футбол носил прозвище Сладенький?»¹⁴

Венский стул. Игра в «табуретки» — это чаще всего достаточно скучная игра по системе стимул — реакция, и поскольку «табуретки» составляют основную массу тривии, иногда приходится их приукрашивать несущественными для ответа, но более занимательными фактами. В Jeopardy! так делают постоянно. Скучно снова и снова спрашивать, какой штат имеет прозвище Золотой, поэтому ты добавляешь еще один факт о Калифорнии, который совсем

не помогает, но дает телезрителю дополнительный лакомый кусочек информации. «Этот “Золотой штат” назван в честь мифического острова из испанского романа 1510 года» или «Этот “Золотой штат” производит 90 % брокколи в Америке».

Самое-самое. Очевидно, что с точки зрения тривии гораздо лучше быть первым, лучшим или самым сильным в чем-либо, чем занимать второе место. «Какой из национальных парков США идет первым по алфавиту и одновременно является самым восточным?»¹⁵, «У какого сухопутного млекопитающего самый длинный хвост?»¹⁶, «Какая охраняемая законами об авторском праве книга была продана наибольшим числом экземпляров?» Особенно популярны такие вопросы у подростков, которые только что получили в руки экземпляр Книги рекордов Гиннеса (кстати, именно она была продана наибольшим числом экземпляров среди копирайтных изданий) и хотят проверить вас на знание самых дурацких рекордов оттуда. Например, как зовут чокнутого парня из Непала, у которого ногти длиной в четыре фута, или тех жирных близнецов на мотоциклах.

Единственное и неповторимое. Здесь речь идет об уникальных в чем-либо объектах или людях. «Назовите единственную планету Солнечной системы, названную в честь богини, а не бога»¹⁷. «Назовите единственное млекопитающее, которое не может прыгать»¹⁸. «Назовите единственный фильм, снятый по мотивам телесериала, который был номинирован на “Оскар” в категории “Лучший фильм”»¹⁹. Слово «единственный» звучит авторитетно и притягательно, давая вам ощущение, что вы узнаете что-то важное. Вопрос, очевидно, многое теряет, если не имеет единственно возможного ответа. «У каких семи планет Солнечной системы есть спутники?» «Назовите все виды млекопитающих, которые не умеют пользоваться пультом дистанционного управления». «Какие 26 скучных костюмных драм были номинированы на “Оскар” в номинации “Лучший фильм”?»

Проблема с «единственным и неповторимым» заключается в том, что определение истинной уникальности объекта может быть невообразимо трудоемким процессом. Взять хоть дурацкий вопрос о единственном млекопитающем, которое не может прыгать. Я видел его

десятки раз, и меня все еще гложут сомнения. Команда редакторов, работающих над Trivial Pursuit, выследила каждый из других оставшихся видов млекопитающих на планете и вежливо попросила по одному разу совершить небольшой прыжок, чтобы иметь возможность поставить галочку в маленьком квадратике анкеты и перейти к следующему виду. «Хорошо, чихуахуа, спасибо, можешь перестать прыгать. Пригласите шимпанзе и передайте шиншилле и китайскому водяному оленю, что они следующие!» Я обычно воспринимаю такие вопросы с известной долей иронии, другими словами, делю сведения, в них заложенные, на десять.

Супер-Мега-Гипер. Кажется, когда-то какими-то писателями трювии было решено, что любой факт с умопомрачительно большим числом является основой для великолепного вопроса. Их можно встретить где угодно. На строительство дамбы Гувера ушло 8 миллиардов триллионов тонн цемента. В канадском сленге 110 тысяч различных слов для обозначения хоккея. Потребовалось бы 37 миллиардов лет, чтобы добраться до Солнца на сегвее^[36].

Мне всегда кажется, что я упускаю «крышесность» таких фактов. Во-первых, как можно просто представить себе количество чего угодно, выраженное числом с девятью нулями? Что, слабо представить себе хвост из «старбаксовских» роллов, который обвивается вокруг Земли 60 млн раз? Хорошо, тогда представьте хотя бы что-нибудь настолько большое, что оно может обвиться вокруг Земли 30 млн раз. Поняли? Это нереально большая штука. *А теперь увеличьте ее мысленно в два раза!*

Но настоящие проблемы начинаются тогда, когда неопиты пытаются превратить эти непомерные числа в *вопросы*. «Сколько тонн цемента ушло на постройку дамбы Гувера? Ой, нет, извините. Вы ошиблись на 4 тонны. Правильный ответ — 8 миллиардов триллионов». Что интересно, вопросы такого типа оказываются полезны по крайней мере при одном сценарии: их часто используют, чтобы определить победителя при ничьей в викторинах британского типа, которые проходят в пабах. Там хорошие большие числа, касающиеся площади самой большой когда-либо испеченной вафли, практически гарантированно сводят шанс ничьей к нулю.

Забавное совпадение. Авраам Линкольн и Чарлз Дарвин родились в один и тот же день в 1809 году с разницей всего в несколько часов. Девичья фамилия матери Базза Олдрин — Мун. Все четыре обладательницы «Оскара» в номинации «Лучшая актриса второго плана» с 1978 по 1981 годы имели инициалы М. С.

Эти удивительные факты, очевидно, не являются результатом кем-то спланированных или осмысленных действий. Малыш Эйб и юный Чарльз Дарвин не были жертвами зловещего плана по подмене младенцев в больнице; при рождении их разделял океан (хотя Дарвину, возможно, показался бы интересным тот факт, что Линкольна однажды назвали «исполненным благих намерений бабуином», и не кто-нибудь, а генерал союзных войск Джордж Макклеллан). И если НАСА и Академия киноискусства теоретически могли пользоваться какими-то странными критериями при выборе астронавтов для «Аполлона» и обладателей «Оскара», то остальные факты — это чистое совпадение. Они могут не быть важными или значительными, но они редки, забавны и напоминают нам, что правда может быть удивительнее вымысла.

Дьявол в деталях. Из скольких лучей состоит корона статуи Свободы?²⁰ Какого цвета две буквы G в логотипе Google?²¹ Кто из «битлов» на обложке Abbey Road изображен босиком?²²

Такие маленькие камни преткновения — это самая иезуитская, самая раздражающая форма нашего искусства, *infant terrible* королевства тривии, если хотите. Вы видели статую Свободы, логотип Google и обложку Abbey Road сотни раз, однако память не всегда воспроизводит картинку с требуемой фотографической четкостью. Поэтому после таких вопросов игроки неизбежно стонут, рвут на себе волосы и бьют себя по лбу. Вопросы этого типа часто касаются денег. Например, «Какое здание изображено на оборотной стороне банкноты в \$20?»²³ Особенно весело бывает наблюдать, когда игроки пытаются тайком выудить монеты или банкноты из карманов так, чтобы никто этого не заметил.

Ветеран тривии Роб Линэм из Британии однажды поделился со мной лучшим вопросом, который он написал в своей жизни. Он тоже вполне укладывается в тип «Дьявол в деталях», хотя и с

дополнительным бонусом — временным унижением любого, кто осмелился ответить на него правильно. Роковой вопрос звучал очень просто: «Какого цвета виагра?»²⁴

Подвох. Вопросы с подвохом восходят к богатой традиции школьных дворов. Среди них бывают такие жемчужины, как «Законно ли в Калифорнии жениться на сестре своей вдовы?» или «Если петух снесет яйцо на верхушке остроконечной крыши, в какую сторону оно упадет?» Вы яростно прочесываете свою память в поисках экзотических знаний о семейном праве и домашней птице, но спрашивающий просто в нетерпении ждет, чтобы посмеяться над вами. «Ха-ха, есть над чем подумать! Любой, у кого есть вдова, уже мертв!» Или «Идиот, петухи не несут яйца! Несутся курицы».

Может, это и глупо, но данный тип вопросов действительно вошел в моду. Jeopardy! даже слишком часто припадает к источнику вопросов из категории «Тупые ответы». Когда создателям недавнего издания Trivial Pursuit нужно было выбрать один вопрос из 4800, чтобы напечатать его на обратной стороне коробки с игрой, они выбрали именно вопрос с подвохом: «Какое подходящее имя дали динозавру, обнаруженному около городка Муттабурра в Австралии?»²⁵

Несмотря на это, мне нравятся вопросы, которые вдобавок к необходимости демонстрировать реальные знания заставляют игрока взглянуть на вопрос с неожиданной стороны. «Действующий глава ^[37] какого государства, помимо Германии, родился в Германии?»²⁶ Если взглянуть под правильным углом, выйти из плоскости, ответить довольно просто; в противном случае — невозможно. Вот любимый вопрос Рея Хэмела, который требует и экзотического знания, и наметанного глаза: «Какие два президента США носили имя Томас?»²⁷

Головоломка. Не настолько обманчивый тип, как вопрос с подвохом, но еще более хитрый. Цель такого типа вопросов состоит в том, чтобы спросить нечто, чего не знает *никто*, но при этом включить в вопрос правильные подсказки, которые с помощью некоторой доли здравого смысла, дедукции или ассоциативного мышления позволят игроку испытать внезапную вспышку озарения и найти ответ. Когда вы спрашиваете «В каком университете изобрели напиток “Гейторейд”?», вы не ждете от игрока знания истории корпорации Gatorade. Вы ждете,

что их мысль пойдет следующим путем: «Гейторейд»... Аллигаторы... команда «Гейторз»... Университет Флориды!

Такой подход не работает на «Миллионере» или в других форматах с выбором ответа из предложенного списка. Если правильный ответ обязательно сопровождается щелчком («Да! Это наверняка правильный ответ!»), то сложно придумать три ложных ответа, которые будут не хуже. На «Миллионере» все четыре варианта должны быть одинаково правдоподобны... или неправдоподобны.

Напротив, в Jeopardy! просто обожают головоломки, особенно в финальном раунде, участники которого располагают целыми 30 секундами, чтобы повторить дедуктивные рассуждения автора. Иногда для правильного ответа на финальный вопрос необходимо всего лишь правильно переформулировать подсказку. Когда я слышу в своей седьмой игре вопрос: «Этот заглавный герой, появившийся в 1999 году, был создан бывшим преподавателем морской биологии Стивом Хилленбургом»²⁸, предполагается, что в уме его надо перефразировать так: «Какая икона поп-культуры является странным подводным существом?» Иногда необходимо понять цепочку подсказок. Когда задается вопрос: «Эксперты полагают, что голландские фермеры XVI века путем селекции придали этому овощу его нынешний цвет в честь правящего королевского дома»²⁹, от вас ожидают, что сначала вы определите правильный правящий дом, затем перейдете к цвету и, в конце концов, к овощу. Для этого могут потребоваться напряженная работа мысли и удача, особенно когда в Jeopardy! задают заковыристый вопрос типа: «По данным Министерства социального обеспечения, в список из десяти самых популярных имен для мальчиков в 2000 году входят эти два имени апостолов, оканчивающиеся на одну и ту же букву»³⁰. Этот факт, естественно, невозможно просто так вытащить из памяти. Вместо этого вам необходимо за 30 секунд составить три пересекающихся списка: имена апостолов, популярные детские имена и имена, заканчивающиеся на одну и ту же букву. Это бег наперегонки с часами, цель которого — найти единственную точку, где три этих круга пересекаются. Вопрос в большей степени вознаграждает скорость, а не умение, хотя фактические знания также необходимы. Если вам не повезет и вы

начнете вспоминать имена не в том порядке, то ответите James and Judas (как почти что сделал я) и потеряете кучу денег.

Эти девять типов шаблонов показывают, как авторы тривии выбирают и обрабатывают профессиональные вопросы. Некоторые из них — это способы подать факты таким образом, чтобы слушателю было интереснее искать ответ. Другие — способы выбрать факты, которые содержат уникальный повод для вопроса, чтобы слушатели почувствовали удовлетворение, а не апатию («Какая мне разница?»). Может быть, лучшая проверка качества написанного вопроса — это то, как чувствует себя испытуемый, не зная ответа. Любому понравится ответить на вопрос правильно, даже если он плохо написан или скучен. Приятно показывать свои знания. Но идеальный вопрос настолько хорош, что ответить на него неправильно тоже приятно: интересно шевелить мозгами в поисках ответа, а сдавшись, испытать удивление, услышав правильный ответ.

Античные философы и средневековые алхимики верили, что в дополнение к всем известным четырем стихиям, из которых состоит Вселенная (земля, воздух, огонь и вода) имеется пятая сущность, которая пронизывает все на свете и дает природе ее высшую власть. У этой теории никогда не было каких-либо доказательств, но прежде чем отправиться туда же, куда ушла эпоха диско, она дала нам слово «квинтэссенция», то есть «пятая сущность». Она также подарила нам потрясающую французскую научно-фантастическую киноленту «Пятый элемент», но это к делу не относится.

Я анализировал вопросы и брал интервью у авторов тривии в надежде обнаружить квинтэссенцию, животворную силу тривии. Я хотел подержать в руках таинственный пятый элемент, который отличает скучный заурядный факт от того сверкающего, блестящего, запоминающегося бриллианта, который отличает тривию от банальности.

Итак, цель дать определение «хорошей тривии» оказалась прозрачной, но чем больше тривии я наблюдаю, тем яснее понимаю, что, как сказал о порнографии судья Верховного суда Поттер Стюарт, я узнаю ее, когда вижу. Зато тривию, по крайней мере, не приходится прятать под матрасом, чтобы мама не узнала.

ОТВЕТЫ

- 1 Знаменитое восклицание комментатора Русса Ходжеса «**Гиганты — чемпионы!**» (повторенное четыре раза) сейчас помнят только потому, что один-единственный человек, болельщик «Доджеров», записал трансляцию игры.
- 2 **Джеки Робинсон** остался на поле, чтобы убедиться, что Томпсон коснулся каждой базы.
- 3 **Джеки Глисона** стошнило на трибунах на ботинки его друга Фрэнка Синатры как раз в тот момент, когда Томпсон совершил свой хоум-ран.
- 4 **Дейв Уинфилд**, будущий игрок «Янкиз», представленный в Зале Славы, родился в день хоум-рана Томпсона.
- 5 В фильме «Крестный отец» **Сонни Корлеоне** умирает, слушая по радио трансляцию этой игры.
- 6 **Бенджамин Франклин** впервые предложил переход на летнее время в своем эссе 1784 года «Экономический проект».
- 7 Из предложенных четырех ответов **Кито, столица Эквадора**, расположена в самой высокой точке над уровнем моря.
- 8 В образе фермера для классической картины «Американская готика» художнику Гранту Вуду позировал **его дантист**.
- 9 Разрисованная резиновая маска, которую носил Майкл Майерс в фильме «Хэллоуин», изображала страшное лицо **Уильяма Шетнера**.
- 10 Для своего знаменитого удара на луне Алан Шеппард использовал шестой **айрон**.
- 11 Черепах Роки Бальбоа звали **Кафф** и **Линк**.
- 12 Буква «М» в имени Ричарда М. Никсона означает **Милхаус**.
- 13 В романе «Моби Дик» Ахав был капитаном судна «**Пекод**».
- 14 Легендарного игрока Chicago Bears **Уолтера Пейтона** прозвали Сладеньким.

- 15 Национальный парк Акадия** идет первым по алфавиту и одновременно является самым восточным в США.
- 16 Жираф** — это сухопутное млекопитающее с самым длинным хвостом.
- 17 Венера** — это единственная планета Солнечной системы, названная в честь богини, а не бога.
- 18 Слон** — единственное млекопитающее, которое не может прыгать.
- 19 «Беглец»** стал единственным фильмом, снятым по мотивам телесериала, который был номинирован на «Оскар» в категории «Лучший фильм».
- 20** Корона статуи Свободы состоит из **семи** лучей.
- 21** Две буквы G в логотипе Google **синего** цвета.
- 22 Пол Маккартни** изображен босиком на обложке Abbey Road.
- 23** На оборотной стороне 20-долларовой банкноты изображен **Белый дом**.
- 24** Виагра **голубого** цвета (по крайней мере, мне так сказали).
- 25** Динозавр, обнаруженный около городка Муттабурры в Австралии, был изобретательно назван **муттабурразавром**.
- 26** Так как главой города-государства **Ватикан** является папа римский, в настоящее время это единственное государство, кроме Германии, глава которого родился в Германии.
- 27** Два президента США, которые носили имя Томас, — это **Томас Джефферсон** и **Томас Вудро Вильсон** (который известен под своим вторым именем).
- 28** Губка **Боб Квадратные Штаны** был придуман бывшим преподавателем морской биологии Стивом Хилленбургом.
- 29** **Оранжевая морковь** была выращена голландскими фермерами в честь Оранской династии королей.
- 30** **Matthew** и **Andrew** — популярные детские имена, оканчивающиеся на одну и ту же букву, а также принадлежавшие двоим из двенадцати апостолов.

Глава VIII

Что такое реализация?

Из-за стремительного, сбивающего с толку темпа самой игры, а также из-за того, что в день снимается по пять передач, участие в Jeopardy! кажется скоротечным. Конечно, я больше не прихожу в ужас и не впадаю в шоковое состояние, но мой мозг по-прежнему едва справляется с потоком входящей информации, непрерывно льющимся по ходу съемок: огни софитов, звуковые эффекты, вопросы, ответы, еще вопросы и опять ответы. Прошло два дня до момента, когда я смог наконец зафиксировать произошедшее со мной во всей полноте и проанализировать случившееся. Так и герой знаменитого мультсериала, фиолетовый, похожий на страуса Дорожный Бегун, ловит себя в какой-то момент на том, что застыл в воздухе в совершенно противоестественной позе. (*Bun! Это из серии Accelerate incredibilis!*) Со мной это происходит в машине по дороге обратно в Юту по проществу восьми выигранных подряд игр. Ограничение максимум в пять побед подряд отменили несколько месяцев назад, поэтому восьми побед вполне достаточно, чтобы получить неофициальной титул главного чемпиона Jeopardy! всех времен.

Некоторые из этих побед можно признать убедительными, что в значительной мере можно объяснить огромным преимуществом «своего поля», которое растет в Jeopardy! с каждым следующим чемпионским подиумом. Каждая игра моей серии позволяет чувствовать себя немного более расслабленным, уверенным в себе, искушенным в игре на кнопке. В то время как претенденты каждый раз ведут себя, как олени, переходящие автостраду и попавшие в лучи прожекторов. У них расширяются от ужаса зрачки, трясутся руки и т. п. Такое преимущество кажется не вполне честным. Цитируя героя Мэттью Макконехи из фильма «Под кайфом и в смятении» (правда, моя ситуация законодательно отрегулирована несколько четче): «Я становлюсь старше — их возраст не меняется».

Почти все эти игры я выигрываю досрочно. Однако даже те из них, что со стороны видятся легкой прогулкой, в студии кажутся

непредсказуемыми и опасными. Я мучительно осознаю, какое количество игровых коллизий могло случайно разрешиться иначе и привести к неутешительным для меня последствиям. Достаточно вспомнить, что победный результат моей первой игры, можно сказать, висел на волоске с головы бегуни Мэрион Джонс, точнее, зависел от ее имени. Через игру картину дополняет еще один подобный эпизод. Такое впечатление, что где-то в Азии есть бабочка, которая биением крылышек наколдovывает мне удачу, позволяющую раз за разом обходить сильных соперников. Если бы Паула Филсон из штата Огайо знала, рядом с каким островом находится остров Гавдос, самая южная точка Европы¹. Если бы Дирдер Бейзил из Коннектикута, ответив на два вопроса, не сменила тему, я бы не смог увести у нее простой аукцион про литературного героя, жившего на астероиде Б66–12². Если бы Мэри-Энн Айтлер из Вирджинии сделала бы большую ставку на аукционе про Михаила Горбачева, или Майкл Кудай из Калифорнии опередил бы меня на вопросе про талисман баскетбольной команды Университета Дюка³, ответ на который мы знали оба... Если бы в любом из этих случаев история пошла по-другому, мне бы пришлось паковать чемоданы.

Каких-то 30 коротких часов назад моя цель в Jeopardy! была продержаться до финального раунда, то есть после двух раундов игры остаться в плюсе. Иначе меня бы ждала участь тех несчастных, кого перед финалом бесцеремонно выгоняют из игры за отрицательный результат на табло. Это не было пессимизмом. Скорее размахивание факелом заниженных ожиданий во мраке неизвестности в попытке разглядеть возможное разочарование. Но также это и осознание того, что участие в Jeopardy! — это своего рода попытка заглянуть в черный ящик. Ты никогда не знаешь, против кого придется играть, какие выпадут темы, насколько быстро ты будешь жать на кнопку, кому достанутся аукционы. И с каждой игрой число неудачников растет вдвое быстрее, чем число победителей.

После окончания моей восьмой игры Сюзанна Тербер приносит в студию конверт и вручает его мне. К сожалению, в нем нет чека на сумму \$266 158 (мой выигрыш за вычетом налога 7 %, который нужно с него заплатить в штате Калифорния). Победители, равно как и

обладатели второго места, должны ждать причитающихся денег полгода. Вместо чека в конверте новый билет в Лос-Анджелес на следующую неделю, когда состоятся съемки новых игр.

«Увидимся в следующий вторник», — приветливо говорит Сюзанна. Я совсем забыл пункт договора, в котором сказано, что участники сами оплачивают дорогу, включая билеты на самолет, проживание в отеле и аренду автомобиля. Но если летать приходится больше чем один раз, например, если вы продолжаете победную серию, то Jeopardy! оплачивает дополнительно как минимум билет на самолет.

Я смотрю из окна машины на редкие заросли выжженных солнцем креозотовых кустов в пустыне Невада. «Интересно, под каким предлогом я буду отпрашиваться во вторник? — спрашиваю я у Минди, очередь которой сидеть за рулем наступила только что. — Согласно подписанному мной договору, я не имею права никому рассказывать о результатах игр, пока они не выйдут в эфир».

Ни Минди, ни я пока не можем осознать, что мы только что выиграли четверть миллиона долларов. Даже после того как мы отдадим Дяде Сэму его 35 %, 7 % — штату Калифорния и 10 % пожертвуем церкви, у нас все еще останется внушительная сумма. Но пока это все еще не перешло в разряд реальности. Я привык относиться к числам с нулями на табло в Jeopardy! как к игровым очкам, а не как к реальным долларам, которые можно пойти и потратить в магазине. Где-то между городами Барстоу и Бейкер мы решаем, что замахнемся на летнее путешествие по Европе. Минди работала некоторое время при миссии Церкви Иисуса Христа Святых последнего дня в Париже, где я никогда не был. Я же в свою очередь на два года ездил миссионером в Мадрид, где никогда не была Минди. Таким образом, мы решили познакомить друг друга с местами нашей юности. Кроме того, мы оба понимаем, что это легкие деньги.

«Тебе придется рассказать Гленде, что ты продолжаешь победную серию». Гленда — моя начальница по работе. «Она тебя прикроет. Это же всего один день. Хотя, если...»

«Если я выиграю еще пять игр? Перестань. Не думаю, что нам стоит всерьез рассматривать такую возможность».

Минди не сможет в следующий раз со мной поехать, если мы не найдем для Дилана няню. Но я обязан хранить в тайне свои победы. Ни единому человеку (за неминуемым исключением в лице начальницы) я не могу открыть, зачем возвращаюсь в Калифорнию. Оказывается, жизнь в период действия контракта о соблюдении конфиденциальности с Jeopardy! чревата осложнениями.

Несмотря на то чему меня всегда учили педагоги в воскресной школе по телевизору, наша изоцирено сплетенная паутина лжи, кажется, сработала на отлично. Мы нашли подругу Минди, которая не знала заранее о назначенных мне в Jeopardy! датах первых съемок, и она согласилась посидеть с Диланом. Начальница сказала коллегам на работе, что я простудился. Ну и, наконец, в эпоху мобильных телефонов несложно притвориться, что ты по-прежнему в Солт-Лейк-Сити даже во время разговора с родителями, тогда как на самом деле ты стоишь в пробке на шоссе в Сан-Диего. Однако морально вся эта конспирация изрядно изматывает. Так должен чувствовать себя как какой-нибудь тайный агент или Человек-паук.

Когда я в следующий раз выхожу с парковки телекомпании Sony, меня ожидает человек, лицо которого мне смутно знакомо. Невысокий коренастый парень с ангельской улыбкой — ветеран Кубка по викторине Мэтт Брюс. Я совсем забыл, что его игру перенесли на сегодня из-за меня. А я все еще здесь. Как неудобно получилось...

«Нам все-таки разрешат сыграть друг против друга?» — спрашивает Мэтт у Мэгги своим характерным отрывистым и при этом ровным по интонации фальцетом, который напоминает голос телефониста на коммутаторе 1950-х годов или компьютера на космическом корабле «Энтерпрайз».

«Нет, — успокаивает нас Мэгги. — Вы сможете сыграть только после того, как Кен завершит свою серию». В Jeopardy! никто никогда в такой ситуации не скажет «проиграл».

Спустя пять игр Мэтт все еще терпеливо ждет, а мне приходится отвезти Минди в аэропорт. Как только я выиграл пятую игру, Jeopardy! аннулировала мой билет, чтобы я мог участвовать в завтрашних съемках, но Минди решила лететь домой к Дилану.

Кстати, Дилан — прирожденный фанат тривии. Я понимаю, что ему всего полтора года, что он пухлощекий безволосый, падающий

каждые десять секунд младенец, но все признаки этого уже налицо. Годом раньше, чем большинство детей, каждое предложение, которое он слышал от взрослых, он начал сопровождать вопросом «Почему?». Память у него тоже развита не по годам. Если ему прочесть один-два раза книгу Доктора Сьюза, он затем может схватить эту книжку и «прочитать» вслух или про себя большой кусок по памяти. Он знает каждую куклу мультсериала «Улица Сезам», каждый паровозик из серии про паровозика Томаса и его друзей, каждое слово любимой песни The Lion Sleeps Tonight. Любопытство, память и любовь к изнурительному перечислению исчерпывающих деталей — это то, что лежит в основе тривии. Даже так — тривии-тривии.

Поверьте, это не родительское хвастовство. Это беспокойство. Волнение относительно тяги малыша к знаниям может показаться странным, но из разговоров с родителями я знаю, что воспитание маленького знатока — это не только сплошные игры и развлечения.

«Дилан запоминает каждое слово, которое слышит, — рассказываю я родителям на семейном обеде несколько недель назад. — Вчера он достал с полки один из своих CD-дисков с сериалом “Улица Сезам” и спросил Минди: “Мам, это Тони Беннет?” На обложке диска действительно была фотография Тони Беннета. Думаю, при нем я упоминал это имя только один раз месяц назад. И ему этого хватило».

«Теперь ты понимаешь, каково было мне, — отвечает мама. — Добро пожаловать в те дни, когда я была молодой родительницей, а ты младенцем».

Когда я проходил тесты в Университете штата Вашингтон, до того как пойти в детский сад, я, по словам мамы, уже читал на уровне седьмого класса, а математику знал на уровне пятого.

«И что, это тебя беспокоило?»

«Конечно. В три года ты брал книги, забивался в какой-нибудь угол и... впитывал. Мы боялись, что воспитаем ребенка, у которого будут проблемы в школе. Ты же не хочешь, чтобы твой сын был странным».

Что ж, со мной уже ничего не поделаешь. Но я тоже не хочу, чтобы Дилан рос странным мальчиком. Мое детство прошло в надежном пузыре экспатриантской жизни — в элитной частной школе, где шестиклассники, дети дипломатов со всего мира, уже штудировали учебники Princeton Review. Тысячи миль океанских просторов

держали нас почти в полном неведении относительно главных американских трендов в культуре и моде и практически без доступа к пробным камням мягкого подросткового протеста (марихуана, подделка личных данных, мелкое воровство в супермаркетах). И тем не менее я остро ощущал ту неформальную иерархию, которая формируется в каждой школе. И знал, что мне нет смысла даже надеяться на приближение к вершине этой общественной лестницы — слишком много времени я тратил на сидение в библиотеке. Насколько же хуже будет чувствовать себя Дилан, учась в обычной американской средней школе, если он унаследовал эту часть моих генов!

Программист и автор очерков про хакеров Пол Грэм тоже задавался вопросом, почему светлая голова в школе считается эквивалентом проказы. «Почему умные дети почти не бывают популярны? — спрашивает он. — Если они такие умные, почему они не понимают, как формируется эта самая популярность, и не справятся с системой так, как справляются со стандартизированными тестами?»

Вариант его же собственного ответа: ботаники не ищут популярности. И сама популярность, и борьба за нее — это тяжелое бремя, и умные дети не хотят ради него тратить время и напрягаться. Даже имея такую возможность, они предпочтут шахматный клуб. Зато умники обычно оказываются в выигрыше после выпуска, когда вчерашние школьники впервые сталкиваются с тем, что реальная взрослая жизнь не похожа на школьную. Иными словами, как гласит старая речовка гарвардской команды по футболу: «Ничего, пусть пока порадуются, им потом всю жизнь на нас горбатиться».

Я бы рад поверить теории Грэма, но из личного опыта знаю, что есть как минимум одна разновидность ботаников, которые, сами того не желая, зачастую загоняют себя в изоляцию, — это знатоки и любители тривии. Большинство участников Jeopardy!, которых я встречал, были вполне успешными, интересными людьми, однако время от времени их тянуло на какое-то невыносимое позерство. Как будто вынужденное соседство с себе подобными возможно для них только при условии своего наиполнейшего интеллектуального превосходства. Позеры имеют привычку театральным шепотом произносить ответы на вопросы, в которые в данный момент играют другие люди, или добавлять дату создания и имена авторов к каждой

песне, альбому или фильму, который вы упоминаете. Если вы произносите *The Lion Sleeps Tonight*, у них непроизвольно возникает жгучая потребность вставить: «Группа *The Tokens*, 1961 год». Если они не знают точной даты, они ее выдумают. Они напоминают мне, почему я, еще будучи студентом первых курсов, решил покончить с тривией. Что если бы я когда-нибудь стал вести себя *подобным образом*?

Конечно, такое случается не со всеми фанатами тривии, и не обязательно Дилану в его «прыщавые годы» предстоит терпеть ежедневные издевательства. Но важно понимать, насколько тонка грань между радостью познания и злорадством от того, что *ты тут самый умный*.

На следующий вечер, отвезя Минди в аэропорт, я провожаю обратно в отель Мэтта Брюса с его девушкой Джулией. Боюсь, это максимум того, что я могу для него сделать в сложившейся ситуации. Ему так и не дали сыграть. Получается, что и он, и она прилетели сюда впустую. Это даже хуже, чем утешительный приз за третье место. И это все из-за меня, как полушутя-полувсерьез напоминает мне Джулия.

Еще два вторника подряд мне приходится возвращаться в Лос-Анджелес. Обычно съемки *Jeopardy!* не проходят с такой частотой, однако в это время года телекомпания записывает много игр про запас перед уходом на летние каникулы. Иногда Минди прилетает со мной на первый съемочный день, но всегда вечером отправляется обратно, не рассчитывая заранее задерживаться еще на день. При этом мы говорим друг другу перед каждой игрой, что она, конечно, будет последней.

Мягко говоря, необычно, чтобы игрок в *Jeopardy!* провел в студии такое количество времени. Чаще всего участники проводят на съемках час, максимум два. Для съемочной группы они — бесконечный конвейер в никогда не меняющемся производственном процессе. Но ко мне все равно нет какого-то особого отношения — ни как к какому-то фрику, ни как к «звезде». Все стараются делать вид, что ничего необычного не происходит. Они не хотят допустить даже намек на скандал или подозрение в особом отношении ко мне по сравнению с другими участниками. Так что табличка с моим именем не появляется на двери костюмерной, и меня не приглашают летать на съемки частным лайнером Мерва Гриффина. Я просто очередной игрок.

Поэтому моя необычно длинная победная серия становится «фигурой умолчания», о которой все думают, но никто не говорит вслух.

Несмотря на то что все и каждый в отдельности остерегаются проявлять ко мне какое-либо особое отношение, я готов высказать довольно резкое суждение: «Все игроки в Jeopardy! равны, но некоторые более равны, чем другие». В последней игре одного из долгих съемочных дней мне разрешают переодеть галстук после того, как оказывается, что он бликует на экранах мониторов. У меня в кармане есть запасной галстук, и я предлагаю поменять его по ходу съемки. Чтобы сберечь драгоценные минуты, администратор вместо того, чтобы отправить меня в артистическое фойе, проходит со мной за сцену к зеркалу, перед которым Алекс примеряет свои костюмы от Перри Эллиса. Проблема с галстуком решена, но, когда я возвращаюсь за игровой стол, передо мной разверзается адова бездна. Разрешение воспользоваться зеркалом Алекса оказывается пробойной в системе безопасности шоу, сопоставимой с разглашением государственной тайны. Продюсеры шоу заодно с независимым контролером, который следит за соблюдением правил при обращении с конкурсантами, набрасываются на съемочную группу и координатора, обвиняя их в нарушении протокола. Участникам запрещено проходить через задник сцены! Что бы было, если бы вопросы и ответы уже лежали на столе ведущего?

Я чувствую себя виноватым еще сильнее, чем в случае с Мэттом Брюсом. В результате играю чудовищную игру и едва ухажу от поражения. Одним из худших моментов стал лишенный логики ответ на следующий вопрос:

«Пожалуйста, Алекс, “Отрицательные ответы” за \$1600».

«Уинстон Черчилль сказал однажды любопытным репортерам, что это фраза из двух слов будет самой точной формулировкой его ответа⁴».

Дзинь. «Железный занавес».

Это тот случай, про который игроки Кубка по викторине говорят: «Переклинило». Мне кажется, что я вижу в вопросе что-то знакомое, я вспоминаю, что Черчилль знаменит выражением из двух слов про «железный занавес», и я рефлекторно, не приходя в сознание, жму на

кнопку. Если соотнести мой ответ с темой и вопросом, то очевидно, что он идиотский и не имеет никакого отношения к описанной истории. Зато я могу себя утешить тем, что нахожусь в хорошей компании. Самый знаменитый такого рода «переклин» в Кубке по викторине на счету все того же Мэтта Брюса, который однажды уверенно выпалил «батон с гашишем» вместо правильного ответа «булка с маком». А что, почти попал!

Снова и снова возвращаясь на съемки Jeopardy!, я начинаю замечать забавные нюансы, касающиеся других игроков. Сара Джейн Вудол, фотограф из Вегаса, не подходит под платонический идеал игрока в Jeopardy! — чулки в крупную сетку, мини-юбка, обтягивающая футболочка, копна волос и жевательная резинка во весь рот. Еще интереснее то, что она проходила отбор, как выяснилось из нашего разговора, всего месяц назад. Я ждал девять месяцев, а Саре Джейн позвонили меньше чем через две недели.

Чем с большим количеством участников я общаюсь, тем чаще замечая закономерность. Многие женщины приглашаются на игру всего через несколько недель после тестирования. Большинство мужчин, напротив, ждут своего часа от полугода до года. Предполагаю, что организаторы Jeopardy! хотели бы, чтобы, по возможности, в каждой игре была хотя бы одна женщина, однако гендерное соотношение на отборах делает соблюдение такой пропорции проблематичным. В пуле претендентов всегда ощущается нехватка среди представительниц прекрасного пола.

Jeopardy! не привыкать к хитростям гендерной политики. В своих откровениях 1993 года обозленный экс-продюсер Гарри Айзенберг обвинил авторов программы в неравномерной расстановке аукционов и выборе вопросов финалов в пользу тем, ориентированных скорее на женщин. Непосредственно перед игрой аукцион из «Научной фантастики» переползал в «Национальные парки», «Майкл Джордан» заменялся «Михаилом Барышниковым» и — мой любимый пример — вместо «Аэропортов» темой финального раунда оказывалась «Алиса Токлас»^[38]. Примеры, которые приводил Айзенберг, убийственно конкретны, однако Jeopardy! громко оспаривала выдвинутые

обвинения, и из второго издания его книги они загадочным образом исчезли.

Примечательно, что, согласно моим наблюдениям, Jeopardy! по-прежнему следует своей политике, поощряя «женский» уклон в общей массе вопросов. На каждую спортивную или «пивную» категорию обязательно есть «общечеловеческая» тема про кулинарию, моду или мыльные оперы. Наука, как я понимаю, согласно стереотипу, традиционно относится к «мужским» темам. И она настолько плохо представлена в Jeopardy!, что складывается впечатление, будто научные вопросы проходят цензуру комитета образования штата Канзас, который недавно прославился отменой обязательного преподавания теории эволюции в школе.

Хотя Беверли Хертер, с которой я играю через неделю, считает, что вопросы в Jeopardy! как раньше, так и сейчас дают игровое преимущество мужчинам. «Крен в мужскую сторону легко объясним — вопросы-то пишут в основном именно мужчины», — объясняет она мне по интернету после нашей игры. Она называет проблемным широкий тематический диапазон — от военной истории до космоса, поскольку такие темы дают фору сильному полу. «Как мать двоих детей, мальчика и девочки, и как человек, который два раза в неделю занимается общественной работой в их школе, я могу безо всяких сомнений заявить, что мальчики больше увлекаются некоторыми областями, например исследованием космоса или историей авиации, чем девочки».

Я с ней не согласен. Большинство вопросов Jeopardy! кажутся мне гендерно нейтральными, поскольку проверяют знание самых обычных фактов о том мире, в котором живем мы все — как мужчины, так и женщины. Место с самыми высокими в мире приливами⁵ не меняется, «Ярмарка тщеславия»⁶ принадлежит перу одного и того же автора, и год принятия Великой хартии вольностей⁷ остается прежним вне зависимости от наличия или отсутствия у вас Y-хромосомы. Специфические темы, дающие мужчинам некоторое преимущество, изредка попадают, но мне кажется, они не превалируют настолько, чтобы обвинять Jeopardy! в ущемлении по половому признаку. Что же тогда приводит к неравенству?

В конце концов, такая ситуация типична не только для Jeopardy!. Женщины недопредставлены почти во всех квизах — от Кубка по викторинам до развлекательных игр в пабах. Подобный дисбаланс можно наблюдать и во многих других интеллектуальных играх — в шахматах и турнирах по скреблу, математических турнирах и турнирах по кроссвордингу — везде доминируют и занимают призовые места мужчины.

У каждого может быть свое объяснение такого положения вещей. В Северо-Западном государственном университете Луизианы, где проводятся соревнования между кампусами по Trivial Pursuit, я встретился с президентом студенческого общества Минди Макконел. Да, родители назвали бедняжку в честь героини популярного в 1970-х телесериала⁸. Она тоже обратила внимание на гендерное неравенство, когда играла в Trivial Pursuit с однокурсниками. «Думаю, что мужчины просто более сильны в тривии, чем женщины, вот и все», — таково ее простое объяснение, высказанное с неповторимым нью-орлеанским акцентом.

Немногие из моих собеседников готовы согласиться с утверждением, что мужчины биологически лучше приспособлены к тривии. Эмили Пайк, бывший капитан команды Кубка по викторинам из Карлтона, считает, что к старшим курсам девушки отходят от тривии по социальным соображениям. «Девочки в этом возрасте больше, чем молодые люди, заботятся о том, как их увлечения выглядят со стороны. Они понимают, что участие в одних мероприятиях с гиками и ботаниками будет пятном на их репутации. Это относится, в частности, к Кубку по викторине». Другие игроки-женщины говорили, что от Кубка по викторине их отвратило несоблюдение некоторыми участниками элементарных правил гигиены, непристойные намеки сексуального характера или сложность самого занятия.

Что касается Jeopardy!, то настоящие ее фанаты, сидящие на тематическом интернет-форуме, часто доказывают, что источник гендерного разрыва состоит в специфических элементах телеигры, которые не имеют ничего общего с собственно тривией. В зависимости от того, кого именно вы спросите, на первое место могут поставить

скоростные качества на кнопке, правильный расчет ставок, удачные догадки, основанные на знаниях, то есть те умения, в которых превосходство по умолчанию на стороне мужчин.

Согласно моей версии, в соревнованиях по тривии женщины скорее уступают в части «соревнований», чем собственно в «тривии». Исследователи, изучающие гендерное неравенство в математике и других науках, отмечают, что мужчины быстрее учатся в условиях конкуренции, тогда как женщины добиваются лучших результатов, работая сообща, то есть предпочитают коллективистский стиль в обучении. У мужчин достижение успехов в тривии активизирует мачо-фактор. Возвращенная таким путем уверенность, характерная для самцов с тягой к фаллометрии, призвана деморализовать противника превосходством собственных знаний. *Кий-я-а-а!* Женщины, с другой стороны, могут обладать не меньшими знаниями, но не всегда способны или даже не всегда стремятся продемонстрировать свое мастерство так отчаянно, будто это вопрос жизни и смерти.

Брайан Куинн руководит расположенной в Сакраменто компанией The Ultimate Game Show, которая сдает в аренду оборудование для игровых шоу и организует всевозможные викторины на корпоративных вечеринках и тренингах. Он хорошо знает, что такое «синдром боязни тривии». Это когда человек отказывается сделать шаг с риском провалиться, оказавшись в мясорубке викторины, даже на таких облегченных мероприятиях, которые он ведет. Он вспоминает, как на одной из корпоративных вечеринок на озере Тахо случайным образом вытянул имя присутствовавшей дамы, которая наотрез отказалась выйти на сцену даже после обещаний, что вопросы будут легкими и что все участники получают от \$250 до \$2500. После окончания игрового раунда он нашел ее в толпе.

«Вы знали ответы на какие-нибудь вопросы?» — спросил он дружелюбно.

Она ответила, что знала ответы почти на все вопросы всех девяти игровых уровней.

«И вы по-прежнему не жалеете, что отказались сыграть?»

Она объяснила, что была смертельно напугана одной лишь идеей принять участие в игре. «Мне просто физически стало плохо, когда вы

назвали мое имя. Никакая сумма денег не заставила бы меня выйти на сцену».

Брайан соглашается, что, хотя от «синдрома боязни тривии» страдают и мужчины, и женщины, похоже, что именно среди последних этот синдром встречается непропорционально часто. Я видел эту разницу в степени самоуверенности или как минимум ощущении собственной состоятельности на множестве отборов в команду Кубка по викторинам в своем родном университете и на внутриуниверситетских соревнованиях. Юноши, даже если они не были знакомы с игрой, все равно хотели попробовать свои силы. Даже если в результате оказывалось, что они понятия не имели, какой единственный штат США имеет прямоугольный флаг⁹, или не знали более известного названия «Аранжировки в сером и черном № 1»¹⁰, это только мотивировало их на саморазвитие. Напротив, женщины, даже слышавшие об игре, полагали, что это счастье не для них. Если они все же отваживались сыграть, но не знали каких-то ответов, то утверждались в своем скептицизме и не делали повторных попыток. Это досадно, ведь ощущение игровой тусовки в тривии как клуба для мальчиков только усиливало чувство обособленности и одиночества у девочек-участниц.

Думаю, природа обделила меня традиционным мужским преимуществом — хорошей ориентацией в пространстве. Я только что выиграл очередные \$150 тысяч или около того в самой крутой американской телевизионной викторине и при этом с пятью тяжелыми костюмами за плечами блуждаю по парковке компании Sony в поисках машины, которую взял напрокат. Нет, я не умный. Я просто кажусь таким по ящику.

Чтобы быть честным по отношению к себе, приходится признать, что парковка компании Sony представляет собой невероятную топологическую поверхность, как лента Мебиуса или бутылка Клейна^[39]. Вы можете пройти ее снизу доверху и все равно пропустите тот или иной этаж. В итоге я решаю идти «от противного» — сверху вниз и через пять минут нахожу свой «Додж Неон». Мне кажется, я преодолел кротовую нору (пространственно-временной тоннель) или что-то подобное.

Пользоваться мобильными телефонами на площадке строго запрещено, но, усевшись в машину, я сразу звоню Минди с последними новостями. Мы так договорились с самого начала.

«Минди, сегодня у нашей маленькой компании большой прорыв». Это то, что герой Тома Круза говорил героине Рене Зелвеггер в фильме «Джерри Магуайер», и это первое, что я всегда сообщаю Минди после удачного съемочного дня. «В следующий вторник мне снова придется вернуться».

«Придется? — передразнивает она. — Сколько ты выиграл?»

«Я точно не знаю, — честно отвечаю я, нащупывая в кармане пиджака пачку желтых копий призовых квитанций Jeopardy!. — Смогу все посчитать только в самолете».

После разъединения я продолжаю изучать копии квитанций и производить в уме несложные математические расчеты. Восемнадцать побед и что-то около полумиллиона долларов. Еще несколько секунд я сижу в тишине в припаркованной машине, оцепенев и лишь качая головой от потрясения. Приняв решение снова заняться тривией, я и представить себе не мог ничего подобного.

Неожиданно вспомнив, что мне нужно спешить на самолет, я бросаю бумаги на заднее сиденье и лихорадочно копаюсь в карманах пяти пар штанов в поисках ключей от машины.

Ну хорошо, а как теперь выбраться из этого гаража?

ОТВЕТЫ

- 1** Самая южная точка Европы находится на острове недалеко от **Крита**.
- 2** На астероиде Б66–12 жил **Маленький Принц**.
- 3** **Голубой дьявол** — талисман баскетбольной команды Университета Дьюка.
- 4** Уинстон Черчилль сказал любопытным репортерам: «Полагаю, лучшей формулировкой ответа на ваш вопрос будет **без комментариев**».
- 5** **Залив Фанди** между Новой Шотландией и Нью-Брансуиком считается местом с самыми высокими в мире приливами.

- 6 «Ярмарку тщеславия» написал **Уильям Мейкпис Теккерей**.
- 7 **Великая хартия вольностей** была подписана в 1215 году.
- 8 Минди Мак-Коннелл — героиня Пэм Доубер в телесериале **Mork & Mindy**.
- 9 Флаг **Огайо** — единственный непрямоугольный флаг среди штатов США.
- 10 «**Портрет матери Уистлера**» — так чаще называют картину «Аранжировки в сером и черном № 1».

Глава IX

Что такое превращение?

Бечуаналенд стал Ботсваной. Боб Дилан перешел на электричество. Мыс Канаверал стал мысом Кеннеди (а затем почти сразу снова мысом Канаверал). Испанская актриса Мария Розарио Пилар Мартинез Молина Мокуэре стала зваться Чаро. Дик Сарджент заменил Дика Йорка в телесериале «Зачарованные». Да, 1960-е годы стали удивительным временем, предвещавшим потрясения и сдвиги. Тривия тоже не осталась островком стабильности в этом море перемен.

Представление о том, что отвечать на вопросы, проверяющие общую эрудицию и кругозор, может быть весело, существовало к тому моменту уже лет 40. Однако феномена тривии как такового все еще не существовало. Никто не использовал термин «тривия» для описания развлекательных викторин.

Игрой в вопросы и ответы можно было заниматься наедине со специально написанными для этого книгами или наблюдать за ботаниками в очках с роговой оправой из Лиги плюща, которые делали это в телеэфире. Игры в тривию в Америке не было.

Все изменилось в 1965 году. Дан Карлинский и Эд Гудголд впервые встретились осенью 1962 года в первую неделю учебы в Колумбийском университете, куда они оба только что поступили. Весь первый курс они занимались сочинением юмористических заметок для студенческой газеты *The Spectator*, в которой Эд был редактором рубрики.

Эд вырос в Бруклине, куда его родители переехали, когда мальчику исполнилось шесть лет. Чтобы перестать быть аутсайдером, он учил английский, слушая радио и смотря телепередачи. Его учителями стали Тень, капитан Видео и Хопалонг Кэссиди^[40]. «Я плоть от плоти американской культуры», — говорит мне Эд. Я нашел его 40 лет спустя в должности замдекана педагогического факультета Университета штата Нью-Йорк.

Американская поп-культура, сформировавшая интересы Эда в юные годы, была изучена им досконально. Вернувшись из школы, он и

его друзья проводили летние вечера, сидя на веранде и вспоминая радио-, теле- и киногероев, персонажей комиксов и спортивных кумиров того времени. Помнишь Харди Бойза, а Бастера Брауна, а Зеленого Шершня? А помнишь Дэви Крокетта? А Уильяма «Сток сена» Калхуна? Со временем ребята придумали разновидность игры в слова по мотивам своих детских ностальгических воспоминаний. «Как звали эксцентричного изобретателя из Дакбурга в серии комиксов про дядюшку Скруджа?»¹ «Да, и еще! Где жил Паладин в сериале *Have Gun — Will Travel?*»²

Дан Карлинский, друг Эда, в настоящее время писатель, литературный агент и независимый журналист, вспоминает, что в Колумбийском университете они продолжили играть в эту игру. Студенты собирались в комнате Герига, холле в кампусе, на стене которого висел огромный портрет Лу Герига по прозвищу «Железный конь» (выпускника университета), и всю «ностальгировали» с помощью вопросов. Игра стала пользоваться такой популярностью, что в феврале 1965 года Эд Гудголд написал про нее в своей колонке в *Spectator*, выбрав для нового явления название «тривия», и предложил проводить в Колумбийском университете официальные соревнования по этой забаве.

Читатели отреагировали немедленно и с энтузиазмом. «Стало ясно, что похожий детский опыт был не только у меня, — понял Эд. — Оказалось, что мое увлечение разделяло множество моих ровесников. Оно так быстро распространилось потому, что ему никого не надо было обучать. Они и без меня этим занимались — просто никогда не классифицировали свое увлечение как отдельное явление и не фиксировали правил».

Недостатка в заявках на участие в первом конкурсе по тривии, который Дэн и Эд провели весной 1965 года, не было. В огромном зале Ferris Vouth яблоку было негде упасть, люди стояли в дверях. Формат был позаимствован из телевизионного G. E. College Bowl. Командам из нескольких игроков задавали вопросы о вещах, которые они впитали с молоком матери, — старых радио-, телепрограммах и комиксах.

Предприимчивые Карлинский и Гудголд написали о соревновании в *Spectator*, разогревая аппетит «колумбийцев» для организации еще

более масштабного мероприятия — «Первого ежегодного турнира по тривии между Лигой плюща и Семью сестрами»^[41].

Это и последовавшее в 1967 году соревнование между колледжами проводилось в самых больших аудиториях Колумбийского университета и привлекли около тысячи студентов, готовых продемонстрировать свои энциклопедические познания в биографиях Бесстрашного Фосдика, Ма и Па Кеттл, а также лошади Дейл Эванс³. Эти грандиозные турниры приказали долго жить, как только Дэн и Эд получили дипломы, но за время своего недолгого существования они изменили отношение людей к викторинам. Вопросы были скорее простыми и веселыми, чем академичными. Призом служила большая зеленая миска, купленная в супермаркете Woolworth за 49 центов, а вместо могильной тиши библиотек, традиционно сопровождавшей викторины, участников развлекали музыкальными аранжировками, заставками телепередач и рекламными джинглами в стиле ду-вап, которые исполняла группа King's Men, чисто мужской вокальный коллектив Колумбийского университета. «There he goes, / Think of all the crap he knows», — пели King's Men, пародируя музыкальное приветствие победителей конкурса модных показов American fashion.

По словам Карлинского, King's Men никогда до этого не пели ду-вап. «Мы попросили их исполнить композицию Little Darling группы Diamonds, так что они вышли и спели песню, как будто со старой пластинки в 45 оборотов». Ретростиль группе так понравился, что вскоре стал доминировать в их творчестве. Чтобы группу не путали с Kingsmen, которые записали знаменитый хит 1964 года⁴, ребята решили назвать себя Sha Na Na, но не знали, что делать дальше, поэтому попросили Эда Гудголда стать их менеджером. «Никого ближе к миру шоу-бизнеса они просто не знали», — объясняет Эд, который к тому времени уже прославился как изобретатель тривии и главный гуру игры. Sha Na Na отправились покорять Вудсток и предвосхитили ностальгический бум музыки 1950-х в следующем десятилетии. Возможно, мы бы никогда не узнали таких песен, как Grease, American Graffiti, Crocodile Rock или Happy Days, если бы не Sha Na Na. И мы никогда не узнали бы о Sha Na Na, если бы не тривия.

К счастью, популярность среди мальчиков из хороших семей, притворяющихся шпаной, чтобы казаться круче, не была единственным достижением Эда и Дэна. Заметку о первом турнире опубликовало агентство Associated Press, и новость разошлась по всей стране. «Об этом узнали ребята из других университетов, тривия стала распространяться, и мы начали получать звонки из университетских кампусов», — рассказывает мне Дэн. В 1968 году соревнование скопировали в Университете штата Колорадо, назвав его Кубком по Тривии. Он существует по сей день. Большую часть 1970-х и в 1980-е годы турнир де-факто носил статус национального чемпионата для фанатов, которые готовы были ехать в город Боулдер с обоих побережий только для того, чтобы поиграть в тривию.

В результате студенческого увлечения Дэну пришла в голову идея написания собственной книги тривии. После получения аванса от издательства Dell Publishing Дэн и Эд попросили своих научных руководителей продлить сроки сдачи курсовых и засуетились в поисках достаточного количества тривии, чтобы хватило хотя бы на тонкую книжечку. «Тривия» и последовавшая за ней «Еще более нетривиальная тривия» взорвали рынок. Было продано около полумиллиона экземпляров обеих книг. Той осенью, когда Дэн назвал тривию третьим по популярности американским видом досуга, он не очень сильно лукавил. Даже журнал Time посвятил статью чемпионату Лиги плюща по тривии 1967 года.

Тривия действительно стала национальным увлечением. «Свою самую большую ошибку мы допустили в телевизионном эфире, — вспоминает Эд. — Нам казалось, что мы придумали прекрасный вопрос: Как звали графа Дракулу?»⁵ Проблема состояла в том, что ответа на него они не знали и зарылись в каталоги университетской библиотеки. «Мы пролистали книги по истории Румынии и решили, что искомое имя Voivode». Через некоторое время они смотрели по телевизору вечернее шоу, в котором ведущий Джонни Карсон и Вуди Аллен обсуждали причуды тривии, и Вуди, которому, видимо, случайно запомнился вопрос Дэна и Эда, спросил у Джонни про имя Дракулы. «А спустя еще две недели мы обнаружили, что Voivode — это титул, аналог западноевропейского графа».

«Ностальгическая» тривия распространилась так далеко и так быстро, что стало ясно — Дэн и Эд поймали некую волну общественных настроений середины 1960-х. Самое интересное в этом феномене для меня состоит в том, что первыми новое увлечение захватило не тоскующих по своей молодости зануд средних лет во фланелевых сюртуках, перебирающих в кладовке желтеющие бейсбольные карточки и игрушечные диски-дешифровщики. Напротив, вместо них из всех возможных типов людей жертвами стали студенты университетов, ностальгирующие по временам своего невинного детства.

«Мы были подростками, — говорит Эд Гудголд. — Поэтому, когда вы оживляете в памяти события и факты из своего детства, нам не приходится погружаться слишком глубоко».

«Возможно, предпосылки явления нужно искать в ускорении темпов жизни во второй половине XX века, когда все стало происходить и меняться очень быстро», — предполагает Дэн. То есть тривия — эдакий своеобразный «Инвайт» в прошлое: «Просто добавь воды!»

Мне все-таки кажется странным, что кампусы 1960-х годов, вскоре ставшие колыбелью студенческих волнений, в перерыве между разжиганием костров из призывных свидетельств с удовольствием погружались в старые добрые времена моды на мужские стрижки «под ежик», как в сериалах про Оззи и Харриет и про Одинокого Рейнджера. «Не кажется ли вам, что в атмосфере бурных изменений людей охватила тоска по прошлым спокойным и понятным временам?» — спрашиваю я.

Дэн и Эд отменяют это объяснение. «Людям просто нравилось погружаться в пору собственного детства. Конкретная эпоха Эйзенхауэра здесь ни при чем», — говорит Дэн. Все же меня продолжает мучить этот вопрос. Невинные черно-белые приключения Флэша Гордона и Джо Фрайди должны были казаться крайне трогательными расставшемуся со множеством иллюзий наблюдателю из тяжелого 1967 года.

Еще одним человеком, поучаствовавшим в закладывании основ бренда «тривии» Гудголда и Карлинского, была писательница Сьюзан Зонтаг. В 1964 году она преподавала на факультете религиоведения

Колумбийского университета. Тогда же вышло в свет ее знаменитое эссе «Заметки о Кэмпе», введившее в научный оборот изучение вульгарности и трэша как средства художественной выразительности в поп-культуре. Написала она, в частности, следующее: «У обидчивой высокой культуры нет монополии на утонченность... Человек, настаивающий на возвышенных и серьезных удовольствиях, на самом деле лишает себя удовольствий». Безусловно, нельзя считать простым совпадением, что спустя несколько месяцев два студента-«колумбийца» продемонстрировали новую игру-викторину, в которой впервые знание Сида Сизара ценилось выше знания Юлия Цезаря, а знание доктора Килдара — выше, чем доктора Фауста.

Фактически признание идеи того, что викторина может проверять «поп-знания» наряду с академическими, — главный результат деятельности и главный вклад Эда и Дэна в концепцию тривии. Они спасли тривию от изоляции в гетто телевизионных шоу, открыв ей двери в студенческие общаги, соседние кабаки и парикмахерские, то есть во все места, где можно посидеть в компании, поспорить и сделать ставки. В первый раз удовольствие от тривии могли получить люди, живущие нормальной жизнью простых американцев. Больше не нужно было знать имен бельгийских королей, или название единственной оперы Бетховена⁶, или минерал, являющийся самым мягким по шкале Мооса⁷.

Гудголд и Карлинский настаивали на том, чтобы все вопросы тривии строились на «ностальгическом» материале. В противном случае они были бы лишь набором «малоизвестных фактов», как их пренебрежительно называет Эд. Ностальгия подсадила на крючок такое количество людей, что позволила «тривии как концепту» надолго пережить «тривию как студенческую забаву». Когда Trivial Pursuit спровоцировала следующий бум тривии в 1983 году, одним из первых «аддонов» к игре стал набор карточек с ностальгическими вопросами в стиле Карлинского-Гудголда. Даже цитата из Александра Поупа на старых коробках Trivial Pursuit (первые строки комической поэмы о девушке по имени Белинда и ее волосах⁸) отдавала дань уважения Эду и Дэну, которые использовали ту же цитату в эпиграфе для своей книги «Еще более нетривиальная тривия».

Любовь, подчас внушающую страх,
Опаснейшую даже в пустяках...^[42]
*(What dire offence from am'rous causes springs!
What mighty contests rise from trivial things!)*

Тривия сегодняшнего дня — Jeopardy!, игры в барах и более поздние релизы по мотивам Trivial Pursuit — по-прежнему отводят значительную часть вопросов под ностальгическую тематику. Эпохи при этом могут варьироваться. Не важно, к каким возрастным категориям ностальгирующих апеллируют создатели игр — к поклонникам передачи Mickey Mouse Club, сериала The Breakfast Club или песни рэпера 50 Cent In Da Club, — удовольствие остается таким же. Выкапывать из глубин памяти факты гораздо веселее, когда эти факты сопряжены с приятными личными воспоминаниями.

«Когда мы начинали, — говорит Эд, — я задавал вопросы про сериал Sergeant Preston of the Yukon. Но изюминка тут не просто в величайшем и удивительном псе по кличке Король Юкона и не в завершающей каждую серию после поимки очередного злодея фирменной фразе: “Ну, что, Король, это дело закрыто!”, изюминка вообще не в вопросе, а в тех обстоятельствах, которые тебя окружали, когда ты впервые узнал ответ на этот вопрос. Я вспоминаю, как ребенком в доме моих родителей я ел гороховый суп, и то, какой аромат он издавал, и ощущение наступающего вечера. Думаю, что это очень мощная штука».

«В этом главная разница между вопросами моего типа и вопросами вроде: “Жители какого штата потребляют больше всего желатиновых десертов?”⁹ или “Назовите столицу штата Иллинойс”¹⁰. Потенциальное удовольствие от ответа на такие вопросы сильно ограничено. А с ностальгией, знаешь, это как у Марселя Пруста, когда он макал куда-то там печенье и выдавал связанные с этим сто страниц воспоминаний. Такие штуки многократно усиливают воздействие на слушателей. И это то, что мне нравится. Персональные воспоминания, а также чувство товарищества, возникающее между людьми, которые тоже это помнят. Это потрясающее ощущение».

И Дэн, и Эд уверены, что их стиль ностальгической тривии больше никогда не будет объединять «тех, кто помнит» так, как в прежние времена. «Те студенты приезжали со всей страны, и у них могло быть

разное воспитание, разное окружение и разные приоритеты, — говорит Дэн. — Однако все они смотрели одни и те же фильмы. Они слушали одну и ту же поп-музыку. Сегодня это невозможно».

Эд соглашается с ним. «Так происходило в мире, который был гораздо проще, чем нынешний. В том мире у вас было всего три варианта, лучшей иллюстрацией которых служила телепрограмма воскресного вечера. Вы могли выбирать между Эдом Салливаном, Стивом Алленом и Мэвериком. Три телеканала. Три возможных выбора. И чаще всего человек вполне мог охватить их все».

«Что делает нас американцами — это определенно опора на популярную культуру. Она связывает нас друг с другом». Но взрывной рост числа телеканалов, фрагментация жанров и стилей поп-музыки все изменили. «Всего стало так много, что людей мало что объединяет. В результате внутренние культурные силы в обществе заметно ослабли. Те вещи, которые обеспечивали глубинную связь всей нации через общие культурные явления, сегодня ничего не значат. Такой непрочной оказалась соединительная ткань».

«Ностальгия больше не та, что раньше», — добавляет Эд с горькой улыбкой.

Я думаю о словах Эда про «непрочную соединительную ткань» современной жизни во время следующего перелета на съемки Jeopardy!. За последний месяц это уже четвертая поездка по одному и тому же маршруту. Я узнаю всех стюардесс в лицо.

Кроме того, я поднаторел в общении со случайными попутчиками, не объясняя им при этом реальную цель моей поездки в Калифорнию. Кто его знает, вдруг на заднем ряду летят шпионы из телегруппы.

«Да, я в этом месяце летаю в Лос-Анджелес на сезонные работы, — скромно сообщаю я менеджеру среднего звена, сидящему рядом со мной. — А вы чем занимаетесь?»

Он поднимает глаза от своего ноутбука. «У меня назначено несколько встреч с клиентами в Парк-Сити. Я продаю вино».

«Что вы говорите?!» На этом наш разговор мог завершиться. Попытка поговорить с мормоном о вине моментально заводит диалог в тупик. Это все равно что беседовать с блондинкой о футболе. Все мои познания в этой области происходят из темы «Напитки», но там спрашивают в основном про коктейли.

«Да, я работаю в компании Niebaum-Coppola».

«Погодите, это что, винодельческая фирма Фрэнсиса Форда Копполы?» Неожиданно разговор переходит в интересную для меня плоскость. Я, конечно, абсолютно не виноман, зато убежденный киноман, и режиссером нескольких моих любимых фильмов был именно Коппола. Я ничего не знаю про «Пино Нуар», зато могу кусками цитировать «Крестного отца» близко к тексту, если наш полторачасовой полет станет неимоверно скучным.

Я начинаю засыпать его вопросами. Знаком ли он с Фрэнсисом? Что Фрэнсис за человек? Что он сейчас снимает? Видел ли мой попутчик Софию? Талию Шир? Николаса Кейджа?

Торговец вином, сощутив глаза, смотрит на меня оценивающе. «О'кей. Если ты такой фанат Копполы, ответь-ка на вопрос».

В этот момент я понимаю, что должно произойти дальше. Он загадает мне загадку по тривии. От того, справлюсь я с ней или нет, зависит продолжение нашего диалога. Если я отвечу правильно, значит, я true fan (истинный поклонник) и прошел испытание. Я услышу кучу клевых историй и узнаю грязные подробности личной жизни актеров. Если ошибусь, то выставлю себя дилетантом, и на остаток поездки мне придется вежливо заткнуться, довольствуясь самолетным журналом Southwest's fine.

«За что Фрэнсис Форд Коппола получил своего первого “Оскара”?»

К счастью, этот вопрос я уже когда-то слышал. Прикол в том, что первого «Оскара» Коппола получил не за режиссуру.

«Лучший оригинальный сценарий, фильм “Паттон”, 1970 год».

Впечатленный виноторговец кивает. «Очень хорошо. Ты и правда в теме». Вскоре выясняется, что он работает на эту винодельню уже много лет, хорошо знает всю семью и все фильмы Копполы. На оставшееся время полета я погружаюсь в мир анекдотов про Копполу. Полтора часа пролетают быстро.

Я замечаю это снова и снова, хоть, может быть, не так явно, как в тот раз. Повторю мысль Эда Гудголда: во времена, когда все меньше понятий и явлений связывает нас между собой, тривия представляет собой то, что еще может удержать людей рядом друг с другом.

Мы живем в эпоху специализации, когда образование и выбранная профессия загоняют нас в определенную и постоянно сужающуюся

нишу. Люди спрашивают, чем я занимаюсь на работе как программист, но их интерес моментально улетучивается, если я пытаюсь отвечать по существу. Дело не в том, что это ужасно занудное и недоступное для понимания занятие (хотя таковым оно по существу и является), и не в том, что мне чрезвычайно скучно объяснять им его суть. Дело в том, что для понимания хотя бы основных обязанностей программиста нужно освоить полный университетский курс информатики. То же самое справедливо и в обратную сторону, в отношении моих собеседников.

Было время, когда ты знал и понимал, чем зарабатывает на жизнь каждый обитатель твоей улицы. Сосед напротив — водитель автобуса. Рядом живет преподаватель английского, с другой стороны — продавец корма для домашних животных... Теперь же в половине случаев, когда Джонни Гилберт объявляет род занятий игроков Jeopardy!, я понятия не имею, что эта китайская грамота на самом деле, означает. «Аналитик по информационной безопасности из города Фишерс!», «Главный инспектор качества продукции из Бруклина!», «Менеджер-консультант по программным продуктам из Уотертауна!» Все это узкие ниши, в каждой из которых, я уверен, есть своя специальная терминология и набор процедур. При общении может оказаться, что мы говорим на совершенно разных языках.

Как я уже раньше отмечал, тривия по-хорошему не должна была бы называться тривией. Факты из области истории, географии, литературы, кино, музыки — все то, что раньше определялось старым добрым словосочетанием общая эрудиция, — каждый помнил со школы, независимо от профориентации. По мере роста специализации мы потеряли кое-что ценное — материк знания в океане информации, которые доступны всем и каждому. Раньше знание нас связывало — теперь оно нас разделяет.

Поэтому в наши дни, когда два человека понимают, что обладают одним и тем же кусочком информации, между ними возникают теплые, даже товарищеские чувства. И это не удивительно. Если незнакомка в аэропорту сообщает мне, что она из городка Фарго, а я ничего не знаю об этом городке, на этом разговор, скорее всего, и закончится. Но тут на помощь может прийти тривия. Если я вспомню, что величайший игрок «Янкиз» Роджер Марис был родом из Фарго, то смогу спросить,

была ли она в музее Роджера Мариса. Если я вспомню, что на севере Фарго протекает река Рэд-Ривер, можно поинтересоваться, ездила ли она рыбачить на Рэд-Ривер. Да, черт возьми, если я хоть раз смотрел фильм «Фарго», только первый эпизод которого, кстати, происходит в городке Фарго, — уже одно это может растопить лед в отношениях! Людям льстит, если ты знаешь о них хоть что-то — об их профессии, их хобби или их родном городе. Как будто ты специально готовился для встречи с ними.

Меня всегда очень беспокоило, что тривия кажется предметом, разделяющим людей: важничающих «всезнаек» и гордящихся своим профанством «незнаек». Конечно, всегда найдутся те, кто использует тривию как дуэльную шпагу для демонстрации собственного интеллектуального превосходства и нечеловеческой «крутизны». Но тривия может также и соединять людей. Звучит наивно, как слоган из рекламы кока-колы, но, возможно, если бы у нас было больше общих знаний, как раньше, мы бы не имели такого количества коммуникативных неудач — между отдельными людьми, нациями, расами и религиями. Если бы мы больше увлекались тривией, то есть получением чуть большего количества информации обо всем на свете, мы бы узнавали чуть больше друг о друге и таким образом сделали бы дополнительный шаг к достижению взаимопонимания.

И еще одна вещь, которую я начинаю понимать про тривию. Знание множества отличных фактов — дело благодарное. Но оно становится почти бессмысленным, если эти факты не помогают вам узнать еще и множество отличных людей.

Дэн и Эд понимали природу товарищества, которое возникает при выявлении общих знаний. Их турниры по тривии в Колумбийском театре Макмиллина всегда заканчивались одинаково — все участники, как в 1949-м, брались за руки и хором пели Harry Trails. «И если вы думаете, что наблюдать за тысячей чуваков из Лиги плюща, орущих, взявшись за руки, Harry Trails, — это не прикольно, то вы ошибаетесь. Это очень прикольно», — смеется Эд.

Во время короткого расцвета «ностальгической» тривии Эд Гудголд и Дэн Карлинский изменили облик игры в вопросы и ответы. Первый раз викторина стала чем-то большим, чем набор книг или изолированных телебашен из слоновой кости. Вместо этого появилось

целое сообщество, субкультура, образ жизни. Именно этот образ жизни и стал в конце концов называться тривией.

ОТВЕТЫ

- 1 Эксцентричного изобретателя из Дакбурга в серии комиксов про дядюшку Скруджа звали **Винт Разболтайло**.
- 2 Паладин в сериале Have Gun — Will Travel? жил **в отеле «Карлтон» в Сан-Франциско**.
- 3 Лошадь Дейл Эванс звали **Пахта**.
- 4 Знаменитый хит 1964 года группы Kingsmen назывался **Louie Louie**.
- 5 У графа Дракулы нет никакого другого имени, но его наиболее вероятным историческим прототипом является валашский господарь XV века Влад III Дракула. Так что самым близким к правильному ответу будет имя **Влад**.
- 6 **«Фиделио»** — единственная опера Бетховена.
- 7 Самый мягкий минерал по шкале Мооса — это **тальк**.
- 8 Цитата на старых коробках Trivial Pursuit была взята из поэмы Поупа **«Похищение локона»**.
- 9 Жители **Калифорнии** потребляют больше всего желатиновых десертов.
- 10 **Спрингфилд** — столица штата Иллинойс.

Глава X

Что такое познание?

В этой игре мне уже два раза везло, когда выпадали аукционы, точнее, везло вдвойне, поскольку я знал на них правильные ответы. Поэтому когда мне достался и третий, последний аукцион в игре, разрыв был достаточно велик. Счет на моем табло — \$28 тысяч. Билл Картер, смутно напоминающий тренера по фитнесу из клуба Билла Блэнкса, стоит за третьим подиумом и в настоящий момент идет на втором месте, но со значительным отрывом от первого. Аукционов в игре больше не будет, так что опасаться мне нечего, да и тема из разряда моих любимых — «Литературные пары». У меня не так уж много пространства для маневра.

Чаще всего я ставлю на аукционах всего несколько тысяч долларов или около того. По аналогии с покером, игрока, который делает такие ставки, правильно было бы назвать тайтовым. Частично это можно объяснить соображениями стратегии — зачем рисковать своей лидерской позицией, если не обязан этого делать? Но умеренность можно списать и на простую трусость. Я представляю собой тот тип игрока, который начинает дергаться, когда не обнаруживает в казино самого дешевого стола блек-джека с минимальной ставкой в \$1, поэтому мне не нравится идея ставить десятки тысяч долларов на один вопрос тривии, даже учитывая то, что я рискую «шальными деньгами» и имею шанс выиграть гораздо больше, чем проиграю.

Часто я делаю такую ставку, которая в случае правильного ответа даст мне красивый круглый счет на табло. Здесь тоже можно усмотреть элемент стратегии — с круглыми числами проще производить арифметические вычисления. Но в большей мере это просто предрассудок. То же самое я делаю в ресторанах, когда оставляю чаевые, четко соответствующие определенному проценту от суммы счета. Сейчас у меня \$28 000. Я мог бы поставить \$2000, чтобы получить красивый и ровный тридцатник. Но для такой темы это как-то маловато. Какое там следующее круглое число?

«Ставлю \$12 000, Алекс», — слышу я собственный голос.

Это самая большая моя ставка за всю карьеру игрока в Jeopardy! В студии, уже потерявшей было интерес к происходящему, воцаряется удивленная тишина. Алекс зачитывает вопрос, кажется, еще более бесстрастным голосом, чем обычно.

«Заглавие фильма “Вечное сияние чистого разума” взято из поэмы об этих двух средневековых любовниках с несчастливой судьбой».

Меня аж перекосило, язык прилип к верхнему нёбу. Я читаю вопрос по диагонали, пытаюсь заставить свой мозг выдать ответ до того, как Алекс закончит читать его вслух. Но секунды утекают, а ответ все никак не приходит в голову. Я нервно тереблю подбородок. Скоро Алекс потребует дать ответ. Что же я скажу?

Мы с Минди смотрели «Вечное сияние чистого разума» несколько месяцев назад, и фильм нам очень понравился. Я помню, что заглавие представляет собой цитату из Александра Поупа, потому что об этом говорит героиня Кирстен Данст и очень смущается, когда путает автора с папой римским Александром (Pope Alexander). Но я не помню, чтобы в фильме упоминалась поэма, откуда взята эта строка.

Хорошо, попробуем пойти от темы «Литературные пары». Возможно, ответ можно знать откуда-то из литературного источника, а не из кино с Джимом Керри. Писал ли Поуп о каких-то знаменитых любовниках? На ум ничего не идет. Может, поискать подсказку в самой цитате? Сияние? Чистый разум? Очищение памяти? Амнезия? В голове пустота. Может, это меня настигла амнезия?

Так, что у нас с полем поиска, ограниченным формулировкой? Какую мы знаем литературную любовную пару с трагической судьбой? Ромео и Джульетта? Нет, слишком просто для вопроса за \$1600. Какие еще есть заглавные любовники? Антоний и Клеопатра? Троиц и Крессида? Не может такого быть. В теме уже прозвучал вопрос про Розенкранца и Гильденстерна, а это значит, что никакого Шекспира там больше быть не может. Геро и Леандр? Но это Античность, а не Средневековье. Кроме того, кажется, про них писал Марлоу, а не Поуп. Я концентрируюсь на слове «средневековых». Какие у нас есть знаменитые герои средневековых романов? Средневековье. Средние века. Король Артур. Гм... Артур и Гиневра? Ланселот и Гиневра? Их судьбу, безусловно, можно назвать несчастливой. Однако я не помню никого из современников Поупа, кто

бы писал что-то по мотивам артуровского цикла. Интерес к нему возобновился лишь в викторианскую эпоху. Еще из той же оперы могут быть Тристан и Изольда. Хотя такой ответ кажется несколько сложноватым для четвертой категории сложности.

Алекс смотрит на меня внимательно. Весь мой внутренний монолог занял секунд семь-восемь, хотя казалось, что он растянулся на час. «Пусть это будут...» Я начинаю отвечать настолько медленно, насколько возможно, надеюсь, что вот-вот на меня снизойдет вдохновение. Еще одна долгая пауза. На кону \$24 тысячи, это мои полугодовые выплаты за дом по ипотеке или, скажем, стоимость новенькой «Тойоты Камри». А у меня нет даже правдоподобной версии, так что с языка уже готовы сорваться Тристан и Изольда.

Стоп. «Средневековые любовники». Так ведь не говорят о вымышленных персонажах, даже если их придуманная жизнь вписана в эпоху Средневековья? То есть сама структура вопросной фразы подсказывает, что искать нужно, скорее всего, пару реальных личностей, которые жили в эпоху Средневековья. Хорошо. Но что тогда делает эту пару «литературной»? Такое возможно, либо если их история стала популярным поэтическим сюжетом, либо... если один из них писатель.

Что-то перещелкивает у меня в голове, и я чувствую, что хоть ответ пока вне зоны доступа, но я уже на верном пути. Данте и Беатриче. Петрарка и Лаура. Подождите! Я знаю, кто это. Любовные письма, кастрация. И Александр Поуп тоже ложится в эту версию. Как же их звали?

Алекс уже готов засчитать мне поражение за затяжку времени. «Ну, э... Элоиза, — выпаливаю я. — Да, и Абеляр». Пьер Абеляр — это знаменитый французский богослов, который был влюблен в Элоизу, милую одаренную девочку, у которой он был домашним учителем. Она забеременела от него, и, когда ее разгневанный дядя это обнаружил, Абеляр, повинувшись жестокому обычаю того времени, оскопил себя.

«Верно!» — говорит Алекс, к моему великому облегчению. Только теперь я сознаю, что задерживал дыхание целых 25 секунд, и с силой выпускаю воздух.

Вечером по дороге в отель я еще раз прокручиваю в голове этот аукцион. Вопрос нельзя отнести к категории, которую я называю

«Головоломкой», как те вопросы финального раунда, которые требуют инсайта. Но как минимум для меня это не был и вопрос из разряда «Табулетка» (либо вы знаете сам факт, либо у вас нет шансов взять вопрос), чему свидетельство та внутренняя агония, в которую я впал, прежде чем родить правильный ответ. Это был настоящий тяжелый мозговой штурм.

Я всегда скептически относился к мнению, что мастерство в тривии эквивалентно уму. Вряд ли найдется человек, который любит тривию больше меня, но представление о том, что запоминание большого количества фактов — синоним высоких интеллектуальных способностей, на мой взгляд, не соответствует действительности. Обладание большим числом знаний может означать, что вы просто интересуетесь определенной областью знаний, или что у вас много свободного времени, или хорошая память, кроме того, вы можете страдать неврозом навязчивых состояний (OCD) или аутизмом. Это совершенно не означает, что вы гений, достойный нобелевки за избавление человечества от рака, голода или изобретение тележек с бесшумными колесами для супермаркетов.

Когда я спрашиваю бывшего чемпиона Jeopardy! и Кубка по викторине Крейга Баркера про связь между тривией и развитыми мозгами, он тоже выказывает скепсис. «Если ты великий игрок Кубка по викторине, это доказывает только то, что ты великий игрок Кубка по викторине, и абсолютно не говорит о том, что ты умнее других». Я вспоминаю теорию Роба Хентцеля о «синдроме Кубка по викторинам», когда мастерское владение тривией отталкивает человека от реальных интеллектуальных свершений вместо того, чтобы помогать ему в них.

Психометристы — эксперты по оценке психологических состояний, измеряя умственные способности, подразделяют их на две категории. Первая — это врожденная способность человека к обучению и установлению причинно-следственных связей. Вторая — приобретенные знания. Они именуют эти два фактора «текучим g» и «кристаллизованным g». По звучанию похоже на названия каких-то амфетаминов. Возможно, это сделано для того, чтобы их психометрические выкладки казались круче и действеннее. За способность человека посмотреть на газетную полосу и запомнить список южноамериканских столиц отвечает текущее g. Но когда эти

столицы занимают свое постоянное место в чьей-то голове, они становятся частью кристаллизованного г.

Я всегда был убежден, что тривия представляет собой не что иное, как кристаллизованное знание. Факты расставлены где-то на пыльных полках вашей головы. По команде вы вытаскиваете их из тайного хранилища, где они свалены рядом с искусственной рождественской елью, коллекцией старого оружия и сломанной скрипкой. Этот процесс выглядит так прозаично, что, кажется, настоящая работа интеллекта происходит где-то совсем в другом месте. Однако история с вопросом про Абеяра и Элоизу показала мне, что тривия зачастую требует комплексного взаимодействия обеих категорий — и текучего ума, и кристаллизованного знания. Я начал с перебора кристаллизованных фактов. Цитата из диалога с Кирстен Данст, поверхностные знания об Александре Поупе, смутные воспоминания о средневековой литературе — все это стало лишь хвостом, который понадобилось бросить в топку текучего г для активизации процесса решения задачи. Кроме того, мне понадобился набор так называемых метазнаний, основанных на правилах и традициях игры. Какие ответы в принципе могут быть в этой теме? Какие кажутся слишком простыми или слишком сложными для заявленного уровня сложности? Какие из слов являются ключевыми и содержат в себе подсказки, а какие лишь отвлекают? Не последнюю роль здесь играет и подсознание — какой ответ из всех имеющихся вариантов интуитивно кажется самым правильным?

Другими словами, не каждый вопрос тривии представляет собой очевидный случай, простой акт выдачи заученной информации, похожий на повторение таблицы умножения. Интеллектуальная полоса препятствий, которую я преодолел, чтобы добраться до «Абеяра и Элоизы», была в самом деле больше похожа на решение головоломки или вариант IQ-теста. Раскручивая во все стороны вопрос аукциона, я и правда чувствовал знакомую по тестам IQ головную боль. Будто пытаешься поворачивать по отдельности шесть квадратов в своем воображении, чтобы представить, куда будут смотреть нарисованные лица на итоговой картинке, или производишь в голове десятки математических операций, чтобы понять принцип предложенной

последовательности чисел и отгадать, какое число будет следующим в ряду.

Это небольшое открытие поражает меня до глубины души. Если разгадывание тривии рождает те же ощущения, что и решение тестов на коэффициент интеллекта (и это происходит в голове у человека, который получает свое извращенное удовольствие от обоих занятий), может ли такое означать, что все это время я ошибался? Может быть, все-таки успехи в тривии соотносятся с общим интеллектом?

Рядовой зритель Jeopardy!, вероятно, удивится, что я вообще задаюсь этим вопросом. Конечно, человеку с улицы игроки в Jeopardy! кажутся умными. Умный и Jeopardy! — это практически синонимы. Большинство зрителей, скорее всего, не удивились бы, загляни они в словарь, обнаружить там следующее определение слова «умный»: «Ботаник в свитере, стоящий за светящимся голубым подиумом и жмуций на кнопку». Конец истории.

Даже такое светило, как Томас Эдисон, согласился бы с этим. В первые годы XX столетия, за несколько десятилетий до того как Ask Me Another вызвала первый бум тривии национального масштаба, Эдисон заставлял всех претендентов на работу у него в компании проходить тест из 150 вопросов тривии. Опросник был настолько сложным, что испытание проходили только 10 % соискателей. Обескураженный такими результатами Эдисон на страницах «Нью-Йорк Таймс» назвал выпускников американских университетов «весьма невежественными». Последовала очень бурная реакция общественности. Редакторы газет рвали и металы, объясняя, как опасно и чудовищно ставить на одну доску интеллект и широкую эрудицию. Особенное ликование поднялось после того, как этот тест попросили пройти Альберта Эйнштейна и он его благополучно провалил. Эдисон продолжал сердито настаивать, что его вопросы «чрезвычайно просты» и призваны выявить «живость ума, наблюдательность, интерес к жизни и окружающему миру». Он хотел, чтобы рабочие его фабрики знали, в какой стране, помимо Австралии, водятся кенгуру¹, где родился Наполеон² и какая кислота составляет основу уксуса³. К сожалению, это примеры самых легких вопросов теста. От соискателей же требовалось знание и таких «чрезвычайно

простых» вещей, как вольтаж уличных электромобилей, численность населения Японии, вес воздуха в комнате размером 30 × 20 × 10 метров и местность, где растет больше всего слив.

Великий и ужасный владелец Менло-Парка пошел еще дальше. Он модифицировал тесты для мастеров разных специальностей. Краснодеревщикам задавали вопрос: «Кто был римским императором, когда родился Иисус Христос?»⁴ Каменотесов спрашивали: «Кто убил Авраама Линкольна?»⁵ Плотники должны были знать, «какие ингредиенты входят в состав коктейля “Мартини”»⁶. Рекомендую вам позадавать эти вопросы, когда будете в очередной раз вызывать сантехника или электрика. Боюсь, что если и добьетесь успеха, то только в случае с «Мартини».

Мысль о том, что успешные в тривии люди обязательно должны быть умны, нашла понимание даже у американского правительства — да-да, того самого правительства, которое в фильме «Чудо на 34-й улице» поручалось за то, что Санта-Клаус существует на самом деле. Это вам не какой-нибудь удостоверяющий штамп Почты США, но сам Госдепартамент. Одна из самых ответственных государственных должностей (не беря в расчет тот факт, что «ответственная государственная должность» — это оксюморон) — работа на дипломатической службе Соединенных Штатов послом, консулом или любым другим штатным сотрудником посольства, внешнего аналитического департамента, в общем, представление национальных интересов в мире. Это тяжкая ноша. И как же, по вашему мнению, правительство заполняет вакансии на эти должности? Представьте себе — с помощью тривия-теста!

Они называют это проверкой «рабочей компетентности». Впервые я услышал об этом тесте от отца Минди, дипломата с огромным стажем, который в бытность свою служащим торгового департамента даже администрировал этот самый тест в рамках своих трудовых обязанностей. «О! Это самый настоящий тривия-тест, — говорит он, глядя на меня по обыкновению слегка рассеянным взглядом как-то вечером после ужина. — На все 100 % готовый материал для Jeopardy! Тебе надо обязательно пройти его. Ты наверняка отлично справишься!»

Я заказываю учебное пособие. Действительно, основная масса теста оказывается серией вопросов на общую эрудицию в области истории, географии и культуры, как американской, так и международной. Поскольку дипломатам приходится и представлять Америку во всем мире, и составлять доклады о международных делах для внутренних нужд, то, полагаю, разумно ожидать от них подкованности в обеих сферах. И все же мне кажется несколько странным ставить кадровый состав нашего иностранного ведомства в прямую зависимость от того, кто из любителей тривии в нужный момент знал, как называются пастбища в Аргентине⁷ или какой джазовый саксофонист положил начало стилю бибоп в то время, когда играл в ансамбле Диззи Гиллеспи⁸.

Одним из образцов успешно выходящего по сей день издания, ловко использующего разницу между понятиями «умный» и «находчивый в тривии», является журнал **menthal_floss**. Нестандартно сделанный, он содержит россыпи небольших фактоидов с 2000 года, когда младшекурсники Университета Дюка Уилл Персон и Мангеш Хаттикудур вместе с еще несколькими приятелями начали издавать тонкую студенческую газету с этим же названием. Своей главной миссией как тогда, так и сейчас они считают задачу сделать обучение веселым. Вместо выжимки из сухих фактов журнал приправляет тривию изрядной долей юмора или оригинальными историями, для того чтобы аудитория с большей охотой и удовольствием ее проглатывала.

У них не было опыта запуска журнала — Уилл специализировался в истории, Мангеш изучал антропологию, — но их информационный бюллетень оказался достаточно успешным, чтобы занять собственную нишу. Они совмещали учебу с работой и пахали летом, для того чтобы скопить денег на издание нескольких первых выпусков. Похоже на сюжет одного из мюзиклов звездного дуэта Микки Руни и Джуди Гарленд. («Дети, мы можем поставить наш журнал прямо здесь!») Мангеш работал официантом в ресторане. Уилл — нянькой. Сколотив на двоих \$20 тысяч и позаимствовав название у труппы актеров-импровизаторов из Онтарио, они запустили в 2001 году **menthal_floss**, первый же выпуск которого разошелся тиражом в 6500 экземпляров.

Крупный издательский дом, такой как Conde Nast, никогда не позволит себе запустить журнал, у которого нет потенциальной аудитории в сотни тысяч читателей, и потеряет миллионы на изданиях с дешевой подпиской, которые сформируют свою читательскую базу и привлекут рекламодателей. Шансы на успех у любого нового журнала ниже, чем у нового ресторана. Добрых 80 % журналов не доживает до своего четвертого дня рождения. И тем не менее спустя четыре года после запуска **menthal_floss** жив и здоров, выходит раз в два месяца, имеет 35 тысяч подписчиков и тираж в 90 тысяч экземпляров.

Взрыв популярности **menthal_floss** пришелся на 2003 год, когда один из номеров засветился на кофейном столике персонажей в эпизоде сериала «Друзья». (Фанат журнала Дэвид Аркетт дал почитать экземпляр своей жене Кортни Кокс.) Но настоящий успех надо отнести на счет трех «тайных оружий» журнала. Первое — это формат. Создатели **menthal_floss** пессимистично, но точно оценили, насколько рассеянно внимание современного американского читателя. «Мы попадаем в руки занятому профессионалу, у которого может быть всего 10–15 минут свободного времени в день», — говорит мне Уилл. История, которой может быть посвящена утомительная десятистраничная статья в официальном журнале Смитсоновского института, становится единичным фактоидом или короткой позицией в списке. Факт! В горах Гватемалы расположены 33 вулкана! Факт! Летучие мыши вампиры делятся друг с другом кровью посредством «поцелуя» рот в рот. В без того коротких аннотациях к материалам суть дополнительно выделяется желтым цветом для самых нетерпеливых. Высокоразвитые и примитивные культуры иногда неотличимы друг от друга. Готов биться об заклад, вы не знаете, что в одном из малоизвестных диалектов майя есть буква N, над которой рисуется умляут. Такая, как в названии пародийной метал-группы Serial Tar. Спорим, вы ничего не слышали про подвиг Граучо Маркса, который выучил отрывки из поэмы «Бесплодная земля», чтобы, пригласив на ужин Т. С. Элиота, цитировать их наизусть? В результате получился журнал, на который невероятно легко и приятно потратить 90 секунд, сидя в туалете или в очереди к зубному врачу. Он напоминает нам, что тривия может являть собой то же, что и фильм в

известном изречении Хичкока: «Жизнь, с которой вывели пятна скуки».

Кроме прочего, журналу **menthal_floss** повезло с удивительной деловой хваткой и находчивостью его основателей. Если пять лет тому назад Уилл Персон был желторотым юнцом, смотревшим на жизнь широко раскрытыми глазами, то сейчас он чрезвычайно занятой топ-менеджер. На протяжении нашего короткого разговора он по полдюжины раз произносит ключевые для **menthal_floss** слова-маячки, такие как «занимательный» и «фактоид». Уилл на пути к тому, чтобы превратить журнал во флагман целой медиаимперии, включающей издание популярного справочника, настольной игры, еженедельную авторскую рубрику «Говорящая тривия» в программе *Headline News* на CNN. Канал *Discovery* также ведет работу над отдельным телепроектом. **Menthal_floss** имеет все шансы стать самым успешным медийным проектом, основанным на тривии, со времен «Хотите верить, хотите нет!» мистера Рипли.

Мне удастся изловить Уилла в Филадельфии. Он приехал туда на переговоры с компанией, которая хочет выпустить комплект игровых карточек **menthal_floss**, что-то вроде «Набора для гения» или «Шпаргалки для коктейльной вечеринки». Эта маркетинговая идея высвечивает третий и самый интересный алмаз в короне **menthal_floss**. Журнал подспудно обещает своему читателю, что десятимегабитная полезная тривия-нагрузка каждого номера призвана не только развлечь — она позволяет повысить самооценку. «Почувствуй себя умным!» — призывает каждая обложка. Учитывая эту скрытую цель, каждая статья каждого номера представляет собой пересказ «...в кратком изложении» на манер изданий «Все великие романы...», «Все великие симфонии...» или любые другие произведения искусства. Описание достопримечательностей экзотических стран позволит вам не ударить в грязь лицом, когда очередной родственник будет трясти перед вами снимками, привезенными из отпуска.

«Мы не хотели стать очередным журналом, в котором вся информация так или иначе касается популярной культуры. Мы ставили себе задачу охватить все темы, все вещи, которые люди, по их собственному мнению, должны были бы знать со школы», — объясняет Уилл, и это «должны были бы знать» говорит о многом. В

наш век информационного бума мы все чувствуем себя вопиюще невежественными в большинстве известных нам предметных областей. Интеллектуальная фабрика **menthal_floss** видит в тривии то же, что и я, — лекарство от современной сверхспециализации человека, попытку вернуть себе то универсальное сознание, которым так славились в прошлом люди эпохи Возрождения. Они продают не просто приятное времяпрепровождение в часы утомительных переездов. Они продают широкий кругозор, универсальную эрудицию. Или, по меньшей мере, иллюзию их наличия во время бесед с окружающими.

Прав ли **menthal_floss**? Является ли тривия некой полезной всем и каждому субстанцией, которую можно включать в универсальную диету в качестве витаминов наряду с рыбьим жиром и бетакаротином или во врачебный рецепт — принимать три раза в день после еды?

Не уверен. Однако можно сказать точно, что тривия позволяет сделать ум более гибким. Знаменитое исследование образа жизни монахинь, проводимое Национальным институтом изучения старения, показало, что интеллектуальная активность на склоне лет позволяет серьезно снизить риск болезни Альцгеймера и старческого слабоумия. Большинство подобных исследований имеют дело с такими занятиями, как чтение, разгадывание кроссвордов или игра в настольные и карточные игры. Занятие тривией задействует те же мозговые центры, что и все вышеперечисленное.

Однако в отличие от игры в пинокль или от любого популярного издания для решения кроссвордов, тривия зачастую предлагает контент, далекий от тривиальности. Посмотрите на тест Эдисона или тест Госдепартамента США. Знание обстоятельств убийства Линкольна или географии Южной Америки не «тривиально» в том смысле, в котором «тривиально» знание фамилии куклы Барби⁹ или того, какой персонаж был выведен из сериала «Семейка Брэди» в последнем эпизоде¹⁰. Пока я стоял за игровым столом в Jeopardy! и отвечал на вопросы про лекарства от рака, про движение по защите прав человека, про факты из жизни Эйнштейна, Ганди и Моцарта, я понял, почему слово «тривия» настолько не подходит к процессу. Ведь на самом деле важно знать, кто были величайшие гении человечества,

какие виды рака поддаются излечению или историю борьбы за гражданские права. Педагог Э. Д. Хирш предложил термин «культурная грамотность» для описания набора стержневых знаний, которые необходимы каждому из нас, чтобы держаться на плаву, будучи в обществе. Когда вы описываете тривию как «случайным образом выбранный факт из набора базовых знаний о жизни», вы понимаете, что знание тривии — не что иное, как добротная, крепкая культурная грамотность, пусть даже разукрашенная искусственными неоновыми огнями телешоу.

Иногда даже самая экстравагантная тривиия может всерьез воздействовать на окружающий мир. Вице-президент по маркетингу компании Snapple Beverage Group Стив Джармон запустил акцию «Реальный факт», в рамках которой на обратной стороне крышечки каждой бутылки с напитком Snapple была помещена тривиия. Он до сих пор вспоминает, как ему позвонила некая дама, научный сотрудник, которую найденная на такой крышке фраза: «Верблюжье молоко не свертывается» вдохновила на создание нового направления в исследовании жидкостей.

Даже имея дело с менее весомыми материями, тривиия может служить той первой наркотической дозой, которая открывает ворота к расширению сознания. Тривиия — марихуана познания, и, как хорошо известно людям, играющим в тривиию в пабах, с нее тоже отлично «пробивает на хавчик». В жизни существует множество вещей, слишком пугающих, чтобы погружаться в них с головой, — от квантовой физики до российского кино. Но тривиия может предложить легкое и увлекательное погружение в любую тему, от которой вы были готовы шарахаться, как от огня.

Возьмем кого-нибудь вроде меня, кто упорно считает балет скучнейшим действием, несмотря на неоднократные попытки мистера Роджерса в детстве убедить меня в обратном ссылками на то, что великие футболисты, такие как Линн Сван, когда-то им занимались. И сегодня, если вы припрете меня к стенке на какой-нибудь вечеринке и начнете рассказывать о красоте и чудесах балета, уверяю вас, вы потеряете даром время. Мои глаза сделаются стеклянными еще до того, как вы успеете встать в третью позицию. Но дайте мне интересный вопросный факт про балет, например про то, что в 1913

году на премьере «Весны священной» Стравинского публика чуть не устроила беспорядки, поскольку была шокирована авангардной музыкой и хореографией, — и вы привлечете мое внимание. Неожиданно (ну надо же!) балет теперь тоже входит в сферу моих интересов. Похожая история произошла у Минди с бейсболом, который ее страшно утомлял, но я обхаживал ее на протяжении всей Мировой серии 2004 года, рассказывая всю самую интересную информацию из истории Red Sox и отдельно о «Проклятии Бамбино». Возможно, она прикидывалась, но ей время от времени почти удавалось проявлять искренний интерес. Такова сила тривии — она пробуждает наше любопытство в отношении вещей, которыми иначе мы бы никогда не заинтересовались.

Иными словами, тривия — это крючок на удочке образования. К тому моменту, как ты понимаешь, что заглотнул наживку, ты уже болтаешься на леске. Интересно, есть ли где-нибудь сегодня историк, изучающий Гражданскую войну в США, потому что в детстве был очарован примечательной историей про Уилмера Маклина? Маклин был так раздосадован тем, что первая крупная битва Гражданской войны разыгралась на его ферме, что перевез семью в тихий городок под названием Аппоматокс. Пятью годами позже в парадной гостиной его дома в Аппоматоксе была подписана капитуляция южан, положившая конец войне. Или, может быть, где-нибудь живет морской зоолог, увлекшийся своим предметом, потому что в начальной школе прочел про обитающего в Атлантическом океане гигантского кальмара, у которого самый большой в природе глаз — размером с волейбольный мяч? Хороший факт тривии, попавшийся под руку в нужное время, может дать вам больше, чем правильный ответ на аукционе в Jeopardy!. Он может изменить вашу жизнь.

Несмотря на то что Роб Хентцель расписывал мне ужасы «синдрома Кубка по викторинам», он быстро согласился с утверждением, что хоть мастерство в тривии и не эквивалентно интеллекту, но эти две характеристики все же коррелируют. Чемпионы Jeopardy!, участники команд Кубка по викторинам и короли Trivial Pursuit почти всегда являют собой модель современного интеллектуала. Они запоем читают. Они способны поддерживать разговор на любую тему и делают это мастерски, используя большой

словарный запас — своего рода ходячие тезаурусы и одновременно ходячие энциклопедии. Они хорошо учились в школе. Они поправят вас, если вы скажете «одевать» вместо «надевать», и объяснят разницу между поговоркой и пословицей.

Понятно, что Госдепартамент не ждет от сотрудников Министерства иностранных дел, что они будут проводить все время на коктейльных вечеринках, обсуждая ландшафты Аргентины или бибоп (хотя какая бы это была вечеринка!). Томас Эдисон знал, что его мастерам в работе нечасто понадобится история Древнего Рима, чтобы изготовить очередной шкаф. Но я догадываюсь, что и Дядя Сэм, и Томас Эдисон не приравнивали знание тривиума к профессиональным умениям, когда составляли свои тесты. Они, так же как и Роб, находили корреляцию между этими двумя вещами, при этом быстро проверить и оценить первую было проще, чем вторую.

Даже если быть умным не то же самое, что знать много фактов, нетрудно увидеть, почему эти качества идут рука об руку. Если вы интеллектуально развиты, то, вполне вероятно, владеете навыком быстрого обучения и памятью, способной впитывать информацию, как губка. Вам интересен мир вокруг вас, и потому у вас больше шансов запомнить тривиум, с которой вы сталкиваетесь. И наоборот, как объяснял мне тренер по викторинам Эрик Хиллеманн, чем больше информации вы в себе аккумулируете, тем проще вам принимать новые факты. В конце концов у вас в голове образуется паутина знаний, в которой новые «приобретения» застревают, как мухи. Знания и интеллект образуют замкнутый круг.

Редактор журнала «Эсквайр» Эй Джей Джейкобс исследовал взаимосвязь между умом и накоплением знаний в своем бестселлере 2004 года «Всезнайка». Арнольд хотел, повторяя слоган **menthal_floss**, «почувствовать себя умным», но вместо того, чтобы подписаться на журнал, бедняга решил прочитать всю энциклопедию «Британника» от «А» до «Я», все 44 млн содержащихся в ней слов. Это привело его, как следует из книги, к многочисленным размышлениям о природе и дефинициях «интеллекта», но в большей степени (внимание, спойлер!) к тому, что он, по его собственному признанию, стал невыносим для окружающих. Он так настойчиво втюхивал всем свежезнанные факты

из «Британники» («Ну, говоря об образе Иисуса в толстовстве...»), что друзья вскоре прозвали его Самым большим занудой в мире.

«Итак, я полагаю, что ты все немного преувеличил?» — спрашиваю я у Эй Джея во время нашей встречи в отеле в центре Манхэттена. В личном общении он оказывается просто душкой с бровками домиком и глуповатой улыбкой. У него нет ничего общего с долговязым австралийским актером Ноем Тейлором, за которого он с успехом выдавал себя на церемонии вручения «Оскара» в 1997 году, чтобы потом написать об этом статью. «Ведь ты не стал таким уж занудой?»

«О! Ты удивишься, насколько мало мне пришлось преувеличивать», — ответил он.

Упс. Я пытаюсь замаять неловкость, спросив, какой его самый любимый факт из вычитанных в энциклопедии. Эй Джей мог бы вспомнить любой из самых величественных фактов, любую самую глубокую мысль, содержащуюся на одной из тридцати трех тысячах страниц. Вместо этого он буквально покорило мое сердце, выдав два перла:

1. У опоссумов 13 сосков.
2. Рене Декарт испытывал влечение только к косоглазым женщинам.

Поскольку я сомневаюсь, что Эй Джей когда-либо пытался подоить самку опоссума или устроить косоглазой кузине свидание вслепую с умершим в XVII веке французским философом, приходится признать, что он не расценивает эти знания как полезные. Похоже, он любит тривию потому же, почему и я. Она напоминает нам, что правда может быть удивительнее вымысла, что наша Вселенная — на самом деле, восхитительное и загадочное место. Посреди будничной рутины тривия может стать внезапным ударом грома из облаков, напоминающим, как чертовски удивительна жизнь вокруг нас.

Эй Джей становится мне еще ближе, когда описывает свое детство с книжными полками, под завязку набитыми книгами с тривией. «Пока я вырос, у меня были самые разнообразные коллекции — палочек для коктейлей, рвотных пакетиков из самолетов и, конечно, коллекция

тривии. Чем более редким кажется факт, тем лучше. Как будто ты разыскиваешь редкий серебряный доллар, или марку с двумя надпечатками, или что-то вроде того. Факт про Рене Декарта — как раз такая чудесная редкая монета». Он признаётся в почти маниакальном характере накопления тривии, которое для многих ее адептов превращается скорее в алчное соревнование, чем в простое удовлетворение любопытства.

По ходу разговора я понимаю, что Эй Джей не преувеличивает. Правда, он то и дело (возможно, даже непроизвольно) приплетает к разговору ненужные и странные факты. Он, похоже, воспринимает количество тривии, выданной собеседниками в разговоре, как некое соревнование. Я убедился в этом, обронив походя, что работаю программистом.

«Эй, а я знаю один классный факт про компьютеры и программирование!» Такое впечатление, что под воздействием внешнего раздражителя у него в мозгу перещелкнул какой-то тумблер. «Знал ли ты, что первым программистом в истории была женщина и что она — дочь лорда Байрона?»

«Ага. Забавно, что ты это упомянул. Первым языком программирования, который я выучил, был как раз язык Ада в честь той самой Ады Лавлейс».

Я думал, что мы по-дружески, как бы в закрепление знакомства и ко взаимному удовольствию, обменялись парой интересных фактов, однако Эй Джей явно не разделял моей радости. Напротив, он выглядел раздосадованным. «Ты меня сделал, — говорит он глухо, как бы признавая свое поражение. — Я об этом не знал».

Истоки своего гипертрофированного взгляда на тривию он относит на счет далекого детства. «Не знаю, как тебе, но мне редко удавалось поймать бейсбольный мяч или удачно ударить по футбольному. Тривия была сферой, в которой я мог отличиться. Я тогда выучил все вторые имена президентов США. С тех пор это отношение не оставляет меня».

Я киваю. «Я видел такое в матчах Кубка по викторинам. Люди, которые не могут выпустить свой адреналин на баскетбольной площадке, сублимируют агрессию, выучивая, к примеру, особенности спаривания пингвинов».

«Между прочим, среди них очень высок процент гомосексуальных особей».

Эта фраза на мгновение выбила меня из седла. «Что? Ах! У пингвинов! Я думал, ты говоришь о любителях тривии».

В беседе с Эй Джей всегда нужно быть готовым к тому, что разговор внезапно изменит свое направление на 180 градусов. Как будто только что вы читали том энциклопедии «А — Ак» и вдруг угодили в «Яму». Но что в первую очередь бросается в глаза и в книге и в ее авторе — это беззаветная, почти детская любовь к познанию. Его путешествие длиной в 32 тома показывает, что выучивание тысяч фактов одного за другим — наверное, не лучший способ стать умнее, но бывают способы гораздо хуже. «Знания и интеллект — не одно и то же, — заключает он. — Однако они лежат в одной колыбели».

Мне приходится согласиться. Разрозненные факты, даже самые тривиальные, служат теми кирпичиками, которые, будучи хорошо оформлены и расставлены в правильном порядке, могут стать основой знания и даже мудрости. Конечно, увлеченность тривией может превратить некоторых людей в зануд и даже в инфантильных неудачников, как несчастных Джона Тимбса и Альберта Саутвика. Но я готов спорить, что в тысячу раз большему числу тривия помогает стать увлеченными, любознательными и успешными взрослыми людьми. Список пылких поклонников тривии, преуспевших в профессиональной карьере, включает в себя Уильяма Ренквиста, Тома Хэнкса, Билла Клинтона, упоминавшегося уже здесь Томаса Эдисона, Майю Энджелу^[43]. В конце концов, любое обучение начинается с отдельных фактов, и игры в тривию, возможно, лучше, чем что бы то ни было, иллюстрируют неразрывную связь с интеллектом информации, которая заложена в голове. Вам понадобится и то и другое, чтобы пробиться через действительно серьезные препятствия как в тривии, так и в жизни. Таков главный урок, который мне преподала история про Абеляра и Элоизу, помимо очевидного: «Не следует французскому учителю слишком сближаться с 16-летней ученицей, иначе ее сумасшедший дядюшка может загнать его в угол и оторвать яйца».

Не все факты в тривии «тривиальны», и даже если они таковы, в один прекрасный день они могут вам пригодиться. Я размышляю об этом, выехав из отеля и направляясь по Седьмой авеню навстречу полуденному солнцу. Даже информация о том, что у опоссума тринадцать сосков, для кого-то может что-то значить. Даже если такого человека не существовало бы, это все равно был бы вопрос жизни и смерти для тринадцатого детеныша в помете самки опоссума.

ОТВЕТЫ

- 1 **Папуа — Новая Гвинея** (тогда просто Новая Гвинея) — единственная страна, помимо Австралии, в которой водятся кенгуру.
- 2 Наполеон родился **на Корсике** (если быть совсем точным, то в городке Аяччо).
- 3 Основу уксуса составляет **уксусная кислота**.
- 4 Когда родился Иисус Христос, императором был **Октавиан Август**.
- 5 **Джон Уилкс Бут** убил Авраама Линкольна.
- 6 В состав коктейля «Мартини» входят **джин и сухой вермут**.
- 7 **Пампасы** — так называются пастбища в Аргентине.
- 8 Джазовый саксофонист **Чарли Паркер** был одним из отцов-основателей стиля бибоп.
- 9 Полное имя куклы Барби — Барбара Миллисент **Робертс**.
- 10 **Марк Брэди**, отец семейства, сыгранный Робертом Ридом, был выведен из сериала «Семейка Брэди» в последнем эпизоде.

Глава XI

Что такое соприкосновение?

Моя 20-я игра в Jeopardy! вполне может оказаться последней после того, как соперник слева от меня, Алан Пол, прямой, как башня, экономист из Лос-Анджелеса в тонированных очках, открывает ближе к концу игры аукцион в теме «Ревущие 20-е». Он увеличивает свой счет на \$4000, ответив, что планировал осуществить Джек Макгерн по прозвищу Пулемет, заручившись алиби у своей подружки¹. По окончании второго раунда игры у Алана ровно вдвое меньше очков, чем у меня. Это означает, что если он отвечает на финальный вопрос правильно, а я нет, то он победил.

«Детская литература», — объявляет Алекс тему финального раунда. «Посмотрим, кому она поможет больше, нашему чемпиону или претендентам?» Независимо от того, идет ли игра на равных или нет, Алекс всегда как бы экспромтом выдает одинаковую речовку. Складывается впечатление, что за 20 лет ведения он научился произносить ее и во сне. Сам же он рассказывал в интервью Washington Post, что на собственной свадьбе, давая невесте согласие, он облачил его в привычную форму: «Итак, мой ответ... да!» Интересно, после вопроса священника о том, согласен ли он взять в жены эту женщину, было ли у него 30 секунд на принятие решения под фирменную «Музыку раздумий»?

«Полное имя этого литературного персонажа звучит так: Оскар Зороастр Балтазар Оливер Лоренс Вольфганг Амброзиус Ньютон Диггс»². У вас на раздумья 30 секунд. Удачи».

Есть два способа дать правильный ответ на этот вопрос. Можно пристально всмотреться в этот довольно длинный список, чтобы понять, зачем Оскару могло понадобиться девять имен, почему именно эти имена, и вообще, что за всем этим может стоять. Либо провести все детство за изучением коллекции сборников, изданных бывшим авиадиспетчером из Сакраменто Фредом Вортом.

Мне повезло оказаться во второй группе. Я до сих пор визуально помню статью про «Оскара Зороастра Балтазара Оливера Лоренса

Вольфганга Амброзиуса Ньютона Диггса» вверху страницы 514 книги под названием «Самая полная энциклопедия тривии», вышедшей в 1977 году. Статья располагалась между «Оскаром Ворчуном», чей день рождения отмечается 1 июня, и «Осгудом Конклином», директором школы из ситкома «Наша мисс Брукс», сыгранного Гейлом Гордоном.

Фреда Ворта можно с полным основанием назвать иконой тривии 1970-х. И я был в числе десятков тысяч фанатов, которые обладали его 800-страничной энциклопедией и двумя ее продолжениями. Я провел многие часы, листая сборную солянку из всевозможных фактов, безыскусно расставленных в алфавитном порядке, получая какое-то странное удовольствие от впитывания информации о событиях, о которых я никогда до того не слышал и многие из которых произошли за 30 и более лет до моего рожденья. «Запоздалый отсчет» в поединке Дэмпси-Танни, «Маленький Немо: приключения в стране снов», «Смеющаяся Гарбо», начальные титры сериала «Бен Кейси» — собранные вместе за десятки лет остатки былого культурного ландшафта, о котором я бы никогда ничего не узнал, если бы не богатые воспоминания и плодovitое перо Фреда Ворта. Благодаря Фреду я сразу вспомнил секрет Оскара Зороастра Балтазара Оливера Лоренса Вольфганга Амброзиуса Ньютона Диггса, что сделало меня богаче на \$40 тысяч в финале игры и позволило продлить победную серию.

Телефонный справочник помог мне отыскать Фреда и навестить его в бунгало в Сакраменто. Безоговорочный гуру тривии из моего детства оказывается благодушным 60-летним жителем пригорода, слегка похожим на гнома с серой бородой оттенка газетной страницы. Так мог бы выглядеть Кенни Роджерс, играющий главную роль в телефильме про Орсона Уэллса, или, что было бы еще круче, наоборот. Я не пытался его себе никак представлять до нашей встречи, но сразу понял, что только так он и должен выглядеть.

«Заходи!» — говорит он, приглашая меня к себе в дом.

Закрывшаяся за мной дверь погасила яркое калифорнийское солнце, и несколько мгновений я никак не мог разглядеть затемненную гостиную. Пока мои глаза привыкают к сумраку, в нос мне ударяет знакомый с детства аромат чего-то старомодного и затхлого. Когда удается разглядеть стены, заставленные полками с пола до потолка, я

узнаю запах. Старые книги. Тысячи старых книг. Дома у Фреда пахнет, как в букинистическом магазине. Это не та смесь ароматов пачули и кошачьего туалета, которая главенствует в маленьких семейных лавках с ветхими изданиями, но благородный запах древности, как в больших магазинах Powell's City of Books в Портленде или Нью-Йоркском Strand. Это тяжелый, освященный веками запах миллионов и миллионов слов.

Помимо древнего Вюрлитцеровского музыкального автомата у северной стены и нескольких кинопостеров, все пространство покрыто книгами. Даже на диване напротив входа высился метровый стеллаж. Большая часть этих книг — расставленные по алфавиту биографии и мемуары Старого Голливуда — горячее, которое питало неугасимую любовь Фреда к кинотривии. «Из этих восьми книг про Элизабет Тейлор, — рассказывает он, делая ударение на каждой букве “т”, — я смог нарыть только восемь фактов, по одному на книгу». На одной заметной, хоть и узкой, полке стоят всевозможные издания книг самого Фреда. Здесь не только три его энциклопедии тривии, но и сборники вопросов, справочники по американским президентам, кино, Второй мировой войне и Элвису Пресли. Еще одна комната также заполнена книгами в жанре нон-фикшн, а художественная литература находится в гараже. В кабинете Фреда отведено место только под издания тривии, которые занимают все полки. Я вижу корешки многих знакомых книг. Неоднократно перечитанные, с загнутыми уголками страниц, они валялись кучей рядом с моей детской кроватью. «Лексикон распространенных заблуждений», «Не самые лучшие моменты в спорте», «Большие, еще больше и самые большие секреты», «Необыкновенное происхождение обыкновенных вещей». И, конечно, два ряда альманахов мистера Рипли «Хотите верьте, хотите нет».

И все же Фред не всегда был книжным червем и даже не всегда увлекался тривией. Он рассказал мне, что рос в бедной ирландской семье. Когда его мать, разведенная уборщица, не могла разрешить какой-либо спор, возникший между сыновьями во время обеда, она шла в читальный зал библиотеки, чтобы поискать ответ в авторитетном San Francisco Chronicle. Это все, что связывало его на тот момент с тривией. После окончания средней школы Фред попал в военно-воздушные силы и на три года уплыл служить за океан, в

Англию. За все это время, по его словам, он прочел только одну книгу. Какое-то порнографическое издание.

Находясь за границей, Фред заметил одну особенность британских грампластинок — и это изменило всю его жизнь. Конверты с рок-н-рольными песнями, которые он покупал, пестрили информацией. Там были перечислены все сессионные музыканты, принимавшие участие в записи. На американских альбомах того времени такого не было. Обложки заинтриговали его, пробудив к жизни отличительную черту любого фанатика тривии — ненасытную страсть к деталям. После возвращения в Штаты и поступления в университет Фред впервые отправился в книжный магазин своего кампуса, чтобы поискать на стеллажах названия книг, о которых он хотя бы что-то слышал, но никогда не читал. «Человек-невидимка», «Гроздь гнева»^[44]. «Пожалуй, стоит узнать, о чем это все», — сказал он себе и начал вести дневник, в который записывал заглавия всех книг, которые читал. К тому времени, когда он прекратил делать записи десятки лет спустя, дневник насчитывал около 6000 наименований.

Альбомы британского рока раскрыли Фреду глаза на окружающий мир, в котором можно получать бесконечное удовольствие от раскапывания редких причудливых фактов об интересующих тебя областях популярной культуры. Сегодня мы живем в мире, в котором развлекательная тривия стала мейнстримом, в котором есть DVD, полностью посвященные любой узкоспециальной теме, фанатские интернет-сайты, специализированные журналы для киноманов и любителей рок-музыки на любой вкус. Поэтому очень легко забыть, что мир не всегда был таким. Фред уверяет, что в 1950-х — начале 1960-х годов человек вообще не мог быть любителем тривии, связанной с Америкой. Для этого попросту не было ресурсов. «Можете ли вы себе представить, что с того момента, как Элвис Пресли стал звездой, до выхода в свет первой посвященной ему книги прошло 14 лет?! — негодует Фред. — В этой стране никого не интересовали подробности. По-европейски разработанные детали».

«Как вы думаете, в чем причина?»

«Погода. Вся история Англии состоит из поисков вещей, которыми можно было бы заниматься в помещении и не зависеть от погоды за

окном. А в России погода еще хуже. Это объясняет, почему в русских романах может быть 182 персонажа. Всему виной плохой климат».

То, что культура в нашей стране «тривиализировалась», то, что мы знаем множество фактов из закулисной жизни звезд, об интересных местах планеты, музыке и фильмах, — во многом заслуга Фреда Ворта. Во времена только зарождавшегося в 1960-х университетского бума тривии Фред мечтал о книге, в которой любого рода нетривиальные сведения о чем угодно были бы всегда под рукой и легкодоступны для человека, жаждущего узнать, как на самом деле звали «Хосса» Картрайта³ или чья фотография красовалась на обложке первого номера журнала People⁴. «Это была насущная необходимость», — утверждает Фред. Так он начал прочесывать библиотеки, магазины игрушек и вечерние телешоу, собирая малоизвестные факты и занося их на отдельные карточки размером 3 x 5 дюймов. В год моего рождения, 1974-й, он опубликовал свою «Энциклопедию тривии», содержащую статьи от А (первой буквы имени Август персонажа серии комиксов про Матта и Джеффа, игравших на беге) до ZVBXRPL, закодированной надписи с информацией о результатах забега из фильма братьев Маркс «День на скачках».

В последовавшие затем годы Фред, не оставляя работу авиадиспетчера в Федеральном управлении авиации, одновременно стал человеком-тривией, то есть целой индустрией. Он выпустил переиздание «Энциклопедии тривии», исправленное и дополненное с помощью читателей, затем еще два ее сиквела и еще несколько игровых книг с квизами. Пять лет он редактировал собственный информационный бюллетень под названием Trivia Unlimited. Он писал вопросы для Trivia Trap, телеигры с ведущим Марком Гудсоном, правда, вышедшей в эфир недолго. Зато в ней прозвучал самый любимый вопрос Фреда всех времен: «В какой американской тюрьме разводил канареек заключенный Роберт Страуд?»⁵

Подобными вопросами Фред засыпал меня всю дорогу. Он напоминал бурлящий котел, из которого пузырями выплескивается наружу тривия. У какого главного героя телесериала были инициалы F. U. Феликс Унгер — персонаж сериала «Странная парочка» —

единственный главный герой телесериала с инициалами F. U?⁶ Где изобретен салат «Цезарь»?⁷ Что преподавал ученикам мистер Чипс, герой кинофильма Goodbye, Mr. Chips?⁸ Какой актер был одновременно членом и «Грязной дюжины», и «Великолепной семерки»?⁹ Однако Фред не воспринимал наш разговор как дуэль с целью выявления интеллектуального превосходства, как это бы делали другие фанаты тривии. Им руководил неподдельный интерес. С горящими глазами он делился со мной правильными ответами, независимо от того, верно я отвечал или нет.

«Многих людей тривия отпугивает, — говорит он. — Они не готовы смириться с тем, что чего-то не знают. Что бы ты им ни рассказал, их реакцией будет: “Да какое мне дело?”»

«Может быть, они правы? — спрашиваю его я. — Есть ли от тривии какая-то реальная польза или “Да какое мне дело?” — адекватная реакция?»

Фред на минуту задумывается. В конце концов он говорит: «Паровой двигатель. Давай возьмем для примера паровой двигатель. Когда-то древние греки придумали игрушку, в которую можно было налить воды, и она начинала кататься по полу. Они не знали, как объяснить принцип ее работы, но они умели ее делать. Так же как научная фантастика может быть образцом, проектом для будущих научных открытий, так и тривия — это образец для информации. Не будем забывать, когда тривия стала актуальной — накануне компьютерной эры. Это был знак свыше, тривия пыталась нас о чем-то предупредить. Тривия знала, что вскоре на общество хлынут потоки информации».

В этом что-то есть. Независимо от того, была ли тривия предвестницей, или легким толчком, или только ранним симптомом, она, конечно, отразила суть информационно насыщенной (и информационно безумной) эпохи, в которой мы живем. Если бы музыкальный феномен Элвиса случился сегодня, невозможно было бы себе представить, чтобы первая книга про него появилась лишь 14 лет спустя. Еще до того, как первый альбом занял бы первые строчки в списках бестселлеров музыкальных магазинов, на сотнях сайтов можно было бы скачать песни, обсудить музыку, слова и сценический

образ исполнителя. («Что за хрень у него на голове вместо бакенбард?») Может быть, поэтому тривия в своем нынешнем виде и не существовала до XX столетия. Человеческие создания еще не накопили достаточного количества бесполезной информации, чтобы начать доставать ею друг друга.

Справочники Фреда Ворта по-прежнему пользуются популярностью среди фанатов тривии, которые признают их важное значение в формировании жанра. Но также они знамениты и своими, так сказать, странностями. Для примера откройте любую его энциклопедию на странице, где все цифры и числа в заглавии статей написаны прописью и идут в алфавитном порядке. Например, там, где статьи начинаются с цифры 1 (один). Вы будете бессмысленно пролистывать страницу за страницей с самыми разнообразными цифровыми данными: адресами, телефонами, спортивной статистикой, серийными и автомобильными номерами. Неужели хоть кому-то может быть интересно, что порядковым номером Клингера, героя сериала «Чертова служба в госпитале МЭШ», был 19571782? Или что адрес главного героя фильма «Невероятный мистер Лимпет» в исполнении Дона Кноттса был 1313 Pleasant Avenue? Или что 10644322185 — номер социального страхования в комедии Стивена Спилберга «1941-й»? Даже в разнообразных тематических викторинах такая тривия вам вряд ли понадобится.

«Я не горжусь автомобильными номерами и тому подобными штуками, потому что понимаю, что их знание не сделает человека лучше, — говорит Фред. — Это то, что я называю пустяками». Есть, оказывается, что-то, что сам Фред Ворт признаёт ненужной мелочью!

Другие читатели пеняют автору книги, скажем так, на «спокойное» отношение к проверке фактов. Рей Хэмел специально коверкает его фамилию, называя автора «Фред Врет». «В его книгах столько ошибок, что приличные авторы вопросов давно перестали ссылаться на них как на источник информации». Его энциклопедии и вправду содержат изрядную долю городских легенд и апокрифов, но не стоит забывать, что Фред писал их фактически из головы во времена, пока книжные полки еще на заполнились трудами исследователей популярной культуры. Досконально изученные ныне вопросы, как то: «Действительно ли в фильме по роману Хемингуэя “Иметь и не иметь”

вместо Лорен Бэколл поет юный Энди Уильямс?» или «Был ли телеактер, прославившийся благодаря рекламе как “Плачущий индеец”, на самом деле индейцем чероки?» — в 70-е годы, когда ими впервые заинтересовались фанаты тривии, еще не имели однозначного ответа.

«Точность меня сильно заботит, — говорит Фред. — У меня нет ни времени, ни возможности вернуться назад и еще раз перепроверить. Но если вы много читаете и интересуетесь, то сами отличите ложную информацию от истинной».

«То есть когда вы утверждаете, что... — мой взгляд падает на первую страницу рукописи, которая лежит сверху на письменном столе и посвящена продовольственной тривии, — Генри Дэвид Торо изобрел хлеб с изюмом, например, у вас есть для этого достаточно серьезные основания?»

«Ага. И если вы будете читать еще и еще, то обязательно наткнетесь на этот факт во второй и в третьей книге. И вообще читателю надо с самого начала сказать самому себе, что он по умолчанию доверяет тому, о чем ему рассказывают другие люди».

Даже если автор газетной статьи попадает на том, что выдумывает факты ради украшения истории, и даже если эта выдумка абсолютно безумна, статья еще может иметь какую-то чисто литературную ценность. Но тривия тем и уникальна среди «свободных искусств», что имеет ценность, только когда стопроцентно математически, эпистемологически и доказуемо верна. Главная задача тривии — удивлять людей информацией, которая звучит неправдоподобно и тем не менее абсолютно аутентична. Если отнять у тривии необходимость быть истинной, то открываются безграничные горизонты. Можно пытаться удивлять своих друзей только что выдуманными фактами. «Знаете ли вы, что Мартин Ван Бюрен приходил на заседания Кабинета министров абсолютно голым и обмазанным клубничным вареньем?», «Знаете ли вы, что шея жирафа целиком состоит из олова?»

Поддельная тривия обесценивает информацию так же, как поддельные деньги обесценивают национальную валюту. И, к сожалению, большинство людей сегодня получает тривию из разбросанных по всему интернету беспорядочных списков фактов.

Некоторые из этих фактов недопроверены, а некоторые и просто взяты с потолка или высосаны из пальца. Итог один — множество таких сведений не соответствует действительности. Независимо от того, что сообщают вам популярные mail-рассылки, имя Венди не появилось впервые на страницах повести Джеймса Барри «Питер Пен», дети не рождаются без коленных чашечек, комиксы про Дональда Дака никогда не запрещали в Финляндии, а Уинстон Черчилль спокойно появился на свет дома, а не в женском туалете во время бала. Изобретение эрзац-тривии получило сейчас такое широкое распространение, что родилась целая небольшая индустрия, построенная на ее развенчании. Кабельное телешоу «Разрушители мифов» часто имеет дело с ниспровержением фальшивой тривии вроде: «Пауки-сенокосцы — самые ядовитые существа в природе» или «Кваканье уток не разносит эхо». Колумнисты, такие как Сесил Адамс, и сайты наподобие Snoopes.com чуть ли не каждую неделю занимаются опровержением разнообразных легенд тривии.

Однако точность в тривии может оказываться забавной штукой. Возьмем факт про Торо, который изобрел хлеб с изюмом. Эта история приводится в научной общепризнанной биографии Генри Дэвида Торо, опубликованной в 1965 году профессором Уолтером Хардингом, ведущим специалистом по Торо в мире. Можно ли найти более авторитетный источник? И, конечно, это факт, по меньшей мере достойный того, чтобы поделиться им с друзьями.

Есть только одна закавыка. Генри Дэвид Торо мог обладать множеством замечательных качеств, неопровержимым моральным авторитетом, отточенным литературным стилем, мастерством фигурной рубки дров, однако таланта кулинарного инноватора среди них не было. На самом деле в поваренных книгах рецепт хлеба с изюмом впервые встречается не позднее 1671 года. Похоже, заслуженный профессор опирался на статью 1943 года, напечатанную в *Ladie's Home Journal*, которая в свою очередь почерпнула изюминку про изюм из легенд родного городка Торо под названием Конкорд, штат Массачусетс. Автор книги «Уолден, или Жизнь в лесу» действительно очень любил сухофрукты, но он был далеко не первым человеком, который догадался запечь их в хлеб. В конце концов Хардинг признал свою ошибку, напечатав в 1990 году в сборнике

трудов, посвященных Торо, статью под названием «Торо и хлеб с изюмом». Вы могли слышать отголоски шока и возмущения членов сообщества «Пеки, как Торо» после выхода этой статьи.

Так умирают великие факты тривии. Но не любую тривию можно так однозначно дискредитировать. Была ли у артиста, озвучивавшего Багса Банни, на самом деле аллергия на морковь или ему просто не нравился ее вкус, как он сам писал в автобиографии? Правда ли, что сэру Исааку Ньютону принадлежит идея делать специальные дверцы для кошек в домах англичан, о чем свидетельствуют многие издания, или это шутка какого-нибудь старого сумасшедшего профессора, придуманная в районе 1802 года? Можно потратить целую жизнь, пытаясь раз и навсегда разрешить подобные загадки, и все же не прийти к окончательному решению.

Иногда кажется, что при ближайшем рассмотрении факты тривии теряют определенные очертания и ускользают от нас. Это можно назвать применением принципа неопределенности Гейзенберга для тривии. Возьмем в качестве примера «Город ветров». Даже новички в тривии, вероятно, знают, что «Город ветров» — это популярное прозвище Чикаго, данное в честь ветров, продувающих город с озера Мичиган, верно? Но более опытные бойцы скажут вам, что на самом деле выражение это восходит к статье 1890 года колумниста Чарльза Дана, который имел в виду городских хвастунов, чей треп быстро разносит ветер, то есть ничего общего с погодой. Но прошел еще десяток лет, и любитель занимательной этимологии, некто Барри Попик, погрузился еще глубже в изучение вопроса, и теперь опять считается, что метеорологическое объяснение было верным. Он отыскал выражение «Город ветров» в статье 1876 году из газеты *Cincinnati Enquirer*, где речь шла о прошедшем через Чикаго торнадо. Правда в тривии не всегда так очевидна, как кажется. Дайте информации несколько лет, и ветер снова может подуть в другую сторону.

«Кстати, ты сегодня завтракал? — неожиданно спрашивает Фред, прерывая мои раздумья. — Думаю, мы могли бы заехать в “Блэк Ангус”. Это недалеко, в Розвилле. Ты за рулем, не возражаешь?»

Даже по тому, как во время ланча Фред заигрывает с официантками, в нем можно опознать фаната кинотривии. «У вас

удивительные глаза, — говорит он обслуживающей нас порядком измученной девушке. — Вы напоминаете мне Вирджинию Мэдсен в фильме “На обочине”. Не правда ли, она похожа на Вирджинию Мэдсен из кинокартины “На обочине?”»

Официантка смотрит на него с подозрением. «Я понятия не имею, кто это», — говорит она.

В промежутках между поеданием сэндвича и жареной картошки Фред рассказывает мне, как в 1983 году для тривии, а значит, и лично для него наступили грандиозные перемены. Та параллельная ветвь истории началась в декабре 1979 года, как раз когда Фред стал работать над первым переизданием «Энциклопедии тривии». В Монреале два журналиста Крис Хани и Скотт Эбботт длинным субботним днем сидели за столом, уставленным пивом, и играли в скребл. Но они не были увлечены процессом. Вместо этого они обсуждали способ заработать в будущем году больше денег, чем те несколько тысяч долларов, которые принесла им афера с «письмами счастья» в нынешнем. Никаких ярких профессиональных достижений у них к этому времени не было. Хани бросил университет, не доучившись, и вместе с женой Сарой недавно переехал к Эбботтам, которые не могли в одиночку выплачивать взносы по ипотеке.

Хани и Эбботту потребовалось 45 минут такой «недоигры» в скребл, чтобы в общих чертах разработать схему быстрого обогащения. Они придумали новую настольную игру, напоминающую скребл, но «для взрослых». Сейчас это трудно себе представить, но для 1979 года идея была революционная. Тогда настольные игры были скучным времяпрепровождением в дождливые дни для семидесятилетних стариков, а совсем не тем, чем можно увлечь взрослых людей на вечеринке. Но в этой игре не будет голодных бегемотиков, лорда Ликорайса или мистера Минта^[45]. Не будет в ней ни лестниц, ни горок. Она будет построена на вопросах тривии, похожих на те, которые приятелям так нравилось разгадывать во время игры в пул в местных барах.

Хани и Эбботт привлекли к реализации своей идеи еще двоих, чуть более уважаемых друзей — Джона, неудавшегося хоккеиста, брата Хани, а также юриста по имени Эд Вернер. Все четверо были

настоящими детьми 1960-х и выглядели соответственно — ниспадающие на плечи волосы и подкрученные вверх длинные усы. Так могла бы выглядеть четверка финалистов на конкурсе двойников Дэвида Кросби^[46]. И не удивительно, что при создании новой игры этот необыкновенный квартет стал действовать необычными методами. Они водили своих друзей и знакомых по барам, пили с ними много пива, в процессе уговаривая вложить в дело тысячу долларов или около того. После чего отправились через океан к популярному среди туристов южному побережью Испании, чтобы хорошенько оторваться на тамошних пляжах, а заодно сочинить 6000 вопросов, которых, по их мнению, будет достаточно для запуска игры.

Конечный продукт, названный Trivial Pursuit, не имел ничего общего с настольными играми, которые кто-либо когда-либо видел. Его необычная первоклассная упаковка — квадратная коробка насыщенного темно-синего цвета с золотыми надписями шрифтом, напоминающим этикетку шотландского виски, скорее подходила для шоколада или дорогого одеколона, чем для развлекательного игрового набора. Первую партию из одиннадцати сотен коробок ребята продали канадским оптовикам. При этом оказалось, что затраты значительно превысили прибыль. На продаже каждого игрового набора они потеряли \$60. Даже для канадских долларов несложно оценить масштабы потерь.

Всплеска популярности, на который они так рассчитывали, не произошло. Заказы от магазинов и ярмарок по распродаже игрушек были незначительными. 1982 год стал годом Пакмэна, и всем казалось, что настольные игры будут теперь нужны людям как прошлогодний снег. Компании Milton Bradley и Parker Brothers отвергли игру. Она нарушала слишком много правил. «Мы были самой крупной компанией в мире игровой индустрии, — говорит один из сегодняшних руководителей Milton Bradley. — Мы знали ее вдоль и поперек. Во-первых, мы знали, что взрослые не играют в игры. Кроме того, мы знали, что люди не готовы платить \$30–40 за игровой комплект».

Положение молодого стартапа под названием Horn Abbot Ltd. оказалось хуже некуда. Сара Хани зарабатывала тем, что сдавала

бутылки. Скотт Эбботт жил в состоянии постоянного душевного истощения, как будто увлечение тривией привело его к тяжелому похмельному синдрому. А Крис Хани под воздействием стресса вообще пережил нервный срыв и попал в больницу. В последний момент падающее знамя новой игры подхватила американская компания Selchow & Righter (издатели «Скребла» и «Парчизи» (Parcheesi)). Они решили дать новой игре шанс и предложили издателям гигантское роялти в размере 15 %, что было втрое больше, чем в среднем по рынку.

Ребята в одночасье оказались спасены от банкротства, однако первоначально продажи игры не пошли. Тогда Selchow & Righter провели очень разумную кампанию вирусного маркетинга. Они стали вкладывать отдельные карточки Trivial Pursuit в свои еженедельные почтовые отправления крупнейшим продавцам на рынке игр и игрушек. Кроме того, они разослали их знаменитостям, чьи имена были упомянуты в вопросах. Среди тех, кто откликнулся на эту корреспонденцию и выразил игре поддержку, были Грегори Пек, Ларри Хагмен и Джеймс Мейсон^[47]. Однако переломный момент случился в Южной Каролине на съемках фильма «Большое разочарование», где Гленн Клоуз познакомил с игрой съемочную группу. Вскоре вся группа заболела ею. Когда об этом раструбили в газетах, игра не просто получила известность в Голливуде, но оказалась прочно связана с потенциальным кинохитом, который стал манифестом поколения беби-бумеров.

Trivial Pursuit расправила крылья. В одном только 1984 году было продано 22 млн копий — рекорд всех времен для настольных игр. Игру можно было встретить повсюду на обоих побережьях: в близлежащих барах, студенческих кампусах, на семейных вечеринках, специально организованном национальном чемпионате и на журнальном столике в гостиной моих бабушки и дедушки в городе Юджин. Собственно, там я впервые в нее и сыграл. Я был как минимум на 20 лет моложе почти всех реалий, упоминаемых в вопросах, однако все равно хотел играть еще и еще до самого вечера, пока меня не отправляли спать. В десять лет способность отвечать на вопросы Trivial Pursuit из взрослой жизни,

про сериал М*А*S*Н^[48], гольф и Уотергейт, казались мне знаком принадлежности к взрослому миру.

Trivial Pursuit была настоящей королевой. Jeopardy! тогда только-только вернулась на телеэкраны после десятилетнего отсутствия, и еще несколько лет, пока Ask Me Another! и «Вопрос на \$64 тысячи» еще не вошли в пору зрелости, Америка не могла насытиться тривией. К Рождеству 1984 года на полках магазинов игрушек лежало около 50 разных тривия-игр, подражающих или имитирующих Trivial Pursuit. В 1985 году коллекциям кроссвордов в секциях «Игры и головоломки» книжных магазинов пришлось угрюмо потесниться, чтобы освободить место для десятков скороспелых книг с тривией. Подобно тому, как в 1975 году они уступали место нардам, в 1995-м — вызывающим головную боль трехмерным «волшебным картинкам» с дельфинами в 3D, а в 2005-м — покеру и sudoku.

Можно предположить, что Фред Ворт должен был быть счастлив от того, что его стародавнее хобби вдруг обрело всенародную любовь. Так и было, пока его сердце не разбил Филипп Коломбо.

За завтраком Фред объясняет, в чем было дело. «Это старая история, которая случилась в те времена, когда в Нью-Йорке были всего четыре ежедневные газеты. Если ты хотел найти первоисточник информации и думал, что Globe ворует ее у Post, ты помещал заведомо неверную информацию в Post и смотрел, куда эта информация пойдет дальше». Эта тактика на удивление распространена и среди издателей справочной литературы. Дорожные атласы рисуют несуществующие города, словари изобретают слова, энциклопедии описывают вымышленных знаменитых личностей, и все для того, чтобы впоследствии вычислить тех, кто ворует их материалы. Не верьте Новой Колумбийской энциклопедии, когда она описывает биографию знаменитого фотографа почтовых ящиков Лилианы Маунтвизель. Не вводите в свой лексикон слово *esquivalience* («эсквиваленс») только потому, что Новый Оксфордский американский словарь уверяет, что оно означает «умышленное уклонение от какой-либо из должностных обязанностей». Оба примера — полная выдумка, направленная на то, чтобы поймать в ловушку плагиаторов, которые копируют эту информацию. «Это как будто поставить метку на гигантскую черепаху

и отправить ее в дальнее плавание», — говорит один редактор словарей.

Фред предусмотрительно сделал то же самое. Статья «Коломбо» в его «Энциклопедии тривии» содержит информацию о том, что настоящее имя лейтенанта — Филипп. На самом деле, у Коломбо, как и у его телесериальных братьев Куинси и Гиллигана, официальных имен никогда не было. Фред придумал имя Филипп как приманку для воров тривии (сегодня-то все фанаты тривии знают, что в одном из ранних эпизодов сериала в кадр попадает бейдж полицейского. Если нажать на паузу, то можно черным по белому прочитать: «Фрэнк Коломбо»). Когда Фред прочитал вопросы первого издания игры Trivial Pursuit, ему сразу стало ясно, что значительный объем информации, возможно, около трети, взят ими из его энциклопедии, причем взят почти без изменений. И на одной из игровых карточек он обнаружил, что его капкан сработал. Рядом с маленьким розовым овалом, обозначающим категорию «Развлечения», был вопрос: «Как зовут лейтенанта Коломбо?» И рядом ответ: «Филипп».

Фред подал на Trivial Pursuit в суд, оценив сумму своего иска в \$300 млн. В итоге дело «Ворт против Selchow & Righter» дошло до Верховного суда, который, как и все предыдущие инстанции, отказал Ворту в удовлетворении требований. Никто не спорил с тем, что около тысячи вопросов (адвокаты Фреда настаивали на числе 1675, что составляет 27,9 % от всего игрового материала) были позаимствованы из «Энциклопедии тривии» и ее продолжения. Проблема оказалась в трактовке копирайта. К сожалению для Фреда, авторское право не распространяется на факты. Вы не можете защитить копирайтом 1675 фактов, даже если вы потратили годы на то, чтобы их собрать и отделить зерна от плевел, после чего пришли четыре канадца, украли ваши зерна и испекли из них хлеб ценой в \$1 млрд. «Открытие некоего факта, независимо от того, сколько труда и затрат для этого потребовалось, не может считаться авторским произведением», — гласило заключение Апелляционного суда Девятого судебного округа. Со своей стороны Скотт Эбботт и Крис Хани свободно признались, что использовали труды Фреда, но им пришлось задействовать и море другой литературы. Они считали, что в том и состоит главное

предназначение энциклопедий — давать людям справочную информацию. Суд с ними согласился.

Чтобы заплатить за судебные издержки, Фреду пришлось заложить квартиру. Его бывшая жена, с которой он развелся незадолго до процесса, выкатила встречный иск, претендуя на часть тех денег, которые Фред может потенциально отсудить за Trivial Pursuit. Так что ему пришлось вести юридическую войну на два фронта. Незадолго до того первый издатель «Энциклопедии тривии» обанкротился, не выплатив причитающиеся Ворту в качестве роялти \$50 тысяч. Еще незадолго до того Фред принял участие в знаменитой забастовке, организованной профсоюзом авиадиспетчеров в 1981 году, в результате которой всех, кто отказался вернуться на работу по требованию президента Рональда Рейгана, уволили, запретив им в будущем любую государственную службу. «Так что я, можно сказать, был на коне», — печально шутит он.

Фред остался без работы, без денег и страдал всякий раз, когда случайно слышал, что Trivial Pursuit продала очередной миллион экземпляров «его тривии». Когда я спрашиваю его, помог ли в целом бум тривии 1980-х, подогретый успехом Trivial Pursuit, его личной карьере, он горько усмехается. «Ты знаешь, пожалуй, да. Если посмотреть вот в каком ключе. Чтобы воспользоваться моими вопросами, им сначала пришлось купить книжку. С каждой проданной книги я получал 20 центов. Значит, благодаря им я смог заработать 20 центов!»

Trivial Pursuit не смогла долго поддерживать взятые темпы завоевания рынка и астрономические объемы продаж. Уже через год после появления на свет игровой комплект можно было встретить в одном из каждых пяти шкафов с играми в Америке. Расти дальше было просто некуда. Резкое падение продаж — с 22 млн игр в 1984 году до 5,5 млн в 1985-м — стало катастрофой для Selchow & Righter. В 1986 году компанию поглотил гигант рынка видеоигр, компания Coleco, недавно озолотившаяся благодаря куклам Cabbage Patch Kids. В итоге после банкротства Coleco в 1989 году Trivial Pursuit перекочевала под бренд Hasbro, где пребывает по сей день.

Чтобы выбраться из финансовой ямы, Фреду пришлось устроиться на скучную работу администратора, контролирующего распределение

медицинских льгот для местного департамента социальных программ, на которой он и провел следующие 14 лет. Общение с провинциальной бюрократией отвратило его даже от главной любви его жизни — работы с информацией. «Тривия показывает светлую сторону информации, а работа в местной администрации — отрицательную, темную сторону. Мы с тобой, конечно, оба любим копаться в деталях. Зато чиновники, которые пишут законы и инструкции, никогда не продумывают всех подробностей».

Фред знает про мои успехи в Jeopardy!, но все равно не хочет позволить мне оплатить ланч. «Это было бы слишком банально». Улыбаясь, он отбирает у меня чек. «Теперь я смогу всем рассказывать, что заплатил за *твой* завтрак».

Фред вышел на пенсию год назад. Наконец спустя долгое время он снова смог заняться тривией. И, судя по папкам, скоросшивателям и коробкам с картотеками, занимающим каждый сантиметр его кабинета, зря времени не теряет. По моим подсчетам, он работает одновременно над пятью неоконченными книгами. Это манускрипт с кулинарной тривией, где я подглядел факт про хлеб с изюмом. Рядом стоит коробка, наполненная каталожными карточками, которые распределяют не самых известных людей по разным необычным категориям: косметологи, домовладельцы, едоки, лексикографы. («Смотри сюда, — говорит Фред. — “Игроки”. Твое имя тоже в свое время появится в этой картотеке».) Еще есть книга про звезд, участвовавших во Второй мировой войне. Еще есть задумка ежегодника тривии на манер Книги рекордов Гиннеса, в котором информация будет разбита на десять разных категорий.

«А вот то, что поглощает сейчас большую часть моих дневных занятий, — говорит Фред, указывая на письменный стол. — Это будет настоящая бомба». «Это» полная биографическая энциклопедия кино, которую он собирает десятки лет. Она получается огромной. Большие папки занимают все полки над столом и змейкой перетекают на другие книжные полки и стеллажи. Здесь хватит папок, чтобы обеспечить контору по выдаче водительских удостоверений или окружной суд. Они, как и все в этом доме, аккуратно расставлены в алфавитном порядке, начиная с первого тома Aaliyah — Albertson, то есть от певицы Алии — погибшей принцессы R&B — до Джека Альбертсона,

сыгравшего дедушку Вилли Вонки в фильме про шоколадную фабрику. Неудивительный коктейль, учитывая всеохватную историю Голливуда длиной в век, на которую замахнулся Фред.

«130 твердых папок, в каждой из которых подшито по три мягких, — с гордостью говорит Фред. — 6000 страниц. Вот попробуй, назови любого актера».

Мне не хочется быть совсем уж банальным, поэтому я называю Джоэла Маккри. Маккри — один из моих самых любимых недооцененных актеров. Он играл главную роль в фильме Хичкока «Иностранный корреспондент», нескольких лучших комедиях Престона Стерджеса и целом возе вестернов.

Фред тем временем уже листает папку номер семьдесят какую-то. «Любопытный выбор. Давай посмотрим. Эван Макгрегор, Малькольм Макдауэлл, Хатти Макданиел... Ага! Джоэл Маккри».

Он протягивает мне папку, заполненную вырезками из газетных заметок и журнальных публикаций, а также несколько страниц аккуратно напечатанного им самим текста, посвященного полузабытому голливудскому ковбою. Больница, в которой он появился на свет. Его физические данные. Адреса мест, где он жил. Молодые актрисы, с которыми у него были романы. Имена всех лошадей, на которых он ездил на экране. Официальное время и причина смерти.

Я ошеломлен тщательностью проработки материала. Это было бы похоже на маниакальную страсть к преследованию знаменитости, если бы мистер Маккри не скончался 20 октября 1990 года приблизительно в 4:50 утра. «Так вот зачем вам все вышедшие в свет голливудские биографии? Вы делаете из них подобные выжимки?»

«Это сервис, который я собираюсь предложить людям. Я выполняю за них работу в течение 20 лет. Зато им не придется это делать».

«И вы планируете это опубликовать?»

«Ох, когда-нибудь», — говорит Фред неопределенно.

Сегодня Trivial Pursuit выходит в своей «-дцатой» редакции. За это время было продано около 80 млн игр и заработано около миллиарда долларов чистой прибыли. В викторину играют 30 с лишним стран на 20 с лишним языках. Каждый из четырех родоначальников игры заработал многие миллионы долларов и живет себе спокойно в

Онтарио, наслаждаясь статусом богатого джентльмена без определенных занятий. Скотт Эбботт и Крис Хани открыли суперпупернавороченный гольф-клуб на 36 лунок под названием Devil's Pulpit к северу от Торонто. Эбботт, кроме того, владеет командой «Брамптон Батальон», играющей в одной из второстепенных лиг североамериканского хоккея. Джон Хани и Скотт одно время увлекались скачками и ездовыми лошадьми, самая известная из которых, Чарли Барли, чемпионка Канады 1990 года, была гордым потомком последней лошади¹⁰, выигравшей в скачках на приз «Тройной короны». Эд Вернер стал добропорядочным фермером и выращивает виноград.

Между тем Фред Л. Ворт живет на скудную окружную пенсию, едва помещаясь между рядами папок в пыльном кабинете, бережно занося кинотривию в старенький персональный компьютер IBM, который выглядит так, как будто был приобретен еще до оглушительного успеха Trivial Pursuit в 1984 году. Его книги — безусловная классика тривии для тысяч ее поклонников. Они — недостающее звено между вспышкой увлечения университетской тривией 1960-х и бумом тривии настольных игр 1980-х. Но кто сегодня вспомнит его имя? Он настоящий забытый герой тривии.

«Конечно, мне было горько видеть их успех, и даже зная... — Он не заканчивает предложения. — Все эти годы я думал, что никто не знает. Я смотрел “Кто хочет стать миллионером?”», и никто ни разу не звонил мне во время подсказки “Звонок другу”».

Но его лицо почти сразу просветляется. «Вот почему я так обрадовался, когда ты мне позвонил! Какой чудесный был сегодня день!»

Перед тем как уйти, я прошу Фреда подписать мне экземпляр его энциклопедии, который я привез с собой, и говорю, что жду не дожусь, когда его новые книги появятся на полках книжных магазинов.

«Что ж, у меня теперь столько же времени, сколько у Стивена Кинга, семь дней по 24 часа. Постараюсь использовать его все целиком, для того чтобы закончить работу побыстрее». Пусть Фред не получил долю от сотен миллионов долларов, которые в том числе

благодаря ему заработала Trivial Pursuit, но как минимум сегодня, возможно впервые за много лет, он выглядит по-настоящему удовлетворенным. Мы прощаемся. Фред Л. Ворт закрывает дверь и отправляется обратно вглубь своего темного дома, населенного книгами.

ОТВЕТЫ

- 1 Макгерн по прозвищу Пулемет готовил **Бойню в День святого Валентина**.
- 2 Настоящее имя **Великого волшебника страны Оз** было Оскар Зороастр Балтазар Оливер Лоренс Вольфганг Амброзиус Ньютон Диггс. Читая инициалы, получаем О.З.Б.О.Л.В.А.Н.
- 3 «Хосса» Картрайта, героя сериала «Бонанза», звали **Эрик**.
- 4 **Миа Фэрроу** была лицом с обложки первого номера журнала People.
- 5 В этом вопросе есть подвох. Страуд прославился как «Птичник из Алькатраса». Однако канареек он разводил **в тюрьме Ливенворт**. После перевода в Алькатрас ему запретили этим заниматься.
- 6 Феликс Унгер — персонаж сериала «Странная парочка» — единственный главный герой телесериала с инициалами F. U.
- 7 Салат «Цезарь» был изобретен **в мексиканском городе Тихуане** на кухне шеф-повара Цезаря Кардини.
- 8 Герой кинофильма Goodbye, Mr. Chips (мистер Чипс) преподавал детям **греческий и латинский языки**.
- 9 Одновременно и в «Грязной дюжине», и в «Великолепной семерке» снимался актер **Чарльз Бронсон**.
- 10 У последней лошади, выигравшей скачки на приз «Тройной короны», была кличка **Утвержденная (Affirmed)**.

Глава XII

Что такое повторение?

Однажды поздним вечером мы с Минди, щелкая кнопками телевизионного пульта, наткнулись на фильм «Шампанское для Цезаря» (Champagne for Caesar). Эта малоизвестная пошловатая кинокомедия 1950 года пародирует игровую лихорадку того времени, в особенности радиовикторину «Третьего не дано» и выросшее из нее телешоу «Вопрос на \$64 тысячи», в которых с каждым последующим правильным ответом на вопрос выигрыш участника удваивался.

Рональд Колман, исполнивший в этом фильме свою последнюю главную роль, играет крайне непривлекательного эрудита 1940-х годов, который вдобавок носит претенциозное имя Бюргардт Боттомли. Голос за кадром описывает Боттомли как «последнего образованного человека в Америке... На завтрак он ест кукурузные хлопья, одобренные изрядной порцией Шопенгауэра, а обед его сопровождают последние исследования в области атомной энергетики».

Короче говоря, Бюргардт — интеллеktуал и невыносимый сноб. Когда сестрица тащит его к витрине универмага, чтобы посмотреть ее любимую телевизионную викторину «Маскарад за деньги», ведущего которой играет настоящий телеведущий Арт Линклеттер (это, кстати, его единственная роль в кино), он читает другим зевакам, также столпившимся посмотреть телешоу, высокомерную лекцию о вреде викторин. «Как вы можете выносить эту чушь? Я не могу позволить себе не предупредить вас. Эти люди — предтечи интеллектуального разрушения Америки. Если для того, чтобы вызвать шквал аплодисментов и выиграть призы, нужно всего лишь знать, что два плюс два равно четыре, то вскоре это знание станет пределом обучения!» Это распространенное обвинение и аргумент против тривии: она якобы оглуляет общество, предлагая иллюзию интеллектуального превосходства путем демонстрации поверхностного знания мелких, пустяковых фактов.

Однако Бюргардт вынужден переменить тон после своего провала на собеседовании при приеме на работу в мыловаренную компанию

Milady. Принимая во внимание тот факт, что компания Milady выступает спонсором «Маскарада за деньги», он решает принять участие в викторине и выиграть там все ее деньги. Дело в том, что «Маскарад за деньги», в отличие от реального прототипа игры, «Третьего не дано», не ограничивал потенциальный выигрыш участника \$64 тысячами. В «Маскараде» выигрыш можно было удваивать бесконечно.

Даже троечникам должно быть понятно, что, с точки зрения арифметики, это была впечатляюще неудачная идея. Бюргард появляется в шоу неделя за неделей, вскоре превращает свой выигрыш в миллионы долларов и становится сенсацией национального масштаба. Винсент Прайс, директор компании, которую персонаж Колмана хорошо наманикюренными руками толкает к банкротству, приходит в ярость. «Я убежден, что мы создали настоящего Франкенштейна, очень хорошо информированного Франкенштейна! Его необходимо остановить!» Даже близкий герою по духу персонаж Арта Линклеттера выходит из себя: «Мне все это нравится не больше, чем вам! Но что вы от меня ждете, чтобы я пошел и пристрелил его?»

Вопросы тривии в фильме — типичные «гробы», которые, по замыслу голливудских сценаристов, герой-ботаник, как всегда, с легкостью расщелкивает, как орехи. «Из какого количества пластин-слоев состоит коренной зуб индийского слона?», «Какова частота крика летучей мыши?», «Что профессор Эйнштейн говорил о пространственно-временном континууме?» Писатели и сценаристы никогда не пишут правдоподобную тривию. Когда-то я листал старый комикс про Дональда Дака, которому в качестве финального вопроса в борьбе за главный приз радиовикторины достался такой: «Сколько капель воды низвергается в Ниагарском водопаде за неделю?» Удивительно, но Дональд знал точный ответ!

Когда ставки дорастают до \$40 млн, продюсеры «Маскарада за деньги» организуют съемку специального шоу в Голливуде, и вся Америка приникает к экранам, чтобы посмотреть в лицо Бюргарда на финальном вопросе: «Назовите ваш номер социального страхования». И вопреки всему суперэрудит и чемпион поставлен в тупик! Ах, какая ирония судьбы!

Довольно странное чувство — смотреть старую туповатую комедию и понимать, что дурацкий сюжет, написанный за десятки лет до моего рождения, в некотором смысле предсказал ситуацию, в которой я сам сегодня очутился. Мне никогда не доводилось прокрадываться ночью по коридорам особняка в Коннектикуте в поисках пропавшей кости бронтозавра и ручного леопарда, как Кэри Гранту в фильме «Воспитание крошки», зато я абсолютно точно знаю, что такое внезапно, невероятным образом очутиться в шкуре Рональда Колмана. Я знаю, что значит полностью изменить парадигму телевизионных игровых шоу, просто отказавшись сходить с экранов и оставаясь там неделями, одна за другой. (Как заметил однажды изобретатель гибкого уретрального катетера, «Рыба и игроки в телеигре протухают за три дня»¹.) Я знаю, что такое растущее напряжение и концентрация внимания. Я видел панику за сценой, растерянных продюсеров и раздраженного ведущего. Возможно, я не обладаю аристократическим британским акцентом и аккуратно подстриженными усиками, но все равно я и есть сейчас Бюргард Боттомли.

После победы со скрипом в 20-й подряд игре благодаря ответу на вопрос из темы «Детская литература» следующие 28 игр проходят для меня в спокойном ключе. В каждой из них мне удастся решить все свои проблемы еще до финального раунда. Как и в случае с безумными правилами бесконечного удваивания выигрыша в игре «Маскарад на деньги», моя затянувшаяся победная серия выглядит скорее просчетом продюсеров Jeopardy!. Отменив ограничение на максимум пять подряд сыгранных игр для одного участника, они недооценили те преимущества, которые дает длительное пребывание в игре — привычка к особенностям работы кнопки, комфорт за игровым подиумом и страх со стороны двоих новичков-претендентов. Полагаясь на закон больших чисел, я уверен, что в течение последних нескольких месяцев обыграл как минимум нескольких игроков, которые знали больше правильных ответов за игру, но они проиграли из-за недостатка опыта.

Формат Jeopardy! никогда не был рассчитан на то, что кто-то сможет побеждать во многих играх подряд. Каждый день мне

приходится выслушивать один и тот же инструктаж перед игрой, правила, произносимые одними и теми же словами с одной и той же интонацией. Смешные и кажущиеся спонтанными шутки и репризы всегда вставляются в одни и те же места и произносятся в одном ритме. Кто-нибудь обязательно вежливо смеется, когда Сюзанна Тербер нажимает на воображаемую кнопку лбом, чтобы показать пример того, как не надо делать. Каждый день выбирается один счастливец, который станет объектом шутки Мэгги про декорации программы и порно 1980-х. Весь этот треп теперь вколочен в мою голову, как катехизис.

Более того, эпизод в середине каждой программы с мини-интервью тоже, конечно, не задумывался для человека, который играет 50-ю игру подряд. Уже после трех первых передач я исчерпал запас остроумных и милых шуток про себя. Можете себе представить, что было еще через 43 программы. После окончания каждой пятой съемки Мэгги налетает на меня, как стервятник, с требованием все новых анекдотов. «Я напишу вам по электронной почте на этой неделе. Для записей следующих программ нам понадобится от вас еще десять историй». С каждым следующим днем мои «истории» становятся все скучнее и скучнее, в особенности по сравнению со свежими байками от меняющихся соперников.

«Итак, Дарси, весь последний год вы летали над Суданом на кукурузниках в рамках гуманитарной миссии ООН? Удивительно! А что же победитель нашей прошлой игры Кен Дженнингс? Кен, здесь сказано, что вы вроде бы любите самолетную еду, это правда?»

«Да, Алекс, это правда. Я вроде бы люблю самолетную еду».

Мои истории вырождаются настолько, что перестают быть историями как таковыми. Несколько раз, отчаявшись что-то вспомнить, я выдумываю какие-то факты. Лгать Алексу — это по ощущению все равно что лгать священнику. Но вскоре мне приходится преодолеть это чувство. А в конце программы ведь есть еще место, где мы с Алексом должны как бы потрепаться ни о чем.

«Ну что ж, Кен, может быть, есть что-то, о чем вы бы хотели меня спросить? А то я про вас, кажется, уже все знаю».

«Э-э-э... что вы ели сегодня утром на завтрак, Алекс?»

Несмотря на все то длительное время, которые мы провели вместе с Алексом, он все еще, кажется, относится ко мне с прохладцей, как будто болеет против меня. Виновата ли здесь только его постоянная показная беспристрастность? Или он думает, что я порчу шоу? Возможно, ему не нравится делить всеобщее внимание с постоянным второстепенным персонажем? Или я ему просто надоел до зубной боли? Выходя на подиум, я чувствую себя как старшеклассник, сочиняющий любовную записку: «Дорогой Алекс! Я тебе нравлюсь? Дай мне знать. Да или нет?»

Я могу чувствовать себя неуютно в связи с моим внезапным успехом в Jeopardy!, но это ничто по сравнению с тем, что чувствуют другие игроки. Не забывайте, что еще ни одна из моих игр не была в эфире. И никто не кричит «Ура!» и не бросает в воздух чепчики, когда Мэгги легко, как бы между делом сообщает претендентам, что среди них в комнате находится победитель последних 20, 30 или 40 игр. Улыбки застывают на лицах. Кто-то обычно нервно посмеивается и уточняет: «Нет, серьезно? Сколько, вы говорите, игр?» Я в свою очередь проявляю неожиданный интерес к процессу удаления катышков со своих штанов или привожу в порядок воротничок, пока все глаза в комнате мрачно осматривают меня с ног до головы.

Я понимаю их возмущение. В свой первый день я испытал похожие чувства в отношении Анны Бойд. Я пытаюсь улыбаться, придерживать для всех двери, желать всем удачи перед каждой игрой, надеясь свести эту ненависть к минимуму. Когда они требуют объяснений моей удачливости, я лишь говорю, что удивлен ей не меньше, чем они. Здесь, кстати, нет никакого притворства. Это правда.

Иногда мне удается наладить за сценой хорошие отношения с некоторыми будущими игроками. Ник Аретакис (24-я игра) — продавец в книжном магазине из Нью-Хейвена — разделяет мою любовь к британскому кино 1940-х годов вообще и фильмам Майкла Пауэлла и Эмерика Прессбургера в частности, а также хорошо знаком с редкими книгами по истории мормонов. Коллин Мин (43-я игра) не только работает юристом в Сиэтле, там же, где раньше работал мой отец, но и год ходил в ту же начальную школу при американском посольстве в Южной Корее, что и я. Не знаю, что заставляет нас налаживать связи друг с другом перед игрой. Возможно, ощущение

общей нервозности, может, стокгольмский синдром^[49], а может, и неподдельный взаимный интерес. Однако после того, как игра складывается не так, как им бы хотелось, некоторые из них становятся холодны и стараются от тебя дистанцироваться. Большинство мечтает как можно быстрее смыться со съемочной площадки. Некоторые уходят, не торопясь, что-то сокрушенно бормочут себе под нос, посылая проклятия либо в свой адрес, либо в мой, либо в оба одновременно. Не могу сказать, что я их за это осуждаю.

Некоторые претенденты, кстати, испытывают облегчение, когда узнают, что им предстоит играть со мной, то есть это как будто уменьшает для них невероятное напряжение перед появлением в Jeopardy!. Все-таки проиграть Голиафу не так стыдно, зато как круто оказаться Давидом, если удастся его побороть! Улыбчивый канадец Брайан Шипли, вместо того чтобы сторониться меня в артистическом фойе, страстно желает получить мой автограф. В моем сознании неожиданно всплывает картинка, когда возбужденные баскетболисты сборной Анголы выстраиваются в очередь за автографами к Джордану, Берду, Мэджику Джонсону и остальным игрокам «Дрим Тим» во время предыгровой разминки на Олимпиаде в Барселоне. Другой игрок примерно 30 лет от роду, назвавший сам себя «торчком», сообщил мне по секрету, что утром перед тем, как сесть в шаттл от отеля «Рэдиссон» до съемочного павильона Jeopardy!, он выкурил два косяка «чисто ради релакса». Похоже, сработало. Во время нашей игры он выглядел о-очень расслабленным.

Но один за другим, уверенные и не уверенные в себе, обкуренные и необкуренные, они все проигрывают. Садовник, разводящий орхидеи, экстрасенс, оказывающий услуги по телефону, симпатичный старик из Уэльса, переживший нацистские бомбардировки Британских островов, дочь актера Брайана Деннехи, геолог, исполнительница танцев живота, гитарист поп-группы 1990-х Combustible Edison — все они отправились домой с выигранными деньгами за второе место и утешительными призами за третье. Я чувствую свою вину перед всеми вместе и каждым в отдельности. Это не пустые слова — я правда так чувствую. Мы могли бы стать друзьями, но боги Jeopardy! сделали нас противниками в игре. В конце концов, они такие же тривия-зависимые,

как и я, и так же, как и я, мечтают получить свои пятнадцать минут славы в Jeopardy!. Но вместо этого все они получают удар в спину от парня, у которого есть несправедливое преимущество в виде 40 выигранных игр. Это гложет меня изнутри. Не настолько сильно, чтобы, например, нарочно проиграть игру, но все же...

У моего положения есть и еще одно преимущество, которое никогда раньше не приходило мне в голову. Конечно, никто в Jeopardy! специально не предлагал мне играть на условиях Чарльза Ван Дорена и не показывал заранее правильных ответов. За исключением случаев... когда это все-таки иногда происходило.

Тривия конечна. Она может содержать лишь такое множество фактов, которое, особенно если ты сознательно ставишь для нее рамки, может быть забавным, интересным и понятным для широкой аудитории. Фред Ворт жаловался мне, что он в своей жизни прочел такое количество тривии, что ему практически не попадают больше факты, способные по-настоящему удивить. «Я называю их четырехзвездочными, и только они приносят истинное наслаждение. Мне будет гораздо приятнее найти четырехзвездочный факт тривии, чем 20-долларовую банкноту».

Согласно Фреду тривия похожа на пляж, песок которого за годы был столько раз просеян, что все сколько-нибудь красивые ракушки оттуда давно вынули. Поэтому не должен вызывать удивления тот факт, что мне не очень долго пришлось играть в Jeopardy! до момента, когда факты и вопросы стали повторяться. Не слово в слово и, конечно, не злонамеренно, но достаточно для того, чтобы подарить мне ответы на несколько вопросов, которые иначе неминуемо прошли бы мимо меня. Гораздо проще вспомнить, какая партия заключила свою конвенцию в 1968 году в Майами, если другой вопрос неделю назад сообщил тебе, что в том же году демократический конгресс прошел в Чикаго. Много легче вспомнить название антибиотика, который был вытеснен пенициллином во время Второй мировой войны², после того как несколько недель назад завалил тот же самый вопрос на аукционе, потеряв при этом \$4200. (Не знаю, доводилось ли вам просаживать на одном вопросе викторины несколько месяцев квартплаты, но неудивительно, что правильный ответ на такой вопрос

надолго отпечатался бы в вашем мозгу.) То же самое было и с вопросом про певца в стиле кантри, который отбывал срок в тюрьме Сан-Квентин до момента, когда Рональд Рейган подписал его прошение о помиловании³. На этот вопрос я не ответил в моей самой первой игре, и он же попался мне еще раз спустя несколько месяцев.

Такого рода повторы неизбежны, если учесть то обстоятельство, что Jeopardy! выдает в эфир гигантское количество тривии — почти 15 тысяч вопросов каждый год. Но в целом я не согласен с Фредом, что тривия так легко исчерпаема. Любого рода коллекционеры рискуют рано или поздно (о ужас!) собрать свою коллекцию целиком. Они могут обнаружить, что у них теперь есть весь набор памятных тарелок, посвященных гонщику Дейлу Эйнхардту, или все выпуски комиксов про Человека-муравья, или полный комплект коллекционных чашек с цитатами из ситкома Joanie Loves Chachi, и не за чем больше рыскать по блошиным рынкам и сайту eBay. (В таком случае вы можете либо попытаться «проапгрейдить» свою коллекцию товаров Joanie Loves Chachi до состояния «как новенькие», либо признать, что жизнь пуста и бессмысленна, и сунуть голову в петлю.) Фанаты тривии — тоже, как заметил Эй Джей Джейкобс, коллекционеры. Только они в некотором смысле удачливее свои коллег. Объект их страсти практически бесконечен. Вопросов «четырёхзвездочной» тривии, возможно, действительно, мало, и они редко встречаются, но поток новой тривии никогда не иссякнет. Сумма человеческого знания, если представить ее в мегабайтах, растет с астрономической скоростью каждый день. По расчетам ученого-программиста, доктора Жака Валле (одного из отцов-основателей интернета, а также эксперта в области изучения НЛО, с которого Франсуа Трюффо списал главного героя фильма «Близкие контакты третьей степени»), она удваивается каждые 18 месяцев.

Другими словами, новая тривия «производится» постоянно и в промышленных количествах. Еще десять лет назад было невозможно задать вопрос: «Кто стал единственным человеком, который получил “Оскара” за то, что сыграл роль другого реального обладателя “Оскара”?»⁴ или «Какие два президента США были тезками по среднему имени?»⁵ — просто потому, что события, на которых они

основаны, тогда еще не произошли. Песок может быть основательно просеян, но волны снова и снова выносят на пляж красивые раковины.

Сорок с лишним игр в Jeopardy! научили меня еще одной вещи, касающейся знаний, — а именно тому, что берутся они отовсюду. Я всегда предполагал, что умники, выстраивающиеся в очередь к подиумам Jeopardy!, черпают все свои знания из книг благодаря запойному чтению в течение всей жизни. Их вдохновенные бледные лица подтверждали мою теорию. Однако мой личный опыт и опыт участников, с которыми я об этом говорил, заставил меня переменить свое мнение. На самом деле (дети, заткните уши!) чтение здесь вторично. Конечно, я люблю читать. Я узнал много ответов из прочитанных книг. Но гораздо большее число фактов перенеслось в мою память не со страниц книжек, а просто из жизненного опыта, из любопытства, которое я проявлял в течение всей жизни, из наблюдений за миром вокруг меня.

Мне даже немного стыдно от того, сколько ответов в Jeopardy! я дал не благодаря высокоинтеллектуальным книгам в благородных кожаных переплетах, а благодаря чему-то более плебейскому. Надо ли говорить, на сколько вопросов по мифологии я ответил лишь благодаря серии комиксов про Тора, которые я просматривал в детстве? Или сколько ответов из области географии подарили мне телепередачи про путешествия в разные страны? Источником почти всего, что я знаю про звезды и созвездия, были научно-фантастические фильмы категории «Б». За представление о том, как выглядят флаги государств мира, я должен благодарить канал NBC и его трансляции с Олимпиад, а за знания названий водоплавающих птиц — составителей кроссвордов.

Понимание того, сколько ежедневно пропускаемой через себя информации мы способны впитывать при определенной внимательности, поистине воодушевляет. Вернувшись домой после очередного съемочного цикла, я осознал, как легко каждый день, каждый час узнавать что-то новое. Достаточно посмотреть всего несколько минут старого фильма про Вторую мировую войну в ночном телеэфире, чтобы узнать о ней что-то, чего не знал до того, — например, кодовое название пляжа, где происходила высадка союзных войск в Нормандии, которое совпадает с названием химического

элемента⁶. Листая журнал в ожидании приема у стоматолога, я на каждой странице могу найти для себя что-то новое, будь то статья о глобальном потеплении, плей-офф НБА или реформе здравоохранения. Готовя ужин вместе с Минди, я могу выучить новые слова французского или итальянского происхождения, которые в изобилии встречаются в рецептах, ведь ни по-французски, ни по-итальянски я не говорю. Например, таким способом я узнал, какие макаронные изделия на языке оригинала называются «маленькими репками»⁷. Даже такое бессмысленное видео, как сериал про паровозика Томаса и его друзей, которое Дилан заставляет меня смотреть вместе с ним, при более пристальном изучении может оказаться прямо-таки сокровищницей ценных сведений о поездах и железных дорогах. Десятки раз на дню в моей голове срабатывает виртуальный сигнал: «Эй, а ведь про это могут спросить в Jeopardy!». Эти звоночки больше не вгоняют меня в панику. Я даже научился получать от них удовольствие.

Без сомнения, самая сюрреалистическая часть всей моей телевизионной эпопеи — это секретность. Перед первой записью я подписывал документ, в котором обязался не раскрывать никому подробности и результат программы до того, как она попадет в вечерний эфир. Но еще до этого я решил для себя, что по возвращении никому из домашних не расскажу о том, что произошло. Никому не нравится заранее узнавать счет футбольного матча, который ты вознамерился посмотреть в записи, ведь так? Вот я и решил дать своим друзьям и семье возможность сполна насладиться саспенсом во время просмотра игры по телевизору и не сообщать им, выиграл я или проиграл.

Такой план я вынашивал, пока считал, что мне предстоит только одна игра с маленькими шансами на вторую и уж совсем невероятную третью. На тот момент рекордом Jeopardy! было семь побед подряд. Я и предположить не мог, что мое пребывание на съемках Jeopardy! продлится больше недели, не говоря о том, что я буду ездить туда, как на работу. Вместо работы.

С того момента, как я понял, что мне придется лететь на съемки в Лос-Анджелес третью неделю подряд, моя начальница Гленда начала прикрывать меня. Ей пришлось вооружиться неистощимым набором

легенд, объясняющих, почему меня каждый вторник и каждую среду на протяжении всей весны нет на месте. «У Кена грипп», «Кен красит цокольный этаж дома», «Кен сидит с больным ребенком». Если вы до сего момента считали программистов очень умными и проницательными людьми, боюсь, придется вас разочаровать. Ни один человек во всем офисе ничего не заподозрил.

Где-то после пятой или шестой поездки в Калифорнию ребус стал казаться уже слишком сложным, и я начал задумываться о том, как бы с наименьшими потерями рассказать всем, что на самом деле происходит. Вести тайную жизнь очень непросто — постоянно приходится размышлять о множестве разных проблем. Что думают коллеги с работы о том, почему меня не было вчера? Хватит ли денег на нашем банковском счете, чтобы в этом месяце еще три раза съездить в Калифорнию? Когда у меня закончится одежда, пригодная для появления в кадре (я ведь программист, «приличная одежда» для меня — это шорты, на которых не заметны пятна от кетчупа), как одолжить подходящие шмотки у отца, не говоря ему правду о том, зачем они мне вдруг понадобились?

Кроме того, обманывая всех, кого знаешь, на протяжении нескольких месяцев, можно нанести себе психологическую травму. Я начинаю чувствовать себя немного шизофреником. Несколько дней в месяц я тот самый Кен Дженнингс, который бьет рекорды телеигры и чей постоянно растущий выигрыш уже выглядит внушительной суммой, способной изменить жизнь. Но об этом еще никто не знает. Я по-прежнему должен возвращаться домой и быть просто Кеном Дженнингсом, обычным молодым папашей из пригорода, занимающимся привычным механическим офисным трудом и делающим вид, что ничего не происходит.

Я начинаю ощущать себя Кларком Кентом, работающим в газете Daily Planet, который в общении с друзьями создавал впечатление мягкого, ничем не примечательного человека, так что они ничего не предполагали о его полной опасностей двойной жизни^[50]. Я провожу дни на рабочем месте, создавая одно за другим почти идентичные компьютерные интернет-приложения, а затем будто по тайному

сигналу срываюсь в «Калвер-Сити». Этот психологически рваный ритм убивает меня.

Выброс адреналина во время игры в Jeopardy! — это круто, но, когда я возвращаюсь домой, мне не хватает той уверенности в себе и своей компетенции, которую я ощущаю, когда держу руку на кнопке. Наверное, что-то подобное чувствует морпех, когда сжимает в руках автомат. «Это моя кнопка. Здесь есть еще две таких же, но моя — именно эта. Моя кнопка без меня бесполезна. Я без моей кнопки бесполезен. Я должен хорошо жать на кнопку. Я должен жать быстрее, чем мои противники, которые хотят пережать меня...»

Я никогда не чувствовал себя достаточно уверенным или компетентным, сидя перед монитором рабочего компьютера. Я занимаюсь этим уже пять лет, и почти каждый день из этой половины десятилетия напоминал мне, что то ли из-за слабых способностей, то ли из-за своего отношения к делу я — посредственный программист. Это просто не мое.

Я, кажется, всю жизнь, с младых ногтей был фанатом тривии, но я никогда не рассматривал занятие ею как вариант выбора жизненного пути. Ну и, кроме того, при знакомстве девушкам было наплевать на то, что я знаю, какая столица — самая северная в мире⁸, каково первое имя Капитана Кранча⁹ или какая команда — единственная в американском профессиональном спорте находится в муниципальной собственности¹⁰. Так что я и думать про это забыл. Казалось, что тривия просто не может быть делом жизни для взрослого человека. Моей специализацией в университете был английский язык. Но с точки зрения рынка труда это тоже не выглядело слишком перспективным. («В чем разница между филологом-англоведом и пиццей-пепперони?» «Пицца-пепперони может накормить семью из четырех человек».) Поэтому я и переквалифицировался в компьютерщики. Я знал, что это будет не так весело, но новое занятие казалось мне безопасным и ответственным делом. В год выпуска из университета я подал документы на продолжение обучения сразу по нескольким программам. Но вскоре состоялась моя свадьба, и мы решили, что будет здорово взять ипотеку и время от времени вносить небольшую сумму на погашение кредита. Таким образом, мне

пришлось оставить мысли о продолжении образования и согласиться на первое же предложенное место программиста. Мне всегда нравились условия моей работы. Но сама она в разное время казалась либо не особо возбуждающей, либо разрушающей душу и чрезвычайно утомительной. Я мог платить по счетам, но никогда не был по-настоящему счастлив.

Jeopardy! — это первый случай в моей жизни, когда я о чем-то мечтал и при этом что-то сделал для того, чтобы эта мечта осуществилась. Вообще-то это для меня не типично. И главное, каким-то чудом моя ставка сыграла. И теперь я стою здесь, делая то, что у меня хорошо получается, ради перемен — и награда будет в сотни раз больше, чем за те безопасные, спокойные и ответственные занятия, за которыми я собирался провести остаток жизни!

Среди всего многообразия лотерейных билетов счастливым оказался именно этот, со значком тривии, который выглядел самым неказистым и легкомысленным из всех возможных. Кто бы мог подумать?

ОТВЕТЫ

- 1** Гибкий уретральный катетер изобрел **Бенджамин Франклин**. Ему же принадлежит знаменитая фраза про «рыбу и гостей», а не игроков в телеигры, которые протухают за три дня.
- 2** **Сульфаниламидные препараты** были заменены пенициллином во время Второй мировой войны.
- 3** **Мерл Хаггард** отбывал срок в тюрьме Сан-Квентин до момента, когда Рональд Рейган подписал его прошение о помиловании.
- 4** Сыграв в фильме «Авиатор» Кэтрин Хепберн, **Кейт Бланшетт** стала единственной актрисой, завоевавшей «Оскар» за исполнение роли другого оscarовского лауреата.
- 5** **Уокер** — это единственное среднее имя, которое совпадает у двоих президентов США, у Джорджа Герберта Уокера Буша-старшего, и Джорджа Уокера Буша-младшего.
- 6** Из пяти кодовых названий пляжей «Дня Д» только один — **«Голд»** — совпадает с названием химического элемента (по-

английски «золото»).

7 Равиоли (ravioli) в переводе с итальянского переводятся как «маленькие репки».

8 Рейкьявик, главный город Исландии — самая северная столица в мире.

9 Полное имя Капитана Кранча — **Горацио** Магеллан Кранч.

10 The Green Bay Packers — единственная в американском профессиональном спорте команда, находящаяся в муниципальной собственности.

Глава XIII

Что такое традиция?

Городок Стивенс-Пойнт лежит точно в центре Висконсина, на сотню миль севернее Мэдисона, если ехать по 39-му хайвею. Это классический вариант небольшого американского городка на Среднем Западе. Здесь вы найдете тенистые авеню с высаженными по бокам деревьями и главную улицу со старомодными, но милыми домами постройки XIX века. Неподалеку, в пруду Макдилла можно великолепно порыбачить со спиннингом. В городке даже есть средних размеров муниципальный университет, представитель тех очаровательных кампусов, в которых Курт Рассел^[51] проводил свои злонамеренные лабораторные опыты в диснеевской киношке 1970-х.

В размеренном течении жизни Стивенс-Пойнта есть серия важных для города ежегодных мероприятий, которые так же предсказуемы и непримечательны, как и почти все здесь. С начала июня на набережной выступают музыкальные группы. В ноябре открывается сезон охоты на оленей. В марте после зимней спячки раскрывает двери любимое жителями кафе-мороженное Belt's Soft Serve в южной части городка, и перед его дверьми выстраиваются очереди. Но одно событие выделяется из череды прочих и стоит особняком как для горожан, так и для их гостей, приезжающих специально ради него. Оно яркой кометой пересекает орбиту умиротворенной жизни центрального Висконсина.

В апреле крошечный висконсинский Стивенс-Пойнт на 54 часа становится мировой столицей тривии.

«Это самая крутая штука в городе, — сообщает мне мэр Гарри Уэскотт, пытаясь перекричать гул автомобильных моторов и аплодисменты зрителей. — Это круче, чем что бы то ни было в университете, это даже круче, чем день встречи выпускников!»

Мы с Его Величеством мэром находимся на заднем сиденье открытого джипа «Вранглер», петляющего по улочкам вокруг кампуса UWSP (Университета Висконсин в Стивенс-Пойнте) со скоростью примерно десять миль в час. Он размахивается и бросает в толпу

миниатюрные шоколадные батончики Almond Joy. Перед нами ползет полицейская машина, одна из лучших в округе Портедж, создающая красно-голубую светомузыку. Позади на весь квартал протянулась пестрая вереница самых разнообразных транспортных средств. Странная процессия включает в себя грузовик с танцующими в открытом кузове овощными роллами, передвижное кладбище, переполненное зомби, корабль викингов, заведенную с толкача «Шевроле Бьювиль» 1979 года, которая каждую секунду грозит рассыпаться в ржавую труху, а также одетого в костюм Бэтмена парня на мопеде, к которому привязано инвалидное кресло, в нем, в свою очередь, восседает другой парень, одетый как Человек-паук.

Это Парад тривии, праздник, который открывает самый крупный в Соединенных Штатах фестиваль тривии. Он проходит в Стивенс-Пойнте каждый год в апреле на протяжении последних 36 лет.

Сам мэр Уэскотт — выпускник местного университета и бывший сотрудник университетской студенческой радиостанции, вещающей на волнах 90FM, которая организует и транслирует ежегодный тривия-марафон. В бытность свою школяром он работал там новостником и прямоэфирным диджеем. «Сколько там у нас была мощность ретранслятора? 30 ватт? — спрашивает он у другого ветерана местного вещания. — В общем, там, где мы сейчас, — а мы всего в паре кварталов от кампуса, — было уже ничего не поймать».

Времена изменились. Мощность передатчика сегодня составляет 11 500 ватт, и на Среднем Западе это самое крупное студенческое радио. Они планируют дойти до 50 тысяч ватт, как только накопят денег на новый передатчик и антенну, и, конечно, больше всего средств в эту копилку приносит фестиваль тривии. С учетом продажи рекламы, вступительных взносов 400 с лишним сотен команд и продажи сувенирной продукции (только продажа фирменных маек с логотипом фестиваля принесла станции в первый день \$20 тысяч) доход от проведения мероприятия может составлять до \$60 тысяч каждый год.

Мы въезжаем на стоянку возле местной школы — это последняя точка парада. Каждый карнавальный экипаж был собран и укомплектован одной из команд — участниц ежегодного состязания. Для самых креативных авторов предусмотрены специальные призы. В

этом году победителем парада признан корабль викингов, который, как оказалось, принадлежит команде «Норвежские жеребцы», ветеранам турнира с десятилетним стажем. Помимо стабильного превосходства по части выступлений на парадах, «жеребцы» регулярно оказываются в первой сотне итоговой турнирной таблицы. Это позволяет предположить, что с тривией у них получше, чем с орфографией.

Корабль викингов, конечно, впечатляющ. В равной степени впечатляющими можно признать и подводную лодку, и космический корабль «Норвежских жеребцов», с которыми они побеждали в прошлые годы. Однако у меня есть сильное подозрение, что в этом году на решение судей повлияла флотилия постпубертатных девиц в открытых топах и коротеньких шортах, которые вертелись вокруг импровизированного плавсредства на всем протяжении его пути. Сегодня первый по-настоящему теплый, весенний пятничный полдень, и солнце, с восторгом глазеющее на юные студенческие тела, тоже как будто принимает участие в параде. «Эта девочка учит танцам мою четырехлетнюю дочь, — бросает мне между делом один из судей, когда мимо прокатывается очередная викингесса. — Надо признать, она... прекрасно сложена».

После вручения наград мэр передает мегафон коренастому мужчине, на вид 50 с небольшим лет, с губ которого не сходит саркастическая усмешка. Своими очками и непослушной седеющей бородой он смутно напоминает мне Джерри Гарсию времен хита Touch of Gray. Это Джим Олива, который сам избрал для себя странный жизненный путь длиной в 25 лет. С 1979 года он проводит этот тривия-фестиваль и составляет для него все вопросы. В какой-то из годов этого марафона за свою всеведущую мудрость он получил прозвище Оз. Итак, Оз все утро нетерпеливо потирает руки, подсознательно пытаясь приблизить радостный момент начала соревнований. Наконец время пришло. Джим хватается мегафон и ревет в него: «Вы готовы к тривии?» Вся толпа и даже парни, приплясывающие в костюмах овощных роллов, приходят в неистовство.

«Величайший в мире фестиваль тривии» — так ныне почившая в бозе Американская ассоциация тривии назвала когда-то одно из мероприятий в Стивенс-Пойнте, прошедшее еще до того, как к

организации подключился Джим Олива, хотя сегодня сложно представить себе этот конкурс без него. Фестиваль впервые состоялся в 1969 году и проходил в течение одного дня — 16 часов, 80 вопросов и небольшая горстка команд. Образцом для него послужило другое мероприятие, тоже тривия-радиоигра, которую с 1966 года Университет Лоуренса проводил неподалеку от городка Эплтон. (Кстати, первый вопрос в Лоуренсе звучал так: «Как звали отца Супермена?»¹) В свою очередь предшественником турнира под Эплтоном считается конкурс в Белойт-колледже. Теперь и Висконсин вошел в историю благодаря фестивалю тривии, проводимому по студенческому радио.

К 1975 году фестиваль достиг своих нынешних масштабов: 54-часовой марафон, на протяжении которого каждый час задается по восемь вопросов. Игра проходит следующим образом: на волне 90FM диджей в прямом эфире зачитывает вопрос. Затем звучат две песни, во время которых все участвующие команды должны дозвониться на радиостанцию и передать свои ответы. Результаты по каждому вопросу заводятся в компьютер и суммируются. У каждой команды есть только один звонок и одна попытка ответа на каждый вопрос. По окончании второй песни ведущий объявляет: «Время вышло! Ответы сданы. Звонки больше не принимаются!» Затем он зачитывает правильный ответ на вопрос, но у команд нет времени, чтобы радоваться попаданию «в десятку» или предаваться горю («Я же тебе говорил, что это был Аксель Каррас!»), потому что следующий вопрос звучит немедленно. Этот цикл повторяется 428 раз с шести утра пятницы до полуночи воскресенья. Промежуточные результаты объявляются после каждого часа.

Энергичный темп соревнования, один вопрос на семь минут или около того, не дает расслабиться. Но на этом трудности команд не заканчиваются. Дополнительно существуют 20 с лишним вопросов с картинками, которые издаются радиостанцией 90FM в виде газеты *New Trivia Times* за неделю до мероприятия. Кроме того, в течение турнира можно трижды сыграть в «Угадай мелодию» — когда в эфир выдаются короткие фрагменты из 24 музыкальных произведений. Но это еще не все! Ранним утром в субботу и в воскресенье командам

предлагается пройти небольшой квест — по нескольким наводкам отыскать на главной улице Стивенс-Пойнта заранее спрятанные там предметы. («Это для того, чтобы хотя бы один раз за день выгнать людей на свежий воздух», — объясняет Джим.) Проводится также автомобильный квест, в ходе которого участники, руководствуясь зашифрованными указаниями, звучащими по радио, охотятся за сокровищами. Подсказка может быть прочитана в любой момент в течение игрового уик-энда. Ну, и в этом году в довершение всего будет задано восемь ультрасложных, «гробовых» вопросов, которые будут периодически звучать в том же самом эфире в течение марафона. Для их раскрутки команды могут использовать все выходные — ответы необходимо сдать в самом конце соревнования. Короче, на протяжении 54 часов скучать не получается. А игрокам приходится быть готовыми выполнять несколько задач тривии одновременно.

Как ни странно, недостатка в игроках, готовых принять серьезный 54-часовой вызов, не наблюдается. В городке с населением меньше 25 тысяч человек число зарегистрированных участников фестиваля из года в год колеблется возле солидной отметки в 12 тысяч человек. И это только в официальных списках. Будет не вполне корректным утверждать, что в мероприятии принимает участие половина города, поскольку многие постоянные игроки — это приезжие или уроженцы Висконсина, разъехавшиеся по стране и вернувшиеся на уик-энд ради фестиваля. Но даже с учетом этого факта город, без преувеличения, сходит с ума по своей радиотриви. «Каков же приз за все эти мытарства?» — спросите вы. Ну, по большому счету, никакого. Лучшие десять команд получают по небольшому сувениру. И, собственно, все.

Я въехал в Стивенс-Пойнт на взятом в прокате «Ниссане Альтима» за несколько часов до начала парада. Поначалу я думал арендовать более компактный автомобиль, но большая «Альтима» — это уступка длинным ногам Эрла Кахила, который решил составить мне компанию. «Ты собираешься регистрироваться на игру?» — спрашиваю его я.

«Да ну... Мне просто интересно посмотреть, каково это, когда целый город сходит с ума на почве триви. Ты такое когда-нибудь видел?»

Мы едем по Дивижн-стрит, торговой улице, которая пересекает центр Стивенс-Пойнта. Пейзаж за окном знаком и привычен своей безликостью. Те же универмаги, магазины автозапчастей и «Бургер-кинги» можно встретить абсолютно в любой точке Америки. Но одно отличие все же есть. Каждая уличная вывеска тематически связана с тривией. «Добро пожаловать игрокам в тривию!» «Тривия 36 — не отступать и не сдаваться!» «Специальное тривия-предложение — чипсы начос за \$1,59». Мы с Эрлом останавливаемся на поздний ланч возле мексиканской закусочной Taco Bell. И несмотря на то что без малого через неделю заведение ждет закрытие и перепланировка, хозяева в качестве приманки тоже используют тривию. «Последний понедельник перед концом — добро пожаловать фанатам тривии!»

«Стивенс-Пойнт — маленький городок, — говорит Джим Олива, — но он реально дает жару во время уик-энда тривии». Тривия принесла Стивенс-Пойнту известность, подарив ему упоминания в передачах CNN, федеральных газетах, монологах Лено и Леттермана^[52]. Даже в Jeopardy! однажды был вопрос об этом фестивале, хотя никто из троих участников не смог дать на него правильный ответ. («Что такое Висконсин?») Тривия во многом сформировала и облик самого города. Еще недавно, так же как и в начале 1970-х, старая телефонная станция могла обеспечить лишь 72 соединения одновременно. Большую часть года этого вполне достаточно. Однако в течение уик-энда тривии число звонящих в один и тот же миг, чтобы сдать ответ, может равняться нескольким сотням. «Можно было десять минут прождать на линии в ожидании длинного гудка», — вспоминает Джон Эккендорф, соавтор Джима с 1989 года. Десятиминутная задержка может вывести из себя, когда надо дать ответ на вопрос в ограниченное время. Но местные власти гораздо больше заботила необходимость десятиминутного ожидания при наборе 911 или вызове других оперативных служб. Фестиваль вынудил компанию AT&T обновить телефонное оборудование, поставив в городе новые цифровые АТС на десять лет раньше запланированного срока.

Несмотря на весь этот ажиотаж, я вынужден сделать признание. И когда мы с Эрлом ехали в гостиницу, и глядя на парад, я испытывал

изрядный скепсис. На мой взгляд, с форматом конкурса в Стивенс-Пойнте есть одна проблема. Каждый раз, когда, я о нем слышу или думаю, слово «тривия» в моей голове заключается в виртуальные кавычки. Для меня это не тривия. В моем представлении тривия всегда ассоциируется со внезапной радостью, инсайтами и гордостью, когда неожиданный ответ на сложный вопрос для тебя самого становится сюрпризом. Но в Стивенс-Пойнте игроки не стоят на подиуме с кнопками в руках. Есть одна нестыковка в том, что они сидят дома и имеют семь минут на каждый вопрос. Думаю, вы уже догадались.

«Гугл».

А задолго до появления «Гугла» существовали шпаргалки, которые готовили преданные поклонники тривии Стивенс-Пойнта. То есть не просто там какие-то шпаргалки, а Шпаргалки с большой буквы, — не подспорье в учебе, а образ жизни.

В Jeopardy! возможность списывания исключена. Написать на руке все столицы африканских государств перед телевизионным квизом с точки зрения морали все равно, что использовать шпаргалку на экзамене в средней школе — это читерство^[53]. Вы, конечно, можете прийти на съемки в галстук с рисунком в виде таблицы Менделеева или в рубашке, на рукавах которой напечатан полный список вице-президентов США, но вам никто не даст воспользоваться своими «домашними заготовками» во время игры.

В Стивенс-Пойнте, напротив, Шпаргалки — единственный способ за что-то бороться в игре. Не так уж много лет понадобилось участникам, чтобы понять — гораздо легче ответить на вопрос: «Какое происходящее от бургера имя носил военный суперкомпьютер в фильме “Войнушка”?»² — если ты можешь открыть в Шпаргалках закладку: «Кино: 1982–1982». Если вам задали вопрос, ответа на который вы не знаете, но у вас под рукой есть нужная книга или журнал, к концу второй песни вы, скорее всего, будете этот ответ знать. Если же вам попадается какая-то информация, которую, как вы предполагаете, быстро в доступных книгах и журналах не найти, вы заносите ее в тетрадь.

Сторонний наблюдатель не затратит много времени на то, чтобы понять: Стивенс-Пойнт — не просто старомодный маленький городок,

который лишь на один уик-энд в год впадает в буйное помешательство, напоминающее сюжет рассказа писательницы Ширли Джексон «Лотерея». Чтобы все время быть в форме, эти люди круглый год ведут сумасшедший «тривияцентричный» образ жизни. Игроки могут записывать идущую по телевизору рекламу, чтобы потом просматривать ее, кадр за кадром, протоколируя все детали, которые теоретически могут показаться пригодными для вопросов. Какой счет зафиксирован на табло за спиной Джеймса Леброна в рекламе Nike? Что написано на футболке парня, делающего заказ в пиццерии Little Caesar's? Чтобы быть в курсе всех топовых новостных тем, некоторые команды назначают дежурных по вечерним шоу, по одному человеку на каждый день. Представьте себе, что каждый вторник вы должны проводить весь вечер у телевизора, записать все центральные программы на видеомэгнитофон или цифровой рекордер, чтобы потом отсматривать их, делая максимально подробные выписки. Ведь вы же не хотите стать виновником поражения команды из-за того, что пропустили именно тот эпизод ситкома According to Jim, по которому будет задан вопрос!

«Это мания, — говорит Рей Хэмел, который приезжает на фестиваль каждый год из Мэдисона. — Я не могу смотреть фильм, не делая параллельно выписки. Когда я ходил на свидания с девушками, у меня было правило — на первом свидании никаких записей. Однако уже со второго свидания девушкам приходилось свыкнуться с тем, что в кинотеатр, помимо них, я беру с собой тетрадь и ручку». В тридцать одной книге Рэй дал подробные описания почти 8 тысячам фильмов.

Джим Олива любит задавать вопросы из потребительской сферы: ингредиенты кулинарных блюд, рисунки на упаковке продуктов и т. п. В результате этого цокольные этажи домов Стивенс-Пойнта заполнены десятками аккуратно разложенных оберток от конфет, коробок из-под хлопьев и «хэппи милов». Я захожу в один из таких домов, где в этом году будет играть команда, известная как YAARGH!: Two Porta Potties, No Wading. Название команды связано с прошлогодним фестивалем, во время которого в штабе команды засорилась канализация, и пришлось срочно заказывать портативные биотуалеты. Я продираюсь через картотеку аккуратно разорванных упаковок, рассортированных по алфавиту от N до Z — собачий корм «Скуби Ду», завтрак из хлопьев

«Шрек», макароны и сыр «Губка Боб Квадратные Штаны». Похоже, коллекция пережила как минимум прошлогоднюю туалетную аварию. «Ты не боишься, что нужно быть маленьким Говардом Хьюзом^[54], чтобы собирать весь этот мусор?» — осторожно интересуюсь я у одного из игроков команды Гэвина Скотта.

«Ну, пока мы не начали вместо ботинок надевать на ноги коробки из-под салфеток Kleenex, мне кажется, волноваться не о чем», — беззаботно отвечает он. Тут появляется самый юный член команды YAARGH!, которому на вид не больше десяти лет, и вклинивается в разговор: «Мама купила попкорн, фруктовую пастилу и еще что-то. Мы это никогда не едим, зато на обертках есть тривия».

Мне по-прежнему кажется странной идея соревнования, в котором вместо проверки знаний тривии поощряется способность лучше всех писать шпаргалки. Думается, школьные учителя должны со мной согласиться. Ладно, пусть когда-то, в начале 1980-х конкурс Джима способствовал созданию города стенографистов, но тогда игроки пользовались хотя бы своими собственными выписками. Они должны были приложить усилия и потратить время. Теперь давайте включим режим быстрой перемотки и перенесемся в начало 1990-х. Альберт Гор, мастеря что-то в своем гараже (это, конечно, ирония!), придумал удивительную штуку — объединить несколько университетских и правительственных компьютеров в единую сеть с удаленным доступом. Тогда же несколько технически подкованных команд поняли, что теперь гигантский массив поп-культурной информации может стать доступен в этом так называемом интернете.

Последующий взрыв популярности Всемирной паутины и появление поисковых движков predeterminedли глобальную смену парадигмы для описываемого конкурса. Вспомните картотеку, которую вы и ваши товарищи по команде кропотливо заполняли информацией о выходных данных всех фильмов, выпущенных с 1916 года. Вспомните тысячи часов, которые вы убили на сортировку всех этих сведений и приведение их в актуальное состояние. Вспомните и ужаснитесь! Теперь этот эксклюзив есть у всех — достаточно лишь ввести адрес www.imdb.com. Ах, вы почти закончили составлять алфавитный указатель с текстами поп- и рок-песен на 6000 страниц? Хорошая

новость! Можете выкинуть его в помойку! Неожиданно и многоопытные ветераны, и необстрелянные новички тривии получили равный доступ к одному и тому же набору записей, настолько исчерпывающих, насколько можно себе вообразить. И все это без каких-либо усилий. Во времена Шпаргалок успех в соревновании Стивенс-Пойнта зависел если не от уровня знаний, то хотя бы от количества часов, затраченных участниками на подготовку, и от степени их внимательности к деталям. Что же теперь определяет исход конкурса? Умение гуглить?

Я хочу задать Джиму вопрос, изменил ли интернет его подход к составлению тривии. Однако, когда мне удастся добраться до низенького кирпичного здания радиостанции на краю кампуса, до старта остается лишь несколько минут. Восемнадцать операторов-волонтеров сидят за восемнадцатью телефонами и поедают пиццу, бесплатно предоставленную местным кафе Domino's. Каждому из них предстоит выдержать 13 четырехчасовых смен, в течение которых у них, правда, не будет недостатка в еде, питье и всем остальном. Местный кабельный телеканал устанавливает камеры в комнате с телефонами. В этом году решено транслировать все 54 часа конкурса в прямом эфире. Помощник Джима — Джон Эккендорф распекает одного из телевизионщиков за то, что его бесцельно блуждающая камера только что показала и выдала в эфир белую доску, на которой во время игры записываются правильные ответы.

На первую диджейскую смену по ежегодной традиции заступает сам Джим Олива. Он уже в своей кабинке, красуется перед камерами, объявляя первую песню Born to be wild группы Steppenwolf, которая всегда знаменует начало конкурса. С вопросом про «Гугл» придется подождать.

По всему округу Портедж в сотнях домах, где расположены штаб-квартиры команд, приемники настроены на волну 90FM. Ни один человек без риска для жизни не сможет в течение ближайших 54 часов сменить частоту. День ушел на встречи с приехавшими в город друзьями и родственниками, создание продуктовых запасов, налаживание домашних компьютерных сетей, распаковывание коробок со справочниками и картотеками из Шпаргалок. Теперь дети утихомирены, браузеры открыты, энергетики загружены в

холодильник. Я чувствую напряженность момента. Для этих людей начинается главное событие года; и Рождество, и летние каникулы, и Суперкубок по американскому футболу меркнут в сравнении с ним.

Заранее записанный «Мистер Голос» объявляет: «В 36-й раз мы играем в тривию! Оставайтесь на волне тривии!» Звучат приличествующие моменту фанфары, затем Джим погружает микрофон в свою всклокоченную бороду. «Ты готов сыграть в тривию, Быстрый Эдди? — спрашивает он, перефразируя вопрос, обращенный к герою Пола Ньюмана в фильме “Цвет денег”. — Тогда мы начинаем. Первый вопрос первого часа». Ну что же! Поехали!

Вопросы, вгоняющие в ступор своей сложностью, еще впереди, а пока первый вопрос. По еще одной укоренившейся традиции он элементарен. Дело в том, что ответ на него каждый год один и тот же — «Роберт Редфорд».

Традиция берет начало в 1980 году (вопрос семь 42-го часа игры, если быть точным), когда ведущий эфира спросил: «Кого недавно назначили уполномоченным по канализационным стокам в городе Прово?» Джим был уверен, что правильный ответ на этот вопрос — актер Роберт Редфорд. Об этом он незадолго до фестиваля прочитал в каком-то журнале. Однако возникла спорная ситуация, поскольку предприимчивые игроки догадались позвонить в штат Юта и узнали у какого-то мелкого чиновника городской администрации Прово другую фамилию. Правда, интересно представить себе лицо человека, которому неожиданно позвонили по межгороду только для того, чтобы узнать, кто тут у них заведует канализацией? Чтобы разрешить спор, Джиму пришлось связаться с представителем Редфорда, который сообщил, что Редфорда действительно недавно назначили уполномоченным по канализационным стокам, но в округе Прово Каньон, что неподалеку от Прово. Вопрос пришлось снять, и с тех пор каждый фестиваль начинается с какого-нибудь вопроса про Роберта Редфорда. «Чтобы помнили», — поясняет Джон Эккендорф.

В обычное время 90FM — нормальная старая рок-н-рольная станция, которая, если верить плакату на входе, крутит «Только Альтернативу!». Но в уик-энд тривии она превращается в станцию, которая крутит то, что в данный момент времени пришло диджею в голову. Что касается предпочтений Джима, то они меня совершенно не

удивляют. Он ставит доброе старье в виде California Girls его любимой группы Beach Boys и затем Elenore в исполнении Turtles. Затем звучит седьмой вопрос первого часа игры: «Постер какого фильма можно было разглядеть за головой Джона Макинроя^[55] во втором выпуске его недолго выходявшего в эфир ток-шоу?» (Это «Живи и дай умереть», если что. Неужели вы этого не знали?) Дальше идут Rolling Stones и Vanilla Fudge. Потом вопрос восемь: «Какая секретная американская военная база в 1942 году получила название благодаря консервам?»³

Надежды принести пользу и подсказывать ответы какой-нибудь команде, которые я до этого питал, постепенно испаряются. На большинство вопросов невозможно дать ответ без помощи интернет-поисковика. Иногда, конечно, попадаются и такие, что апеллируют к реальному миру, нормальным знаниям и не требуют от вас иметь под рукой конспект нужного эпизода сериала Crossing Jordan. Но и они невероятно сложны. Час второй, вопрос пятый. «Каково второе имя Джимми Нейтрона?»⁴ Час третий, вопрос первый: «Почему Эвелин Малрэй перед первой встречей с Джейком Гиттесом была потной и разгоряченной?»⁵ Я гордо поднимаю голову — это первый вопрос, в ответе на который я уверен. Это же из «Китайского квартала» с Джеком Николсоном! Интересно, хватит ли командам двух песен, чтобы найти эту сцену на DVD? DVD-проигрыватель удобнее и быстрее видеомэгаффона. Надо сказать, что он изменил конкурс почти так же сильно, как интернет. Джим уже объявил вторую песню Last Train to Clarksville, и она довольно короткая. Так что у вас, дорогие фанаты тривии, осталось всего 2 минуты 47 секунд на то, чтобы вставить диск в проигрыватель и найти на нем нужный эпизод. Вперед!

Уроженец Чикаго Джим Олива приехал в Стивенс-Пойнт в 1974 году, чтобы преподавать математику в средней школе имени Бена Франклина, и на протяжении следующих десять лет все девятиклассники города учились под его руководством разлагать на множители многочлены. Последние 20 лет он владеет небольшим магазинчиком компьютерных товаров. К 1979 году, когда радиостанцию 90FM покинул составитель вопросов тривии Стив Хемилтон, Джим уже два года работал там волонтером. И к нему, как

к самому старшему на станции, по его собственным словам, должность перешла по наследству.

Джим Олива — симпатичный, вдумчивый, мягкий человек, в отличие от Оза. (Как я уже сказал выше, во время тривии Джим Олива превращается в волшебника страны Оз, великого и ужасного, правителя Изумрудного города в образе гигантской головы без рук, без ног на троне из зеленого мрамора.) Оз железной рукой руководит конкурсом. Он не терпит препирательств и не пересматривает решений относительно зачета ответов на вопросы. Говорящий тихим голосом, сентиментальный Джим Олива прячется в своей маленькой кабинке, а перед зрителями предстает Оз. «Не обращайтесь внимание на человека за занавеской!»

Участники принимают все это как должное. Когда Джиму приходится прибегнуть к крутым мерам и засудить недовольного чем-то игрока, «хардкорным командам это нравится, потому что он — Оз!», говорит Эккендорф. И многие игроки воспринимают турнир не как борьбу с другими такими же игроками и командами, не как борьбу с вопросами, но как противостояние с Озом. «Я думаю, многие перед началом игры говорят друг другу: “Эй, давайте надерем Озу задницу”, — потому что он реально иногда ведет себя как говнюк», — уверяет один из капитанов команд.

Я делаю вывод, что за годы проведения этого фестиваля Джим стал больше, чем главным автором тривии — он гуру, чирлидер, талисман и великий инквизитор в одном лице. Тому свидетельство — энтузиазм и даже нежность, с которой он говорит со мной о тривии в перерывах между диджейскими сменами. Он — сердце и душа этого фестиваля. «Трудно не испытывать ко всему этому отеческих чувств в мои 59, — говорит он. — Не просто перестать для всех них быть отцом». Он будто пытается убедить меня, что сам хотел бы иного. Но меня так просто не купить!

Джим серьезно относится к своим обязанностям. Сезон тривии начинается с приходом нового года и проведением традиционного Парада Роз^[56]. Начиная с первой субботы января и до начала фестиваля в апреле они каждый уик-энд запираются вместе с Джоном Эккендорфом в редакторской комнате и творят. «Мне приходится

хранить в этой комнате все отходы нашего производства до конца турнира», — признаётся Джим. Он знает, что в противном случае участники будут копаться в их мусоре. Кроме того, один парень постоянно следит за ним, когда он идет в супермаркет. «Я беру себе с полка продукты, а люди вокруг замирают, как вкопанные, и пялятся мне в тележку, пытаясь разглядеть, что именно я себе положил». Одна дама, игрок команды, рассказала мне позже, что потратила несколько недель на то, чтобы выведать, какой зубной пастой пользуется Джим.

По общему мнению, на составление всех вопросов конкурса у него уходит 150 часов чистого рабочего времени. Во время турнира он умудряется держаться в строю круглосуточно — прикорнуть удается всего на несколько часов рано утром в воскресенье. В остальные 50 часов у него слишком много дел.

Очевидно, у Джима есть определенное видение, концепция конкурса, которая выходит за рамки простой игры в вопросы и ответы. Он придумал традицию, которая объединяет около 10 тысяч человек каждый апрель, год за годом, и испытывает законную гордость за популярность и масштаб мероприятия. Он гордится тем, сколько денег на образование студентов оно собирает, но больше всего — тем, что заставил весь город делать одно общее дело. Ежегодно в начале фестиваля поминают всех участников, покинувших этот мир в последний год. А раньше, говорят, были случаи, когда Джим прерывал ход конкурса, чтобы объявить о рождении ребенка у одного из играющих прямо сейчас мужей. В некотором смысле аудитория фестиваля — это большая семья размером в 12 тысяч человек.

Так изменил ли «Гугл» способ проведения конкурса для всей этой большой семьи, увлеченной тривией? Джим отмахивается от этой проблемы, заявляя, что он всегда на шаг впереди тех, кто ищет ответы на его вопросы в сети. Можно задавать больше вопросов, связанных с визуальной информацией и всякими другими штуками, которых текстовым поиском в интернете не найти. Можно строить фразу в более описательном ключе, без ключевых слов, так что поиск не даст нужных ссылок. Видимо, Джим имеет в виду то, как он задал вопрос про «Китайский квартал», не упоминая в нем напрямую название фильма. Но все же мне интересно, наивен он или лукавит, заявляя на полном серьезе: «Мы вбиваем в “Гугл” каждый наш вопрос, слово за

словом, и зачастую поисковик не выдает ни одной ссылки»? Для владельца компьютерного магазина странны столь явные лакуны в умении пользоваться интернетом. Игроки говорили мне, что Джим решительно недооценивает число вопросов, которые берутся прямым поиском, и что таких вопросов значительно больше 60 %.

Мне кажется, Джим чувствует скептицизм в моем голосе. «Однажды к нам приезжал репортер из Миннеаполиса, газета Star Tribune, чтобы сделать небольшой материал о фестивале, — рассказывает он, — и этот парень так вдохновился увиденным, что остался на все выходные. В итоге он позвонил в газету и сказал, что в воскресенье не появится, потому что тут слишком круто! Фестиваль — одна из тех вещей, которые нельзя оценить, пока сам не попробуешь». И он многозначительно на меня смотрит.

Ну что же, я готов испытать, каково это.

Возможно, ни одна команда не выражает дух тривии Стивенс-Пойнта лучше, чем «Берноуты с Франклин-стрит». Во всяком случае они представляют собой гигантскую черепаху-долгожителя этого конкурса. «Думаю, что мы самая долго существующая и стабильная команда на соревновании. Мы ни с кем никогда не объединялись и никогда не разделялись», — говорит капитан «Берноутов» Майк Вайза. Это их 31-й фестиваль. Их команда старше меня.

Майк — спокойный и веселый семьянин где-то под 40. Если вы ожидаете привычно консервативного внешнего вида от программиста и городского олдермена, то в нем вас удивит длиннющий «конский хвост» из вьющихся волос, яркая «вареная» футболка и любовь к скабресным шуточкам. Он и его жена Крис позвали нас с Эрлом в комнату на втором этаже их высокого старого дома, расположенного, само собой, на Франклин-стрит. Штаб-квартира их команды примечательна двумя вещами. Первая — потолок двускатной крыши, доверху заклеенный десятками пожелтевших газет. Вторая, которая поражает еще больше, — две дюжины людей, заполнивших каждый уголок и каждую трещинку этой маленькой комнатушки. Небольшая группа представителей старшего поколения собралась внизу за кухонным столом, чтобы за беседой готовить еду для верхней оравы. Мне предстоит узнать, что это стандартный вариант для многих команд — трехдневный уик-энд тривии выполняет объединяющую

роль для больших семей, члены которых слетаются отовсюду только на такую приманку. «Многих из этих людей мы видим только здесь и только раз в году», — объясняет Крис Вайза.

Дом принадлежит тете и дяде Майка по фамилии Груликовски. «Еще семьдесят два часа!» — уточняет Майк. Оказывается, дом выставили на продажу, и Вайза решили купить многолетнюю штаб-квартиру своей команды. Сделка должна завершиться в понедельник.

«Ну, вы, конечно, не для того покупаете дом, чтобы раз в год играть здесь в тривию, не так ли?» — пытаюсь пошутить я.

«Вообще-то именно для этого», — признаётся Майк. Мое недоумение говорит само за себя. Я здесь чужак, посланец странного внешнего мира, где люди не покупают дома для того, чтобы раз в год поиграть в них в вопросы, которые задают по радио. «Ты должен понять. “Берноуты с Франклин-стрит” играют в этом доме на протяжении 31 года. Что нам еще остается делать? Переезжать на Дубовую улицу? Это невозможно!»

Старшим Берноутам где-то в районе 60 лет. Дочь Майка и Крис, Мэдисон — одна из самых юных участниц. Пока ей не исполнилось пяти, на время «тривиального» уик-энда ее каждый год отправляли к бабушке в Грин-Бэй. Но однажды она настояла, чтобы ей тоже дали принять участие в игре. Она прекрасно помнит первый вопрос, на который смогла дать правильный ответ, — имя бородавочника из диснеевского мультфильма «Король Лев»⁶. Джим Олива рассказывал мне, что специально адресует вопросы разным поколениям игроков. Вопросы по современным мультфильмам притягивают внимание детей, а ностальгические вопросы из эпохи радиотривии — их дедушек и бабушек.

В основном команда чувствует себя расслабленно и просто весело проводит время. Однако новый вопрос тривии каждые семь минут вызывает всплеск активности. Вопрос о том, какую школу окончил Фред Сэнфорд^[57], заставляет игроков лихорадочно просматривать в интернете различные программы телепередач, в которых могла бы проскочить эта информация. Вопрос о том, какая фраза была напечатана на задней стороне бейсболки Анники Соренстам^[58], мгновенно материализует посреди комнаты кипу журналов Sports

Illustrated и увеличительное стекло. (Соседняя комната вообще представляет собой настоящий склад журналов. «У нас есть все телегиды начиная с 1974 года», — гордо говорит Крис.) Вопрос о производителе гигантских тыкв, чья статуя установлена в канадском городе Виндзор, заставляет сделать международный телефонный звонок.

«Мы уже все Соединенные Штаты обзвонили в поисках ответов, — говорит Крис. — Майк однажды дозвонился в прямой эфир какого-то радио. А что было делать? Где найти работающего человека посреди ночи? Вот и пришлось пробиваться к диджею».

Энергетика в комнате заразительна. Забыв себя, мы с Эрлом уже перегибаемся через головы Берноутов, пока они, стараясь обогнать время, роются в справочниках и в сети. Мы, конечно, не можем похвастаться подборкой телегидов с 1974 года, но зато мы оба программисты, профессиональные «ботаники». По меньшей мере мы можем предложить свои навыки по поиску в интернете.

Майк кажется самым расслабленным из всех Берноутов, но в его серьезном отношении к происходящему нельзя усомниться ни на секунду. Он едет на радиостанцию, чтобы передать ответы на набор аудиовопросов, когда диджей спрашивает, под какую песню однажды танцевали Кэти Мороски и Фрэнки Маквей. Интернет быстро выдает нам информацию — так звали персонажей Барбары Стрейзанд и Джеймса Вудса в фильме «Встреча двух сердец». Но больше ничего найти не удастся. Неожиданно звонит телефон. Это Майк из машины. «Я помню этот эпизод. Там играла песня The Sunny Side of the Street». Этот вопрос приносит нашей команде 258 очков, из всех остальных команд его берут только шесть, что позволяет Берноутам подняться на 15-е место. «Вот такой у меня муж», — сияя, говорит Крис.

Майк не менее полезен и во время разборок вокруг некорректных вопросов. История с Робертом Редфордом и канализацией — не единственный случай, когда Джим Олива оказывался не прав, и игроки не дают ему забыть об этом. Еще не затянулись раны после нашумевшего инцидента 1997 года «Хэмилтон против Хоровитц». Тогда Джим попросил назвать фамилию Шер, героини Алисии Сильверстоун в фильме «Бестолковые». Дело в том, что в листе проверки посещаемости она значилась как Шер Хоровитц, но в

дневнике была указана фамилия ее биологического отца — Мэла Хэмилтона. С истинно озовской непогрешимостью Джим утверждал, что правильным ответом является фамилия Хэмилтон, тогда как команды яростно с ним спорили, и громче всех возмущался Майк Вайза.

«Джим продолжал утверждать, что дневник — это официальный документ. Ну, а я прислал ему в ответ письмо, где в поле “Кому” значилась фамилия Ерундень. И он это письмо получил», — гордо заявляет Майк.

Вечер истекает быстро, вопрос за вопросом. Я очень удивлен, когда часы показывают 11. Я здесь уже около четырех часов. Но вообще-то во время конкурса вопрос «Который час?» никого не интересует. Мы угодили в дыру во времени, воображаемую сферу Шварцшильда^[59], из пределов которой никакой вид излучения не может дойти до наблюдателя. Разница лишь в наличии снующих вокруг детей, ожидающих очередной порции начос. «Ты ощущаешь ход времени, когда заходит солнце, и в начале каждого часа. Только и всего», — говорит Майк.

С каждым следующим вопросом мы с Эрлом все ближе к тому, чтобы утратить статус сторонних наблюдателей, и вскоре сдаемся окончательно. Звучит вопрос про дизайн рисунка на костюме Боду Миллера^[60], в котором тот выступал на последних соревнованиях. Спустя несколько секунд я оказываюсь в группе товарищей, листающих Sports Illustrated, в то время как Эрл пытается найти ответ в интернете.

«Он Б-О-Д-Х-И?» — спрашивает кто-то.

«Б-О-Д-Е», — отвечает Эрл, молниеносно вбивая поисковый запрос в ноутбук, который он только что-то у кого-то отобрал.

Я тем временем нахожу в подшивке SI нужную неделю. «По моему, я нашел картинку в оглавлении. Кажется, костюм темно-синий. Но погодите, я посмотрю в основной статье. Есть! Нашел! Рисунок напоминает паутину».

«Да, я тоже науглил несколько фотографий. Точно. Это паутина!» — кричит Эрл.

«Это пока первая песня?»

«Нет, вторая!»

«Звоните быстрее».

Эрл получает редкую привилегию — самостоятельно позвонить на станцию, чтобы сдать ответ.

Ну все, теперь мы почетные Берноуты!

Мы ковыляем обратно в гостиницу. С начала соревнования прошло всего семь часов, а я уже чувствую, что мой мозг переполнен, будто в него запихнули целый ужин, приготовленный на День благодарения. В виде тривии, конечно. При этом я понимаю, что сотни команд будут этим заниматься еще больше 50 часов кряду. Как им это удастся? Меня, например, уже клонит в сон.

У себя в номере я щелкаю по телевизионным каналам и вскоре нахожу тот, который освещает ход конкурса. На протяжении двух дней там транслируют одну и ту же статичную картинку того, как люди звонят по телефону и отвечают на вопросы под популярный в 1960-е годы саундтрек к фильму «Большое разочарование». Не могу поверить, что кому-то интересно за этим наблюдать.

Я смотрю до трех часов ночи.

Ранним утром следующего дня Крис Олива, жена Джима, которая почти на десять лет его моложе, везет нас на центральную улицу города посмотреть на участников уличного квеста. «Это же какая-то зависимость», — пытаюсь я невнятно объяснить ей по дороге. Я уверен в своей правоте. Еще Эй Джей Джейкобс рассказывал мне про особенности психической зависимости, которую рождает тривия. Но тут речь идет не об обычном, классическом ее варианте. Мы имеем дело с особой, рафинированной, даже дистиллированной, выведенной в лаборатории тривией. Каждые семь минут пневматическая помпа закачивает в подкорку вашего мозга очередную ее порцию. И как раз на исходе момента, когда эффект от нее почти рассеялся, туда поступает следующая доза. Она похожа на дозу кокаина, которая регулярно требуется наркоману для поддержания нормального состояния и отсутствия ломки.

Крис начала играть в тривию задолго до того, как стала «Миссис Оз». Она была капитаном команды Dyslexics of the World Untie, которая принимает участие в соревновании с 1989 года. Большую часть весны, пока Джим пишет вопросы для конкурса, она с ним почти

не разговаривает, опасаясь узнать что-то, что потом может оказаться ответом на вопрос. «Период с января по апрель — всегда самый трудный для наших взаимоотношений, — рассказывает она. — Я привыкла прятаться в ванной комнате и предупреждать Джима и Джона, когда захочу за чем-то выйти».

По ряду личных обстоятельств в этом году «Дислексики» решили сделать перерыв и не участвовать в зачете конкурса, что, возможно, снизит напряженность в семейной жизни четы Олива. Однако, похоже, остальной части команды пауза дается не так просто. «Когда вчера вечером начался турнир, мы орали друг на друга в течение часа», — говорит сокомандница и бывшая соседка Крис по общежитию Лора Уиндж. Я удивлен и немного растроган тем, насколько здесь у всех тонкая кожа и насколько сильны эмоциональные связи между товарищами по команде, между командами, между игроками и организаторами.

Второй капитан «Дислексиков» Диана Кнаууст почувствовала такую тягу к игре, что на автомате схватила телефон и стала звонить на радио, чтобы дать ответ на первый вопрос про Роберта Редфорда.

«Пол Ньюман», — выпалила она, задыхаясь, к вящему удивлению членов ее команды.

Неожиданно Эрл подпрыгивает на переднем сиденье. «Вы это слышали? Они только что спросили, как звали кота, который не мог слезть с дерева в начале фильма “Суперсемейка”. Его звали Пискля. Я точно помню — Пискля! “Полиция, мамочка, Пискля”, — говорит вначале мистер Исключительный. Нужно позвонить Берноутам. Какой у них телефон?»

Если я в своей мании нахожусь еще на ранней стадии и в любую минуту могу соскочить (как мне, во всяком случае, кажется), то Эрл завяз куда глубже.

Мы встречаемся с Джимом на парковке местного сетевого супермаркета Shopko, где команды собираются вместе, чтобы начать свою «охоту за сокровищами».

«Поспи хоть немного», — просит Джим жену, которая всю ночь следила за ходом соревнования.

«А ты тогда перестань задавать вопросы!»

Мы с Эрлом решаем посетить за день как можно большее количество команд и для этого изучаем их общий регистрационный список из 435 наименований. «Может, будем выбирать команды с самыми забавными названиями? — предлагает Эрл. — Я, например, хотел бы навестить K — Y Jelly Doughnuts & Drain Damage».

«Некоторые из этих названий звучат довольно скабрёзно, — замечаю я. — Давай поедem к тем командам, в названии которых есть намеки на оральный секс».

«Боюсь, у нас не хватит на это времени».

Многие команды, с которыми нам удастся встретиться, напоминают наших друзей Берноутов. В них представлены несколько поколений людей, объединенных общим столом, родственными связями и весельем. А одна из комнат дома обязательно под завязку набита всевозможными справочниками и старыми подшивками журнала People. Dad's Computers играют в полуподвальном помещении школы, где когда-то был оборудован компьютерный класс для обучения детей языку BASIC. Теперь 30 древних компьютеров оккупированы 30 молодыми игроками в тривию. The Choirboys, более всего напоминающие слугителей правопорядка, играют в отбуксированном на открытую поляну гараже. На столах, как в кафетерии, разложены горы свиных сарделек и квашеной тушеной капусты, а вокруг резвятся на солнце светловолосые ребяташки. Картина больше напоминает церковный пикник, чем тривия-баталию не на жизнь, а на смерть.

С посещением каждой новой подобной команды мое сердце наполняется все большей радостью. Люди, которые получают такой кайф от игры в тривию, не могут не вызывать моей симпатии.

Многие команды представляют собой вариации на тему Берноутов. Но еще большее число скорее похоже на Team Diesel. Последние играют в оглушительно шумной тесной квартире, расположенной над местным пабом, в которой умудряются уживаться несколько студентов местного университета. Игра здесь больше напоминает традиционный студенческий литрбол, с той лишь разницей, что несколько человек все же изредка пытаются расслышать вопросы в общем гуле.

«Ты точно правильно понял вопрос?» — кричит кто-то у меня над ухом.

«Какой вопрос?»

К чести Team Diesel надо отметить, что в итоге они заняли достойное 162-е место в турнирной таблице. Похоже, кому-то там все же удавалось звонить на станцию и сдавать ответы.

В воскресенье утром Крис и второй капитан «Дислексиков» Диана снова встречаются с нами. Внимание «Дислексиков» к турниру кажется неоправданно пристальным для команды, которая не играет в этом году. Диана беспокоится из-за того, что ее дочь Элисон, всегда игравшая за команду, пропустила большую часть утренних вопросов. «Она все еще в церкви? С каких это пор Иисус стал важнее тривии?»

«Дислексики» и я всматриваемся в обновленную в начале часа турнирную таблицу, в особенности в ее верхушку. Берноуты по-прежнему где-то на подступах к десятке, но они на несколько тысяч очков отстают от Дарта Вейдера^[61] соревнования, монстра тривии под названием Network. Результаты команды Network не поддаются объяснению. В начале 1990-х они выиграли семь раз подряд, а за последние четыре года — еще трижды. И это в конкурсе, в котором соревнуются сотни команд, а цена одного вопроса может достигать 500 очков, где у каждой команды есть потенциальный доступ к терабайтам поп-культурного мусора, разбросанного на бескрайних просторах интернета! И все же Network продолжает побеждать — 16 трофеев за последние 30 лет.

Излишним было бы упоминать, что означенные достижения не делают членов команды самыми любимыми ботаниками в Стивенс-Пойнте. «Пускай Network выигрывает, зато у нас у всех был секс!» — так начинается раздел «Цитаты» в ежегодном издании «Медиогид», который выпускает сильно пьющая команда, называющая себя Sakers. Но громче всех Network ненавидят их вечные соперники — команда под названием Occupation: Foole. Противостояние уходит корнями еще в старшую школу, где Foole были несколько старше и считались более крутыми (по-прежнему в контексте соревнований по тривии, должен оговориться я. Для Стивенс-Пойнта эта крутизна эквивалентна лидерству в музыкальной группе или на театральных подмостках в других местах). Наибольшей остроты схватка достигла в конце 1970-х. Тогда, по версии Network, Occupation: Foole без приглашения

свалились в штаб-квартиру Network после окончания очередного турнира, в котором обошли заклятых противников в топ-10. Они обсмеяли побежденных, забросали яйцами их машину, после чего резко слиняли получать свой заработанный приз. Обычное подростковое хулиганство, казалось бы, но Network до сего дня не могут простить обиду.

Другие команды говорят о Network на повышенных тонах и выстраивают разнообразные конспирологические теории, объясняющие их победы. Network используют компьютеры для связи с тысячей экспертов по всей стране, которые отвечают для них на вопросы. В команде царит дисциплина военного лагеря, в котором все спят, едят и отвечают на вопросы строго по расписанию. Ответы игрокам Network напрямую сливает сам Оз, который (это, кстати, на самом деле правда) когда-то ввел их в тривию, будучи их учителем алгебры в десятом классе.

Мы с Эрлом едем навестить Network в соседний городок под названием Пlover. Команда играет в цокольном этаже дома родителей одного из ее членов. При этом другие команды и даже сам Джим Олива предупреждали нас, что игроки Network соблюдают режим секретности и не пускают чужаков в свою штаб-квартиру. Но на поверку это не так. Мы спускаемся по ступенькам в полуподвальное помещение с незаконченным ремонтом, похожее на штаб-квартиры десятка других команд. Горстка усталых игроков, среди которых, судя по всему, несколько семейных пар, треплется и закусывает в перерывах между вопросами. Они приветливо здороваются с нами и предлагают свежеиспеченные донатсы. Здесь мы встречаем Рея Хэмела, который, по собственным словам, уже почти 20 лет выполняет роль «звонящего» команды Network. Когда задается вопрос, они так же, как и другие 430 команд, устало погружаются в книги, выписки, «Гугл» и, вероятно, тратят на это столько же времени.

Это и есть хваленые Networks? Но внимательнее оглядев помещение, я замечаю некоторые конкурентные преимущества. Книжные полки трещат здесь под тяжестью самой большой библиотеки, которую я видел в штаб-квартирах команд. Без преувеличения, тысячи томов тривии, очевидно, собранные не одним коллекционером. Кроме того, я вижу все ежегодные регистры

спортивной статистики начиная с 1960 года. Издания World Almanacs за десятки лет выстроились в ряд на сколоченном наспех стеллаже, подвешенном прямо над дверным проемом. В то время как, согласно последним исследованиям, половина американских домохозяйств в год не покупает ни единой книги, члены Network выполняют книжную норму города среднего размера.

На мониторе одного из компьютеров я замечаю оставленный открытым файл с полной расшифровкой диалогов одной из серий ситкома «Проделки Бивера» 1959 года. Вскоре я осознаю, что именно я увидел. Network каким-то образом раздобыли текстовые файлы с субтитрами телесериалов! То есть фактически они обладают теперь базой данных всех текстов, произнесенных на американском телевидении за последние 50 лет, с возможностью быстрого поиска по ней.

Большая часть одной из стен занята гигантским библиотечным каталогом, от которого когда-то избавился университет, переведя его в электронный формат. Небольшие картотечные ящики теперь заполнены отсортированными по алфавиту фактами тривии, помещенными на стандартные карточки размером 3 x 5 дюймов. Я открываю наугад и пролистываю первый попавшийся ящик. Flea Roast. Flintstones, The. Flood Control Siphons, Longest. Flowertown, USA. Мне трудно себе представить библиотеку, каталог в которой был бы выстроен подобным образом. Однако сам бы я в такую определенно записался.

Компьютерщик Барри Хекк спускается ко мне по лестнице. Барри — душа «нетворкцев». Это в доме его родителей мы сейчас находимся. Сегодня с утра ему удалось урвать несколько часов сна, и его голубой махровый халат и прическа а-ля Билл Гейтс прекрасно дополняют тихую и слегка задумчивую манеру речи.

Я делюсь с ним своим ностальгическим ощущением, будто попал в родительский дом своего детства с его пыльными словарями, сданными в утиль, наверное, уже везде, кроме этого небольшого городка. Барри тоже настроен на ностальгический лад. «По нашему дому можно проследить всю историю тривии», — говорит он. В эпоху «Гугла» эти книги для игроков в тривию становятся эквивалентом маслобен или стиральных машин с ручным приводом.

Чем дольше я общаюсь с Барри, тем более элегическим становится его настрой. Его непослушные черные брови двигаются вверх-вниз в такт его стараниям донести до меня истинное значение турнира для его команды и лично для него. «Мы ведем отсчет времени не от Рождества до Рождества или от дня рождения до дня рождения, а от тривии до тривии». Конкурс для них — главное событие года, некая константа, вокруг которой вращаются их жизни. Но несмотря на это Барри предсказывает скорый закат своей команды.

Причиной тому может стать стечение нескольких обстоятельств. У нескольких игроков, таких как сам Барри, есть жены, которые неодобрительно относятся к тривии. Другие, такие как Рей, разочарованы тем, что в эпоху интернета в вопросах с каждым годом все реже встречаются по-настоящему интересные факты. «Вопросы представляют для меня все меньший и меньший интерес. В особенности те, источником для которых служат надписи на продуктовых упаковках. Каков третий по счету ингредиент, упомянутый на обертке шоколадного батончика Milky Way? Скажите на милость, кому это может быть интересно?!»

Еще один член команды, Джим Ньюман, прилетел специально из Лос-Анджелеса, где он режиссирует современную сценическую версию старой телеигры What's my line? У него уже нет былой выносливости. «Заниматься этим на протяжении 54 часов достаточно трудно, особенно если делаешь это каждый год».

«После больше чем четверти века и 16 первых мест мы ощущаем себя реликтами, пережитком прошлого, — с грустью признаётся Барри. — Но сдаваться все равно неохота. Даже если игра не оставит большого следа в памяти, любое поражение дается нам нелегко».

Я рад, что встретил этих ребят. Они настоящие любители и ценители тривии. Мы сравниваем наши впечатления от последних сборников интересных фактов и оказываемся согласны по всем пунктам — например, мы все считаем новую антологию вымышленных рок-групп совершенно незаменимой книгой... Что касается нынешнего турнира, то, даже видя все его изъяны, высосанные из пальца вопросы, нездоровую одержимость участников, «нетворкцы» все равно от него в восторге. В конце концов, конкурс создал их маленькую команду-семью, заложил традиции, как,

например, домашние донатсы воскресным утром. Он заставляет их из года в год каждый апрель приезжать в центральный Висконсин с грузом новых впечатлений, новых книг и новых детей. Это дом.

Пока я разговаривал с Барри, Эрл реквизировал себе компьютер. Оказалось, он успел влюбить в себя «нетворкцев» тем, что нашел список эпизодов старого сериала Tailspin Tommy и помог ответить на трудный вопрос, открывающий 47-й час игры. «Смерть под контролем». «Звоните!» Теперь Эрл до кучи становится еще и почетным членом команды Network.

«Посмотри на себя. Тебе пора носить на шее табличку: “Гуглю за еду”», — говорю я.

«Да, я тривиальная шлюха», — каламбурит он, не отрывая глаз от экрана.

«Ты вообще собираешься ехать? Ключи от машины на столе».

«Я тебя потом догоню».

Мне казалось, что я запомнил путь на радиостанцию, однако пара неправильных поворотов заставила меня поблуждать немного, прежде чем удалось вырулить на правильную дорогу. Наступают последние часы радиофестиваля тривии, которая звучит в магнитоле взятого напрокат автомобиля, и кажется, я готов сдаться и выключить радио. Вот «только еще один вопросик»... Ага. Вчера Крис Вайза пыталась объяснить мне причины широкой популярности и притягательности мероприятия. «Все, что здесь происходит, — это глупость, небывальщина, горячечный бред. Если ты еще этого не заметил, мы тут все извращенцы». Может, и так. Но в таком случае должен признаться, что такого рода извращение по мне.

Конечно, тривия с возможностью пользоваться «Гуглом», DVD и громадными каталогами шпаргалок становится какой-то другой игрой. Но теперь критиковать ее правила мне кажется уже не вполне разумным. Это все равно что критиковать баскетбол за отсутствие в нем аутфилда (внешнее поле в бейсболе). Вынужден признать, что в моем представлении тривия — это нечто элитарное. Напротив, в Стивенс-Пойнте Джим Олива изобрел предельно народную игру, в которую вся семья, все родственники играют вместе. В ней в равной мере представлены люди, которых всегда недостает на других площадках тривии, — женщины, дети и старики. При этом значимые для меня

понятия в командах, которые мне довелось наблюдать, остаются без изменения — чувство товарищества, рождающееся при взаимном обмене знаниями, редкие восклицания «Ух ты! Я этого не знал!», моменты открытия чего-то нового, головокружительное волнение от рождения правильного ответа на последней секунде.

Колеса «Альтимы» уносят меня в теплоту ночи. Снова и снова я проезжаю мимо окон, осиянных светом тривии, откуда доносятся радостные крики людей, взявших очередной вопрос. Тривия слышится и из едущих по соседству автомобилей. Кажется, каждый житель города сейчас играет в тривию.

«В какой торговой сети продаются наборы инструментов Craftsman?»⁷

«Подпись какого бейсболиста украшала биты, которой Венди Торренс била мужа в фильме “Сияние”?»⁸

«В какой телевизионной игре был раунд под названием “Золотое попури”?»⁹

«Реклама каких конфет предлагает “попробовать радугу на вкус”?»¹⁰

Трижды повторяемые вопросы и постоянный рефрен «Звонки сделаны. Звонки больше не принимаются!» своим привычным знакомым размеренным ритмом напоминают католическую литанию, и я под нее релаксирую. Перед началом 51-го часа у Network комфортное преимущество, и все говорит о том, что сегодня они завоюют свой 17-й титул. Скоро наступит понедельник, и Стивенс-Пойнт фактически вымрет. Тысячи горожан впадут в спячку и проведут целый год в безвременье и в ожидании следующего пика. Но сейчас конкурс в разгаре. Восемь вопросов в час, потом еще, еще и еще выплевывают радиоприемники в собравшихся перед ними слушателей этой ночью.

ОТВЕТЫ

1 Отцом Супермена был **Джор-Эл**, ученый с планеты Криптон.

2 **ВОПР** (War Operation Plan and Response) — такое происходящее от бургера (воппера) имя носил военный суперкомпьютер в фильме «Войнушка».

- 3 **Спамвилль** — такое название в 1942 году получила секретная американская военная база благодаря консервам (SPAM — Spiced Ham).
- 4 Второе имя Джимми Нейтрона — **Исаак**. (Намек на Ньютона.
Прим. пер.)
- 5 Эвелин Малрэй **каталась на лошади** (поэтому она разгорячилась и вспотела) как раз перед тем, как встретить Джейка Гиттеса в первый раз по сюжету фильма «Китайский квартал».
- 6 Бородавочника из диснеевского мультфильма «Король Лев» звали **Пумба**.
- 7 Наборы инструментов Craftsman продаются в торговой сети **Sears**.
- 8 Бейсбольную битку, которой Венди Торренс била мужа в фильме «Сияние», украшала подпись **Карла Ястржемски**.
- 9 В «Угадай мелодию» был раунд под названием **«Золотое попури»**.
- 10 Реклама Skittles предлагает **«попробовать радугу на вкус»**.

Глава XIV

Что такое признание?

На последних съемках Jeopardy! перед летними каникулами на парковке студии я обнаруживаю знакомое лицо. Ник Мейер, вечный студент-математик из Беркли. В дни моей игровой юности он был завсегдатаем Кубков по викторинам восточного побережья. Для телевизионного выступления вечный диковатый помпон из собственных волос, венчавший его прическу, был аккуратно срезан, и я с трудом узнал его. Скорее всего, знакомство в прошлом не позволит нам встретиться в эфире шоу. Организаторы не допустят. Так что Ник отправится к Мэтту Брюсу в одинокий лимб^[62] мира Jeopardy!

Во время дневного перерыва на ланч в тоскливом кафетерии студии Sony я рассказываю Нику о том, насколько сюрреалистичной стала моя жизнь в последнее время из-за необходимости держать все в тайне и вести двойную игру.

«Это отличная история, — говорит он, — не забудь пересказать ее потом в эфире Леттерману».

«Леттерману? Ты прикалываешься надо мной? Еще ни один американец не стал знаменитым лишь благодаря победе в телевикторине. Во всяком случае, с того времени, когда две жвачки можно было купить на один пенни».

Ник смотрит на меня со странной кривоватой улыбочкой, как будто он знает что-то, чего не знаю я. «Поживем — увидим», — коротко бросает он в ответ.

Наконец через месяц в эфир выходит первая программа с моим участием. По этому поводу на работе организована большая вечеринка. Мои друзья и члены семьи уже раскачиваются на стульях в ожидании момента, когда огласят мой ответ про Мэрион Джонс. Незадолго до этого я испытываю на собственной шкуре дрожь от того, что вижу на большом экране свое идиотское лицо и слышу визгливый голос. Моей телевизионной карьере всего 12 минут, а экранный Кен Дженнингс уже вызывает у меня отвращение.

И все же я испытываю облегчение, от того, что могу наконец открыто рассказывать всем о своем опыте участия хотя бы в одной из 48 отснятых игр, которую показали. По прошествии нескольких недель начинаются телефонные звонки. Сначала от местных газет и телеканалов, затем из общенациональных журналов и телешоу. Но Jeopardy! не хочет большой публичности раньше времени, поэтому продюсеры пока запрещают мне общаться со СМИ, и я никак не могу удовлетворить любопытство отчаянных гостевых редакторов Джимми Киммела^[63], вне зависимости от того, сколько раз на дню они мне называют.

Как мы и договаривались год назад на заправке, я оплачиваю Эрлу его расходы на поездку вместе со мной на отбор в Jeopardy! «Ты знаешь, — игриво замечает он, — я рассказал нескольким коллегам по работе, что мы с тобой вместе ездили отбираться, и все в один голос говорят, что ты должен поделиться со мной выигрышем».

Мы оба весело смеемся, однако, как говорится, в каждой шутке есть доля правды. На мой взгляд, на отборе Эрл выступил лучше меня. Это он должен был получить заветный звонок и снискать славу в мире телевизионных игр, а не я. Как Пит Бест^[64] в истории с Beatles, как Бадди Эбсен, вынужденный отказаться от роли Железного Дровосека в «Волшебнике страны Оз» из-за аллергии на яркий грим персонажа, как Майкл Коллинз, который грыз ногти на лунной орбите, в то время как его коллеги Нил и Базз прогуливались по луне, Эрл должен ощущать, что был невероятно близок к глянцевой истории успеха. Но упустил свой шанс.

На следующий месяц, к моему изумлению, мои победы в Jeopardy! стали притчей во языцех по всей стране. Сарафанное радио работало с невероятной скоростью. Внезапно в любом офисе, блоге и просто случайной компании люди, помимо прочего, стали обсуждать вчерашнюю Jeopardy!. В последний раз я такое видел в шестом классе. Еще месяц назад те же люди могли отреагировать: «Jeopardy!? Она все еще идет по телевизору?» Но теперь рейтинги шоу подскочили до 25%. Дилан, который и так был фанатом программы, теперь относится ко мне с почти религиозным почитанием, так что начал называть меня Кен Дженнингс вместо папа.

Когда выигрыш в середине июля преодолел отметку в \$1 млн, Jeopardy! перестала кокетливо играть в молчанку с прессой и дала добро на мое с ней общение. Началась настоящая пиар-оргия. Я принял участие во всех утренних шоу, о которых когда-либо слышал, и даже в тех, о которых до того ничего не знал. Не говоря о том, что мое имя было упомянуто на главной странице в газете USA Today и в эссе на последней странице журнала Time. По оценке язвительных New York Times, я — «самый неприятный тип за всю историю телевикторин». (Неужели хуже, чем Чарльз Нельсон Рейли^[65], молча спрашиваю я себя, рыдая ночью лицом в подушку.) Предсказание Ника Мейера вскоре сбывается. В течение десяти дней я становлюсь гостем вечерних шоу Лено и Леттермана.

Ажиотаж не спадает. Меня называют персоной недели в World News Tonight Питера Дженнингса и одним из десяти «Самых выдающихся людей» 2004 года, по версии Барбары Уолтерс (похоже, год выдался так себе). Когда меня попросили сняться в одном из эпизодов «Улицы Сезам», сбылась еще одна детская мечта — мы с Гровером^[66] послушно расписывали все достоинства употребления в пищу свежих фруктов. Я становлюсь главным героем традиционного шуточного постера-вкладки на задней обложке журнала Mad. Я увлекся новым для себя занятием — эгосерфингом. Прекратил я эту практику только тогда, когда количество упоминаний моего имени в сети перевалило за 50 тысяч. Надоело. «Завязке» способствовал и тот факт, что Минди обнаружила несколько фанатских сайтов, заведенных в интернете моими новоявленными юными поклонницами.

Некоторые формы оказания внимания довольно причудливы. Я польщен, но в большей степени все же смущен, когда наталкиваюсь в сети на чьи-то эротические «слэш»-фантазии Дженнингс / Требек (слэш — это вид фанфиков по мотивам известных произведений, в которых описываются гомосексуальные отношения персонажей, например Кирка / Спока, Фродо / Сэма, а также реально существующих личностей). Некие озабоченные в большей степени политикой граждане изготовили и стали приклеивать к бамперам машин стикеры Дженнингс / Требек '04. Похоже, в Конгрессе кто-то это заметил, потому что мне звонили два парламентария и на полном

серьезе спрашивали, правда ли, что я собираюсь баллотироваться в Сенат. Рекламный художник из Солт-Лейк-Сити Кен Р. Дженнингс, который имел несчастье указать свой телефон в справочнике «Желтые страницы», замучился от бесконечного потока посылок, писем от сумасшедших и телефонных звонков посреди ночи.

«Алло, это Кен Дженнингс?»

«Нет. Его нет. Он сбежал вместе с Ванной Уайт»^[67], — однажды ответил он одному из ночных поклонников, обрывающих телефон.

Вихрь внезапно свалившейся славы одурманивает меня. Я в очередной раз недооценил чудовищную силу и привлекательность тривии, которая снова и снова с определенной периодичностью переживает всплески популярности. Сегодня на гребне этой волны очутился я. По натуре я человек довольно тихий, непубличный, и мне непросто привыкнуть к тому, что я повсюду привлекаю к себе пристальные взгляды, к просьбам дать автограф или со мной сфотографироваться, к тому, что незнакомцы повсюду тычут пальцами, выкрикивая мое имя (особенно если считать таковым «Чувак из Jeopardy!» или «Эй, Jeopardy!»). Jeopardy! транслируют ранним вечером, когда большинство работающих людей еще не вернулись домой, поэтому целевая аудитория программы — люди около 70 и за 70. У внимательных зрителей такая демографическая картинка не должна вызывать удивление — большая часть рекламного времени в программе отдана клею для зубных протезов, подгузникам для стариков, рецептурным лекарствам и тому подобному. В результате мои походы в супермаркет зачастую затягиваются благодаря встречам с чудесными скрюченными бабулями, мечтающими рассказать мне какой-нибудь особенно длинный и «увлекательный» случай из своей жизни. С детьми веселее — они робко глазеют снизу вверх в то время, как хвастливая мамаша уверяет меня, что ее маленький гений теперь старается усерднее заниматься в школе, чтобы когда-нибудь стать таким же великим и непобедимым чемпионом в Jeopardy!. Я по-настоящему тронут тем, что моя юношеская одержимость Jeopardy! еще жива среди интересующихся математикой и не особенно физически одаренных представителей подрастающего поколения. Будущее тривии в надежных руках!

Помимо впечатляющей возможности заглянуть за кулисы больших медиа и временного статуса супергероя у подростков, третьим важным пунктом моей «звездной» программы становится встреча со знаменитыми чемпионами телеигр прошлого. Мне было шесть лет от роду в 1980-м, когда Том Макки провел рекордную серию из 43 игр в телешоу Tic Tac Dough. Том был мечтой телевизионного продюсера: красавец-мужчина, пилот военно-морской авиации с тонкими светлыми волосами и пронзительными голубыми глазами, к тому же недавно женившийся на миловидной девушке. По счастливому совпадению он был еще и отличным игроком в тривию, заработавшим за два месяца эфиров призов и наличных денег больше, чем на \$300 тысяч. Сейчас Том живет в Мэриленде и занимается недвижимостью. Когда они с женой Дженни пригласили нас с Минди поужинать в Вашингтоне, я встретил слегка поседевшего человека, состригшего свои роскошные мужественные усы — привет из 1980-х. Его речь обильно сдобрена ругательствами, вроде «срань господня», что несколько не мешает ему перед трапезой покорно воздавать хвалу Господу. Трапезничаем мы среди неистовой толпы богатеев в стейкхаусе The Palm. Мы с Томом быстро находим общий язык: пока один из нас пересказывает эмоциональные перипетии и траекторию своей победной серии, другой понимающе кивает в ответ. Некоторые тонкости, которых мы касаемся в разговоре, мало кто еще смог бы понять по-настоящему. Самый приятный момент, по словам Тома, состоит в том, что его уже почти десять лет как перестали узнавать на улице.

Рут Горовиц — еще один член нашего маленького клуба. Ее сверхъестественные способности в решении ребусов позволили ей в 1966 году победить в 20 играх подряд проекта Concentration, после чего организаторы вынудили ее уйти непобежденной. Она написала мне из Флориды e-мэйл с интонацией бабушки, поздравляющей внука. Несмотря на прошедшие 40 лет, она живо описала пору своей боевой юности и истории, происходившие с ней во время съемок Concentration: как ведущий Хью Доунс ругал ее за то, что она слишком быстро расщелкивает головоломки, не давая разыграть серьезные призы, как она потеряла десять фунтов в течение двух съемочных недель, как сотрудник Федерального бюро по контролю за

телекоммуникациями отловил ее прямо в дверях дома и заставил разгадывать ребусы, чтобы убедиться, что ее победы не подстроены. Вдобавок к Тому и Рут все звезды Jeopardy! прошлых лет, которыми я восхищался с раннего детства, вышли из небытия и так или иначе проявили себя по отношению ко мне. Мне нравится чувствовать себя частью аристократического братства, сложившегося еще во времена кинескопов. Это простое и понятное желание находиться в одном пантеоне с героями моей юности. Я продолжал втайне ждать того момента, когда затворник Чарльз Ван Дорен почтит меня своим вниманием и, появившись у дверей моего дома, одарит рукопожатием знаменитого чемпиона телеигр. Печально, но этого не произошло.

Я не могу теперь оставаться на публике неузнанным. По этой причине, припарковавшись только что на стоянке бара в Веймуте, немного к югу от Бостона, я пытаюсь применить различные способы маскировки, пока солнце еще не спряталось за деревьями.

«Мы принесли тебе фирменную бейсболку Red Sox, — говорит Черри Марторана. — И вот это! — Она передает мне стопку масок в виде соединенных вместе смешных очков и носов. — Что, перебор?»

Сверху стопки находится нечто под названием Chop Suey Specs, маска с узкими глазами, надев которую я бы, вероятно, нарушил федеральные антидискриминационные законы. «Ух ты! Неужели такие еще производят? — Я слегка шокирован. — Ну, в общем, да. Перебор. Давайте я просто пониже надвину на лоб бейсболку».

«Если кто-то спросит, ты Салли из ирландского квартала».

Бар входит в сеть ресторанов Hajjar's, но, по сути, представляет собой кабак, все еще похваляющийся своим декором, напоминающим о том, что до 1983 года здесь был роллердром. Стены, непонятно зачем выкрашенные попеременно то в светло-красный, то в ядовито-зеленый цвет, скудно украшены безвкусными зеркалами от Miller, Bud и Heineken. По телевизору в углу показывают, как Sox отстают на одно очко от команды Devil Ray, занимающей последнее место в турнирной таблице чемпионата. Мы, то есть Черри, ее родители и я, протискиваемся в узкий закуток с ярко-малиновыми диванами в непосредственной близости от небольшой, расположенной в углу сцены. «Для “Троллей” это счастливые места», — радостно объясняет Черри. «Тролли» — это Черри, ее отец Альберт, мать Сара, брат

Альберт-младший со своей невестой Даниэлой и я, Салли, забившийся поглубже в угол в надежде, что никто не узнает «умника» из Jeopardy!, пополнившего собой список команды сегодня вечером. Во вторник в Najjar's проходит традиционный вечер тривии. И вся толпа набилась сюда специально ради игры.

Тривия в пабах, так же как и рок-н-ролл, — британское изобретение. Подобно Beatles, она зародилась в Ливерпуле примерно в 1959 году. Вдохновленные модой на игровые телешоу, охватившей всю Атлантику, британцы создали тогда первую лигу по игре в викторину в небольшом мерсисайдском городке Бутл, и вскоре играть стал весь север Англии. Однако до Лондона новомодное увлечение дошло лишь в конце 1980-х, когда живые вечера тривии начали заменять тривия-машины, расплодившиеся во время лихорадки, вызванной Trivial Pursuit. Владельцы пабов быстро смекнули, что тривия — безотказный способ заполнить свои заведения, вечно пустующие в будние вечера.

В течение следующего десятилетия вечера тривии стали проводиться то тут, то там и в Штатах, в набирающих тогда популярность ирландских пабах крупных городов. До недавнего времени главными плацдармами паб-тривии в США были Бостон и Сан-Франциско. Однако, потесненная в 1999–2000 годах модой на «Кто хочет стать миллионером?», она перекинулась на университетские городки в центральных реднекских^[68] штатах. Компания Brainstormers, принадлежащая уроженцу Белфаста, ныне живущему в Бей-Эриа Лиаму Макатасни, продает тривию в бары по всей Америке, от Моргантауна в Западной Вирджинии до Миссулы в штате Монтана. Боб Карни из Бостона, который пишет вопросы для игры Stamp! — игры в тривию, которая предстоит мне сегодня в Najjar's, — сравнивает ее с феноменом караоке. Он предвидит, что настанет момент, когда трудно окажется найти бар, в котором не будут играть в тривию. «Конечно, рано или поздно рост замедлится, но сейчас мы как раз на пике».

Черри начала играть в паб-тривию пять лет назад в Сан-Франциско во время работы на компанию, производящую игры. Там же она научилась выговаривать слово saɪ, четко произнося последнюю согласную, в отличие от бостонского saɪh, чем изрядно расстроила

родителей. После возвращения обратно в Бостон она в порядке искупления греха создала команду «Тролли», чтобы иметь повод каждую неделю собирать вместе всю семью. Альберт клянется, что Черри в семье — настоящий пацан. «Она считает себя парнем», — говорит он. Не удивительно, учитывая, что ее, четвертую дочь в семье из шести детей, отец начал таскать на игры Bruins и научил игре в софтбол, отчаявшись родить сына. Но сегодня она совсем не похожа на «пацана». На ней черная футболка с символикой знаменитого бродвейского мюзикла Wicked, короткая джинсовая юбочка и яркий коралловый маникюр. Правда, ее ирландская американская мамаша по имени Сара выглядит еще примечательней в своей пышной кепке стиля «мальчик — разносчик газет» под цвет джинсов, а также ожерельях из искусственного жемчуга и столь же искусственных бриллиантов. На левой линзе ее больших очков с шестиугольными стеклами выгравирована большая буква S. Сара выглядит расслабленной, попивая малиновую «Столичную», однако все уверяют меня, что она, возможно, самый азартный игрок «Троллей».

«Никогда не играй с ней в шаффлборд»^[69], — предупреждает меня Черри, подмигивая отцу.

«Однажды во время игры я сказал ей, что она жульничает. Ей это не понравилось, и она столкнула меня в бассейн», — поясняет мне Альберт.

«А это единственный способ его заткнуть», — парирует Сара.

Вечно притворно ворчащему на всех и саркастически настроенному Альберту (название «Тролли» дано именно в честь его сварливой манеры поведения) десять лет назад принадлежала сеть магазинов мужской одежды, потом он вышел из бизнеса. Его лицо выдает сицилийское происхождение: пепельно-серые волосы, расположенные под острым углом темные брови и мужественный орлиный нос. При этом выбор одежды явно намекает на то, что ее обладатель на пенсии — светло-зеленая шелковая рубашка поверх белых прогулочных шорт. У него громкий голос, но, как объясняет Черри, лишь вследствие проблем со слухом. «Мы много не пьем, но все вокруг всегда думают, что мы упились в стельку из-за того, что отец так громко разговаривает».

Вечные соперники — команда «Тигры» — сидят неподалеку и смотрят бейсбольную трансляцию. У них есть свой громогласный заводила по имени Дейв Блоуэрз. У него дикий взгляд, густая седина и устрашающего вида бежевая рубашка-поло с рукавами и вставкой на животе алого цвета. «Он может еще громче после пары кружек горячительного», — говорит Альберт в полный голос.

Альберт-младший со своей невестой Даниэлой Джусто прибывают без нескольких минут восемь, когда бланки подсчета очков и листочки для сдачи ответов уже розданы. Тут же поспекает и мой бургер с беконом и сыром чеддер, правда, сыр в нем оказывается швейцарский, а бекон и вовсе отсутствует. Альберт-младший тут же приклеивается к телевизору с бейсболом, но Даниэла серьезно настроена именно на тривию. Она всегда соревновалась с отцом на большее количество ответов во время трансляции Jeopardy!. Несколько минут они с Сарой сравнивают свои планы по рассадке гостей и выкройке платьев к предстоящей свадьбе, но, когда начинается игра, Даниэла подбирается, связывает волосы в деловой конский хвост и слушает первый вопрос.

Игра Stump! состоит из четырех раундов, в каждом из которых разыгрывается по четыре вопроса. Между раундами есть еще какое-нибудь специальное оригинальное задание. После первого вопроса («Какой кабельный телеканал, изначально в 1981 году названный Pinweel в честь одной из своих программ, впоследствии сменил название на знакомое всем нам?»¹) четыре минуты звучит песня Роба Томаса Lonely по теге, и на протяжении этого времени мы можем решить, что отвечать. ЭмСи здесь совмещает в себе функции и ведущего, и диджея, переключаясь между вопросами и песнями.

Мы уверенно отвечаем на четыре первых вопроса и переходим к специальному заданию — нужно идентифицировать изображения на картинках. «Тролли» это обожают, считая, что им нет равных в узнавании пород собак, вице-президентов, крупных планов звезд и тому подобного. Сегодня за две песни нам нужно опознать десять актеров и назвать десять разных фильмов, в которых они сыграли роль дьявола (Аль Пачино в «Адвокате дьявола», Макс фон Зюдов в «Необходимых вещах» и т. д.).

Сочинить хорошую тривию — это вам не сушки трескать, и то, что я здесь слышу, мне нравится. Вопросы написаны по свежим фактам, они непростые, но берущиеся. Команды сами решают, сколько очков они готовы поставить на каждый ответ, так что при необходимости каждая может минимизировать потери. Вопросы в «визуальном» раунде содержат некоторые забавные приколы, такие как картинка из мультипликационного фильма (Джеймс Вудс озвучил роль Аида в диснеевском «Геракле») и даже фильм, пока не выпущенный в прокат (Дженнифер Лав Хьюитт в недоснятом ремейке фильма «Дьявол и Дэниел Уэбстер»).

Мы считали, что верно опознали всех дьяволов, поэтому объявление результатов становится для нас шоком. Оказывается, мы на два очка отстаем от команды под названием «Нетронутые жабы». Никто из «Троллей» не знает, кто такие эти Toads, но, судя по их счету, они всего два очка недобрали от максимально возможного результата в раунде. Ясно, что нам нужно проверить связь с великим виртуальным богом тривии.

В следующем раунде мы снова знаем правильные ответы на все четыре вопроса — основатель групп Parliament и Funkadelic², pH нейтральной среды³, птицы, которые каждое лето возвращаются к своим гнездам в Сан Хуан Капистрано⁴. Ответ на последний вопрос дают оба наших представителя старшего поколения, они гордо сияют, пока Черри заполняет ответный бланк. В следующем специальном раунде от нас требуется угадать человека по пяти подсказкам-наводкам. Все подсказки читаются один раз и расположены в порядке от самой сложной к самой простой, как в кубках по викторине. Чем раньше вы поймете, о ком идет речь, и сдадите правильный ответ, тем больше очков заработаете. Однако у вас нет права на ошибку, так что чересчур ранний ответ может оказаться самоубийственным.

Первая подсказка мне ничего не дает. В ней говорится, что загадан актер, родившийся в Рочестере и с отличием окончивший Гарвард в 1967 году. Затем он получил стипендию Фулбрайта и поехал продолжать обучение в Лондон. Вот, собственно, и вся информация.

Черри предполагает, что речь может идти о Томми Ли Джонсе. Однако в результате обсуждения пишет в ответной карточке «Джон

Литгоу». Мы все скептически смотрим на нее, ожидая объяснений. «Ну, я думаю, что он учился в Гарварде», — говорит она.

«Мне кажется, я где-то читал, что он получал грант Фулбрайта», — соглашается Альберт-младший, отрываясь на минуту от бейсбола. Альберт не спешил позволить Даниэле втянуть себя в тривию. «Я думал, что не смогу ответить ни на один вопрос», — признаётся он. Однако сейчас Ал считает себя в этой дисциплине как минимум крепким середняком. В конце концов мы остаемся не уверены в том, что загадан Литгоу, и решаем не рисковать десятью очками, а дожидаться следующей подсказки.

«Среди его ролей судья в фильме 1998 года “Гражданский иск”, основанном на реальных событиях, редактор газеты в триллере 1993 года “Дело о пеликанах”, а также международный террорист в другом триллере того же года “Скалолаз”».

«Святая корова, это и вправду Литгоу!» — шепчу я восхищенно.

Мы видели, что после первой малоинформативной подсказки ответ сдала только одна команда. Но когда после этого вопроса объявили счет, выяснилось, что Intact Toads еще на два очка увеличили свой отрыв от нас — 60:56. Значит, они и были той самой командой. Мы, не сговариваясь, вертим головами, пытаюсь отыскать в зале людей, похожих на игроков Toads. Ими оказываются пятеро неприятных брюзгших личностей, сидящих за три отсека позади нас.

Мы садимся в лужу на следующем вопросе, не зная, что на стикерах, расклеенных по всему миру с подачи стрит-арт художника Шепарда Фейри, был изображен французский рестлер Андре Гигант. После чего приходится хмуро наблюдать за тем, как блондинка в розовом платье из Toads уверенно поднимает руку вверх и сдает ответ своей команды. Зато мы знаем, как зовут единственного участника комик-группы «Монти Пайтон», родившегося в Америке⁵, а также имя немецкого композитора эпохи барокко, который оставался в забвении до XX века, пока его Канон ре мажор не стал настоящим хитом⁶. Я пригодился «Троллям» в первый раз, когда вспомнил имя коня Дон-Кихота, Росинанта, которое, как выяснилось, никто, кроме меня в команде не знал. Затем мы взяли семь из семи заданий специального раунда, в котором требовалось угадать знаменитых людей по

последним предсмертным словам, которые они произнесли. Правда, никто из нас не смог ответить на внезапный вопрос от Черри о том, кому приписывается последняя фраза: «Это была отличная партия в гольф, парни!»⁷

Toads не справились с какими-то из последних слов знаменитостей. При следующем оглашении счет выглядел так: «Тролли» — 90, Intact Toads — 85, «Тигры» — 85. Смена лидера ознаменовалась бурной радостью и взаимными хлопками по спине на нашем диване.

«“Тигры”, мы впереди!» — ликующе завопил Альберт своим главным соперникам.

«Поберегись, не то тигр поднимет на тебя лапу!» — ответили Блоуэры. Сброшенные с пьедестала Intact Toads глядят на нас так же злобно, как еще недавно мы на них. Страсти во время викторин в пабах накаляются не на шутку.

Согласно исследованию 2000 года, каждый десятый британец называет себя викториноманом. Каждую неделю в пабах играют сотни тысяч человек. На родине Мильтона, Милна^[70] и «Миллионера» к тривии относятся серьезно. Скандалы в пабах, связанные с телефонным читерством или зачетом спорных ответов, совмещенные с обильным потреблением пива лагер, нередко приводят к кулачным боям или, как в одном приснопамятном случае, к судебному разбирательству по иску о клевете на £17 500. Так почему же викторины в американских пабах остаются нишевым развлечением, в то время как в Соединенном Королевстве — это практически национальное времяпрепровождение наряду с крикетом, меланхолией и перевариванием пищи?

Возможно, потому что англичане просто умнее нас и больше читают. Достаточно вспомнить, что это народ, для которого церемония вручения Букеровской премии (литературной премии!) — событие национального масштаба, которое транслируется в прайм-тайм по телевизору с большой помпой. В Штатах на такое может рассчитывать разве что музыкальная премия телеканала VH1. Стоит один раз проехаться в лондонском метро, чтобы убедиться, что жители Великобритании читают намного, намного больше своих американских современников, даже если брать в расчет таблоиды, в

которых на каждой третьей странице для привлечения внимания аудитории напечатана фотография обнаженной женщины. Телеигры с вопросами, основанными на настоящем академическом знании, такие как Mastermind, Fifteen to One и University Challenge, десятки лет процветают на английском телевидении, тогда как в США они провалились, и все вернулось на уровень «Колеса Фортуны». Как вы думаете, когда Мадонна захотела выглядеть умнее, с каким акцентом она начала говорить? Бинго.

Это, кстати, касается не только Британских островов. Во всех странах Британского содружества викторины гораздо популярнее, чем в Штатах. Мировая Ночь Тривии, ежегодное канадское благотворительное мероприятие, проходящее в Оттаве в ноябре, собирает около 2500 участников. Это самый большой тривия-ивент в Северной Америке. В австралийском Сиднее около 50 пабов еженедельно проводят вечера тривии, а во всех крупных городах Индии есть внушительные сообщества игроков, ведущие свою историю от Лиги викторин, которая была создана в Хайдарабаде в 1971 году.

Но скорее всего главная причина низкой популярности вечеров тривии в американских барах — отнюдь не более высокий IQ британской тривии, а ошеломляющий успех NTN. Расположенная в городе Карлсбаде в Калифорнии NTN (сокращение от Национальной Телекоммуникационной Сети) поставляет свои интерактивные электронные игры через спутник более чем в 3700 баров и ресторанов по всей Северной Америке. Технология была впервые опробована на спортивном тотализаторе QB1 в 1984 году во время XVIII Суперкубка по американскому футболу. Благодаря ей завсегдатаи спортбаров получили возможность соревноваться между собой в прогнозах относительно победителей будущих матчей. И поначалу викторины использовались в качестве дешевого заполнения пауз между основными спортивными играми. Однако сегодня тривия стала основой сетки программ NTN. Разнообразные викторины занимают там ежедневно около 15 часов вещания. Каждый день зрителями и участниками этих игр становятся больше миллиона человек.

Мы с Минди никогда не играли в тривию по NTN. Солт-Лейк-Сити — не то место, где в пивные бары выстраиваются очереди. Но, в конце

концов, несколько недель назад мы оскорбились, остановившись поужинать в баре с NTN на юге города. Когда мы сообщили распорядительнице, что хотим поиграть в NTN, она посадила нас за угловой столик рядом с телевизором и пошла искать два «Плеймейкера». Оказалось, что так называются специальные пульта-контроллеры, связанные между собой в единую беспроводную сеть по всей стране. Тривия возникает на экране телевизора, и ваша задача — выбрать на «Плеймейкере» правильный ответ. В Countdown, самой популярной игре на NTN, игрокам предлагаются вопросы с несколькими вариантами ответов. На каждый дается 20 секунд. При этом в течение обратного отсчета неправильные ответы постепенно исчезают с экрана. Чем быстрее ты отвечаешь, тем больше очков зарабатываешь.

У более чем миллиона американцев есть свои идентификационные номера в системе Players' Plus. Это означает, что они, как зарегистрированные пользователи, могут зарабатывать баллы не в одиночку, а командой, но у нас с Минди такого номера нет. Мы пишем свои имена, но остаемся анонимными для системы, в том смысле что наши результаты нигде потом не сохранятся.

Вопросы выглядят настолько доступными для широкого круга людей, насколько возможно, но не пересекают границу зоны «скучного детсада». Что было запрещено Восемнадцатой поправкой?⁸ Мелодия какой песни легла в основу музыкальной заставки ситкома *Narrу Days*?⁹ В каком штате США находится национальный парк Гуадалупе-Маунтинс?¹⁰ Ответ на последний вопрос я помню из недавней *Jeopardy!*, где я как раз срезался, отвечая про пик Гуадалупе.

После первых четырех вопросов я могу похвастаться максимально возможным результатом — 4000 очков. Я ощущаю свое превосходство над окружающими, что, признаться, довольно странно для человека, сидящего в пустом ресторане и что есть мочи жмуцего кнопки, отвечая на элементарный вопрос о прославленном альбоме *Depeche Mode Speak & Spell*. Минди сердится, что я не подсказываю ей правильные ответы.

«Кто в оригинале пел песню *When a Man Loves a Woman*? Я понятия не имею».

«Ну, ты можешь угадать с вероятностью одна пятая».

«Да ну тебя! Почему ты не можешь просто мне сказать?»

В конце концов, она выбирает вариант 2, Сэма Кука, и в тот же момент этот вариант исчезает с экрана в типичной для игр NTN манере. «Это не Сэм Кук!»

«Вы знаете, что, пока не истекнут 20 секунд, вы в любой момент можете поменять свой ответ?» — спрашивает юный официант по имени Джаред, который наблюдает за нашей схваткой. Мы не знали и теперь смущены, чувствуя себя профанами в NTN. Минди быстро переключается на вариант 5 — Отиса Реддинга.

«Это не тот Отис, который лифт», — немедленно информирует нас подсказка на экране. Минди морщится.

Мне жаль ее, но она выбывает из гонки за лидерство. Правильный ответ — Перси Следж. После каждого вопроса на экране высвечивается связанный с ним маленький забавный факт. «Помните, что Следж вытеснил из топа чартов Billboard песню Monday Monday?»

«Да откуда я это могу помнить? Мне же не 80 лет!» — отвечает расстроенная Минди.

«Дорогая, ты разговариваешь с экраном».

«О! Смотри, я все равно попала в тройку!»

Это правда. В таблице результатов по нашему ресторану имя Минди стоит на третьем месте. К сожалению, здесь всего три участника. Сейчас мертвый полдень, и время, когда сюда заваливается толпа на бизнес-ланч, еще не наступило. Третий игрок — менеджер ресторана, играющий против нас за барной стойкой. У него, кстати, тоже пристойный результат, лишь на какие-то десятые доли хуже моего. Даже хорошо, что никто вокруг не узнал меня как игрока в Jeopardy!. На меня теперь давит груз того, что я «тот самый умник из телека», и давать в этой ситуации правильные ответы становится сложнее.

После семи вопросов у меня по-прежнему максимальный результат — 7000. Я уже чувствую запах легкой победы, ликующие толпы, признание миллионов, ну, вы знаете... Но тут за столом появляются мои ребрышки и тилапия Минди, прерывая нас как раз перед восьмым вопросом. Я с показным гневом набрасываюсь на Джареда, который не проявил должного такта перед нами и NTN, хотя, сказать по правде, на

этот вопрос я все равно не знал ответа. «Производством какой продукции прославилась компания Zimmer?»

Минди и я вбиваем ответы, а потом сравниваем наши версии. «Я ответил, что это подставки для мячей в гольфе», — сообщаю ей я. Она выбрала вариант «искусственные суставы».

Двадцать секунд спустя Минди ликует. «Ха, ну что, съел?! Это искусственные суставы!»

«Удачно попала».

«Как же, попала. Я хотела тебе подсказать, но ты первый отказался делиться ответами...»

Внезапно я замечаю, что мой контроллер перестал реагировать на сигналы. «Погоди, что с ним случилось? Похоже, я случайно разлогинился. Проклятье!»

На лице Минди нет и тени сочувствия. «Похоже, я сейчас поднимусь на второе место», — злорадно усмехается она. Наконец я догадываюсь, как снова залогиниться, и продолжаю игру. Моими достижениями в ней в итоге оказываются «Плеймейкер», залитый соусом барбекю, и невпечатляющий финальный счет — 11 889 очков. Как сообщается на экране, это 24-е место по стране среди людей, игравших со мной одновременно. Надеюсь, мне не придется встретиться в Jeopardy! ни с одним из тех 23. Кто-то, сидя в Wild Wing Café в Шарлотте, выиграл раунд с почти абсолютным результатом — 14 906 очков, за что получает главный приз... абсолютно ничего. Игроки в NTN рубятся в основном за интерес и чувство собственного величия. Как команда наш маленький стейкхаус окончил борьбу позади T. G. I. Friday's в Тусоне, Fletcher's Pub в Каламазу и еще нескольких сотен заведений.

Нам с Минди не удается как следует вычистить соус из всех уголков и отверстий моего «Плеймейкера», так что приходится оставить Джареду о-очень большие чаевые.

Многие пользователи NTN похожи на нас — обычные игроки, сидящие в одиночестве за барной стойкой или угловым столиком и от нечего делать убивающие время с помощью нескольких раундов тривии. Вопросы отлично идут под пиво с орешками, во всяком случае, в те вечера, когда нет никаких интересных спортивных трансляций.

Но существуют и такие игроки, как Джоэл Судзуки (никнейм в NTN — LILJOL), бизнес-переговорщик в сфере морских перевозок из залива Сан-Франциско. Он выстраивает рабочий график в интересах своего истинного призвания — путешествовать по стране, играя в NTN. Он умудрился поиграть почти в тысяче разных мест, оставляя в интернете отзывы о каждом вроде: «Потенциально может быть 40 игровых мест, однако общий подход администрации заведения к расстановке мебели таков, что под командную игру его приспособить сложно» или «Это первое место в моей жизни, предназначенное специально для открытых геев... Здесь плоховато с освещением и вообще с инфраструктурой (подробности по запросу)». Еще можно вспомнить ветерана NTN-игр из городка Неаполь в штате Флорида, который прислал на канал электронное письмо с просьбой помочь ему решить проблему с личной жизнью. У него была лишь одна маленькая просьба — показать между 20:00 и 20:30 вечера на экране его предложение руки и сердца: «Джейд, ты выйдешь за меня? Я всегда буду любить тебя! — HAQQER». Кроме того, нельзя не упомянуть Кена TENPIN Боулинга из Тампы, который за март 2000 года наиграл 416 часов в надежде заполучить главный приз в объявленном NTN конкурсе на игровую выносливость — два билета туда и обратно в любую точку США. Это около 13 часов в день. К счастью, у Кена в это времени не было никаких занятий. Он убивал время между окончанием колледжа и началом учебы в школе права. Ему понадобился 31 день, 960 унций «Пепси» и 1656 унций пива «Гиннесс», чтобы набрать 7 662 007 очков, обойти конкурентов и получить заслуженный приз. Кстати, билеты свои он использовал, чтобы слетать на очную встречу игроков NTN в Финиксе — ну а на что же еще!

Описанные ребята вместе с другими, играющими не реже одного раза в неделю, составляют ядро аудитории NTN. Большинство из них играют не индивидуально, а тесно сплоченными командами и максимально лояльны к заведению, в котором играют. Они постоянно отслеживают его результаты в рейтингах NTN, которые публикуются на фанатских сайтах. Многие собираются на интернет-форумах, таких как Vad Bart, обсасывают со всех сторон вопросы прошедшей игры и обмениваются колкостями в адрес непримиримых соперников во всех

уголках страны, которых воспринимают как близких знакомых, несмотря на расстояние в тысячи миль.

Каждый из этих «ядерных» фанатов уверен, что только он точно знает, какой должны быть настоящая игра и настоящий игрок в NTN. Они даже придумали небольшой словарь сленговых словечек, которыми можно уничижительно именовать легковесов, не дотягивающих до их высокого уровня. «Занозы» — это игроки, которые настаивают на том, чтобы играть поодиночке, но выпрашивают при этом ответы у всего бара, а сами никому не помогают. «Салатники» или «Молокососы» никогда не заказывают себе пиво в нормальных объемах. Вместо этого они выбирают самую дешевую позицию в меню, делают минимальный заказ, после чего часами сидят с «Плеймейкером», вызывая кислую реакцию официантов и создавая игрокам в NTN репутацию скряг. Но хуже всего «киборги». Так называют игроков, которые таскают с собой в бары справочники, электронные энциклопедии или даже ноутбуки, подключенные к интернету, чтобы улучшить результаты. Такие вещи, как мне объяснили, обесмысливают и обесценивают все то, на чем держится NTN.

Так на чем же, собственно, она держится? Для многих из этих людей подключение к NTN дает ощущение моментальной сопричастности к большому сообществу, независимо от того, где они находятся и куда направляются. Если работа забрасывает их в далекий чужой город, они всегда могут запрыгнуть в такси и провести несколько часов под тусклым светом в компании приятелей по тривии, с которыми никогда раньше не встречались лично, но чьи шестибуквенные ники годами имели перед глазами. «Так ты BBQ GOD? Нет, ты что! Я RRICKY, а это ELDORK! Ну, садись играть». Некоторые, как Кен Боулинг, колесят туда-сюда по стране и участвуют в местных неформальных тусовках в Хьюстоне, Тампе или Вичите, где по выходным десятки фанатов оккупируют какой-нибудь местный ресторан и, к радости владельцев, выводят его на первые места в игровой таблице. Хотя и ненадолго. Фанаты организуют и свой собственный ежегодный турнир — Кубок Маккартни, подготовленный более тщательно и качественно, чем любая из игр NTN. Были в

истории фанатского движения NTN даже два круиза, приуроченных к карнавалу.

Чтобы продемонстрировать тесную сплоченность их сообщества, модератор и руководитель форума Bad Bart Даррен КАОС Гассер, который именуется себя интернет-пастырем, поведал мне историю Кейта MRDATA Конноли, 33-летнего менеджера казино в Вегасе и завсегдатая игр NTN. Парень неожиданно скончался в феврале 2001 года, оставив молодую беременную жену. Доннели благодаря своей мастерской игре стал настоящей легендой NTN. Он умудрялся одновременно играть на десяти «Плеймейкерах», давая разные ответы на вопросы, в которых он не был уверен, и тем самым умело диверсифицировал риски ошибок. NTN-щики по со всей страны были шокированы печальным известием, и в тот же вечер десятки лучших команд решили играть в турнире под его ником MRDATA. В тот вечер в рейтинге лучших игроков один MRDATA следовал за другим, и многие тогда лили слезы и поднимали бокалы в память «друга», которого большинство из них никогда в глаза не видели.

Есть и другие любители, которых в первую очередь привлекает накал соперничества, а не чувство товарищества. Самой престижной игрой в NTN, как уже было сказано, считается Showdown, премиум-игра вторничных вечеров, состоящая из вопросов на знания из любых областей. Есть две команды непримиримых конкурентов, которые чаще всего соревнуются в ней за первое место: это Grand Slam и A&D Roadhouse. Команда Grand Slam состоит в основном из влиятельных вашингтонских юристов, играющих в просторном спортбаре, расположенном в одном из самых шикарных отелей округа Колумбия — Grand Hyatt. В противоположность ему A&D Roadhouse — маленькое старомодное блюзовое местечко с деревянным полом в финансовом квартале Манхэттена. Обе команды могут похвастаться участием в них великих чемпионов телеигр. В состав Roadhouse входит автор детских книг Том Хублер, выигравший полмиллиона долларов в «Кто хочет стать миллионером?». В Grand Slam, в свою очередь, играют пять раз побеждавший в Jeopardy! Дж. Тодор, а также выигрывавший и в Jeopardy!, и в «Миллионере» Рик Гримс. Кроме того, Grand Slam рекрутировали как минимум десять бывших игроков Кубков по викторине, включая капитана чикагской команды Джона

Шеана, признававшегося лучшим игроком страны еще во времена моего студенчества. Удивительно, до чего тесен мир тривии, особенно на ее верхних этажах!

Конечно, с такими составами обе команды ушли от «остального мира» очень далеко — только в нынешнем году каждая обыгрывала всех соперников в Showdown по 13 раз. Для сравнения: третья по силе команда, откуда-то из Манитобы, на сегодняшний день может похвастаться лишь четырьмя победами. Но в отличие от названных суперкоманд, отсматривающих игровые шоу в поисках земляков, которых можно было бы рекрутировать в свой состав, большинство команд NTN несколько отличаются от остального тривия-мира. Главным образом они состоят не из закаленных бойцов Кубка по викторинам и не из дотошных эрудитов-академистов, которые доминируют в Jeopardy!. Даже в очень хороших командах играют обычные граждане: почтенные матроны с массивными серьгами в ушах и миллионом тайн, не помещающихся в сумочках, а также их мужья, голубые воротнички, с роскошными моржовыми усами и пивными животиками. Они больше похожи на завсегдатаев боулинга, чем на «элитный эскадрон смерти» тривии. С одной стороны, NTN мешает развитию живых офлайн-командных викторин, но с другой — напоминает Америке, что тривия может быть интересна для каждого. В конце концов, у любого из нас есть хоть одна область бесполезного знания, в которой мы ориентируемся лучше большинства. Если вы ничего не понимаете в хоккее, не беда — будет вам вопрос по географии, или про Баффи, истребительницу вампиров, или по музыке 1960-х! Ждать недолго, минуточку-другую.

В Najjar's мы с «Троллями» добрались тем временем до финального раунда. Мы укрепили наше преимущество над бывшими лидерами, Intact Toads, доведя его до двенадцати очков. Но за каждый из двух финальных вопросов можно заработать десяти очков. Так что, как и в шахматах, все здесь решает концовка.

«В 1793 году, — зачитывает вопрос ведущий, — французское правительство объявило, что эта мера длины будет равняться одной десятиллионной части расстояния от полюса до экватора».

Как какой-нибудь безумный профессор из кино, я успеваю набросать расчеты на обратной стороне салфетки еще до того, как

ведущий заканчивает читать вопрос. Я никогда прежде не слышал об этом факте, но, может быть, удастся обосновать свою версию «по науке»? Посмотрим. Окружность Земли составляет примерно 25 тысяч миль. Это означает, что кратчайшее расстояние от полюса до экватора будет равняться...

«Вы будете что-нибудь на десерт?» — спрашивает официантка, склонившись надо мною и закрывая головой мои каракули.

«Нет! — рывкаю я, тут же понимая, что без весомых причин почти наорал на бедную женщину, и стараюсь исправить ситуацию. — Эм... нет, благодарю вас».

Я делаю для себя вывод, что ресторанный сервис и тривия плохо совместимы.

«Тролли» все время, пока я считаю, перебирают возможные ответы: «Что бы это ни было, это должно быть примерно равно одной шеститысячной или десятитысячной мили, то есть это похоже на метр или ярд».

«Во Франции используют метры», — уверенно говорит Даниэла. Команда пишет на бумажке «метр» и обсуждает, сколько очков поставить на этот ответ. Я в это время заканчиваю проверку своих вычислений. У меня получился тот же ответ.

Финальный вопрос кажется простым. «Наибольшее число зрителей спортивного соревнования среди женщин было зафиксировано в 1999 году. В каком виде спорта?» Мы все сразу думаем про футбол, поскольку именно тогда Соединенные Штаты принимали у себя женский чемпионат мира. Но не слишком ли это очевидно? Нет ли здесь подвоха?

В итоге мы решаем воспользоваться игровой теорией. «Все будут думать, что это футбол, и, скорее всего, ставить на этот ответ максимально возможные 10 очков, — рассуждаю я. — Значит, чтобы сохранить лидерство, мы должны сделать то же самое».

Ведущий ставит песню Билли Джоэла Second Wind и идет собирать ответы. Затем он подсчитывает финальные результаты.

«Что для вас все-таки главное, что заставляет возвращаться раз за разом в паб и играть в тривию?» — спрашиваю я у «Троллей».

У каждого находится свой ответ на этот вопрос. Матери с отцом важно, чтобы раз в неделю вся семья собиралась вместе. «Нам просто

нравится быть рядом с детьми», — говорит Альберт. Альберт-младший любит конкурентную борьбу. Даниэла считает, что тривия оправдывает деньги, затраченные на образование. «Значительную часть знаний, полученных в университете, я могу использовать только здесь», — говорит она. «Это звучит высокопарно, но мне просто нравится учиться, узнавать что-то новое», — предлагает свой вариант Черри.

ЭмСи заканчивает заносить результаты в таблицу и прочищает горло, чтобы сделать в микрофон важное объявление. «Итак, сегодня с результатом 133 очка нашим победителем становится команда... — следует драматическая пауза, — “Тролли!”»

Оба наших ответа — и про метр, и про футбол — оказались правильными. Мы ликуем и кричим от восторга. «Я не хочу лезть под их мост!» — ревет заметно взволнованный Дейв Блоуерс, прячась за пивной кружкой. Его команда пришла к финишу третьей. Toads обошли их совсем ненамного. Когда ведущий подходит к нам, чтобы вручить приз, я, не желая раскрывать инкогнито, отворачиваюсь, делая вид, что внимательно разглядываю салфетницу. Призом оказывается скидочный купон на \$30 для участия в вечерней тривии здесь же через неделю. Увы, следующую игру мне придется пропустить.

«Приезжай в любое время», — говорит мне Альберт.

Это то, что я больше всего люблю в подобных видах тривии. Командный дух и командная работа. Чувство, что ты служишь общим интересам, когда удается внести свой вклад в результат, как в случае с «метром», «Максом фон Зюдовом» или «Росинантом». Ты не просто беспощадный к соперникам-викторинистам наемник, взгромоздившийся на барный стул или стоящий за подиумом в Jeopardy!. Ты — часть команды.

И приятно, когда сокомандники приветствуют твой вклад в общую победу. Такой вариант признания намного больше греет душу, чем окрики в очереди в супермаркете. Сегодня вечером я не «тот чувак из Jeopardy!». Сегодня я один из «Троллей».

Ответы

- 1 **Nickelodeon** изначально в 1981 году получил название Pinweel в честь одной из своих программ.
- 2 **Джордж Клинтон** основал группы Parliament и Funkadelic.
- 3 рН нейтральной среды равен 7.
- 4 **Ласточки** каждое лето возвращаются к своим гнездам в Сан Хуан Капистрано.
- 5 **Терри Гиллиам** был единственным участником комик-группы «Монти Пайтон», родившимся в Америке.
- 6 О композиторе **Иоганне Пахельбеле** почти никто не вспоминал, пока в 30-е годы XX века его Канон ре-мажор не прославился в качестве музыкального произведения, сопровождающего свадебные церемонии.
- 7 **Бинг Кросби**, как считается, перед смертью произнес: «Это была отличная партия в гольф, парни!»
- 8 **Алкоголь** (точнее, его производство, транспортировка и продажа) был запрещен 18-й поправкой к Конституции США.
- 9 Мелодия песни **Rock Around The Clock** Билла Хейли и Ниса Кометса стала основой для музыкальной заставки ситкома Harry Days.
- 10 Национальный парк Гуадалупе-Маунтинс находится в **Техасе**.

Глава XV

Что такое ниспровержение?

Человеческие существа — удивительные создания, они быстро ко всему привыкают. Например, когда мы в первый раз садимся за руль автомобиля, нас шокирует все вокруг: кнопки и лампочки на приборной панели, езда задом, параллельная парковка, опасность смертельной аварии, которая может поджидать за каждым поворотом. Но уже через несколько месяцев практики даже самые невротичные тинейджеры могут спокойно и без лишних раздумий вести машину на скорости, от которой у любого человека, жившего до 1900 года, случился бы инфаркт. Первые астронавты, ступившие на Луну, почти в религиозном экстазе слагали величественные оды о величии и совершенстве устройства мира, виденного ими из космоса. Однако спустя всего три миссии астронавты уже таскались по этой самой Луне, язвительно подкалывая друг друга на предмет бесконечных образцов камней и грунта, которые NASA заставляла их собирать, и надеялись поскорее отделаться от работы, чтобы поиграть в гольф. Даже самые исключительные и требующие особого подхода ситуации, повторяясь, быстро становятся рутинной.

Точно так же и с Jeopardy!. Для большинства игроков — это аттракцион «Американские горки», погоня за острыми ощущениями, но попробуйте покататься на этом аттракционе месяц подряд! Я стою за подиумом Jeopardy! больше 70 дней, и сейчас это для меня уже приятная, даже комфортная проза жизни. Семьдесят игр! Это на 14 игр больше знаменитой беспроигрышной серии Джо Ди Маджио^[71]. Это на 21 победу больше, чем смог одержать подряд Рокки Марчиано^[72]. Это на 11 выпусков шоу больше, чем все провальные ситкомы, созданные бывшими авторами Seinfeld, вместе взятые! Более того, я стал на полгода завсегдаем гостиных по всей Америке. Это на месяц дольше, чем выпавший из всех сроков Кэмерон снимал «Титаник» (160 дней). Это на два месяца дольше, чем длилась Испано-американская война (113 дней). Это на три месяца дольше продолжительности года на Меркурии (88 дней). Это на пять месяцев дольше, чем девятый

президент США Гаррисон находился в своем кресле (30 дней)¹. За это время даже такая потрясающая и невероятная вещь, как скоростная интеллектуальная игра против самых светлых голов Америки за огромные денежные призы, начала казаться рутиной.

Я не хочу сказать, что каждая игра стала легкой прогулкой. Я не стою за подиумом, лениво посмеиваясь, попивая чаек, разгадывая тут же кроссворд и изредка снисходя до нажатия на кнопку. Нет, это по-прежнему суровые баталии с очень толковыми соперниками, особенно после возвращения Jeopardy! с летних каникул. Я понятия не имею, устраивали ли организаторы программы какое-то закулисное совещание, как в фильме «Шампанское для Цезаря», но всем и так должно быть ясно, что 28 раз подряд видеть в телеигре один и тот же сценарий так же увлекательно, как слушать известного диктора с усыпляющим голосом из эфира Государственной службы радиовещания или смотреть, как художник Афро рисует бесконечные деревья и закаты. Даже Алекса начал раздражать выход ситуации из-под контроля. «Мы вас позвали сюда не как членов фан-клуба Кена Дженнинга, — бросил он на одном из шоу двум моим соперникам с нехарактерным для себя лаконизмом, — подумайте об этом во время рекламной паузы!»

Очевидно, создатели Jeopardy! во время летнего перерыва думали о том, что им предпринять, и с возобновлением съемочного процесса в августе в ежедневное расписание безо всяких объяснений были внесены коррективы. Теперь игрокам начали предоставлять гораздо больше времени на разминку и на то, чтобы освоиться с кнопками. Во время тренировок за пультом управления системой теперь сидел тот же оператор, что и во время реальной игры. Особенно примечательной стала замена за кнопочным пультом главного редактора Jeopardy! Билли Виззе, к чьей манере зажигания лампочки после вопроса я привык (его заменили другим редактором — Райаном Хаасом). Из личных ли предпочтений, неопытности или изменений схемы работы устройства, но теперь время активации кнопок после зачтения текста вопроса изменилось, более того, оно стало варьироваться от вопроса к вопросу.

Теоретически я одобряю такие попытки уравнивать игровое поле, даже несмотря на то что на практике они ведут к искусственному уплотнению результатов — теперь в большем числе игр победитель стал определяться только в финальном раунде. В конце концов, мы знаем, что НБА пошла на увеличение расстояния от точки пробивания штрафных до корзины из-за Джорджа Майкена и Уилта Чемберлена^[73].

А Главная Лига бейсбола уменьшила зону страйка, чтобы помешать таким питчерам, как Боб Гибсон^[74]. Во всяком случае, я в хорошей компании.

Кроме того, я не особенно переживаю из-за возможного поражения. В конце концов, я собирался проиграть в своей самой первой игре. Каждая моя победа начиная с 24 февраля — это лишь розочка на торте. В кремовых розочках как таковых нет ничего плохого, но если кондитер переборщит с ними, то вкус крема забьет вкус основного блюда.

В мой самый первый день на Jeopardy! мне пришла в голову блестящая, как мне тогда показалось, идея — каждую следующую игру писать свое имя на табло подиума в новом стиле. После того как мне пришлось изобразить одни и те же три буквы 70 раз, я глубоко раскаиваюсь в той минутной прихоти. Я сижу в фойе и репетирую — рассеянно пытаюсь вычертить на салфетке имя Кен каким-нибудь новым способом. Готическая скоропись? Азбука Морзе? Староанглийское начертание? В это время одна из моих потенциальных соперниц в ярко-красной блузе плюхается на стул слева от меня и решает представиться. Когда она улыбается, ее изогнутые брови исчезают под ровным, как будто по линейке срезанным шлемом черной челки, делая ее похожей на невероятно приветливого вулканца^[75].

«Привет, Кен! Я Нэнси Зерг».

Возможно, само ее имя, как будто взятое из научной-фантастической космической серии, должно было отозваться тревожным звоночком в моем мозгу. Зерги — раса высокоразвитых инопланетных существ, стремящихся сожрать любого, встретившегося на их пути, в популярной компьютерной стратегии Space Craft. Можно

вспомнить еще и Зурга, заклятого врага популярного детского киногероя². Но никакой опасности я не почувствовал в большой мере из-за ее теплой, открытой манеры общения и хорошего чувства юмора. Во время разговора с ней я обмолвился, что мы с Минди хотели бы потратить часть выигрыша на поездку в Европу, и она тут же засыпала меня советами о том, где найти самые живописные виды в Тоскане и лучшее желе в Риме. Вскоре мы уже непринужденно беседовали.

Первую игру дня я выигрываю, но выигрыш дается мне непросто — как будто у меня кончается завод. Свежеобретенная слава утомляет, съедает кучу времени и быстро теряет свою привлекательность. В этот раз я впервые прилетел в Лос-Анджелес не из дома, а с одной деловой встречи в Торонто. На съемки прибыл прямо с дороги. Еще и Минди не приехала, зато из Юты специально, чтобы посидеть зрителями на съемках, добрались ее дядя и тетя. Я с ними знаком слабо, но, по их собственным словам в пересказе Минди, их родственные чувства ко мне крепили с каждой моей новой победой. Мои родители и родители Минди тоже приехали в студию поболеть за меня.

Участие в медийном освещении своих выступлений в Jeopardy! тоже становится для меня привычной рутинной. Независимо от того, выиграю я или проиграю, зависнуть в Калифорнии придется до конца недели. За это время мне предстоит дать несколько интервью спутниковым каналам, транслирующим Jeopardy! по всей Америке, а также поучаствовать в ток-шоу Эллен Дедженерес^[76]. Короче, дел по горло, и думать о том, что вдобавок ко всему неплохо было бы выиграть еще десять игр, уже некогда.

Наступает время второй игры дня, и Нэнси занимает центральный подиум. Для меня это семьдесят пятая игра подряд. Недавно я выяснил, что рекордная серия Тома Макки из 43 игр в телешоу Tic Tac Dough — это рекорд только для Америки. На международном уровне, похоже, планку установил некий тип из Британии по имени Ян Лиго, которому в 1998 году удалось победить 75 раз подряд в викторине «100 %», после чего организаторы резко выкинули его из игры, представив дело так, будто чемпион решил уйти непобежденным. Победив в этой игре, я могу повторить его рекорд.

«Удачи!» — с улыбкой обращается Нэнси ко мне и игроку за третьим подиумом Дэвиду Хэнкинсу. И это не испуганная вымученная ухмылка, которую с трудом надевали на себя многие мои прежние соперники. Она выглядит бодрой, озорно-веселой и готовой к великим свершениям, как героини Ширли Темпл^[77].

«Я хотел бы поприветствовать наших новичков Нэнси и Дэвида, — говорит Алекс в начале шоу. — Вы знаете, что вам предстоит состязаться с Кеном и нашими вопросами. Честно говоря, уже не знаю, что сложнее».

С самого начала игры, несмотря на авансы от Алекса, я чувствую себя не особенно круто. Я постоянно проигрываю кнопку и сам толком не могу понять, то ли я слишком медлителен и расслаблен, то ли, наоборот, жму слишком быстро и попадаю в фальстарт. Так или иначе, она раз за разом обыгрывает меня на вопросах, которые как будто бы писались специально для меня. «За пост губернатора какого штата боролись в один год Ларри Флинт и Питер Уэберрот?»³ «Кто произнес в 1951 году, обращаясь к Конгрессу: “Сегодня я заканчиваю свою военную карьеру?”»⁴ Лишь простой аукцион с вопросом про единственный штат США, поддержавший Уолтера Мондейла на президентских выборах 1984 года⁵, позволил мне поправить дела. Первый раунд заканчивается моим уверенным перевесом в счете — \$ 10 600 против \$ 4800 у Нэнси. Есть возможность перевести дух.

Второй раунд складывается для меня куда лучше первого. За все его время Нэнси отвечает всего на четыре вопроса, но игра Анни Бойд научила меня, что, пока у соперника в финальном раунде есть хотя бы теоретические шансы, расслабляться нельзя. Памятуя об этом, я пытаюсь сделать все, чтобы финальный раунд стал лишь формальностью и настырная любительница желе отправилась восвояси. Для этого на обоих аукционах раунда я делаю большие ставки — около \$5000 каждая. Теоретически я все делаю правильно, и эта стратегия неоднократно приносила мне успех. Одна проблема. На оба аукционных вопроса я отвечаю неверно.

«В декабре 1944 года войска под командованием генерала Паттона сняли осаду этого городка в бельгийских Арденнах; в начале января немцы вынуждены были отступить»⁶.

Я помню, как в фильме «Паттон» главному герою в исполнении Джорджа Скотта рассказывают о каком-то генерале, который на предложение о сдаче города ответил: «Спятили!» Но название этого города у меня где-то глубоко в пассиве.

«Верден», — выдавливаю я из себя, в конце концов тут же понимая, что перепутал не только город, но и войну!

Затем через два вопроса я снова оптимистично ставлю \$4800 на вопрос из области моды в теме «Смешные шляпы».

«Свое название эта женская шляпка без полей получила от французского слова, означающего “колокол”. По форме и впрямь похоже»⁷.

Я такого названия никогда раньше не слышал. Возьми я хотя бы один из этих двух аукционов, я бы гарантировал себе досрочную победу. Но после обоих вопросов, разбивших меня в пух и прах, перед финальным раундом у меня осталось преимущество лишь в \$4400.

«Финальный вопрос прозвучит для двух наших игроков, — объявляет Алекс, направляясь к игровому табло, — у Дэвида Хэнкинса отрицательная сумма на счету, и мы вынуждены с ним проститься. Тема финального раунда — “Бизнес и промышленность”!»

Я уже попадал в похожую ситуацию, но на этот раз все кажется каким-то сюрреалистичным и неправильным, как будто во сне, где я голый выхожу на уроке отвечать к доске. Подобный небольшой разрыв был у меня с Джулией Лазарус в самой первой игре, но, в отличие от того раза, финальный вопрос будет бить в мое самое слабое место. Я не являюсь читателем Wall Street Journal или Fortune. И я не смогу выиграть игру, не ответив правильно на заключительный вопрос. Положение хуже губернаторского.

«Большинство из 70 тысяч работающих на эту фирму белых воротничков выполняет свою сезонную работу лишь четыре месяца в году, — читает Алекс. — У вас тридцать секунд. Удачи!»

В голове нет ни единой мысли, и я вперяюсь взглядом в текст вопроса и концентрируюсь на слове «сезонная». Речь здесь может идти о каких-то праздниках или летних каникулах. Какие еще бывают сезонные работы?

Едва начинает звучать музыка, озолотившая Мерва Гриффина, я слышу самый страшный звук, который только может услышать человек в моем положении, — поскрипывание светового пера, которым Нэнси записывает свой ответ. *Она знает!* У нее с первой секунды был правильный ответ, а у меня нет никакого. Где-то далеко герой британских викторин, рекордсмен Ян Лиго, может с облегчением выдохнуть.

Я слышу финальные молоточки «мелодии размышления» и уже понимаю, что слышу их здесь в последний раз. Алекс выходит на центр студии.

«Нэнси, я заметил, что вы написали свой ответ довольно быстро. Надеюсь, он окажется правильным».

«Я тоже надеюсь, Алекс!»

«Давайте посмотрим». Я сверлю глазами дыру в мониторе в том месте, где должен высветиться ее ответ. H&R Block. Алекс выдерживает драматическую паузу. «Вы правы».

Ну, конечно. Сезон длиной в четыре месяца, если это не лето и не Рождество, — сезон сдачи и проверки налоговых деклараций. Я осознаю, что это тот тип вопроса, ответ на который могут дать миллионы случайных людей на улице. Я проиграл на унижительно простом вопросе, как Герберт Стемпель, не ответивший про фильм «Марти», и Бюргардт Боттомли, не знавший собственный номер социального страхования. И все же я чувствую облегчение. Я всегда аккуратно платил налоги и никогда даже не задумывался о возможности столкнуться когда-то вплотную с компанией H&R Block. Вопрос был типичной головоломкой, а я сразу в своих размышлениях пошел не в ту сторону. Возможно, мне и нескольких часов не хватило бы, чтобы придумать ответ. Ну, как минимум я не буду пинать себя за то, не взял вопрос, который обязан был брать.

«У вас становится на один доллар больше, чем у Кена Дженнинга, — слова Алекса выводят меня из раздумий. — Его ответ...»

Я улыбаюсь и качаю головой, когда на экране под недоуменный вздох зрителей появляется мой неправильный ответ «FedEx». Откуда-то сзади с трибун я слышу возглас «Нет!», подозрительно напоминающий тембр голоса моих родителей. Хорошо, что они никогда не ходили на мои игры в детской лиге по бейсболу.

«Его ставка \$5601. Он остается на втором месте с результатом \$8799, а мы поздравляем Нэнси Зерг с победой! Ну что же, вы настоящая ниспровергательница гигантов и новая чемпионка Jeopardy!».

Я думал, что спокойно приму поражение, но все же я играл в полную силу, играл на победу, и, когда злосчастный момент наступил, укол разочарования оказался болезненным. Я увидел то, чего раньше, стоя за этим подиумом, никогда не видел — чужое лицо на мониторе с подписью «Победитель». Но минутное чувство быстро смыла так же внезапно накатившаяся волна облегчения. Из-за Jeopardy! моя жизнь в последние месяцы становилась «все страньше и страньше». Я постоянно чувствовал растущее внимание к своей персоне, зная, что это должно закончиться, — но когда? Этот момент мог наступить нескоро, а мог завтра. Неизвестность держала меня в постоянном напряжении. Теперь я знаю конец истории и могу спокойно возвращаться к семье. Может, теперь я перестану быть персонажем народного фольклора и снова стану обычным нердом^[78], каким был всегда. Наконец, как принято говорить на курсах по актерскому мастерству и на программе двенадцати шагов, я достиг катарсиса.

Нэнси по-прежнему стоит в шоке, обеими ладонями закрыв рот. Я заключаю ее в непродолжительные объятия, такой зрелый жест, который призван изобразить что-то вроде: «Ничего страшного, что я проиграл, все в порядке, жизнь продолжается». Краем глаза я замечаю, что вся студия аплодирует стоя. Конечно, с потолка не сыплются конфетти и воздушные шарики, но стоячая овация уже довольно необычный, исключительный случай в работе хорошо отлаженной машины Jeopardy!. Что ж, почему бы и нет? Я думаю, она это заслужила, обыграв чемпиона шести последних месяцев. Кто был бы более достоин? Я поворачиваюсь к Нэнси и тоже начинаю ей хлопать. В тот момент мне и в голову не пришло, что овация может быть в том числе и в мой адрес.

После остановки моторов меня обступают члены телегруппы, которые в первый раз имеют право поприветствовать меня и сказать какие-то слова от себя лично, поскольку с этого момента я уже «бывший игрок». Ланч был в прошлом перерыве, так что теперь к

Нэнси устремляются работники пресс-службы Jeopardy!, чтобы сделать интервью и фотографии для пресс-кита. Она падет жертвой тех же ослепляющих прожекторов медиа, которые в последнее время отвлекали от игры меня, и, не успев как следует восстановиться, проиграет уже в своей следующей игре.

Даже Алекс приходит обратно на сцену в рубашке с закатанными рукавами и приспущенным галстуком. Я наблюдаю за ним с моих десяти лет, то есть уже два десятилетия, но никогда не видел его без пиджака. Из-за этого я смущаюсь и чувствую себя неудобно, как будто случайно застал голым кого-то из родителей.

«Поздравляю, Кен! — говорит он, протягивая мне руку для финального рукопожатия. — Мы все здесь будем по тебе скучать». Я не верю своим глазам. У вечно уверенного в себе, говорящего с металлом в голосе Требека как будто стоит ком в горле, а глаза слегка увлажнились! Подумать только! Оказывается, все эти месяцы старик испытывал ко мне симпатию. Я по-настоящему тронут. И какое счастье, что блогеры, любители слеш-фанфиков Кен / Алекс, этого не видят!

***

Не важно, насколько идиотично твое любимое хобби. Америка изобретет «чемпионат мира» специально для тебя. Так уж мы устроены. Вам нравится туманным утром разбрасывать вокруг пастбища коровьи лепешки? Добро пожаловать в городок Бивер на ежегодный чемпионат мира по метанию коровьих лепешек! (Не уверен, правда, что, скажем, Болгария присылает на мероприятие свою национальную сборную, зато какой-то парень в пикапе мне сообщил, что специально прибыл на него из Вичиты.) Возможно, ваши друзья высмеивали вас и тыкали пальцами, когда вы часами строили пирамидки из пластиковых стаканчиков в школьной столовой? Не беда! Поезжайте в Денвер и позвольте таким же психам, как вы, из Мировой ассоциации спортивного стекинга утереть ваши слезы во время Суперкубка мира по спортивному стекингу^[79]. В Хот-Спрингсе в Арканзасе проводятся международные чемпионаты по поеданию консервированной ветчины. Анкоридж на Аляске недавно стал

принимать у себя Всемирные чемпионаты бород и усов. Подобрать занятие по вкусу может каждый!

То же относится и к большинству так называемых умственных, или интеллектуальных, соревнований (если мы принимаем за аксиому предположение, что может быть что-то интеллектуальнее тихих радостей кидания какашками). Существуют национальные чемпионаты для элиты гиков, к чему бы они ни прикладывали свои усилия. Например, проходящий каждую весну конгресс любителей кроссвордов в Стэмфорде или чемпионат по скоростному решению головоломок с выведенными на электронные доски большими таблицами заданий. Спонсируемая компанией Google специальная сборная США каждый год ездит то в Хорватию, то в Финляндию на чемпионаты мира по скоростному решению головоломок, или пазлспорту. Следить за перипетиями шахматных соревнований или турниров по скреблу можно по телеканалу ESPN. Даже старшеклассники, которые любят решать заковыристые алгебраические задачки, могут безо всяких ограничений потягаться друг с другом за право квалифицироваться на международную математическую олимпиаду. «Джентльмены, обнажите ваши транспортеры... Сходитесь!»

На самом деле мне на ум приходит только одно популярное занятие, задействующее мозг, по которому не проводится чемпионат страны. И это тривия. Я выгляжу ничуть не более странно, чем любой другой парень, пока он не натянул костюм Зеленого фонаря^[80] или не заговорил на клингонском^[81], и я несколько удивлен тому, что именно моя ниша, мое увлечение не удостоилось той же чести, что скребл или кроссворды. Почти каждый американец время от времени сталкивается с вопросами и играет в тривию в любой форме, будь то настольная игра, радиовикторина или спортивная трансляция на гигантских видеозэкранах JumboTron. Не будет преувеличением утверждать, что обычные люди получают больше удовольствия, отвечая на тривию, чем решая геометрические задачи или кидая коровьи лепешки. И все же престижного мирового чемпионата по тривии до сих пор нет.

Возможно, еще и поэтому Jeopardy! играет такую важную роль в мире тривии — это единственный элитарный чемпионат, имеющийся в нашем распоряжении. Во время обучения в университете ты можешь участвовать в национальных чемпионатах по викторинам, которые организуют College Bowl, NAQT или ACF. Но все, что тебе остается после окончания вуза, — это мрачно слоняться по дому, доставая супругу и отпрысков баснями о том, каким бы ты мог быть крутым игроком, как ты однажды назвал все средневековые династии мусульманских правителей, имена всех пяти основателей Зала бейсбольной славы⁸, самую длинную книгу Библии⁹ и самую короткую пьесу Шекспира¹⁰. Неужели теперь это никому не нужно, совсем-совсем никому? Jeopardy! — единственное место, где настоящие тривия-гики могут вкусить заслуженной славы. На удивление хорошо организованное и хорошо финансируемое мероприятие, которое еще и периодически проводит супертурниры для шести своих лучших игроков.

Я постарался вкратце объяснить, почему для меня было так важно попасть на передачу и достичь в ней такого успеха, о котором я даже не мог и мечтать. Для большинства зрителей, даже тех, кто составляет костяк лояльной аудитории, Jeopardy! не так уж важна — развлечение для домохозяек, привычный наполнитель кухонного телевизора, который можно слушать вполуха во время готовки, фоновая картинка в студенческих общежитиях. Но для фанатов тривии это нечто гораздо более серьезное. Это как смесь Мировой футбольной серии с лотереей Powerball^[82], общественный институт, который как бы узаконивает в глазах остальных наше маленькое хобби и большую страсть.

Нет, поражение не разбило мне сердце. Только один из тысячи фанатов тривии получает шанс сыграть на том уровне, которого достиг я. И еще гораздо меньшему числу удается выиграть одну или две игры. При этом я прекрасно понимаю, что я — никакой не супергерой тривии. В каждом Кубке по викторине, в котором я принимал участие, были игроки, которые набирали очков вдвое больше моего. В Jeopardy! были сотни чемпионов, которым приходилось уходить после пяти побед, но, дай каждому из них шанс остаться, они могли бы длить победные серии и устанавливать свои рекорды. В один прекрасный

день я мог бы оказаться под катком любого из них и ничего не смог бы сделать, попади он на «свои» темы и удобный интервал нажатия на кнопку оператором системы. Но так случилось, что именно я оказался в нужное время в нужном месте. Мне повезло.

С другой стороны, у меня была точно такая же история, как у любого другого игрока в Jeopardy!. Одно поражение. Ни больше ни меньше.

На следующий день меня, что называется, накрывает. Не то что «You lost on Jeopardy!». Я уже смирился с этой мыслью. Скорее что-то вроде: «Ты больше никогда не вернешься в Jeopardy!» Для большинства участников передача становится удивительным приключением длиной в половину дня. Но для меня она успела превратиться в образ жизни, за шесть месяцев постоянного участия я к ней привык. До моего сознания доходит, что я не вернусь туда на следующей неделе. Больше не будет шуток Мэгги, и людей, рыскающих в кафетерии Sony в поисках чего-нибудь съестного, и голоса открывающего шоу Джонни Гилберта, который неизменно приводит к выплеску в кровь порции адреналина. Такое щемящее чувство одиночества, как смотреть на друзей, забирающихся в автобус в последний день летнего лагеря.

Из-за обязательств перед разными медиа я вынужден провести в одиночестве в Лос-Анджелесе еще два дня, перебирая в памяти все детали и эпизоды последней игры. Острый нож в сердце. К счастью, родители Минди тоже все еще в городе, и они отвлекают меня от горьких мыслей, усиленно играя в туристов, приехавших посмотреть на битумные озера в районе Ла-Бреа и космический телескоп на горе Вильсона (оказывается, гены нердов есть не только с моей стороны генеалогического древа). Отец Минди хочет взглянуть на парк Гриффита, и я улыбаюсь, вспоминая, что именно этим мы с Эрлом занялись полтора года назад после прохождения тестового отбора на Jeopardy!. Мы поднимаемся по крутому серпантину в горы Санта-Моники, но обсерватория все еще закрыта.

Ответы

- 1 **Уильям Генри Гаррисон** — девятый президент США, просидевший в своем кресле 30 дней и затем скоростижно скончавшийся.
- 2 Зург — заклятый враг космического рейнджера **Базза Лайтера** из «Истории игрушек».
- 3 Ларри Флинт и Питер Уэберрот в один год боролись за пост губернатора **Калифорнии**.
- 4 **Генерал Дуглас Макартур** в конце речи 1951 года, обращенной к Конгрессу, произнес: «Сегодня я заканчиваю свою военную карьеру».
- 5 Единственным штатом США, поддержавшим Уолтера Мондейла на президентских выборах 1984 года, была **Миннесота**.
- 6 Войска под командованием Паттона прорвали блокаду бельгийской **Бастони** 26 декабря 1944 года.
- 7 **Клош** — это женская шляпка, часто без полей, получившая название от французского cloche — «колокол».
- 8 **Тай Кобб, Бэйб Рут, Хонус Вагнер, Кристи Мэтьюсон и Уолтер Джонсон** были пятью основателями и первыми членами Зала бейсбольной славы.
- 9 «**Псалтырь**» — самая длинная книга Библии.
- 10 Самая короткая пьеса Шекспира — «**Комедия ошибок**».

Глава XVI

Что такое переоценка?

Jeopardy! может сколь угодно жестко подавлять свободу слова своих игроков, низводя их в этом отношении до уровня политзаключенных. Но предотвратить утечку информации через зрителей в студии не может никто. Обычно Джонни Гилберт по-доброму просит присутствующих не светить результаты отснятых игр до их выхода в эфир, но никаких бумаг зрители не подписывают, и никаких санкций за разглашение к ним применить нельзя. Поэтому меня совершенно не удивляет, что итоговый счет моей последней игры уже на следующий день оказывается слит в интернет. Новостные агентства тут же подхватывают слух, и вскоре информация появляется бегущей строкой в выпусках новостей CNN и на титульной странице USA Today. Никому и дела нет до того, что они убивают всю интригу телепередачи, которая выйдет в эфир только через три месяца. Дело раскрыто: бутон розы — это детские санки!^[83] Подробности в одиннадцатый.

В результате намеченный заранее день интервью превратился для меня в одно нескончаемое No Comment, так что перед отправлением в аэропорт я чувствую себя раздраженным и измотанным. Такое состояние не самое приятное для светской беседы, однако пожилому таксисту с именем Леонард и непринужденной манерой поведения удается быстро меня разговорить. Вскоре мы уже делимся впечатлениями о работе и о наших отпрысках.

«Давай я расскажу тебе о том, как управляет Господь», — предлагает он как-то совсем некстати, пока мы выкруливаем на прямое шоссе, ведущее к терминалу.

«Когда я учился в старших классах, у меня было видение, знак, который гласил — создай группу. Так что я собрал ребят, а сам научился играть на блок-флейте и флейте пикколо. И неплохо играть, скажу я тебе. Но я никогда не любил носить сценические костюмы. Нет, никогда не любил.

После школы я завербовался в армию и поплыл во Вьетнам. И оказалось, нации важно, чтобы на линии фронта я ходил и собирал окурки. Но однажды я увидел объявление о наборе музыкантов в армейскую группу. Так что остаток службы я провел, играя на флейте для Дяди Сэма. Но ты должен знать, что у армейских музыкантов часто бывают плохие отношения. Наша группа в этом плане была из худших. Когда наконец наступил дембель, я сжег свою форму, все свои зеленые комбинезоны, мать их. И я поклялся Богу. Я сказал: “Боже, до конца своей жизни я никогда больше не буду носить форму”».

Но, как я тебе уже говорил, следующие 30 лет я работал в пожарной охране Лос-Анджелеса. Уходил в звании капитана. Со временем бы дослужился и до начальника, но не смог больше носить форму. Меня от нее просто воротило, и все. Я ушел и объяснил почему. И вот я здесь, вожу лимузины, и этот серый костюм — и есть моя униформа. Дома в шкафу висит еще 14 таких же. Они все одинаковые. Похоже, мне суждено носить форму до конца дней.

Вот в таком загадочном ключе Он и управляет нами. Он показывает тебе твой путь, и ты, конечно, можешь сказать: “Господи, нет, только не это!” и уплыть куда-нибудь в Таршиш, как Иона, чтобы сбежать от Его воли. Но Он рано или поздно догонит тебя, достанет на небе или на земле, и ты ничего не можешь с этим поделать».

Я раздумываю над проповедью Леонарда, сидя у выхода на посадку и вглядываясь в смутно мерцающие за окном огни взлетной полосы. «Давай я расскажу тебе о том, как управляет Господь». У Леонарда вещь, от которой он не смог сбежать, была униформа. Для меня, полагаю, такую же роль сыграла тривия. Однажды я решил для себя, что Знание Всякой Странной Хрени (можете придумать более удачный термин) — это раздражающая окружающих причуда, детская болезнь, и провел годы, делая вид, что мне до нее нет никакого дела.

Победив в Jeopardy!, я исполнил свою самую большую, самую главную, самую несбыточную детскую мечту. Часто ли люди могут похвастаться подобным? Всем остальным заветным мечтам Кена-четвероклассника не суждено было сбыться. (Среди них значились рентгеновское зрение, вертолет с возможностью вылета в открытый космос, Мистер Ти^[84] в гостях на моем дне рождения.) А с Jeopardy!

все получилось. И этого у меня теперь никому не отнять. Было очень приятно возобновить контакты с одноклассниками, поздравлявшими меня после того, как посмотрели игры по телевизору. Было очень приятно подурачиться с Гровером и Большой птицей. Было очень приятно пусть недолго, но способствовать новой волне популярности, казалось, вымирающего вида, американских телевикторин. Было очень приятно, что несколько месяцев в телевизоре находился открыто религиозный человек, который при этом не был (надеюсь!) стереотипным болваном или чокнутым. Ну и, в конце концов, не стоит сбрасывать со счетов сумму в \$2,5 млн, которую я расцениваю как маленькое приятное дополнение к вышеназванному.

Но больше всего я благодарен Jeopardy! за то, что она, в конце концов, вернула меня в лоно тривии. Как игрок тривии я совершил своеобразный каминг-аут по телевизору на глазах десятков миллионов человек. Я больше никогда не смогу тихо притвориться, что не знаю имени басиста какой-нибудь группы или названия какого-нибудь старого фильма с Энджи Дикинсон из тех, что ставят в эфир поздно вечером. Мало того, я больше не хочу притворяться. Я готов в любой компании быть тем самым парнем, который предположительно будет знать Всякую Странную Хрень. Ничто не извиняет навязчивого всезнайства или интеллектуального занудства, но я решил, что знание само по себе — вещь хорошая. На самом деле, это абсолютная ценность. Всегда лучше знать что-то, чем чего-то не знать.

Да, я смирился с живущим внутри меня тривия-гиком. Смирился и принял его. В конце концов, ты не можешь сбежать от самого себя. «Он рано или поздно догонит тебя, достанет на небе или на земле, и ты ничего не можешь с этим поделать».

Следующим вечером я направляюсь по только что достроенной летней веранде к Минди. Она попивает содовую и смотрит, как солнце опускается за крону гигантского ясенелистного клена, растущего на участке наших соседей. Клен этот дарует нашему двору драгоценную тень летом и кучи листьев осенью, которые постоянно приходится убирать граблями. Вопреки нашему проекту, строительство веранды растянулось на все лето, поэтому мы в первый раз можем ею воспользоваться только сейчас, когда дни стали заметно короче.

Спустя год после хаоса и суматохи по поводу эпопеи с Jeopardy! двор кажется благочестиво умиротворенным.

«Кто звонил?» — спрашивает меня Минди.

«Это Эрл. Он покупает билеты на концерт Wilco в ноябре. Спрашивает, взять ли нам?»

«Да, наверное. Он не напоминал тебе снова, что, по мнению всех его друзей, вы должны были поделить твой выигрыш между собой?»

«Кажется, он теперь снова в мире с Jeopardy!. Больше того, он хочет ехать на будущий год в Лос-Анджелес, чтобы снова попробовать свои силы».

Включается уличное освещение, заливая увитые плющом телефонные столбы мягким оранжевым светом. Мои босые ноги еще чувствуют тепло жаркого дня, сохраненное досками свежего настила, но прохладный ветерок уже разгуливает по двору и треплет ветки клена, напоминая о предстоящей осени и листьях, которые надолго засыплют тут все вокруг. Я все еще скучаю по Jeopardy!, но как же хорошо быть дома!

«Ну, что мы будем делать дальше?» — спрашивает Минди, кладя голову мне на плечо.

«Я не знаю. Нужно искупать Дилана. Потом, наверное, надо будет пойти разобрать почту».

В это время Дилан высовывает голову из-за двери кухни, как будто из кабины локомотива, и орет командным голосом «По вагонам!» и «Полный вперед!» — фразы, почерпнутые им у паровозика Томаса. Поначалу меня беспокоила мысль о том, что он может слишком рано приобщиться к тривии и стать нердом, как отец. Но, примирившись с собственной одержимостью, я перестал напрягаться по этому поводу и в отношении Дилана. Он нормальный, здоровый ребенок, просто впитывающий новую информацию, как губка. И ничего плохого в этом нет. В конце концов, мы все живем в перевернутом мире Бизарро^[85], где тинейджеры сходят с ума по гаджетам, где главным книжным бестселлером во всех магазинах стали фэнтезийные истории про мальчика-волшебника и где киноблокбастеры кишат хоббитами, эльфами и супергероями 1960-х в костюмах из спандекса. Теперь не обязательно ехать на конвент по «Звездному пути», чтобы найти себе

подобных. Сегодня почти у каждого есть какое-то особое увлечение, каждый сходит с ума по-своему. Можно выбрать свой собственный культ: одним важнее еда, другим — мода, третьим — «Отчаянные домохозяйки», четвертым — Дэвид Мамет^[86], пятым — выдуманные фантастами виды спорта. Список можно продолжать бесконечно. И поскольку каждый сегодня интересуется той или иной тривией по своей любимой теме, она перестала быть чем-то вроде стигмы. Теперь тривия — это мейнстрим. А нердом быть круто!

Я с удовлетворением наблюдаю за тем, как Дилан, надев на голову собачью миску для воды, управляет своим воображаемым поездом и при этом непрерывно выдавливая в рот одну за другой трубочки вишневой пасты из тюбика, хотя я и не уверен, что это отличительные признаки всякого юного гения. Во всяком случае, в биографии Моцарта про вишневую пасту ничего не сказано.

«Я не спрашивала тебя о том, чем ты собираешься заняться непосредственно сейчас, — говорит Минди, — я имела в виду вообще, что дальше? Что ты собираешься делать всю оставшуюся жизнь, “парень из Jeopardy!”?»

Мне и самому это интересно было бы знать. «Ты помнишь, — начал я издали, — старую “Сумеречную зону” и героя Берджесса Мередита? Он там играет банковского кассира, который, кажется, не прочитал в жизни ни одной книги. Но однажды случается ядерная война и он оказывается единственным выжившим, помнишь? Последний человек на Земле».

«Я ненавижу эту серию. Это когда у него лопаются стекла очков, верно? Он остается совсем один и полностью ослепшим. Это выглядит так несправедливо!»

«Да, но я имею в виду момент до того, как у него разбились очки. Этот человек всю жизнь занимался нудной офисной работой. Внезапно случается чудо, и он может прожить остаток жизни только для себя, занимаясь тем, чем захочет. “Я могу потратить сколько угодно времени на что угодно”. Это то, как я сейчас себя чувствую. Неожиданно освобожденным».

«Ну, хотя бы обошлось без ядерной войны».

«Ну да, достаточно оказалось телеигры. Пожалуй, этот вариант предпочтительней».

«Так что ты собираешься делать со всем временем этого мира? Берджесс Мередит хотел всего лишь прочитать Диккенса. Какие безумные желания обуревают тебя?»

Тут она меня подловила. Честно говоря, я понятия не имею. По меньшей мере, я буду гораздо больше времени уделять семье. Могу снова пойти учиться. Могу писать. Могу снова заняться рисованием. Могу выстроить во дворе из «Лего» точные копии мировых достопримечательностей в уменьшенном масштабе. Мир велик, как всегда говорила нам в детстве мама.

Я вспоминаю, что мне говорил Фред Ворт о выходе на пенсию — у него появилось столько же свободного времени, сколько у Стивена Кинга, 24 часа семь дней в неделю. Ну что ж, я готов вступить в клуб. Не думаю, что буду составлять энциклопедию Голливуда на шесть тысяч страниц, но не удивлюсь, если тривия по-прежнему будет занимать важное место в моей жизни. Не только тривия в виде игры в вопросы и ответы, но тривия в более широком понимании, как познание интересных вещей в самых разных областях, расширение культурного кругозора, любопытство и открытость миру. Постараюсь стать экспертом в тех областях знания, которые мне интересны.

Тут мне в голову приходит важная мысль: «За всеми хлопотами ты не забыла, что в следующий четверг у нас годовщина свадьбы?» — спрашиваю я Минди.

«Не забыла. Четыре года», — мы чокаемся стаканчиками с диетической колой.

«Вчера в самолете я понял одну вещь. Как по-твоему, что в самом начале сблизило нас друг с другом?»

«Ну, ты приставал к моим соседям по комнате, чтобы они нас познакомили, и...»

«Тривия».

«Ты хочешь сказать, что нас свела тривия? Мы разве играли в Trivial Pursuit или что-то подобное?»

«Вначале мы выяснили, что у нас есть кое-что общее. Две вещи. Помнишь?»

Минди берет минуту на размышление. «Что мы оба знали слова всех песен Once Upon a Mattress?»

«Это первая. Ты одолжила мне CD-диск с мюзиклом».

«Ну, знание бродвейских мюзиклов еще не показатель того, что ты увлекаешься тривией. Это может также означать, что ты гей».

Но я продолжаю: «И потом на следующий день после первого свидания мы снова встретились и перебрасывались цитатами из What's up, Doc, помнишь?» Мы оба выросли на засмотренных до дыр видеокассетах с этой эксцентрической комедией 1972 года, так любимой обоими нашими уважаемыми семействами. Когда я в тот день уходил от Минди, она сказала: «Давай не будем говорить: “Прощай!” Скажем друг другу “Au revoir”». «Нет, давай скажем: “Прощай!”» — ответил я на автомате. Тогда мы изумленно уставились друг на друга, поняв, что цитируем один и тот же фильм.

«Любовь с первого взгляда».

«Ну, возможно, мы бы никогда не узнали, что так прекрасно подходим друг другу, если бы не цитировали одни и те же фильмы и песни. Это нам показала именно тривия».

Похоже, я не смог убедить Минди. «Но подобные вещи происходят со всеми людьми. Люди находят какую-нибудь ерунду, о которой оба знают хоть что-то, чтобы было о чем поболтать, пока официант приносит ужин. Тебя послушать, так ни один брак, ни одни отношения, ни одна дружба где бы то ни было не обходится без толчка со стороны тривии».

«Да, именно так я и думаю, — соглашаюсь я. — Ну, за тривию!» Мы снова чокаемся стаканами с содовой, и солнце окончательно скрывается за гигантским кленом.

За сотни лет до того, как я построил себе новую веранду, и даже до того, как я ее заказал в Costco, и даже до того, как я женился на Минди, существовала небольшая кучка энтузиастов, которые, сами не зная почему, никак не могли насытить себя знанием Всякой Странной Хрени. Они отправляли каверзные вопросы в «Афинский Меркурий» в 1690-х и скупали все тома «Неизвестного об известном» Джона Тимбса в 1850-е. В 1920-х они читали мистера Рипли и играли один на один с его книгой «Спросите что-нибудь полегче!». В 1950-х такие же люди собирались вокруг электрических приемников, чтобы наблюдать

за невероятными победами и сокрушительными поражениями участников шоу «Вопрос на \$64 тысячи» и «Двадцать одно». В 1980-е они резались в Trivial Pursuit до того момента, пока не выучивали все вопросы наизусть и не становились недостижимыми для друзей и новых соперников.

Кажется, каждые 20 лет поколения, сменяющие друг друга, переживают новый бум и новое падение интереса к тривии. Я спрашивал у Рея Хэмела, почему тривия всегда возвращается. В ответ он поделился своей теорией: «Тривия занимает людей тогда, когда их экономическое положение стабильно. Людям нужны развлечения. У них есть свободное время, и им приятно чем-то занять свои мозги. Когда же в экономике проблемы, они слишком заняты добыванием куска хлеба, чтобы замечать еще что-то вокруг себя». История показывает, что каждая новая волна массового увлечения тривией наступает сразу после разрешения экономических неурядиц, после окончания кризисов.

Проверив теорию Рея самостоятельно, я должен признать, что в ней есть зерно истины. Успех «Спросите что-нибудь полегче!» пришелся на легкомысленную кульминацию Века Джаза, всего за два года до обрушения финансового рынка и начала Великой депрессии. Пик телевизионных викторин совпал с эпохой послевоенного благополучия в период президентства Эйзенхауэра, а их коллапс — с продолжительной игрой на понижение большинства участников рынка в поздних 1950-х — начале 1960-х годов. Университетская тривия расцвела в пору, предшествующую нефтяному кризису и глобальной рецессии 1973–1974 годов. А популярность Trivial Pursuit склонилась к закату около 1987 года — как раз время «Черного понедельника» — рекордного падения курса акций в течение одного дня за всю историю фондового рынка. Когда в 1999 году «Кто хочет стать миллионером?» сотворила новую сенсацию, интернет-пузырь был уже готов взорваться.

Если возрождение тривии на самом деле связано с экономическими циклами, то волна массового помешательства на этой почве нахлынет вновь, как это всегда происходило. Но сейчас тривия уже стала мейнстримом, феноменом, который незаметно окружает нас каждый день, даже тогда, когда не попадает в заголовки газет. Что есть Век

Информации, как не окончательное и заслуженное установление господства тривии над миром? Возможно, «тривиализация» Америки сделает подрастающее поколение любопытными, умными и культурно развитыми гражданами, способными поддержать разговор о любом предмете, существующем под Солнцем, и тогда тривия спасет мир. Ну, или породит новое поколение лежебок, полных иронически-пренебрежительного отношения к паршивому старому «телеку», зато одержимых самой малозначимой спортивной статистикой и бонусными сценами фильмов на DVD. Время покажет. Но в любом случае тривия уже никуда не денется.

И отныне я — ее часть. Я отыскал святой Грааль любителей тривии — теперь я сам стал ответом на вопрос! Когда-нибудь, спустя десятилетия вопрос из Trivial Pursuit редакции 2000-х годов в категории «Люди и места» может поставить будущих игроков в тупик:

«Кто в 2004 году провел рекордную победную серию длиной в полгода в телевикторине Jeopardy! и выиграл \$2,5 млн?»

Игроки начнут стонать от напряжения и бить себя ладонями по лбу. «Ты помнишь! Это же тот рыжий чувак, то ли из Юты, то ли из Айдахо, то ли еще откуда-то. Нам всегда бабушка летом про него рассказывала, пока мы не сдали ее в дом престарелых. Как бишь его?»

Я такой же ответ на вопрос тривии, как танцор Боб Мэй, который сыграл робота в фильме «Затерянные в космосе», или Уильям Руфус Кинг, который был вице-президентом при Франклине Пирсе всего 45 дней, почти все их проведший на Кубе, умирая от туберкулеза. Я могу оказаться на соседних строчках с психологом Уильямом Мултоном Марстоном, который придумал Чудо-женщину и изобрел детектор лжи, или питчером Элом Даунингом, который провел рекордные 715 хоум-ранов за сезон, уступив лишь установленному в том же году рекорду Хэнка Аарона. Меня могут упомянуть через запятую после Венеции Берни, которая в 11 лет предложила название для только что открытой планеты Плутон, или после Элвуда Эдвардса, чьим голосом сервис AOL сообщает миллионам пользователей, что им пришел e-mail, или после Роберта Опала, который пробежался обнаженным по залу во время оscarовской церемонии 1974 года.

В анналах истории есть куча места, где каждый из нас еще может оставить свой след. Говоря словами Уолта Уитмена, тривия велика

есть! Она включает в себя многое. На самом деле, она включает в себя вообще все.

За это мы ее и любим.

Благодарности

Интересно, единственный ли я человек в мире, который, только приобретя книгу, тут же лезет в раздел с благодарностями от автора? Это странная привычка, и я толком не могу объяснить, почему так поступаю. Наверное, мне нравится вкушать запретный плод, сразу переносясь в конец книги, не рискуя, однако, при этом узнать, чем все закончится. (*Спойлер! Мою победную серию в Jeopardy! прервала Нэнси Зерг в семьдесят пятой игре!*) Но если вы надеетесь встретить на этих страницах какие-то захватывающие метакомментарии или метавыводы относительно книги, то вынужден вас разочаровать. Ничего подобного тут нет. Я не настоящий писатель, хотя не раз сталкивался с такими вещами. Здесь же последует скучная череда абзацев с перечислением людей, о которых вы никогда в жизни не слышали. Тем не менее, если вы думаете, что мне есть за что поблагодарить лично вас, читайте. Остальным здесь ловить нечего.

Когда я начал писать эту книгу, я почти ничего не знал об истории и культуре тривии, поэтому чувствую себя в неоплатном долгу буквально перед сотнями людей из мира тривии, которые согласились дать мне интервью и ответить на вопросы, а также теми, кто подсказывал мне новые направления исследования. Многие из таких интервью описаны в предшествующих главах в явном виде, поэтому нет нужды снова здесь все их перечислять. Однако эта книга не была бы написана без многочисленных фанатов викторин, которые гостеприимно принимали меня, знакомя со своими сообществами. Это авторы тривии всех мастей и разновидностей, игроки Кубка по викторинам в колледжах и университетах, удивительные жители Стивенс-Пойнта, «Тролли» и их соперники по играм в Najjar's, почтовая конференция фанатов NTN Bad Bart и, по меньшей мере, три интернет-форума фанатов игровых телешоу.

Эйлин Курран и Джон Топхэм навели меня на великого в прошлом Джона Тимбса, а Эрик Карен поведал про «Афинский Меркурий».

Мне помогли и зарубежные корреспонденты. Йо Миик из All Out Production прислала мне по электронной почте свою интереснейшую документальную передачу, транслировавшуюся по радио Би-би-си и

посвященную викторинам в пабах. Пол Паке раскрыл глаза на незаметные стороннему наблюдателю особенности канадского мира тривии. Шрирам Шетти поделился своим опытом, связанным с игрой в индийских лигах по викторинам.

Брайан Боам, Джинджер Ферниани, Мэтт Оттингер и Роберт Макилвейн собрали архивный материал, который понадобился мне для реконструкции собственного (иногда с трудом поддающегося воспоминанию) опыта в Jeopardy!. Мэгги Спик из Jeopardy! любезно согласилась ответить на некоторые вопросы, касающиеся закулисы программы, несмотря на то что из-за жесточайшего режима секретности, под соблюдением которого подписываются все, кто там работает, мы с ней лично ни разу не общались.

Также благодарности адресуются Грэгу Халлинану из NTN (после переименования в 2005 году компания называется Buzztime), Джиму Вару из Horn Abbot, автору вопросов Quiz Craze Томасу Делонгу, гуру телеигр Стиву Беверли, изобретателю игр Ричарду Леви и всем остальным, о ком я забыл упомянуть.

Все, к кому я обращался, были чрезвычайно отзывчивы и щедро тратили на меня свое время. Любые ошибки, само собой, остаются на моей, а не на их совести.

Еще больше я благодарен тем, кто давал ценные советы и рекомендации по итогам прочтения первой редакции рукописи: Эрлу Кахилу, Эй Джею Джейкобсу, Натану и Фей Дженнингс, а также Гвин Николь. Мой агент Джуд Лагхи и мой редактор Бен Леннен заслуживают благодарности не только за качественную и профессионально выполненную работу, но и за то, что с самого начала помогали мне определиться с концепцией и структурой книги. Если бы я все делал по-своему, у меня бы получилась стандартная сработанная литературными неграми на скорую руку ради заработка книжица из тех, которые часто выпускают третьеразрядные поп-звезды. Содержание составляли бы невнятные размышления о том, почему толерантность — это хорошо, а загрязнение окружающей среды — плохо. Ну, и приправлено это все было бы какими-нибудь детскими рисунками и праздничными кулинарными рецептами. «Нет уж! — сказали Джуд с Беном. — Напиши-ка нам книгу про тривию, или мы

забираем аванс и уходим». Я согласился, хотя было понятно, что с ней придется попотеть.

Мои родители, Кен и Кэти Дженнингс, меня кормили, поили, одевали и воспитывали почти двадцать лет. Вдобавок они поддерживали меня и помогали во всем, что касается этой книги. Так разве я могу в одном абзаце отблагодарить их за все связанные со мной неприятности и жертвы так, как они заслужили? Наверное, я пошлю им в подарок большую красивую корзину с фруктами. И не какую-нибудь дешевую с арахисом, а дорогую с кешью.

Вспоминая о людях, которые давали мне хлеб и кров и чьи благословенные полы и гостевые диваны я обживал во время экспедиций по следам тривии, хочу сказать спасибо Кэннонам, Фьюкам, Хентцелям, Джонсонам и Томпсонам.

На страницах с благодарностями всегда самое большое место уделяют своим многострадальным женам. Почему так? Писатели забывают про годовщины свадьбы? Или проводят ночи напролет, уставившись в компьютерный монитор, вместо того чтобы идти в постель? Писатели раздражительны, когда очередная глава не получается так, как им хочется? Писатели бьют своих жен? Уверен, что я виновен как минимум по двум пунктам из этого перечня. Так что спасибо тебе, Минди, любовь всей моей жизни. Она, кстати, великолепный корректор, но это самое меньшее из ее многочисленных достоинств.

Кристофер Робин Милн, я полагаю, никогда не простил своего отца за то, что тот обессмертил его наивные игры с игрушечными зверями в книге про Винни-Пуха. Наверняка в школе одноклассники над ним за это постоянно издевались, или было что-то другое в этом духе. В результате я долго думал и сомневался, включать ли в эту книгу упоминания о милых детских выходках Дилана. Но долой сомнения, Дилан! Я разумно рассудил, что эта книга настолько легковесная и посредственная, что к моменту, когда ты пойдешь в школу, ее уже давно не будет в продаже.

И да, сынок, папочка наконец закончил свою книгу. Теперь мы можем поиграть в «Лего».

*Кен Дженнингс
осматривает беспорядок
на рабочем столе
в заснеженной Юте
в январе 2006 года*

- [1] 6 футов 9 дюймов — 2,05 см. *Прим. ред.*
- [2] Джек Керуак (1922–1969) — американский писатель, поэт, новеллист и эссеист, автор знаменитого романа «В дороге», яркий представитель бит-поколения. *Прим. ред.*
- [3] Merchant Ivory — кинокомпания, выпустившая в конце 1980-х и начале 1990-х годов целый ряд эталонных экранизаций произведений английской и американской классики начала XX века. *Прим. ред.*
- [4] 189,6 кг. *Прим. ред.*
- [5] Частный университет под контролем мормонской церкви. Крупнейший в мире религиозный вуз. *Прим. пер.*
- [6] Кэри Грант, настоящее имя Арчибальд Александр Лич (1904–1986) — англо-американский актер, известен главными ролями в бурлескных комедиях и фильмах Альфреда Хичкока. *Прим. ред.*
- [7] Число слов приводится на языке оригинала. *Прим. пер.*
- [8] Речь идет о телешоу Win Ben Stein's Money. *Прим. пер.*
- [9] Криптонит — вымышленное кристаллическое радиоактивное вещество, фигурирующее во Вселенной DC Comics и возникшее в результате разрушения планеты Криптон. *Прим. ред.*
- [10] Американская фигуристка Тоня Максин Хардинг (род. 1970) получила печальную известность после того, как ее бывший муж Джефф Гиллоули с сообщниками напали на ее соперницу Нэнси Керриган на тренировке во время чемпионата США 1994 года. *Прим. ред.*
- [11] Джей Лено (настоящее имя Джеймс Дуглас Муир Лено, род. 1950) — американский комик, лауреат «Эмми», писатель, телеведущий, в том числе и своего телешоу «Сегодня вечером» на канале NBC. *Прим. ред.*

- [12] Лайнус Карл Полинг (1901–1994) — американский химик, кристаллограф, лауреат двух Нобелевских премий: по химии (1954) и премии мира (1962); Питер Корнелис (Пит) Мондриан (1872–1944) — нидерландский художник, один из признанных основоположников абстрактной живописи. *Прим. ред.*
- [13] «Рокки Бальбоа» (также известна как «Рокки-6») — американская драма 2006 года. Автор сценария, режиссер и исполнитель главной роли — Сильвестр Сталлоне. *Прим. ред.*
- [14] Джеймс Эрл Джонс (род. 1931) — американский актер, наиболее известный по озвучиванию Дарта Вейдера в серии фильмов «Звездные войны». Джеймс Эрл Рей (1928–1998) — американец, осужденный за убийство американского борца за гражданские права Мартина Лютера Кинга-мл. Был приговорен судом к 99 годам заключения. Умер в тюрьме в 1998 году. *Прим. ред.*
- [15] Джон Гришем (род. 1955) — американский писатель, автор многих бестселлеров (т. н. юридических триллеров), экранизированных в Голливуде. *Прим. ред.*
- [16] Сайдкар (*англ.* sidecar) — буквально «коляска мотоцикла». *Прим. пер.*
- [17] Эбботт и Костелло — знаменитый американский комедийный дуэт. Бад Эбботт (1895–1974) и Лу Костелло (1908–1959) начали сниматься в кино в начале 1940-х, много выступали на радио и телевидении в 1940-е и 1950-е годы. *Прим. ред.*
- [18] Джерри Ли Льюис — американский певец, пианист, композитор, один из ведущих исполнителей рок-н-ролла. Джимми Свагерт — известный телевизионный проповедник-евангелист. *Прим. ред.*
- [19] Лора Инглз Уайлдер (1867–1957) — американская писательница, автор серии книг для детей «Маленький домик в прериях» о жизни семьи первопроходцев времен освоения Дикого Запада. *Прим. ред.*

- [20] Алгонкинский круглый стол — один из самых влиятельных кружков культурной богемы 20–30-х годов XX века. *Прим. ред.*
- [21] Борис Карлофф — псевдоним британского актера кино и театра Уильяма Генри Пратта (1887–1969); Грейси Аллен (1895–1964) — американская комедийная актриса, получившая всемирную известность после участия в «Шоу Джорджа Бернса и Грейси Аллен»; Джордж Орсон Уэллс (1915–1985) — американский кинорежиссер, актер, сценарист; Синклер Льюис (1885–1951) — американский писатель; первый в США лауреат Нобелевской премии по литературе (1930). *Прим. ред.*
- [22] Мильтон Берл (настоящее имя Мендел Берлингер; 1908–2002) — комик, одна из первых суперзвезд телевидения, «Мистер Телевидение» 1950-х годов. *Прим. ред.*
- [23] На самом деле 1994 года. *Прим. пер.*
- [24] Роман английской писательницы Джордж Элиот (1819–1880) «Мидлмарч» посвящен жизни английской провинции 30-х годов XIX века. *Прим. ред.*
- [25] Один из видов коллегии присяжных заседателей, которая определяет обоснованность и необходимость обвинительного заключения в соответствии с уголовным правом. *Прим. ред.*
- [26] Comic-Con — международный ежегодный фестиваль, проходящий в городе Сан-Диего с 1970 года. Изначально задумывался как выставка комиксов, но со временем включил в себя другие элементы, такие как аниме, манга, литература ужасов, коллекционные карточные игры, видеоигры, фэнтези и научно-фантастические фильмы и литература. *Прим. ред.*
- [27] Дик Кларк (полное имя Ричард Вагстаф Кларк; 1929–2012) — американский предприниматель, ведущий игровых шоу и деятель радио и телевидения. *Прим. ред.*

- [28] Персонаж короткометражного мультфильма производства The Walt Disney Company «Рождественская история Микки» (1983), созданного по мотивам «Рождественской песни» Чарльза Диккенса. *Прим. ред.*
- [29] Джеймс Тиберий Кирк — персонаж научно-фантастического телесериала «Звездный путь: Оригинальный сериал», мультсериала «Звездный путь: Анимационный сериал» и ряда полнометражных фильмов. *Прим. ред.*
- [30] Джозефина «Джой» Виктория Бехар (род. 1942) — американский комик, сценарист, актриса и со-хозяйка ток-шоу The View В 2009 году запустила собственное ток-шоу «Шоу Джой Бехар»; Стар Джонс (род. 1962) — юрист, телеведущая, киноактриса. *Прим. ред.*
- [31] Альберт Брукс (род. 1947) — американский актер, комик, сценарист и кинорежиссер. Рост 5 футов 10 дюймов = 178 см. *Прим. ред.*
- [32] Всемирно знаменитых Иоганнов Штраусов тоже было двое: отец (1804–1849) — австрийский композитор, дирижер, скрипач, и сын (1825–1899), прибавивший к регалиям отца титул «король вальсов». Рихард Штраус (1864–1949) — немецкий композитор эпохи позднего романтизма, выдающийся дирижер. *Прим. ред.*
- [33] Книга Джона Грея «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» (*Men Are from Mars, Women Are from Venus*) вышла в свет в 1992 году, издавалась на многих языках и была бестселлером. Автор исходит из того, что мужчины и женщины настолько различны, что их можно считать выходцами с двух разных планет. *Прим. ред.*
- [34] Рейтинг Нильсена — система измерения количества аудитории телепрограмм в США, созданная компанией Nielsen Media Research. *Прим. ред.*

- [35] Менса (от *лат.* «стол») — крупнейшая организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта. Для вступления в нее необходимо сдать стандартизованные тесты IQ лучше, чем 98 % населения. Имеет национальные филиалы в 50 странах мира. *Прим. ред.*
- [36] Сегвей (сигвей) (*англ.* Segway) — электрический самобалансирующийся самокат с двумя колесами, расположенными по обе стороны от водителя. *Прим. ред.*
- [37] На момент выхода книги. *Прим. пер.*
- [38] Майкл Джеффри Джордан (род. 1963) — прославленный американский баскетболист, бывший игрок НБА. Михаил Барышников (род. 1948) — российский и американский артист балета, балетмейстер. Алиса Бабетт Токлас (1877–1967) — американская писательница. *Прим. ред.*
- [39] Лента Мебиуса — топологический объект, простейшая односторонняя поверхность с краем. Попасть из одной точки этой поверхности в любую другую можно, не пересекая края. Бутылка Клейна — также неориентируемая (односторонняя) поверхность, название которой, по-видимому, происходит от сходства немецких слов *Fläche* (поверхность) и *Flasche* (бутылка). *Прим. ред.*
- [40] Герои популярных телефильмов. *Прим. ред.*
- [41] Лига плюща — ассоциация восьми престижных частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания этих университетов. «Семь сестер» — ассоциация семи старейших и наиболее престижных женских колледжей на восточном побережье США. *Прим. ред.*
- [42] Перевод В. Микушевича. *Прим. пер.*

- [43] Уильям Хаббс Ренквист (1924–2005) — американский юрист и политик, председатель Верховного суда США с 1986 по 2005 год. Томас Джеффри «Том» Хэнкс (род. 1956) — американский актер и продюсер. Уильям Джефферсон «Билл» Клинтон (род. 1946) — 42-й президент США (1993–2001) от Демократической партии. Томас Алва Эдисон (1847–1931) — всемирно известный американский изобретатель, усовершенствовавший телеграф, телефон, киноаппаратуру, разработавший один из первых коммерчески успешных вариантов электрической лампы накаливания и т. д. Майя Энджелу (настоящее имя Маргарет Энн Джонсон, род. 1928) — американская писательница, поэт, драматург, сценарист, автор различных телешоу. *Прим. ред.*
- [44] «Человек-невидимка» — роман Герберта Уэллса, написанный в 1897 году. «Гроздь гнева» — роман Джона Стейнбека, опубликованный в 1939 году. Оба произведения получили всемирную известность. *Прим. ред.*
- [45] Персонажи онлайн-игры. *Прим. ред.*
- [46] Дэвид Кросби (род. 1941) — знаменитый американский музыкант. *Прим. ред.*
- [47] Элдред Грегори Пек (1916–2003) — американский актер, один из наиболее востребованных голливудских звезд 1940–1960-х годов. Ларри Флинт (род. 1942) — американский издатель и глава компании Larry Flynt Publications (LFP). Джеймс Невилл Мэйсон (1909–1984) — английский актер, сценарист и продюсер. *Прим. ред.*
- [48] М*А*S*Н — американский телесериал, в российском прокате «МЭШ», или «Чертова служба в госпитале МЭШ». *Прим. ред.*
- [49] Стокгольмский синдром — парадоксальная реакция привязанности и симпатии, возникающая у жертвы по отношению к агрессору. Получил свое название в связи с захватом банка Kreditbanken в Стокгольме в августе 1973 года. *Прим. ред.*

- [50] Кларк Кент — главный герой сериала «Тайны Смолвиля», обладающий сверхспособностями пришелец с планеты Криптон. Работая репортером в Daily Planet, он тайно борется с преступностью. *Прим. ред.*
- [51] Американский актер, сценарист и продюсер. *Прим. ред.*
- [52] Дэвид Майкл Леттерман (род. 1947) — американский комик, ведущий популярной программы «Вечернее шоу с Дэвидом Леттерманом» на телеканале CBS. *Прим. ред.*
- [53] Любое получение превосходства над остальными путем мошеннических действий. *Прим. ред.*
- [54] Говард Робард Хьюз-младший (1905–1976) — американский промышленник-предприниматель, инженер, пионер и новатор американской авиации, режиссер, кинопродюсер, разносторонне одаренный человек. *Прим. ред.*
- [55] Джон Патрик Макинрой-младший (род. 1959) — американский профессиональный теннисист, бывшая первая ракетка мира. *Прим. ред.*
- [56] Парад Роз традиционно проходит в Пасадене, Калифорния, в первый день нового года. Проводится с 1890 года. *Прим. ред.*
- [57] Персонаж американского ситкома «Сэнфорд и сын» 1970-х годов. *Прим. ред.*
- [58] Анника Соренстам (род. 1970) — знаменитая швейцарская гольфистка. *Прим. ред.*
- [59] Сфера Шварцшильда, или горизонт событий, — одно из свойств черной дыры. Физики дают такое весьма сложное для обычного человека определение: «Это воображаемая граница в пространстве-времени, разделяющая те события (точки пространства-времени), которые можно соединить с событиями на светоподобной (изотропной) бесконечности светоподобными геодезическими линиями (траекториями световых лучей), и те события, которые так соединить нельзя». — *Прим. ред.*

- [60] Сэмюел Боде Миллер (род. 1977) — знаменитый американский горнолыжник, четырехкратный чемпион мира, двукратный обладатель Кубка мира, олимпийский чемпион и четырехкратный призер Олимпийских игр в четырех различных дисциплинах. *Прим. ред.*
- [61] Дарт Вейдер — главный герой киноэпопеи «Звездные войны». *Прим. ред.*
- [62] Лимб (*лат. limbus* — рубеж, край) — в католицизме место пребывания не попавших в рай душ, не совпадающее с адом или чистилищем. В «Божественной комедии» Данте это первый круг ада, где вместе с некрещеными младенцами пребывают добродетельные нехристиане. *Прим. ред.*
- [63] Джеймс Кристиан Киммел, или Джимми Киммел (род. 1967) — американский телеведущий, актер, комик. *Прим. ред.*
- [64] Рэндольф Питер Бест (род. 1941) — британский музыкант и автор песен. Известен как барабанщик группы The Beatles с 1960 по 1962 год. В 1962 году заменен на Ринго Старра. По одной из версий, потому что не признавал общего стиля группы (прическа, одежда и т. д.) и не сошелся характером с другими членами группы. *Прим. ред.*
- [65] Чарльз Нельсон Рейли (род. 1931) — актер, кинорежиссер, сценарист. *Прим. ред.*
- [66] Кукла, персонаж сериала «Улица Сезам». *Прим. пер.*
- [67] Ванна Мари Уайт (род. 1957) — американская актриса. С 1982 года ведущая игрового телешоу «Колесо Фортуны». *Прим. ред.*
- [68] Реднеки (*англ. rednecks* — «красношеие») — жаргонное название жителей глубинки США, вначале преимущественно юга. Свое прозвище получили за характерный загар, приобретаемый при работе в поле. Сейчас означает «невоспитанный, необразованный человек», соответствует русскому деревенщина, быдло, жлоб. *Прим. ред.*

- [69] Шаффлборд (*англ.* shuffleboard, shuffle-board) — игра на размеченном столе или корте с использованием киев или шайб. Распространена в американских пабах. *Прим. ред.*
- [70] Джон Мильтон (1608–1674) — английский поэт, политический деятель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов. Алан Александр Милн (1882–1956) — английский писатель, драматург, автор повестей о Винни-Пухе, который фактически затмил другие его произведения. *Прим. ред.*
- [71] Джозеф Пол «Джо» Ди Маджио (1914–1999) — американский бейсболист, один из самых выдающихся игроков за всю историю бейсбола. *Прим. ред.*
- [72] Рокки Марчиано (настоящее имя Рокко Фрэнсис Маркеджиано, 1923–1969) — американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе (9 / 23 / 1952–11 / 30 / 1956). Единственный боксер тяжеловес с титулом, ни разу не потерпевший поражение на профессиональном ринге в 49 проведенных боях. *Прим. ред.*
- [73] Джордж Лоуренс Майкен-младший (1924–2005) — прославленный профессиональный американский баскетболист. Из-за доминирования Майкена на игровой площадке НБА ввела несколько правил, включая введение лимита времени на атаку, голтендинг (помехи попаданию мяча при блокировании броска не по правилам), увеличение трехсекундной зоны, известное как «правило Майкена». Уилтон Норман «Уилт» Чемберлен (1936–1999) — выдающийся американский баскетболист, игравший на позиции центрового, автор рекорда по количеству очков, заброшенных за одну игру. *Прим. ред.*
- [74] Роберт «Боб» Гибсон (род. 1935) — американский профессиональный бейсболист. За свои достижения в 1981 году был введен в бейсбольный Зал Славы, а в 1999-м включен в команду столетия МЛБ. *Прим. ред.*
- [75] Вулканцы — персонажи телесериала «Звездный путь» (конец 1960-х годов). *Прим. ред.*

- [76] Эллиен Ли Дедженерес (род. 1958) — американская актриса, комедиантка и телеведущая, обладательница одиннадцати премий «Эмми» за «Шоу Эллиен Дедженерес». Ведущая двух церемоний вручения премии «Оскар» (2007, 2014). *Прим. ред.*
- [77] Ширли Темпл (род. 1928) — американская актриса, обладательница «Молодежной награды Академии» за 1934 год (самый молодой лауреат премии «Оскар»). Была одной из самых высокооплачиваемых актрис США во время Великой депрессии. Современными киноведами считается самой популярной детской актрисой всех времен. После завершения актерской карьеры занялась политикой, став видным американским дипломатом. *Прим. ред.*
- [78] Нерд (*англ.* nerd — зануда, ботаник) — интеллекуал-одинокка, интроверт, увлеченный своим делом, не умеющий решать бытовые вопросы. К нердам причисляют многих творческих личностей и весьма успешных предпринимателей в области интернет-бизнеса. *Прим. ред.*
- [79] Суть спорт-стекинга, или спид-стекинга (*англ.* Speed — «скорость», Stacking — «укладка»), заключается в укладке специальных пластиковых стаканчиков в определенных последовательностях и комбинациях за максимально короткое время. *Прим. ред.*
- [80] Зеленый Фонарь — имя множества вымышленных персонажей, супергероев с начала 1940-х годов, появлявшихся в комиксах, издаваемых компанией DC Comics. *Прим. ред.*
- [81] Клингонский язык — искусственный язык, разработанный лингвистом Марком Окрандом по заказу Paramount Studios для одной из инопланетных рас в вымышленной Вселенной культового сериала «Звездный путь». *Прим. ред.*

- [82] Power Ball — это американская лотерея, в которой джекпот, так же как и в других лотереях, делится между игроками, правильно определившими всю выигрышную комбинацию. Лотерея координируется Межштатной лотерейной ассоциацией (MUSL). Участник Power Ball в каждом розыгрыше выбирает пять чисел из 59 (белые шары), а также одно дополнительное число от 1 до 35 (красный шар Power Ball). Минимальный размер приза первой категории — джекпот — составляет \$40 млн и выплачивается в 30 частях в течение последующих 29 лет. *Прим. ред.*
- [83] Отсылка к интриге фильма «Гражданин Кейн». *Прим. пер.*
- [84] Мистер Ти (настоящее имя Лоренс Тьюро) — один из самых узнаваемых чернокожих американских актеров (ирокез на голове и большое количество золотых цепей на теле). Сыграл в десятках кинофильмов, телесериалов и документальных лент, в том числе и в роли самого себя. *Прим. ред.*
- [85] Бизарро — вымышленный персонаж Вселенной комиксов DC Comics. Создан писателем-фантастом Отто Биндером и художником Джорджем Паппом как «зеркальное отражение» Супермена. *Прим. ред.*
- [86] Дэвид Алан Мэмет (род. 1947) — американский драматург, эссеист, киносценарист, кинорежиссер, кинопродюсер и киноактер. *Прим. ред.*

Над книгой работали

Ответственный редактор *Римма Болдинова*

Редактор *Лейла Мамедова*

Дизайн *Андрей Васильев*

Верстка *Алла Еремеева*

Корректоры *Лариса Николина, Наталья Витько*

ООО «Мани, Иванов и Фербер»

mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги

подготовлена компанией Webkniga, 2014

webkniga.ru

Максимально полезные книги от издательства «Манн, Иванов и Фербер»

Если у вас есть замечания и комментарии к содержанию, переводу, редакции и корректуре, то просим написать на be_better@m-i-f.ru, так мы быстрее сможем исправить недочеты.

Наши электронные книги:

<http://www.mann-ivanov-ferber.ru/ebooks/>

Заходите в гости:

<http://www.mann-ivanov-ferber.ru/>

<http://blog.mann-ivanov-ferber.ru/>

<http://www.facebook.com/mifbooks>

<http://vk.com/mifbooks>

<https://twitter.com/mifbooks>

[Дерево знаний](#)

[Предложите нам книгу.](#)

[Ищем правильных коллег](#)

Для корпоративных клиентов:

[Полезные книги в подарок](#)

[Корпоративная библиотека](#)

[Книги ищут поддержку.](#)

Содержание

[Предисловие Максима Поташева](#)

[Предисловие Анатолия Вассермана](#)

[Предисловие автора](#)

[Ответы](#)

[Глава I](#)

[Что такое стремление?](#)

[Ответы](#)

[Глава II](#)

[Что такое отбор?](#)

[Ответы](#)

[Глава III](#)

[Что такое эрудиция?](#)

[Ответы](#)

[Глава IV](#)

[Что такое подготовка?](#)

[Ответы](#)

[Глава V](#)

[Что такое соревнование?](#)

[Ответы](#)

[Глава VI](#)

[Что такое воспламенение?](#)

[Ответы](#)

[Глава VII](#)

[Что такое сочинение?](#)

[Ответы](#)

[Глава VIII](#)

[Что такое реализация?](#)

Ответы

Глава IX

Что такое превращение?

Ответы

Глава X

Что такое познание?

Ответы

Глава XI

Что такое соприкосновение?

Ответы

Глава XII

Что такое повторение?

Ответы

Глава XIII

Что такое традиция?

Ответы

Глава XIV

Что такое признание?

Ответы

Глава XV

Что такое ниспровержение?

Ответы

Глава XVI

Что такое переоценка?

Благодарности